

3
2026

3
(131)

Отчий край

Литературно -
художественный
иллюстрированный
журнал

Литературно -
художественный
иллюстрированный
журнал

Отчий край





Село



Ноябрь



Волгоградская осень

В оформлении 2-й и 3-й сторонок обложки использованы картины члена Союза художников России Вадима ЖУКОВА



Основан в 1994 году В. Б. Смирновым

*Лауреат Всероссийской литературной премии
«Сталинград»,
Государственной премии Волгоградской области,
премии имени Виктора Канунникова*

Отчий край

3⁽¹³¹⁾
2026

Главный редактор
Ольга КРЮЧЕНКОВА

Шеф-редактор
Василий СТРУЖ

Художественный редактор
Вадим ЖУКОВ

Технический редактор
Кадрия ТАШЛАНОВА

Корректор
Валентина КРАВЧЕНКО

Художник обложки
Евгений ГУДИМЕНКО

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Александр ЛЕПЕЩЕНКО,
председатель редакционного совета,
директор ГБУК ВОУНБ имени М. Горького,
член Союза писателей России

Александра ЕРОНОВА,
заведующая отделом «Редакционно-издательский центр»
ГБУК ВОУНБ имени М. Горького

Лариса ТРОПКИНА,
директор лицея № 5 имени Ю. А. Гагарина,
депутат Волгоградской городской Думы

Лариса ЖАРАВИНА,
доктор филологических наук, профессор кафедры
литературы и методики ее преподавания ВГСПУ

Василий СУПРУН,
доктор филологических наук, профессор кафедры
русского языка и методики его преподавания ВГСПУ

Александр МЛЕЧКО,
доктор филологических наук, профессор кафедры
русской филологии и журналистики ВолГУ

Елена ТИШИНА,
кандидат филологических наук,
доцент Московского университета «Синергия»

Ольга НАЗАРОВА,
заведующая сектором краеведения
ГБУК ВОУНБ имени М. Горького

Роман ШКОДА,
кандидат экономических наук, главный редактор
интернет-издания «Царицын.рф»

Александр РОМАШКОВ,
председатель совета ветеранов Волгоградской
областной организации «Союз журналистов России»

Анатолий ЕГИН,
кандидат медицинских наук, заслуженный врач РФ,
член Союза писателей России

Александр КОЛОМЫТКИН,
директор ГБУВО ГАВО

Александр ТКАЧЕНКО,
кандидат политических наук,
почетный член Союза журналистов России

Петр ХАРИТОНЕНКО,
историк, краевед

Людмила ДУДОВА,
кандидат филологических наук, профессор кафедры
ЮНЕСКО РГПУ имени А. И. Герцена

СОДЕРЖАНИЕ

ДИСКУССИЯ

- Светлана ПЕРЕВАЛОВА. Тема Сталинградской битвы
в рассказе Б. П. Екимова «Под высоким крестом» 4

СОВРЕМЕННАЯ КЛАССИКА

- Борис ЕКИМОВ. К тёплому морю 11

ИМЕНА

- Павел БАСИНСКИЙ. Пять лет без Короля 21
Александр БАЛТИН. Позитическая альфа Александра Ерёмченко 24

ПРОЗА

- Александр ПРОХАНОВ. Меченосец 51
Юрий БЫКОВ. Вопреки соцреализму 100
Александр ГОРОХОВ. Собор 135
Дмитрий ВОРОНИН. Граница. *Рассказы* 172
Владимир ГОЛУБЕВ. Деревянный танк 183
Владимир НЕЧАЕВ. Две грозди винограда. *Рассказы* 212

ПОЭЗИЯ

- Александр ЕРЁМЕНКО. Вчерашнее солнце 26
Игорь ВОЛГИН. «Обретаясь в земной круговерти...» 95
Анатолий КИМ. Философские стихи писателя 124
Дмитрий МУРЗИН. «И сердце мается глаголом» 167
ВЕРБА. Лети на свет! 180
Елена ОРЛОВА. «Искусства нам дарованы богами!» 205

ЛИТЕРАТУРА

- Виктор КУЛЛЭ. Мужество травинки. *Памяти Gleba Горбовского* 120

ЮБИЛЕИ

- Елизавета ИВАННИКОВА. «Есть три эпохи у воспоминаний» 129

СКРЕПЫ ИСТОРИИ

- Роман ШКОДА. Красный Верден: Царицын в революции
и Гражданской войне 72
Александр СМИРНОВ. Когда приходишь в «Поиск»,
жизнь только начинается. *Эпизод третий* 242

ЖИВЁМ И ПОМНИМ

- Александр ФОЛИЕВ. Он дрался с врагом, как лев 222

СКРЕПЫ СУДЬБЫ

- Татьяна ФЕДОСЕЕВА. Сталинград: послевоенное детство 227

Светлана ПЕРЕВАЛОВА

Тема Сталинградской битвы в рассказе Б. П. Екимова «Под высоким крестом»

Б. П. Екимов, проблемно-тематически связанный с «деревенской» прозой, подтверждает эту связь, прикасаясь и к теме Великой Отечественной войны, неотделимой от Волгоградской области. Главным героем рассказа «Под высоким крестом» (2005), в центре которого — память о днях Сталинградской битвы, писатель делает «молодого колхозного пастуха»* — в начале 2000-х был «колхоз еще живой» — Ивана Атарщикова. Свое дело — пасти «немалый гурт скота» неподалеку от станицы Голубинской у речки Большая Голубая, протекающей по родному для писателя Калачёвскому району, Иван знает хорошо и добросовестно исполняет со своими добровольными помощниками — двумя собаками: это «легконогий» непоседа «по кличке Тузик и мать его, лохматая Жулька». Хронотоп дороги характеризует не только пространственные, но и временные параметры произведения, действие которого объединяет два временных пласта: погожие сентябрьские дни 2004 года («будущий год юбилейный, шестьдесят лет Победы») и период Сталинградской битвы. «Молодому пастуху... воевать не пришлось», но дни военные он отчетливо представляет по рассказам тех, кто был участником или свидетелем суровых лет. Эти рассказы заставляют живо вспомнить неожиданная

* Здесь и далее цит. по: *Екимов Б. П. Под высоким крестом* // Екимов Б. П. Под высоким крестом: рассказы. Волгоград: Издатель, 2008. С. 158—178.

ПЕРЕВАЛОВА Светлана Валентиновна — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Родилась в 1957 году. Живет в Волгограде. Автор более 80 научных и научно-методических работ. Лауреат литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2021, 2024).

встреча: в «теплый, а на припеке жаркий солнечный день» по «дороге почти неезженной» к пастуху приближаются «...два тоже молодых, крепких мужика в таких привычных теперь пятнистых одеждах: то ли это военная форма, то ли дешево и удобно...».

Эта встреча знаменует собой завязку сюжета, объединяющего основные линии. Первая выявляет проблемы актуальной современности, обусловленные тем, что коренные жители, не выдерживая испытания непродуманными реформами перестройки, покидают исконные казачьи земли, оставляя «молчаливую степь, холмы да курганы, среди которых долго гуляет степное эхо». Вторая сюжетная линия воссоздает события 1942 года, знакомые Ивану прежде всего по воспоминаниям близких. Это прабабушка Анеша, оставшаяся вдовой с тремя детьми и на себе испытывавшая, «какую игу <...> несли» мирные жители Сталинградской области, оказавшиеся под оккупацией фашистов: «Август месяц, самая жара. <...> Бои шли страшные. <...> Немцы пришли, попервах своих хоронили. Потом велели наших прибрать. Клали рядами. <...> А в зиму, когда прогнали немцев», с лихвой — «голода и холода»: «земля чугу-нелая», дети маленькие. «Как галчата, рты разевают: мамочка, исть хотим». Приходилось лазить в снегу, отыскивая ячменные колоски да метёлки проса, чтобы накормить детей чем-то «хлебным». Свое военное детство вспоминал и дед Ивана, спасенный своей многострадальной матерью Анешей: «Танков здесь было подбитых — поля и поля... Мальчишки искали и находили бинокли, зажигалки, фотоаппараты... А порой находили гибель свою или калечились при взрывах». Отец тоже рассказывал, как в детстве находили винтовки, гранаты, мины. «И тоже калечились, гибли... Детвора, любопытные, тем более — мальчишки...» Память о войне закрепляли и школьные уроки: «Учитель истории Прокофий Семенович о Сталинградской битве... знал всё досконально... <...> И теперь многое помнилось из тех школьных лет: „Донской плацдарм“... „танковое сражение под Калачом“. <...> Наши 64, 62, 21-я армии. Танковые — 1-я да 4-я. Три наши дивизии попали в окружение».

Где именно это происходило, по-разному интересует персонажей рассказа. В руках городских приезжих оказывается карта области. Они, представившись участниками группы «Поиск», просят Ивана Атарщикова, у которого на этой земле «всё: детство, молодость, нынешняя жизнь», отметить на карте места захоронения погибших солдат, чтобы перезахоронить их «как полагается: оркестр, памятник, венки». Простодушный пастух соглашается помочь доброму делу, правда, отметив, что память о прошлом его малой родины не слишком интересует незнакомцев, отмахивающихся от рассказов Ивана о достопримечательностях хорошо ему знакомой окрестности: «Нет... Нам другое надо: военные захоронения». Настороженность пастуха усиливает «рыжеперый кобчик» (прирученный Иваном сокол), своим протяжным «ки-ки-ки» словно выражающий недоверие к просьбе приезжих. Один из них раздраженно кричит на птицу: «Замолчи!.. Попка дурак!» В ответ хозяин заступился за своего «речистого» друга: «Он — не дурак... Он сокол...» Не случайно растревожился сокол, с давних времен являющийся «символом мужского благородства и рыцарства, идеального сочетания таких качеств, как храбрость и ум, с силой и красотой»*. Не случайно и пастух заступается

* Похлёбкин В. В. Словарь международных символов и эмблематики. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 429.

за пернатого: Иван тоже «не дурак». Его сомнения в благородстве планов приезжих развеивает учитель истории Прокофий Семенович, объясняя, что привлекает в эти края непрошенных гостей: это «черные копатели», это «волки, они рыщут и рыщут». Вскрывают воинские захоронения — видят, «наши лежат, поживиться нечем», зато «у немцев — золотые зубы да кольца, <...> медальоны для опознания. За них из Германии большие деньги платят. Валютой. За эту валюту они всех мертвых поднимут». Понял Иван, зачем приезжие оставили ему карту местности, — чтобы не напрасно рыскать по степи, а легко найти, чем поживиться, оставляя за собой «горький разор: копаная земля, человеческие кости да черепа», порой встречающиеся на пути его гурта.

Иван и без карты знает все исторические места своего района. Он был подростком, когда на телеге вдвоем с прабабушкой Анешей они объезжали родные края, где «еще живы были окрестные хутора и старые люди... У всех была одна судьба: война, горькое вдовство, малая детвора на руках, голод...». Все вместе «ладили и ставили деревянные кресты» по православному обычаю — в память о погибших за Родину. «Так и двигались от хутора к хутору». Должно быть, не одной Анеше казалось, что наспех захороненные наши бойцы «просят креста», как просит приснившийся ей муж, тоже — Иван Атарщиков, без вести пропавший в районе речки Голубой. Те деревянные кресты, потемневшие, «траченные временем... восьмиконечные, размашистые, видные издали», еще стояли вдоль Голубой, где летом 1942 года шли бои с фашистами.

В ретроспективных эпизодах писатель сохраняет типологию героев русской «деревенской» прозы, которую составляют образы «мудрого старика/старухи», «дитяти», «матери-земли»*. Однако в сегодняшнем мире многое изменилось: ушла из жизни баба Анеша (так называют ее родственники всех поколений, которых она «в свой черед вырастила и вынянчила: детей, потом внуков да правнуков»), вырос и обзавелся своей семьей ее трудолюбивый правнук Иван, в душе которого неизменно сохраняет свою притягательность родная «мать-земля». Правда, лик ее печалит пастуха, с досадой наблюдающего за тем, как оставляют хутора земляки, и теперь округа — «пустая земля, без людей».

Б. П. Екимов, обновляя традиции русской «деревенской» прозы минувшего столетия, учитывает и творческие уроки «лейтенантской» прозы с ее вниманием к внутреннему миру рядового бойца на переднем крае. Главный герой рассматриваемого произведения «армию отслужил, были ученья с танками, вертолетами. И конечно, при форме: сапоги, гимнастерка. <...> Взрывы, стрельба». Отдавая себе отчет в том, что его служба в сравнении со «страшной былью» лета 1942-го в чем-то напоминает игру, он пробует всерьез вжиться в образ своего прадеда, буквально отождествляя себя с ним: «Прадед, тоже Иван... Где-то здесь он погиб, оставив навсегда жену молодую и ребятишек», а дом родной был «рядом, рукой подать». В сознании пастуха воедино сливаются хронологически удаленные события: прадед, «такой же молодой, с такой же душой и сердцем; гимнастерка, пилотка да сапоги. Эта же степь... <...> Чувал ли он смерть свою, понимал?.. <...> А что он чувал и что он думал, если успел подумать...» Возможно, думал, что «он может сейчас умереть и ничего, и никого не увидеть больше». Пастуха «двадцати с лишним

* *Большакова А.* Феномен деревенской прозы // *Русская словесность.* 1999. № 3. С. 16.

лет» возвращает в сегодняшнюю реальность спасительный «стылый ветер», убеждая в том, что его жизни «нет конца и края», что с ним рядом на родной земле здравствуют «малая дочка, жена, отец, мать, двоюродные братья — родни полстаницы, а еще — вот эта золотистая, в уходящем солнце, просторная степь», которую нельзя отдать на поругание «поисковикам».

Писатель-современник сторонится героизации военных лет, учитывая традиции «лейтенантской» прозы, прежде всего — повесть В. П. Некрасова «В окопах Сталинграда», впервые опубликованную в 1946 году и по идеологическим причинам запрещенную в нашей стране до конца 1980-х. Это произведение, открывающее поток книг «лейтенантской» прозы, лишено «парадных» эпизодов, его первые страницы — о тягостном отступлении Красной армии к Дону и Волге летом 1942-го. В недавно опубликованном «Неизданном» В. П. Некрасова есть замечание: «Отступление — вот за что мне особенно досталось»^{*} от литературных функционеров советских лет, не заметивших, что драматизм повествования в самом начале повести («Приказ об отступлении приходит совершенно неожиданно. Только вчера из штаба дивизии прислали развернутый план оборонительных работ. Только <...> наладили, а тут срывайся...»^{**}) сопровождается комментарием («И без боя... Главное, что без боя»^{***}), соотносимым с чувством раздражения русских ратников из «Бородино» Лермонтова («Не смеют, что ли, командиры / Чужие изорвать мундиры / О русские штыки?»). Внутренний монолог молодого лейтенанта Юрия Керженцева, главного героя повести «В окопах Сталинграда», при отступлении переживающего чувства растерянности и вины перед своими бойцами («Я не могу смотреть на эти лица, на эти вопросительные, недоумевающие глаза... Что я им отвечу?.. <...> Что у немцев сейчас больше самолетов и танков, чем у нас, что они торопятся до зимы закончить всю войну и потому лезут на рожон. И хотя мы вынуждены отступать, но отступление — еще не поражение... Машины идут на Калач. Там, говорят, бои сильные. Слово „бои“ на какое-то время успокаивает: значит, дерутся армии»^{****}), — позднее найдет подтверждение в мемуарных свидетельствах командующего Сталинградским фронтом маршала А. И. Еременко: «Героическая оборона Сталинграда началась еще с авангардных боев, развернувшихся в излучине Дона, когда противник превосходил войска 62-й и 64-й армий в людях более, чем в 1,5 раза, в артиллерии и минометах — в 2—3 раза и в авиации более чем в 3 раза»^{*****}. Сегодня историки конкретизируют эти сведения: «В ночь с 7 на 8 августа в котел попали значительные силы 62-армии. <...> Снабжение окруженных по воздуху отсутствовало, боеприпасы были на исходе, артиллерия полностью уничтожена. Немцы методично перемалывали окруженных»^{*****}. В анализируемом рассказе Б. П. Екимова эти события видятся глазами «невоенных» персонажей, кому выпала судьба пережить и кровопролитные сражения, и фашистскую оккупацию, и определяются старшей Анешей одним словом: «Ка-азня-а-а...»

* Некрасов В. П. Праздник, который всегда и со мной // Знамя. 1990. № 5. С. 29.

** Он же. В окопах Сталинграда. СПб.; М.: Речь, 2018. С. 15.

*** Там же. С. 25.

**** Там же. С. 66.

***** Еременко А. И. Сталинград. Записки командующего фронтом. М.: Воениздат, 1961. С. 59.

***** Исаев А. В. Сталинград. За Волгой для нас земли нет. М.: Яуза, 2017. С. 53.

Реалистически точный, писатель наделяет и своего молодого героя безукоризненной памятью. Достойный наследник Атаршиковых, вспоминая свое давнее путешествие с прабабушкой Анешей и задерживая внимание на особенно памятных местах: «Солдатское поле... Танковое поле... Набатовские колодезя», — не забывает упомянуть: «Бывший лагерь военнопленных, там наших солдат перемерло несчитано». А то, что «подсчитано», не имеет срока давности. Например, страшные обстоятельства существования немецкого лагеря для советских военнопленных в хуторе Вертячем Калачёвского района Сталинградской области (в наши дни хутор входит в Городищенский район Волгоградской области, здесь в хуторской школе одно время работал учителем сам Б. П. Екимов).

Впервые о том, как в Вертячем оккупанты расправились с оказавшимися в окружении красноармейцами, рассказала «Правда» 21 декабря 1942 года, разместив на третьей странице номера свидетельские показания и фотодокументы, фиксирующие фашистские зверства в лагере хутора Вертячего. Позднее, в ноябре 1943 года, А. С. Чуянов, председатель Сталинградского городского комитета обороны, сообщил: «На подступах к Сталинграду и в самом городе германские войска устроили десятки лагерей»*, где творились нечеловеческие злодеяния над советскими пленными. В сборнике документов «Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Волгоградская область» (2020) можно обнаружить рассказ коренной жительницы А. С. Глазковой: «Когда наши войска освободили хутор Вертячий, мне пришлось хоронить замученных немцами пленных... 87 обезображенных трупов истощенных мужчин** (всего в лагере было 89 красноармейцев).

То, почему оккупантам удавалось продолжительное время удерживать Вертячий, объяснил в своей повести «Международный вагон» (1986) Е. Долматовский, в годы войны — фронтовой корреспондент, служба которого связана и со Сталинградом. Об этом свидетельствует приказ войскам Донского фронта № 100/н от 22 января 1943 года: «Писатель фронтовой газеты „Красная Армия“ старший батальонный комиссар Долматовский Евгений Аронович за время работ в редакции показал себя старательным, дисциплинированным работником. Его стихи пользуются большой популярностью среди бойцов и командиров фронта. Тов. Долматовский во время пребывания в части был ранен. Однако несмотря на это продолжал выполнять редакционные задания. Достоин награждения орденом „Красная Звезда“»***. Полковник Долматовский дошел до Берлина, однако жестокая память войны не раз возвращала его «в сталинградские дни: на взгорье у хутора Вертячего атакующие егеря гнали перед своей цепью толпу наших детей и женщин, прятались за их спинами, зная, что мы не посмеем стрелять»****. Сейчас на месте концентрационного лагеря советских военнопленных в Вертячем установлен охраняе-

* Чуянов А. С. Кровавые злодеяния гитлеровцев в селе Алексеевка Сталинградской области. Сталинград: Областное книгоиздательство, 1943. С. 3.

** Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Волгоградская область. М.: Фонд «Связь Эпох»: Издательский центр «Воевода», 2020. С. 129.

*** URL: <http://podvignaroda.ru/?id=4006471&tab=navDetailManAward>

**** Долматовский Е. Международный вагон // Новый мир. 1986. № 5. С. 6.

мый государством памятный знак. Памятными знаками отмечены и другие места, где события Сталинградской битвы оставили свои горькие отметины.

В сознании главного героя из рассказа Екимова «Под высоким крестом» они получают эмоциональную окраску, вбирая в себя живую боль свидетелей военных лет. Бабе Анеше в мельчайших подробностях запомнилось «бедованье» мирных граждан, оказавшихся под властью фашистов: «Ноябрь месяц, а холодно. Из хаты нас сразу выгнали, мы — в кухню. А другие немцы пришли и из кухни выгнали... Мы — в чулан. А из чулана румыны прогнали, их немцы не пускали к себе. Мы в курник, с ребятишками, с мамой... Наш хутор дочиста весь скоренили: разобрали дома и увезли, переправу делали через речку для машин, для танков. <...> Первые немцы пришли — лишь: „Матка, млеко, яйки...“ А уж следом понаехали на конях, фуры. <...> Скотину забрали. Тут же — бойню устроили, порезали и увезли. Кур переловили... <...> Хлеб — до зернышка, и тряпками не погребовали». В рассказе мельком возникает фигура одного из фашистских военачальников: «У немецкого фельдмаршала Паулюса был штаб в станице...» — вспоминается Ивану Атарщикову. Это станица Голубинская, где размещался штаб Паулюса, а в основанной в конце XVIII века церкви Николая Чудотворца — его наблюдательный пункт.

Верность родной земле, за которую предки заплатили самой высокой ценой, заставляет Ивана «оседлать мотоцикл и, никому не говоря, поехать тем давним путем, по которому когда-то с бабушкой Анешей почти неделю тряслись в телеге, на лошади». Теперь его задача — не ладить, а находить кресты, что они ставили, выламывать их из сухой земли и оставлять где-либо в терновой гущине, в балке, прятать и ехать дальше, «чтобы не было знаку» тем, которые за валюту «всех мертвых поднимут». Скрепя сердце, словно творя «всё же неладное», Иван тихо произносит: «Господи, прости», — прощения прося и у бабушки Анеши, и у «покойного прадеда, который погиб здесь и которого он даже представить не мог, но тоже жалел».

В образе Ивана художник обнаруживает устойчивость традиционных российских ценностей, передаваемых из поколения в поколение. Отчетливая связь между автором и героем выявляется при обращении к работам Екимова-очеркиста. Его размышления о пустующих старинных казачьих землях из очерка «Оставленные хутора» (2003): «Степь да степь. Давно не паханные поля», — отзываются в сознании главного героя рассказа: «Просторная холм-леная округа была безлюдна. Здешние земли не пахались, не сеялись». Одна из героинь очерка «Оставленные хутора» с горечью и «про двуногих волков рассказывала»*, в них нет ни уважения, ни сострадания к стареющим на своей малой родине землякам. Имеет значение и то, что автор очерка обходит знакомые края, «прихватив с собой для компании Тузика и Жулька, которым на цепи скучно сидеть», а здесь — раздолье и «молодому поджарому Тузику, и Жульке, кудлатой коротконогой старушке»**. Представляется, именно эти по-собачьи преданные друзья позднее вошли в «процессию невеликую», открывающую анализируемый рассказ: «впереди быстро шел молодой парень в легкой одежде, за ним послушно, след в след», Тузик и Жулька.

* Екимов Б. П. Оставленные хутора // Екимов Б. П. Прощание с колхозом: Очерки разных лет. М.: Вече, 2010. С. 383.

** Там же. С. 387.

Однако схожесть мировоззренческих позиций автора и героя не отменяет справедливости одного из теоретических выводов М. М. Бахтина: «Автор не только видит и знает всё то, что видит и знает каждый его герой в отдельности и все герои вместе, но и больше их, причем он видит и знает такое, что им принципиально недоступно»*. В финале рассказа герою закатной порой видится вознесшийся над землей алый высокий крест, что «поднялся и ярко светил над Солдатским полем, над Танковым... над речкой Голубой, над могилами безымянными и над станичным кладбищем... над хуторами близкими и далекими — один для всех: для мертвых и для живых». Думается, в образе этого креста проявляется «избыток авторского видения и знания» (М. М. Бахтин): возможно, он контрастно противопоставлен Екимовым видению Паулюса, лишь бегло упомянутого Иваном Атарщиковым. Речь идет о романе «Южный крест» (1977), П. И. Селезнёва, талантливого прозаика, коренного жителя Волгоградской области, в ком память о Сталинградской битве горела, «не стихая, / Как на теле рубец» (А. Твардовский). В юности он оказался на оккупированной фашистами территории, прошел через «штрафной лагерь для гражданского населения в 1942 году»**, после победы связал свою жизнь с писательской организацией Волгограда. В упомянутом романе Селезнёв тоже останавливает внимание на станице Голубинской, упоминая о старинной православной церкви, вызывающей тяжелые раздумья Паулюса: «Все дни, все недели, пока командный пункт армии находился в Голубинской, его тянуло к этой русской церкви. Прогуливаясь, оказывался вдруг рядом. Смотрел на церковь из окна квартиры. От русской церкви исходило вековое, что-то необъяснимо огромное. И колокол висел тяжелый, молчаливый, грозный»***.

Удар этого колокола слышится в дни пленения генерала в Сталинграде: вокруг «худого, изможденного Паулюса копошились полусумасшедшие люди. Паулюс ни с кем не разговаривал». Его внутренний голос дает о себе знать глубокой ночью, когда сквозь железобетонный потолок в полусне он увидел «небо, звездное, радужное, удивительное. Но разве бывает радуга ночью?» Ему вторит голос генерала Виттерсгейма: «Бывает... Только нет, совсем это не радуга. В небо поднялась тень могильного креста»****. Не исключено, что своим рассказом Екимов вступает в творческий диалог с автором этого романа. Перечеркнув крест-накрест все греховные помыслы и действия оккупантов, а с ними — попытки некоторых зарубежных историков и политиков пересмотреть итоги победы нашего народа над фашизмом и принизить значение Сталинградской битвы как решающего события всей Второй мировой войны, художник завершает рассказ образом алого креста как «символа спасения, духовного оружия против сил зла»*****, от кого бы зло ни исходило.

* Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 16.

** Смирнов В. Б. По следам времени. Из истории писательской организации Царицына — Волгограда. Волгоград: Комитет по печати, 1996. С. 387.

*** Селезнёв П. И. Южный крест: Роман в 2-х кн. М.: Современник, 1982. С. 278.

**** Там же. С. 461.

***** Кусков В. В. Православие в жизни русского народа // Русская духовная культура. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. С. 48.

Борис ЕКИМОВ

К тёплому морю

(Из сборника рассказов)

(Продолжение. Начало в № 1 за 2024 год)

«ДЕДУШКА, ПОМОГИ...»

Нынешним летом довелось мне недолго побыть в приглядном месте, на одном из верхних донских плесов, где река неширокая, а течение мощное: тугой, мускулистый быстрик.

В один из дней, к исходу его, до устали набродившись по просторной округе, прибился я к берегу донскому на отдых, устроившись возле самой воды на теплом, прогретом за долгий день камне — плитняке.

Поодаль, по течению выше, возле причаленной к берегу лодки сидел старый человек. Рыбачил он закидушкой, порой проверяя ее и подправляя на крючках наживку. У него не клевало.

А немного выше его гомонили и сустились на берегу два вовсе молодых рыбака. Один был явно постарше и потому командовал:

— Поправь червяка... Закидывай! Не так! Давай я закину... Гляди за поплавком... — И через минуту: — Давай закидушку проверим. Тяни! Держи... Ничего нету.

ЕКИМОВ Борис Петрович — прозаик, публицист, член Союза писателей России. Родился в 1938 году. Живет в Волгограде. Является почетным гражданином города Калача-на-Дону и Волгоградской области. Повесть «Пастушья звезда» включена в Президентскую библиотеку — серию книг выдающихся произведений российских авторов. Лауреат премий: журнала «Наш современник» (1976), «Литературной газеты» (1987), имени И. А. Бунина (1994), журнала «Новый мир» (1996), премии «Москва — Пенне» (1997), Государственной премии РФ (1997), Всероссийской литературной премии «Сталинград» (1999), премии Александра Солженицына (2008), премии «Ясная Поляна» (2014), Патриаршей литературной премии (2016), литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова в номинации «За вклад в русскую литературу» (2020) и др.

На воде говор людской далеко разносится.

Суеты у молодых рыбаков было много. А проку, видимо, никакого. Поэтому они решили поменять место и направились по течению вниз.

Миновав рыбака с лодкой, они подошли ко мне: малая ребятня, хуторская. Одному лет семь, другой — на год-два постарше, на голову выше.

Бойкий мальчонка, разговорчивый.

— А вы рыбалить пришли? — с ходу спросил он меня.

— Нет. Просто посидеть, поглядеть.

— А мы рыбалим. Здесь, на плите, клев хороший.

О какой плите речь, я понял, когда они пробрели метров пять от берега, а потом забрались на скрытую под водой каменную ровную плоскость. Там и закинули удочки.

Но и здесь клева не было. А еще не было у ребят такого нужного для рыбаков терпенья. Особенно у старшего.

— Ты чего так близко закидываешь?! Глубину сделай побольше, —ставлял он. — Наверху одна мальва... Соображать надо.

Младший не перечил. Стриженный наголо, голопузый, дочерна загорелый, он лишь вздыхал.

Наконец старшему надоело пустое стоянье.

— Пошли закидушки проверим, — решил он. — Может, чего уже поймалось.

Оставив удочки возле меня, ребята отправились по берегу к своим закидушкам.

Лодка старого рыбака была у них на пути, а самого хозяина возле лодки не было. Куда-то он отлучился.

Старший мальчонка словно споткнулся и встал возле лодки. А потом стал быстро вытаскивать на берег чужую снасть, прикрикнув на младшего:

— Помогай... Держи.

Закидушку он вытащил быстро, сообщая: «Пусто, пусто, пусто...» И торопясь, широко размахнувшись, забросил в воду тяжелое концевое грузило. Забросил и побежал прочь, заметив вышедшего из кустов хозяина снасти. Вослед ему раздался отчаянный крик:

— Помогите! Помогите!

Это кричал младший его товарищ, не сдвинувшись с места.

— Помогите! Больно!

На помощь поспешил старый рыбак.

— Нож дайте! Там крючок! Ножом разрежьте! Больно! — кричал мальчик.

Старик не сразу сообразил. Но всё же дошло до него:

— Это ты мою закидушку проверил? И попался. Поделом вору мука.

— Мне больно! Дедушка, помоги! Я больше не буду! Помоги, дедушка! Я больше никогда не буду!

По воде людские голоса разносятся гулко. Я всё слышал, всё понял: старший мальчонка, торопясь, закидывал чужую снасть с тяжелым грузом, забыв, что у напарника в руках шнур с крючками. И один из крючков и вошел мальчонке в мякоть ладони. Не только кончиком — острым жалом, но «бородком», который при подсечке впивается в рыбу намертво, чтобы не сорвалась. Теперь вот малец попался. Недаром кричал он: «Дайте нож!» Чтобы сделать глубокий надрез в ладони и вынуть крючок с «бородком».

— Дедушка, помоги... Я больше никогда не буду!.. Больно, дедушка...

Старик что-то бурчал, помогая мальчонке. Обошелся он без ножа, вынув крючок.

— Спасибо! Спасибо, дедушка! Я больше никогда не буду... Спасибо! — еще и еще раз громко обещал мальчонка, поспешая к своему товарищу, который, предусмотрительно отбежав подальше, так и не подошел, ожидая, чем дело кончится.

Тем оно и кончилось. Гулким эхом над вечерней водой прокатилось: «Спасибо, дедушка...» и вернулось тихим отзывом, замирая в прибрежных зарослях: «сибо, сибо, сибо...»

Остывшее солнце склонилось к закату. Скотье хуторское стадо, вздымая красную пыль, тянулось к вечернему водопою.

ПОМНЮ СВОЁ

Обратилась ко мне племянница за советом: нужен хороший репетитор по математике.

Вчера ей позвонила учительница, классный руководитель, сказала: «Ваш сын дробь не понимает. Наймите репетитора, иначе будет двойка». Вот и пришла племянница с вопросом: «Кого нанять? Кто у нас в поселке математик хороший?»

Подумали, поспрашивали, нашли выход. Но у меня, человека старого, появилось еще одно нынешних времен недоумение: классный руководитель, она и ведет математику; а вот с дробями пускай репетитор занимается. Иначе — двойка.

Для меня это — непонятно и дико еще и потому, что помню свое, давнишнее, но бывшее. Помню отчетливо: идет урок, у классной доски мучается Витя Гуляев или Валентин Быков, а рядом Раиса Семеновна или Клара Сергеевна — молоденькие у нас были учителя в семилетней школе № 2. Гуляев, Быков, Лузиков — друзья мои, по соседству живем. Вместе в школу идем. А вот возвращаемся иногда порознь. Учатся мои друзья не больно хорошо. И потому нередко слышат от одной ли, другой учительницы: «Гуляев, Быков... Оставайтесь после уроков».

«После уроков» — это занятия дополнительные, с учениками нерадивыми. Отстающими их называли. Снова и снова им объясняют, диктуют, втолковывают. Ученикам, конечно, несладко после уроков сидеть, но и учителям — хорошего мало. У них — свои семьи, домашние дела и заботы. А тут — снова и снова: «После шипящих слышится „ы“, а пишется „и“... Понятно? Пишите: пушистый, жирный, широкий...»

Непросто было учителям. Но доставалось и нам, ученикам успевающим, а мне — отличнику — тем более. «Подтягивать отстающих» — так это называлось. На пионерских, на классных собраниях главный вопрос — помощь отстающим: прикрепить к ним отличников да хорошистов, и чтобы «подтягивали». Отличников было не больно много. После четвертого класса, кажется, я — один. Вот и «прикрепляли». Конечно, к Вите Гуляеву, он жил недалеко. А еще — Колька Семенов, брат и сестра Лебедкины, Быков Валентин. Одному математика не дается, у другого — русский, потом и вовсе пошло — физика, химия, геометрия. Занимались. И был от этого толк. Особенно в младших классах. Позднее началось иное: «Дай списать!» Особенно математику, физику, геометрию. «Дай содрать».

Времена были трудные. Детвора хуторская училась недолго: пять ли, шесть классов. И уходили работать. В колхозе всякие руки нужны. Наши

поселковые учились дольше: семь ли, восемь классов, а кто-то и дальше, порой с трудом, но тянул. Таким помогали. Опять-таки учителям доставалось: «Остаешься после уроков, на дополнительные...» И мне — отличнику — нагрузка: заниматься с отстающими, с теми, кто поближе живет: Костя Каргичев, Алексей Калмыков, Петро Москвичев... Костя признавал лишь одно: «Содрать!.. Не морочь голову. Давай тетрадку». Списывая у меня задания домашние, он лишь одного опасался: как бы на пятерку не налететь. Сразу поймут учителя. И потому просил: «Подскажи, где ошибки сделать». А вот Алеша Калмыков всерьез принимал помощь: слушал меня, старался понять, потел от напряжения. Десять классов он всё же окончил, а потом ушел в армию, во флоте служил. Встретились мы лишь единожды. Он был при форме: бескозырка, широкие брюки клеш, полосатый воротник и «тельник». И всегдашняя Алешкина улыбка: от уха до уха. Таким его и запомнил.

Это — о прошлом. А речь ведь о нынешнем. С племянницей и сыном ее, слава богу, разобрались. Освоил он дробь.

А через короткий срок в какой-то газете, под занимательной рубрикой «Вся *la vie*» прочел я историю, которая всколыхнула еще не остывшее. Тоже о школе речь, о столичной. Суть простая: списать домашнюю работу у одноклассника — только за денежную плату, а если еще и с объяснением, то вдвое дороже. Слова школьника: «У нас в классе все так делают... Любой труд должен быть оплачен».

Прочитал я, повздыхал, а потом, пошарив в ящиках письменного стола, достал невеликий пакет со школьными фотографиями, которые делались в конце учебного года. Приезжал фотограф в заранее назначенный день. Рассаживались: первый ряд, второй, третий. В центре классный руководитель — Ольга Семеновна.

Черно-белые снимки. Вот они — мы: совсем малые, а потом взрослеющие. Первый класс, второй, четвертый... Последний — седьмой.

Коля Вишняков, Коля Арьков, Лена Еремина, Нина Беленькова... Помню всех.

Помню время, которое нынешнему не чета: послевоенное, голодное, о хлебе мечтали; чтобы не желудевые лепешки, не пустые щи с лебедой, не тыква да свекла, а хлебушка досыта. Но вот чтобы «зарабатывать мозгами», требуя от друзей-одноклассников какую-то плату за «домашку»... Такого и в мыслях не было. Потому, наверное, и расставались по-доброму, позднее встречались тепло.

Теперь вот — старые фотографии да светлая память.

СЕРДЕЧКО

Второй уже год, в середине лета приглашают меня молодые учителя-словесники на свою конференцию, которую проводят они в уютных домиках базы отдыха «Донские зори», возле хутора Рыбного.

Соглашаюсь, приезжаю. Место хорошее: на речном берегу, в укрыпе толевой рощи. Рядом — могучий курган, с высоты которого видится простор необъятный: зеленые дубравы да ивняки, речные, озерные синие воды, холмистая степь с черными пашнями да золотистыми полями цветущего подсолнуха.

И народ на семинаре собирается хороший: молодежь учительская, со всех краев, ближних и дальних. Славные лица, серьезные разговоры и молодое веселье.

Больших трудов от меня здесь не требуют: общая встреча, какие-то вопросы, ответы. Но вдобавок — организаторы семинара приобретают мои книги, привозят сюда и просят подписать их на память каждому участнику семинара.

Этот труд — непростой: сотня ли, больше книг. В прошлом году, когда все вместе нахлынули, получилась толчея: для учителей — долгое ожидание, для меня — спешка. И потому нынче сказал я, чтобы каждый написал на своей книге имя и фамилию. И все книги пусть отнесут к моему домику, на веранду. Там я спокойно всё сделаю, не торопясь и никого не задерживая.

Так и устроили. На веранде моей, на просторном столе выросли немалые стопы книг.

Принялся я за дело. Объявилась у меня милая помощница, которая книги подавала, открывала их, порой разбирая чей-то неясный почерк. Работа шла. Уменьшались одни стопки книг, росли другие, подписанные.

Очередную книгу открыв и подавая мне, моя помощница засмеялась. Приняв книгу, я не сразу на стол ее перенес, держал в руках. В распах откритых страниц лежало небольшое, аккуратно вырезанное из красной бумаги сердечко. Как тут было не улыбнуться? Только имя было написано на книжном развороте: «Диана». Я сразу вспомнил черноглазую девочку, которая на общей встрече сидела в первом ряду. Чья-то дочка.

Моя помощница догадку подтвердила.

Книгу я подписал, положил в общую стопку. Красное сердечко оставил себе.

Вернувшись домой, разбирая дорожную сумку и найдя там сердечко, я подержал его на ладони, вспомнил милое детское лицо, улыбнулся ему в ответ.

Как мало нам порой надо для счастья, для недолгих минут его. Всего лишь бумажная вырезка — сердечко. В нем тепло детских рук и детского сердца.

Красное сердечко я пристроил на видном месте. Там ему жить, пока я жив.

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Прихожу к своим. Внук Митя сообщает:

— Я на день рождения сегодня пойду.

— Куда, к кому?

Он называет имя своей одноклассницы. А праздновать будут, как обычно, в Доме культуры. Там есть такая услуга — детские дни рожденья: ведущий, музыка, игры, угощение.

— А подарок какой приготовил?

— Конверт, — коротко отвечает Митя.

Это уже тоже привычно: красивый конверт, а в нем — пятьсот ли, тысяча рублей.

Поначалу, узнав о таком обычае, я недоумевал:

— Почему деньги? Подарок — это память, надолго. А деньги что...

Ответом была простая «мудрость», явно от мамы, которую Митя послушно вослед повторял:

— Пусть купит чего захочет.

Для подарка людям взрослым такой резон еще можно понять, с большой натяжкой. А вот детворе — восемь да девять лет — конверты с деньгами совать... Сомнительно.

Недавно Митя ходил к Егору на день рождения. Подарок — конверт, гладенькая тысячерублевка. А месяцем ранее тот же самый Егор, поздравляя Митю, вручил опять же конверт с тысячерублевой купюрой.

Получается, что этот конверт туда-сюда мыкается: от Егора к Мите, от Мити назад к Егору. Правила соблюдены. И никакой для родителей заботы: думать, придумывать, голову ломать. Тем более, говорят, что нынче время такое: деньги — главное.

Из нашего старого дома в городскую квартиру перекочевало совсем не-многое: что-то для нужды, а что-то для памяти. На месте видном, на стене и сегодня висит невеликая, чуть побольше ладони, картина. Это — не холст, не бумага, а простецкая деревянная плашка овальной формы. На ней — пейзаж: березы, дорога, озеро, на другом берегу — лес, а выше — просторное синее небо. Такие незамысловатые вещицы продавались недорого по всей стране. У моей картинки, на стороне обратной — надпись: «На память Бориньке от Юлиньки Шкленник 19/XI-1948 г.».

Семьдесят лет прошло. А подарок жив, и память жива. Порой погляжу на картинку и вспомню семью Шкленников: Эдуард, Витольд, Юленька — это дети. Витольд — чуть постарше меня, но, считай, ровесник. Мы дружили. Семья — польская; видимо, из ссыльных. Они скоро уехали. Кажется, на родину.

Отчетливо помню их двор, Витольда, и взрослого уже Эдуарда, и кукольную Юленьку, голубоглазую, светловолосую, с большими бантами в косичках.

И конечно, помню сладкие медовые праздники. Шкленники держали пчел. Два ли, три улья в огороде стояли. И каждое лето, откачивая первый мед, приглашали нас, соседских малых ребятишек, вроде бы «на помощь». Мы, конечно, старались, изо всех силенок крутили по очереди ручку медогонки. В основном «помогая» Эдуарду, уже взрослому сильному парню. Он лишь посмеивался.

Из краника медогонки тек и тек помаленьку тягучий ручеек золотистого меда, которым нас, помощников, потом угощали. За летним столом, за чаем.

Времена были трудные, голодные. А уж про сладости что и говорить. Липкие конфеты-«подушечки» по великим праздникам. Вот и всё. Осенью варили мед арбузный — нардек. Запекали тыкву да белую сахарную свеклу, у кого они были.

И потому так ждали медового праздника у Шкленников, гадая: пригласят — не пригласят? Шкленники жили бедно. Как все. И ульев было немного. Но приглашали. К детям в ту пору все относились по-доброму. Тем более к сиротам.

Теперь всё это в далекой дали.

А вот картинка осталась. По-прежнему на стене висит, порой согревая душу.

Подарок на день рождения. И светлая память на всю долгую жизнь.

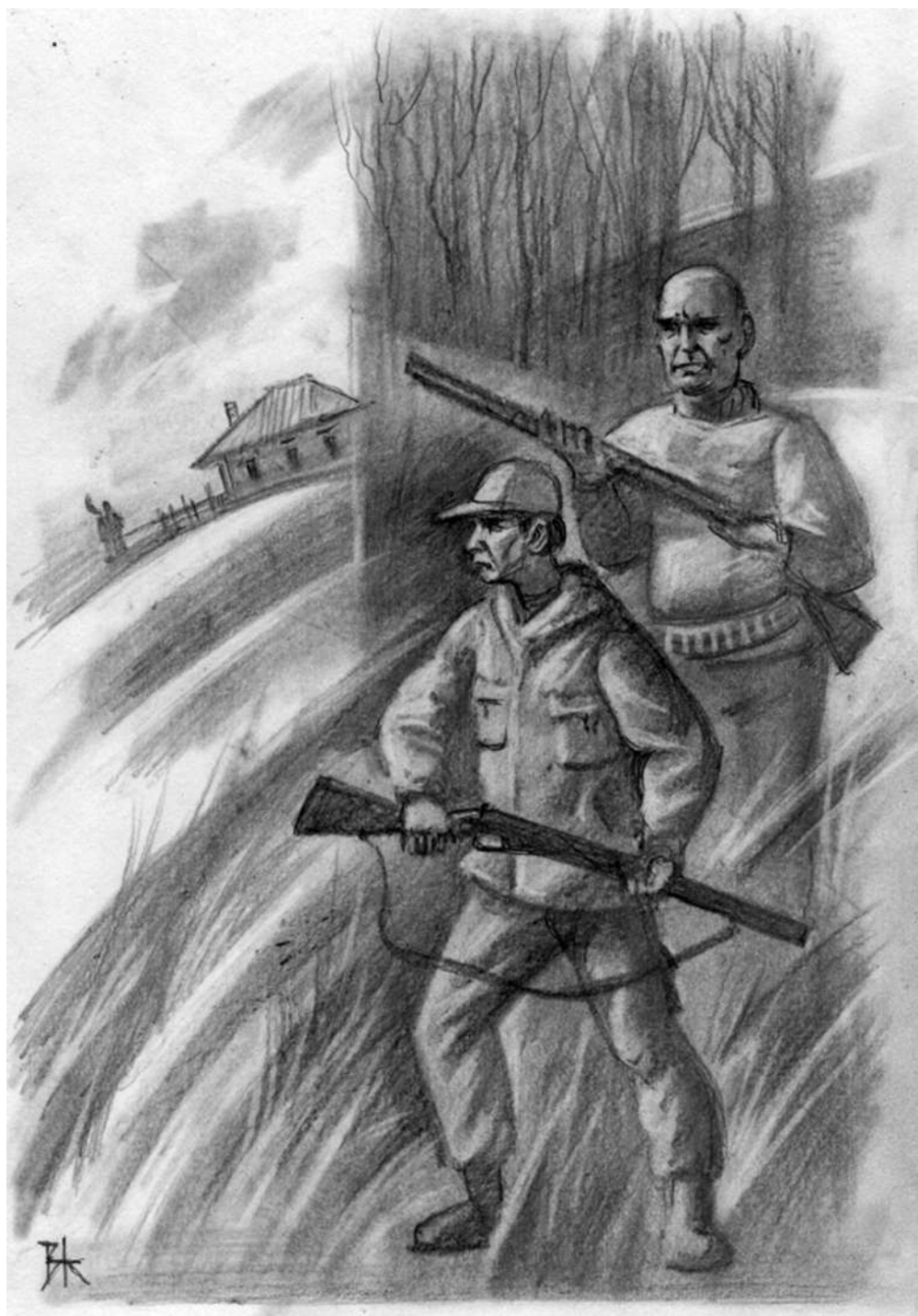


Рисунок Вадима ЖУКОВА

ДИКИЕ

Погожим январским днем в хуторе Малый Гусаркин началась вдруг стрельба. Сначала — на въезде в хутор, потом — возле бывшей школы. Сухие, не больно громкие выстрелы, один за другим, с недолгими перерывами: постреляют и смолкнут.

Услышали стрельбу многие; и кое-кто из домов вышел, с осторожностью, но любопытствуя.

Оказалось, что кружит по хутору служебная полицейская машина. Ездила она медленно, кое-где останавливалась. Из нее выходили молодые полицейские и начинали стрельбу. Слава богу, что не по домам и людям, а по куропаткам, которые, по обычаю, к людскому жилью прибивались зимней порой. Здесь их подкармливали добрые люди.

Теперь вот появился народ иной, полицейский: в зимней добротной форме, с погонами, на служебной машине.

Сначала они за магазином подняли куропачью стайку. И сразу же трех убили. Потом возле бывшей школы остановились и тоже стреляли. От школы проехали на Рыбачий кут; там начали пальбу, которая закончилась скандалом.

Выбежала со своего двора Полина Гусаркина — женщина немолодая, но энергичная и не трусливого десятка.

— Вы чего безобразничаете?! — закричала она. — Вы кого стреляете?! Моих индюков да курей?! Или нас, остатних, решили выбить?! Люди в магазин, за хлебом идут! Детишки играют! А вы по ним стрельбу развели?! Бессовестные!

— Какие еще детишки? Какие куры? — пытались ей объяснить. — Мы куропаток, дикую птицу стреляем! Понимаешь? Дикую...

— Вы сами — дикие! — взъерилась женщина. Пуховый вязаный платок она вгорячах сдвинула на плечи; седые волосы растрепались. — Именно вы — дикие! Форму на вас надели, погоны повесили, звезды! Машину дали служебную! Для чего?! Чтобы вы куропаток по хуторам стреляли?! Оголодали, бедные! По мордам видать!

— Хватит орать! — пытались ее урезонить стрелки. — Иди на свой двор, курей стереги. А то мы враз...

— Чего?! Рот мне затыкаете?! — еще более взъерилась Полина. — Иду! Иду к телефону! И вызываю ОМОН! Стрельба на хуторе! — уже со слезами кричала она. — Пули свистят! Паша! Паша! — звала она мужа. — Звони Калиманову по мобильному! Нехай посылает ОМОН! Они нас всех постреляют! И закопают! Люди добрые, помогите! — истошно вопила она, созывая соседей на помощь.

Эту историю слышал я от самой Полины и, давно зная ее, могу представить, какой гвалт она подняла, тем более упомянув имя областного милицкого начальника, который нечасто, но приезжал в эту глухомань охотиться на волков.

В тот январский день, встретив отпор, для них неожиданный, стрелки за благо сочли подобру-поздорову убраться с хутора.

А ведь приезжали они не наугад. Куропаток в последние годы у нас немало. По зимнему времени прибывается невеликая птица к людскому жилью. Особенно в местах глухих, к хуторам невеликим, где сердобольные жители

не обижают, а подкармливают их. Велик ли расход сыпануть горсть-другую зерна ли, семечек возле двора...

Приветили, прикормили, и куропатки летом с хутора не уходят: гнезятся, птенцов выводят. Здесь им спокойнее: лисицы, норки, хори да хищная птица гнездо не зорит, молодняк не губит.

Помню веселый случай. На этот же хутор Малый Гусаркин в пору весеннюю подъехал я ко двору своих знакомых. Посигналил, обозначая себя, и пошел через двор напрямик в огород, где и должны сейчас хозяева находиться. Пора — весенняя, рабочая.

Услышав сигнал машины, навстречу мне поспешил хозяин, увидев которого я остановился изумленный, потому что голову его прикрывал зеленый пластмассовый тазик. Хозяин понял мое изумленье, засмеялся, снимая необычный убор.

— Куропач досаждают, — объяснил он. — Землю копаю, а он кидается и норовит не куда-нибудь, а в маковку клюнуть, в самую плешь. Сейчас сам увидишь.

Землю под картошку хозяин копал в дальнем конце усадьбы, возле терновых, задичавших зарослей, в которых и обосновались куропатки. Они уже загнездились. Матка на яйцах сидела. А куропач ее охранял.

Рассерженный, во взъерошенных перьях, он с шумом и криком вылетал из кустов, отгоняя гостей незваных. Взлетал и пикировал, стараясь в голову клюнуть, ударить крыльями, лапами.

Эту картину я увидел своими глазами: клекочет и рвется в бой, защищая гнездо с потомством. Впору и мне спастись.

Так что куропатки на этом хуторе живут безбедно и вольно, плодясь и размножаясь. О чем, видно, и прослышали служивые люди. Но легкой добычи у них, слава богу, не получилось. Да и велика ли корысть добыть эту птаху: малая плоть в наряде узорчатых перьев.

В голой степи куропаток не вдруг заметишь. Летать они не любят, кормятся на земле, шажком да бегом выискивая добычу в пору утреннюю да вечернюю. Почуввав опасность, куропатки не улетают, а припадают к земле, сливаясь с нею по цвету пестреньким оперением.

Чаще всего куропаток встречаешь в степи осенью, когда, собирая шиповник и боярку, бредешь где-нибудь по гущине сухих некошенных трав. Идешь в тишине и покое, и вдруг из-под ног твоих словно взрыв: «Ф-р-р-р!!!» Это стая куропаток поднялась, перепугав не на шутку.

А поздней весной на полевой дороге, от жилья далеко, на машине едешь и вдруг видишь, что впереди тебя, словно наперегонки, мчится табунок молодых куропатят, голенастых, сереньких. Сбавишь ход, посигналишь, пугая, а они, бестолковые, бегут и бегут во весь дух, не сходя с дороги. Но тут же, под самыми колесами мечется взрослая куропатка. Она припадает на крыло, кружится, пытаясь меня приманить легкой добычей. Машину остановишь, выйдешь, куропатка не улетит, а всё так же, изображая подранка, рядом кружит, бьется, собой рискуя, но сберегая птенцов, которые наконец-то, поняв опасность, сыпанули с дороги в траву, под кусты и там затаились. Тогда и куропатка взрослая, всё так же по земле, изображая подранка, уходит с дороги и наконец улетает.

Такое случалось не раз ранним летом, на полевых дорогах, вдали от жилья, в местах не больно хоженных, езженных.

В Задонье, по степи, по лесистым долинам, логом, глухим балкам с непролазными зарослями тернов да шиповника, в годы прежние, уже на моей памяти, зверья и дичины хватало. Волки, лисы, барсуки, еноты... Кабаны по осени перепаживали дубняки, кормясь на желудях. По сотне и более голов приходилось видеть. Уже не семья, не стадо — орда, черная туча по земле плывет, с хрюканьем, визгом.

Косули встречались редко, словно в подарок. Они ведь и взрослые — будто детвора: точеная головка, высокая шея, большие глаза. Ножки тонкие. Но бег — словно полет. Разве не чудо?

Лосей было много. И конечно, птицы: степной да водной.

Было да сплыло. Выбили напрочь, когда пришла вольная воля. Про кабана еще редко-редко, но можно услышать. А про лосей в наших краях давно забыли.

Но вот зимой нынешней в бане заговорили о былом, и кто-то рассказал, что по осени в Петипской балке объявилась семья: рогач, матка и сеголеток-лосенок. Их быстро углядели и устроили большую охоту. Прибыла из города целая бригада на могучих вездеходах, очень вооруженная: ружья, карабины, оптические прицелы, приборы ночного видения, чтобы и во тьме не укрылся дикий зверь.

Конечно же, лося убили сразу. Матка было ушла с лосенком, но ее к вечеру догнали и тоже застрелили. Лосенок же где-то в кустах затаился и остался жив.

Ненадолго. Лишь на неделю. Он, перепуганный, далеко ушел, в Осиновый лог и, что-то сообразив, в дневное время прятался в зарослях, на лежке, выходя кормиться на поле озимки лишь по ночам. По этим следам его и нашли.

Нашли. Доложили. Прибыла из города та же бригада. Окружили лосенка, подняли с лежки и застрелили. Оружие у охотников нынче серьезное. Итальянские, немецкие, английские ружья да карабины. «Беретты» да «браунинги». И заряды — под стать. Чтобы — наповал. Оптические прицелы, чтобы не промахнуться. И наши «тулки» да «ижевки» теперь не хуже: пять, семь зарядов, а то и более. Как пулеметы лупят.

И ведь знали, что не могучего зверя едут брать: рогача ли, вепря или медведя. Лосенка, которому от роду четыре ли, пять месяцев: длинноногий узкогрудый подросток, жидкая стать. Детвора, она и есть детвора.

Но как и положено: обложили, подняли с лежки, убили.

Тут же разделали добычу, поджарили на костре свежатину: печень да губы — деликатес. Уехали довольные. Удалась охота. На дикого зверя.

Услышал я в бане этот рассказ. В памяти он залег. Особенно — лосенок. Детвору всегда жалко. Свою ли, чужую. Особенно малую.

Памяти Александра Ерёменко

Павел БАСИНСКИЙ

Пять лет без Короля

Александр Ерёменко — поразительного таланта русский поэт. Его называли Королем поэтов. Как Хлебникова. И он действительно был Королем поэтов в 80—90-е годы. А в «нулевые» перестал писать стихи, перестал публиковаться и жил отшельником в центре Москвы, не появляясь на литературных тусовках, вообще словно исчезнув из этой жизни. Он поступил как Блок, который тоже перестал писать стихи, когда перестал слышать «музыку».

Даже невозможно передать словами, что такое был для нас, молодых, Александр Ерёменко в 80-е годы. На его выступления собирались толпы. Его стихи слушали, затаив дыхание. И он сам по себе, своей какой-то невероятной для тех лет свободной манерой поведения не мог не восхищать. А подражать ему было невозможно, как нельзя подражать «штучному экземпляру» человеческой личности, которая создана Богом ли, природой, духом ли, который дышит, где хочет... не знаю. Только Александр Ерёменко был и остается такой один. Король! Да, Король!

БАСИНСКИЙ Павел Валерьевич — писатель, литературовед, литературный критик, кандидат филологических наук, член Союза российских писателей, академик Академии русской современной словесности. Родился в 1961 году в городе Фролове Волгоградской области. Живет в Москве. Учился на отделении иностранных языков Саратовского университета, окончил Литературный институт имени А. М. Горького (семинар критики В. А. Сурганова) и аспирантуру при нем, защитил кандидатскую диссертацию по теме «Горький и Ницше». С 1981 года печатается как критик в «Литературной газете», журналах «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Дружба народов», «Наш современник», интернет-журнале «Русский переплёт». Редактор отдела культуры «Российской газеты». Входит в постоянное жюри премии А. Солженицына и жюри литературной премии «Ясная Поляна». Лауреат премии Правительства РФ в области культуры (2014), Государственной премии РФ (2018), премии имени А. И. Герцена (2020), литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2022), премии «Большая книга» (2022). Награжден орденом «За заслуги в культуре и искусстве» (2024).

В некрологах писали, что в 80-е годы он, Иван Жданов, Алексей Парщиков и др. создали группу «метаметафористов». Да ничего они не создавали. Термин этот придумал поэт, литературовед Константин Кедров и использовал его в своей статье, кажется, в «Литературной учёбе». На самом деле Жданов — это Жданов, Парщиков — Парщиков, а Ерёменко — Ерёменко.

Стихи Ерёменко были метафорически сложные, но, по смыслу, очень простые, человеческие, ироничные, а порой грустные до слез.

В густых металлургических лесах,
где шёл процесс создания хлорофилла,
сорвался лист. Уж осень наступила
в густых металлургических лесах.

Там до весны завязли в небесах
и бензовоз, и мушка дроздофила.
Их жмёт по равнодействующей сила,
они застряли в сплюснутых часах.

Последний филин сломан и распилен.
И, кнопкой канцелярскою припилен
к осенней ветке книзу головой,

висит и размышляет головой,
зачем в него с такой ужасной силой
вмонтирован бинокль полевой?

Я часто читаю эти стихи про себя наизусть, когда мне приходит такое настроение. Да, метафорически сложно. Но как же грустно видеть и эту мушку, и этот бензовоз, и этого филина! Как ясно видишь и даже слышишь этот сорванный осенний лист, который упал и шуршит по металлургическим лесам.

Или вот это, которое я тоже бесконечно люблю:

Сгорая, спирт похож на пионерку,
которая волнуется, когда
перед костром, сгорая со стыда,
завязывает галстук на примерку.

Сгорая, спирт напоминает речь
глухонемых, когда перед постелью
их разговор становится постелью
и кончится, когда придется лечь.

Сгорая, спирт напоминает воду.
Сгорая, речь напоминает спирт.
Как вбитый гвоздь, ее создатель спит,
заподлицо вколоченный в свободу.

Да, Ерёменко поражал своей внутренней, да и внешней свободой. Но он, между прочим, никогда не говорил матерных слов, считая, что это недостойно человека.

Родился он в 1950 году в деревне Гоношиха Алтайского края. Учился в деревенской школе. Служил во флоте. Работал на стройках Дальнего

ПЯТЬ ЛЕТ БЕЗ КОРОЛЯ

Востока кочегаром. Но не было среди поэтов его поколения фигуры более артистической, чем он. С длинными волосами, в тельняшке, он, опрокидывая в себя бутылку с портвейном где-нибудь на скамейке в московском сквере, всё равно был артистом в высшем смысле слова. Это всё равно было... красиво! Не знаю, как это ему удавалось, но это было... красиво!

Я добрый, красивый, хороший
и мудрый, как будто змея.
Я женщину в небо подбросил —
и женщина стала моя.

Когда я с бутылкой «Массандры»
иду через весь ресторан,
весь пьян, как воздушный десантник,
и ловок, как горный баран,

все пальцами тычут мне в спину,
и шёпот вдогонку летит:
он женщину в небо подкинул —
и женщина в небе висит...

Мне в этом не стыдно признаться:
когда я вхожу, все встают
и лезут ко мне обниматься,
целуют и деньги дают.

Черт побери, но ведь это почти так и было! Это правда, правда! И даже про женщину — это правда.

Поэтическая альфа Александра Ерёменко

...Выдох, совмещающий мечту о счастье с долей отчаянья, выдох детский и предельно поэтический, обнажающий до кости ранимость поэтической души:

О, Господи, води меня в кино,
корми меня малиновым вареньем.
Все наши мысли сказаны давно,
и всё, что будет, — будет повтореньем.

Он был очень современным — Александр Ерёменко, и вместе с тем, впуская в созвучия техническую терминологию, данную под определённым углом, черпал из вечности, предлагая новый лад и мир созвучий:

В глуши коленчатого вала,
в коленной чашечке кривой
густая ласточка летала
по возмутительной кривой.

И вылетала из лекала
в том месте, где она хотела,
но ничего не извлекала
ни из чего, там, где летала.

Он видел словесные леса и, вступая в них, использовал образы... как будто противоречащие поэзии:

В густых металлургических лесах,
где шёл процесс создания хлорофилла,
сорвался лист. Уж осень наступила
в густых металлургических лесах.

Играл? Разумеется — поэзия невозможна без элемента игры. Но и подлинность трагедии ощущалась, как будто, играя всеми этими апоэтическими

БАЛТИН Александр Львович — поэт, эссеист, литературный критик. Родился в 1967 году. Живет в Москве. Почетный сотрудник Финансовой академии при Правительстве РФ. Член Союза писателей Москвы, автор многих книг, включая пятитомное собрание сочинений. Лауреат газеты «Поэтоград» в номинации «Критика» (2017), литературного журнала «Дети Ра» (2017), Ахматовской премии (Болгария, София, 2019), газеты «День литературы» (2019). Победитель Международного поэтического конкурса «Хотят ли русские войны?» (Болгария, 2020). Лауреат литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2020, 2021, 2022).

терминами и понятиями, хотел застраховаться от смерти, вечно взирающей в недра души, в самую сердцевину сердца.

И Ерёмченко давал новые и новые переборы коленчатого вала, разматывая невероятные лабиринты, столь сложные для прохождения, что и идти-то ими чревато. Но можно оставить наследие, что будет подспудно работать в мире, чуть осветляя его.

Его космос причудливо мешал иронии, естественность речи, технические, вроде бы нарушающие поэтическую гармонию термины, метафизику, заставляющую вновь и вновь осмысливать реальность, тем более что жизнь Ерёмченко (друзья ласково называли его Ерёмой) разделилась на две половины: советского литподполья и постсоветского... почти официоза.

...Его стих разматывался стремительными, почти кинематографическими мельканиями, где вспышки определенных цветов свидетельствовали о смене состояний. Или настроений:

Часто пишется «труп», а читается «труд»,
где один человек разгребаёт завал,
и вчерашнее солнце в носилках несёт
из подвала в подвал...

И вчерашнее солнце в носилках несёт.
И сегодняшний бред обнажает клыки.
Только ты в этом тёмном раскладе — не туз.
Рифмы сбились с пути или вспять потекли.

Мимо, мимо... Даже мимо цитаты, тщательно скрытой и такой очевидной литературным людям.

...При разрушенном воздухе сложно совпасть по фазе с действительностью, выдирающей вчерашние корни: мол, вырастет нечто новое:

Разрушается воздух. Нарушаются длинные связи
между контуром и неудавшимся смыслом цветка.
И сама под себя наугад заползает река
и потом шелестит, и они совпадают по фазе.

Создается впечатление, что дышалось поэту легче тогда: во времена *не*-печатания или *мало*печатания, в условиях советского литподполья, где ощущение правильного братства, скрепленного алкоголем, было столь упоительным, сколь и неповторимым.

Разрушенный воздух угнетал. Всё мелькало, рвалось, прикидывалось не тем, что есть. Стеб становился тотальным, и Александру Ерёмченко, мастеру иронического стиха, казалось, было бы легко выжить в таких условиях...

Однако — всё лучшее осталось позади, в другом времени, чтобы оттуда уже облучать перспективу, постоянно заводящую общество в тупики...

Александр ЕРЁМЕНКО

Вчерашнее солнце

* * *

Когда наугад расщепляется код,
как, сдвоившись над моментальным проходом,
мучительно гений плывёт над народом
к табличке с мигающей надписью «Вход»!

Любые системы вмещаются в код.
Большие участки кодируют с ходу.
Ночной механизмик свистит за комодом,
и в белой душе расцветает диод.

Вот маленький сад. А за ним — огород.
Как сильно с периодом около года
взлетала черёмуха за огородом,
большая и белая, как водород!

* * *

Сгорая, спирт похож на пионерку,
которая волнуется, когда
перед костром, сгорая со стыда,
завязывает галстук на примерку.

ЕРЁМЕНКО Александр Викторович (25 октября 1950 — 21 июня 2021) — русский поэт. Родился на Алтае. Работал на Дальнем Востоке и на Камчатке, был строителем, моряком, кочегаром, докером. С 1974 года жил в Москве. Учился в Литературном институте имени А. М. Горького. 9 ноября 1982 года был выбран Королем поэтов. Автор девяти книг стихов. Публиковался в журналах «Юность», «Знамя», «Дети Ра», «Урал» и др. Лауреат премии имени Бориса Пастернака (2002) и премии Константина Кедрова (посмертно, 2024). Стихи Александра Ерёменко предоставлены для публикации в журнале «Отчий край» вдовой поэта Галиной Рыбаковой.

Сгорая, спирт напоминает речь
глухонемых, когда перед постелью
их разговор становится пастелью
и кончится, когда придётся лечь.

Сгорая, спирт напоминает воду.
Сгорая, речь напоминает спирт.
Как вбитый гвоздь, её создатель спит,
заподлицо вколотый в свободу.

* * *

В. Высоцкому

Я заметил, что, сколько ни пью,
всё равно выхожу из запоя.
Я заметил, что нас было двое.
Я ещё постою на краю.

Можно выпрямить душу свою
в панихиде до волчьего воя.
По ошибке окликнул его я, —
а он уже, слава Богу, в раю.

Занавесить бы чёрным Байкал!
Придушить всю поэзию разом.
Человек, отравившийся газом,
над тобою стихов не читал.

Можно даже надставить струну,
но уже невозможно надставить
пустоту, если эту страну
на два дня невозможно оставить.

Можно бант завязать — на звезде.
И стихи напечатать любые.
Отражается небо в лесу, как в воде,
и деревья стоят голубые...

* * *

Невозмутимы размеры души.
Непроходимы её каракумы.
Слева сличают какие-то шкалы,
справа орут — заблудились в глуши.

А наверху, в напряжённой тиши,
греки учёные, с негой во взоре,
сидя на скалах, в Эгейское море
точат тяжёлые карандаши.

Невозмутимы размеры души.
Благословенны её коридоры.
Пока доберёшься от горя до горя —
в нужном отделе нет ни души.

Существовать — на какие шиши?
Деньги проезжены в таксомоторе.
Только и молишь в случайной квартире:
всё заberi, только свет не туши.

* * *

Косыми щитами дождей
заставлены лица людей,
больница и зданье райкома,
где снизу деревьевв оскома,
а сверху — портреты вождей

заставленыплотнымщитом
каквинныйотделгастронома
икакпредисловиектому
«Всемирнойистории»том

заставлен, заброшен, забыт,
и воет, как сброшенный с крыши
вчерашний, зажавшийся, пышный
и бешеный палеолит.

Уставишься втеодолит
урвавсреди ночкиусочек —
ондышитбуш уетклокочет
клокочетбу шуеткипит

...мы ждём на седьмых скоростях...
...в баранку вцепившись ногтями...
...и вдруг отключается память...
...на чьих-то тяжёлых костях...

Я вздрогну и спрыгну с коня,
и гляну на правую руку,
когда, улыбаясь, как с* * *,
ОПРИЧНИК ПОИДЁТ НА МЕНЯ.

* * *

Бесконечен этот поезд.
На стоянках просыпаясь,
наблюдатели — по пояс,
но — свалиться опасаясь.

Бесконечен этот поиск.
В мифологии копаясь,
обнаруживаем — полюс,
но хватаемся — за парус.

Помолитесь на дорогу,
от стоянок отрекаясь.
Нету Бога, кроме Бога,
и пророк его — «Икарус».

Полезай на третий ярус
и внуши своим соседям,
что сегодня мы приедем
в оглушительную ясность.

* * *

В перспективу уходит указка
сквозь рубашку игольчатых карт,
сквозь дождя фехтовальную маску
и подпрыгнувший в небо асфальт.

Эти жесты, толчённые в ступе,
метроном на чугунной плите,
чернозём, обнаглевший под лупой,
и, сильнее, чем резьба на шурупе, —
голубая резьба

на
винте.

В перспективу втыкается штекер,
напрягается кровь домино.
Под дождём пробегающий сеттер
на краю звукового кино.

Штурм Зимнего

*(По мотивам книги Д. Рида
«Десять дней, которые потрясли мир»)*

Горит восток зарёю новой.
У Александрийского столпа
остановилась толпа.
Я встал и закурил по новой.

Парламентёр от юнкеров
велел, чтоб их не убивали.
Они винтовки побросали
и грели руки у костра.

Мы снова ринулись вперёд,
кричали мысленно «ура»,
и, представляя весь народ,
болталась сзади кобура.

Так Зимний был захвачен нами.
И стал захваченным дворец.
И над Рейхстагом наше знамя
горит, как кровь наших сердец!

Невенок сонетов

1

Сегодня я задумчив, как буфет,
и вынимаю мысли из буфета,
как длинные тяжёлые конфеты
из дорогой коробки для конфет.

На раскладушке засыпает Фет,
и тень его, косящая от Фета,
сливаясь с тенью моего буфета,
даёт простой отчётливый эффект.

Он завтра сядет на велосипед
и, медленно виляя вдоль кювета,
уедет навсегда, как вдоль рассвета,

а я буду, смотреть, как сквозь лафет*,
сквозь мой сонет на тот велосипед
и на высокий руль велосипеда.

2

Прости, Господь, мой сломанный язык
за то, что он из языка живого
чрезмерно длинное, неправильное слово
берёт и снова ложит на язык.

Прости, Господь, мой сломанный язык
за то, что, прибежав на праздник слова,
я произнёс лишь половину слова,
а половинку спрятал под язык.

Конечно, лучше спать в анабиозе
с прикушенным и мёртвым языком,
чем с вырванным слоняться языком,

и тот блажен, кто с этим не знаком,
кто не хотел, как в детстве, на морозе
лизнуть дверную ручку...

3

В густых металлургических лесах,
где шёл процесс создания хлорофилла,
сорвался лист. Уж осень наступила
в густых металлургических лесах.

Там до весны завязли в небесах
и бензовоз, и мушка дрозофила.
Их жмёт по равнодействующей сила,
они застряли в сплюснутых часах.

* Паркет, крокет, лорнет, привет — нужно выделить и употребить. *Примеч. автора.*

Последний филин сломан и распилен.
И, кнопкой канцелярскою пришпилен
к осенней ветке книзу головой,

висит и размышляет головой:
зачем в него с такой ужасной силой
вмонтирован бинокль полевой!

4

Громадный том листали наугад.
Качели удивлённые глотали
полоску раздвигающейся дали,
где за забором начинался сад.

Всё это называлось «детский сад»
и сверху походило на лекало.
Одна большая няня отсекала
всё то, что в детях пёрло наугад.

И вот теперь, когда вылезит гад
и мне долдонит, прыгая из кожи,
про то, что жизнь похожа на парад,

я думаю: какой же это ад!
Ведь только что вчера здесь был детсад,
стоял грибок и гений был возможен.

5

Когда мне говорят о простоте,
большое уравнение упрóбив,
я скалю зубы и дрожу от злости,
и мой сонет ползёт на животе,

и скалит зубы, и дрожит от злости,
и вопиет в священной простоте:
закройте рот, вас пригласили в гости,
и может быть, что мы совсем не те,

кого здесь ожидают в темноте,
перебирая черепа и кости,
что случай у материи в долгу.

Я не творю, но я играю в кости,
а если так, откуда знать могу,
как упадут те кости.

6

В лесу осеннем зимний лес увяз.
Как будто их местами поменяли.
И всем деревьям деньги разменяли.
Природа спит, надев противогаз.

Не шевелится углекислый газ.
Не дышит свет на воду. В одеяле
спит стоя лес, уйдя в свои детали:
в столбы, в деревья, в щели, в лунку, в паз.

Природа спит, как длинный-длинный пас,
нацеленный в неведомые дали,
и крепко спит, не закрывая глаз,

и крепко спит, как профиль на медали.
И крепко спит, уткнувшись в параллели
своих прямых. И не глядит на нас.

7. Блатной сонет

Блажен, кто верует. Но трижды идиот,
кто на однажды выбранной планете,
презрев конфигурации природ,
расставит металлические сети.

О Господи, чего ещё он ждёт?
Райком закрыт, хозяин на обеде.
Слова бегут, как маленькие дети,
и вдруг затылком падают на лёд.

Сощуря глаз, перекури в рукав,
что этот голубь, с облака упав,
наверно, не зависит от условий,

где, скажем, размножается жираф.
И если мысль не равнозначна слову,
тогда зачем мы ловим этот кайф?

8. Сонет без рифм

Мы говорим на разных языках.
Ты бесишься, как маленькая лошадь,
а я стою в траве перед верёвкой
и не могу развесить мой сонет.

Он падает, а я его ловлю.
Давай простим друг друга для начала,
развяжем этот узел немудреный
и свяжем новый, на другой манер.

Но так, чтобы друг друга не задеть,
не потревожить руку или ногу.
Не перерезать глотку, наконец.

Чтоб каждый, кто летает и летит,
по воздуху вот этому летая,
летел бы дальше, сколько ему влезет.

9

О Господи, води меня в кино,
корми меня малиновым вареньем.
Все наши мысли сказаны давно,
и всё, что будет, — будет повтореньем.

Как говорил, мешая домино,
один поэт, забытый поколеньем,
мы рушимся по правилам деленья,
так вырви мой язык — мне всё равно!

Над толчеей твоих стихотворений
расставит дождик знаки ударений,
окно откроешь — а за ним темно.

Здесь каждый ген, рассчитанный, как гений,
зависит от числа соударений,
но это тоже сказано давно.

10

Вдоль коридора зажигая свет
и щурясь от пронзительного света,
войди, мой друг, в святилище сонета,
как в дорогой блестящий туалет.

Здесь всё рассчитано на десять тысяч лет,
и длится электрическое лето
над рыбьим жиром тусклого паркета,
чтоб мы не наступили на паркет.

Нас будут заворачивать в пакет,
чтоб ноги не торчали из пакета,
согласно положений этикета,

но даже через десять тысяч лет
я раздвоюсь и вспыхну, как букет,
в руках у хмурого начальника пикета.

11

Как хорошо у бездны на краю
загнуться в хате, выстроенной с краю,
где я ежеминутно погибаю
в бессмысленном и маленьком бою.

Мне надоело корчиться в строю,
где я уже от напряженья лаю.
Отдам всю душу октябрю и маю,
но не тревожьте хижину мою.

Как пьяница, я на троих трою,
на одного неровно разливаю,
и горько жалуюсь, и горько слёзы лью.

Я всех вас видел где-то далеко.
Но по утрам под жёсткую струю
свой мозг, хоть морщуся, но подставляю.

12

О Господи, я твой случайный зритель.
Зачем же мне такое наказание?
Ты взял меня из схемы мироздания
и снова вставил, как предохранитель.

Рука и рок. Ракета и носитель.
Когда же по закону отрицанья
ты отшвырнешь меня в момент сгорания,
как сокращённый заживо числитель?

Убей меня. Я твой фотолюбитель.
На небеса взобравшийся старатель
по уходящей жилке золотой.

Убей меня. Сними с меня запой
или верни назад меня рукой —
членистоногой, как стогокопнитель.

13. Вечерний сонет

Цветы увядшие, я так люблю смотреть
в пространство, ограниченное слева
ромашками. Они увяли слева,
а справа — астры заспанная медь.

По вечерам я полюбил смотреть,
как в перекрёстке высохшего зева
спускается на ниточке припева
цветок в цветок, как солнечная клеть.

Тогда мой взгляд, увязнувший на треть
своей длины, колеблется меж нами,
как невод, провисая между нами,

уже в том месте выбранный на треть,
где аккуратно вставленная смерть
глядит вокруг открытыми глазами.

14

В электролите плотных вечеров,
где вал и ров веранды и сирени
и деревянный сумрак на ступенях,
ступеньками спускающийся в ров,

корпускулярный, правильный туман
раскачивает маятник фонарный,
скрипит фонарь, и свет его фанерный
дрожит и злится, словно маленький шаман.

Недомоганье. Тоненький компот.
Одна больная гласная поёт,
поёт и зябнет, поджимая ноги,

да иногда замрёт на полдороге,
да иногда по слабенькой дороге
проедет трикотажный самолёт...

Лицом к природе

1

За огородом начинался лес.
И развивалась леса сердцевина.
В ней шевелилась длинная пружина
и шелестел таинственный процесс.
И, заплетаясь, уходила в лес
густая полимерная малина.
Стояло солнце, плотное, как глина,
и длинный луч качался, как отвес.
Делился пруд и снова тарахтел.
Он первый лёд разламывал, как китель,
и снова сокращался, как числитель,
и снова что-то выдумать хотел.
С какой глубокомысленной тоской
копаясь в темном фейерверке видов,
он ворошил новорождённых гадов
и потрошил разгневанной рукой!
Но как цвела наждачная роса,
когда сходились, щёлкнув, варианты
и шли огнеупорные мутанты,
как будто бы десанты, сквозь леса.
Как хорошо в корпускулярный хлам
уйти с башкой, вращаясь, как Коперник,
и, наступив с размаху в муравейник,
провозгласить: «Природа есть не храм!»
Московский лес игрушечно кипит.
В нём зайцы мрут и плавают министры.
А он стоит, промытый, как транзистор,
и щёлкает,

и дышит,
и свистит!..

2

Цветы не пахнут. Пахнет самосвал.
Два трактора буксуют на дороге.
Четыре агронома, свесив ноги,
сидят на стульях около реки.
Сидят и смотрят вдаль из-под руки.
Туда, где жар закатов остывает.
И восемь рыбок медленно всплывают
внизу, как телефонные звонки.
К ним подойдёт, расталкивая плёс,

гофрированный гад из мезозоя,
он без сапог, на нём пальто чужое,
он весь — как бронепоезд без колёс...
Они зажарят мясо — и съедят.
Задвинут речь — и свалит их зевота.
Потом внезапно вспомнят, что суббота,
и спиннинги над ними засвистят...
«Природа есть не храм». И не вольфрам!
В ней можно наступать на муравейник!

А по утрам гремит, как рукомойник,
наполненный водою по утрам.

3

Сама в себе развешана природа.
На холмах экспонируют холмы
своих холмов округлости, где мы
гуляем в котелках и с веерами,
мужчины — в брюках, дамы — с топорами,
собачки с автоматиками и
небранный Марк в рубашке из бензина.
За деньги можно, вынимая рук
пустые клешни из вечерних брюк,
смотреть, как развивается природа:
направо — лес, налево — вытрезвитель,
а прямо — речка в собственном соку,
и пароход, похожий на клюку,
и паровоз над ними, как числитель.
Прекрасен лес и в лесе человек!
Я так люблю варенье из малины.
По почве погулять, насобирать
для самовара пучеглазых шишек
и возвратиться к вечеру домой...

.....
А загорится — бомбами потушим!

* * *

Над оседающим раствором,
невозмутимого размера,
тупым вращающимся тором
всплывала лунная химера.

Над металлическим забором.
Над покосившимся примером.
Где наклонялись над зазором
два равномерных инженера.

Дышало гладом. Пахло мором.
Как рыбьим жиром, душным жаром.
Тупым отбором, диким жором
в прудах, лесах и на базарах.

В зелёных кольцах вился гад.
И звёзды плавали в болоте.

Я спал. Мне снился детский сад,
как ДНК на повороте.

Фотофакт

Хорошо работает тралмастер,
снюрревод кроит из ничего.
И о том, что «нету в жизни счастья»,
на руке написано его.
Он глядит весёлыми глазами
на большой, как дом, БМРТ
и большими красными руками
разливает водку в темноте.
Ни жены, ни качки, ни начальства,
не боится Федя ничего.
И о том, что много в жизни счастья,
на лице написано его.

* * *

Там за окошком развивался лес.
Как яйцеклетка. (Как грудная жаба.)
Внутри него злодействует отвес,
а снег над ним стоит,
как дирижабль.
Не падая, не опускаясь вниз,
но так располагаясь вдоль сетчатки,
что вместе с ним качаются участки
земли, как опрокинутый карниз.
И вместе с арматурой корней
они спрессованы в одно большое эхо
плотней, чем орден, тяжелей, чем бляха
с насильно выдавленным якорем на ней...

Так длился лес
из белых электричек,
и, вваливаясь, трудовой народ,
когда я говорил, смотрел мне в рот,
и я давал им
сигарет и спичек.

Из поэмы

Я мастер по ремонту крокодилов.
Окончил соответствующий вуз.
Хочу пойти в МИМО, но я боюсь,
что в эту фирму не берут дебилов.

Мы были все недалёкая родня.
Среди насмешек и неодобренья
они взлетали в воздух у меня,
лишённые клыков и оперенья.

Я создал новый тип. Я начинал с нуля.
Я думаю, что вы меня поймёте.
Я счастлив был, когда на бреющем полёте
он пролетал колхозные поля.

Но, видно, бес вошёл в ту ночь в меня,
и голос мне сказал, чтобы задаром
он не пропал, ему нужна броня.
И вот я оснастил его радаром.

Я закупил английский пулемёт.
На хвост поставил лазерную пушку...

Последний раз его видали в Кушке.
Меня поймали, выбрили макушку,
и вот о нём не слышу целый год.

Хотя, конечно, говорящий клоп
полезнее, чем клоп неговорящий,
но я хочу работы настоящей,
в которой лучше действует мой лоб.

Я мастер по ремонту крокодилов.
Вокруг меня свобода и покой.
Но чтоб в груди дремали жизни силы,
я не хочу на всё махнуть рукой.

.....

Прошу вернуть меня назад обратно
(не верьте, что болтают про меня).
И мы с моим биноклем семикратным
продолжим изучение огня!

* * *

*Ласточка с весною
в сени к нам летит...*

В глуши коленчатого вала,
в коленной чашечке кривой
пустая ласточка летала
по возмутительной кривой.
Она варьировала темы
от миллиона до нуля:
инерциальные системы,
криволинейные поля.
И вылетала из лекала
в том месте, где она хотела,

но ничего не извлекала
ни из чего, там, где летела.
Ей, видно, дела было мало
до челнока или затвора.
Она летала как попало,
но не оставила зазора
ни между севером и югом,
ни между Дарвином и Брутом,
как и диаметром и кругом,
как и термометром и спрутом,
между Харибдой и калибром,
как между Сциллой и верлибром,
как между Беллой и Новеллой,
как и новеллой и Новеллой.
Ах, между Женей и Андреем,
ах, между кошкой и собакой,
ах, между гипер- и бореем,
как между ютом или баком.
В чулане вечности противном
над безобразною планетой
летала ласточка активно,
и я любил её за это.

* * *

Я добрый, красивый, хороший
и мудрый, как будто змея.
Я женщину в небо подбросил —
и женщина стала моя.

Когда я с бутылкой «Массандры»
иду через весь ресторан,
весь пьян, как воздушный десантник,
и ловок, как горный баран,

все пальцами тычут мне в спину,
и шёпот вдогонку летит:
он женщину в небо подкинул,
и женщина в небе висит...

Мне в этом не стыдно признаться:
когда я вхожу, все встают
и лезут ко мне обниматься,
целуют и деньги дают.

Все сразу становятся рады
и словно немножко пьяны,
когда я читаю с эстрады
свои репортажи с войны,

и дело до драки доходит,
когда через несколько лет
меня вспоминают в народе
и спорят, как я был одет.

Решительный, выбритый, быстрый,
собранный все нервы в комок,
я мог бы работать министром,
командовать крейсером мог.

Я вам называю примеры:
я делать умею аборт,
читаю на память Гомера
и дважды сажал самолёт.

В одном я виновен, но сразу
открыто о том говорю:
я в космосе не был ни разу,
и то потому, что курю...

Конечно, хотел бы я вечно
работать, учиться и жить
во славу потомков беспечных
назло всем детекторам лжи,

чтоб каждый, восстав из рутины,
сумел бы сказать, как и я:
я женщину в небо подкинул —
и женщина стала моя!

* * *

Да здоровствует старая дева,
когда, победив свою грусть,
она теорему Виета
запомнила всю наизусть.

Всей русской душою проникла,
всем пламенем сердца вошла
и снова, как пена, возникла
за скобками быта и зла.

Она презирает субботу,
не ест и не пьёт ничего.
Она мозговую работу
поставила выше всего.

Её не касается трепет
могучих инстинктов её.
Всё вынесет, всё перетерпит
суровое тело её,

когда одиноко и прямо
она на кушетке сидит
и, словно в помойную яму,
в цветной телевизор глядит.

Она в этом кайфа не ловит,
но, если страна позовёт, —
коня на скаку остановит,
в горящую избу войдёт!

Малярит, латает, стирает,
за плугом идёт в борозде,
и северный ветер играет
в косматой её бороде.

Она ничего не кончала,
но мысли её торжество,
минуя мужское начало,
уходит в начало всего!

Сидит она, как в назиданье,
и с кем-то выходит на связь,
как бы над домашним заданьем,
над всем мирозданием склоняясь.

Переделкино

Гальванопластика лесов.
Размешан воздух на ионы.
И переделкинские склоны
смешны, как внутренность часов.

На даче спят. Гуляет горький
холодный ветер. Пять часов.
У переезда на пригорке
с усов слетела стая сов.

Поднялся вихорь, степь дрогнула.
Непринуждённа и светла,
выходит осень из загула,
и сад встаёт из-за стола.

Она в полях и огородах
разруху чинит и разбой
и в облаках перед народом
идёт-бредёт сама собой.

Льёт дождь... Цепных не слышно псов
на штаб-квартире патриарха,
где в центре аглицкого парка
стоит Венера. Без трусов.

Рыбачка Соня как-то в мае,
причалив к берегу баркас,
сказала Косте: «Все вас знают,
а я так вижу в первый раз...»

Льёт дождь. На темный тес ворот,
на сад, раздёрганный и нервный,
на потемневшую фанерку
и надпись «Все ушли на фронт».

На даче сырость и бардак.
И сладкий запах керосина.
Льёт дождь... На даче спят два сына,
допили водку и коньяк.

С крестов слетают кое-как
криволинейные вороны.
И днём и ночью, как учёный,
по кругу ходит Пастернак.

Направо — белый лес, как бредень.
Налево — блок могильных плит.
И воет пёс соседский, Федин,
и, бедный, на ветвях сидит.

И я там был, мёд-пиво пил,
изображая смерть, не муку,
но кто-то камень положил
в мою протянутую руку.

Играет ветер, бьётся ставень.
А мачта гнётся и скрипит.
А по ночам гуляет Сталин.
Но вреден север для меня!

* * *

И. М.

На холмах Грузии лежит такая тьма,
что я боюсь, что я умру в Багеби.
Наверно, Богу мыслилась на небе
Земля как пересыльная тюрьма.

Какая-то такая полумгла,
что чувствуется резкий запах стойла.
И, кажется, уже разносят пойло...
Но здесь вода от века не текла.

Есть всюду жизнь.
И тут была своя, —
сказал поэт и укатил в Европу.
Сподобиться такому автостопу
уже не в состоянии даже я.

Неприхотливый город на крови
живёт одной квартирой коммунальной
и рифмы не стесняется банальной,
сам по себе сгорая от любви.

А через воды мутные Куры,
непринуждённо руку удлинняя,
одна с другой общается пивная,
протягивая «ронсон» — прикури!

Вдвойне нелеп здесь милиционер,
когда, страдая от избытка такта,
пытается избавиться от факта
не правонарушения — манер.

На эту пару рифм другой пример:
это вполне благоприятный фактор,
когда не нужен внутренний редактор
с главным редактором: он не миллионер.

Я от Кавказа делаюсь болтлив.
И, может быть, сильнее, чем от «Кавказа».
Одна случайно сказанная фраза
сознание обнажает, как отлив.

А там стоит такая полумгла,
что я боюсь, что я умру в Багеби.
Наверно, Богу мыслился на небе
наш путь как вертикальная шкала...

На Красной площади всего круглей Земля!
Всего горизонтальней трасса БАМа.
И мы всю жизнь толчёмся здесь упрямо,
как Вечный жид у вечного нуля.

И я не понимаю, хоть убей,
зачем сюда тащиться надо спьяну,
чтобы тебя пристукнул из нагану
под Машуком какой-нибудь плебей.

Самиздат-80

За окошком света мало,
белый снег валит, валит.
Возле Курского вокзала
домик маленький стоит.

За окошком света нету,
из-за шторок не идёт.
Там печатают поэта —
«шесть копеек разворот».

Сторож спит, культурно пьяный.
Бригадир не настучит —
на машине иностранной
аккуратно счётчик сбит.

Без напряжения, без подлянки
дело верное идёт
на Ордынке, на Полянке,
возле Яузских ворот...

Эту книжку в ползарплаты
и нестрашную на вид
в коридорах Госиздата
вам никто не подарит.

Эта книжка ночью поздней,
как сказал один пиит,
под подушкой дышит грозно,
как крамольный динамит.

Но за то, что много света
в этой книжке между строк,
два молоденьких поэта
получают первый срок.

Первый срок всегда короткий,
а добавочный — длинней.
Там, где рыбой кормят чётко,
но без вилок и ножей.

И когда их, как на mine,
далеко заволокло,
пританцовывать вело,
кто-то сжалился над ними:
что-то сдвинулось над ними,
в небесах произошло.

За окошком света нету.
Прорубив его в стене,
запрещённого поэта
напечатали в стране.

«Против лома нет приёма» —
и крамольный динамит
без особенного грома
прямо в камере стоит.

Два подельника ужасных,
два бандита — бог ты мой! —
недолеченных, мосластых,
по шоссе Энтузиастов
возвращаются домой...

И кому всё это надо
и зачем весь этот бред,
не ответит ни Полянка,
ни Ордынка, ни Лубянка,
ни подземный Ленсовет,
как сказал другой поэт.

Дружеское послание Андрею Козлову
в город Свердловск по поводу гласности

Привет тебе, блистательный Козлов!
В Москве зима. Всё движется со скользом.
В пивбарах квас, а в ресторанах — плов.
Последний пленум был не в нашу пользу.

Вчера опять я был в Политбюро
и выяснил, как Ельцина снимали...
Все собрались в Георгиевском зале,
шёл сильный газ, и многих развезло.

И вдруг с ножом он вышел из угла,
высокий, стройный, в вылинявшей тройке,
и надпись «Ножик в спину перестройке»
по лезвию затейливая шла.

И так сказал: «Всё бред и ерунда.
Я знаю лучше всех про всё на свете.
Перед народом совестно, когда
вы с гласностью играете, как дети».

«Вопрос неясен, но предельно прост —
К свободе путь да будет кровью полит!
Вас надо всех немедленно уволить,
чтобы я занял самый главный пост!»

Ему резонно отвечал Егор,
с достоинством, спокойно и без мата:
«Ты сильный парень, но на дипломата
не тянешь, Боря. Положи топор!»

Лучась улыбкой доброй, пряча взгляд,
подумал вслух начальник всех министров:
«Мы вместе с ним ходили в детский сад,
уже тогда прослыл он экстремистом».

Прикрыв глаза холёною рукой
и трогая под мышкой портупею,
сказал с ухмылкой Чебриков: «Не смею
вам возразить, но сам ты кто такой?»

Тут Язов круто тему повернул
и навинтил на ствол пламегаситель:
«Кто поднял меч на спецраспределитель,
умрёт от этой пули. Встань на стул!»

Все повскакали с мест, и под галдёж,
чтоб сзади не зашли и не связали,
он отскочил к стене и бросил нож
на длинный стол в Георгиевском зале.

Потом его прогнали все сквозь строй.
Представь, Козлов, — в Георгиевском зале!
Один не бил, не помню, кто такой...
Он крикнул напоследок, чтоб мы знали:
«Я вольный каменщик, я ухожу в Госстрой!»

Прости, Козлов, я это так слышал.
А может, было всё гораздо хуже.
Я гласностью, как выстрелом, разбужен.
Хочу сказать: убили наповал!

О гласности, Козлов, я всё о ней,
голубушке, которой так и нету.
Зато лафа подвальному поэту:
чем меньше гласности, тем мой язык длинней.

В Москве зима. Зима не в нашу пользу.
В пивбарах квас, а в ресторанах плов.
Как говорится, нож прошёл со скользом...
Привет тебе, блистательный Козлов!

8 ноября 1987

* * *

О чем базарите, квасные патриоты?
Езжайте в Грузию, прочистите мозги.
На холмах Грузии, где не видать ни зги,
вот там бы вы остались без работы.

Богаты вы, едва из колыбели,
вот именно, ошибками отцов...
И то смотрю, как все поднаторели,
кто в ЦэДээЛе, кто в политотделе —
сказать ещё? В созвездье Гончих Псов.

Но как бы вас масоны ни споили,
я верю, что в обиду вас не даст
Калашников, Суворов, Джугашвили,
Курт Воннегут, вельвет и «адидас»!

* * *

Девятый год войны в Афганистане.
И я подумал: «Хватит мне молчать!»
Сейчас меня ругать никто не станет,
что я решил об этом написать.

Сейчас меня, наверное, похвалят,
чтоб напечатать сразу здесь и там.
Ну, кроме тех, кто на лесоповале:
все за Афган, но по другим статьям.

Меня поймут и Язов, и Громыко,
пускай с трудом, но это их дела.
Поймут меня и Сахаров, и Быков,
поймёт Василий Теркин, Гоп-со-смыком,
и уж легко поймёт Наджибулла.

Ну, может, не поймёт меня Проханов,
ну, Розенбаум, ну, Бабрак Кармаль,
ну... младший Боровик!
Но из душманов
любой Фарид отдаст мне свой медаль.

Пришёл конец кошмарным голодовкам,
и снова можно водку выпивать.

Нам даже очень гордые литовки
в трамваях стали место уступать.

Эмблемы в урны, братья пацифисты!
И танки
возвращаются с войны.
Нам позарез нужны специалисты
внутри страны!

* * *

В начале восьмого с похмелья болит голова
не так, как в начале седьмого; хоть в этом спасенье.
Сегодняшний день — это день, поражённый в правах:
глухое похмелье и плюс ко всему воскресенье.

И плюс перестройка, и плюс ещё счёты свести
со всем, что встаёт на дыбы от глотка самогона.
Вот так бы писать и писать, чтоб с ума не сойти,
в суровой классической форме сухого закона...

Вот видите, сбился, опять не туда повело:
при чем здесь «сухой» самогон, когда спирта сухого
глоток... Извиняюсь, опять не про то. Тяжело
в ученье с похмелья в бою... Будь ты проклято! Снова.

Вернее, сначала. В начале восьмого башка...
Люблю тебя, жизнь, будь ты проклята снова и снова.
Уже половина... восьмого стакана... рука
уже не дрожит, и отыскано верное слово.

* * *

Человек работает во сне,
словно домна, цех или колун.
Это ничего, что на спине
он лежит и вроде бы уснул.

Мозг его работает во сне,
как страна работает весной.
(Как страна в какой-нибудь стране,
как магнитофон переносной.)

Сквозь себя проходит, как сквозь лес,
сам с собой выходит на таран.
Как металлургический процесс
и полифонический экран.

Сон его на секторы разбит.
Потому, наверно, и красив.
Сколько в нём непройденных орбит,
столько в нём обратных перспектив.

Мозг его долбаёт сам себя.
Постепенно строится, как мост.
В сущности, как мост через себя.
Потому — извилистый, как мозг.

Мозг его работает, как скот.
И глядит вокруг, как водопой.
Никакой он не калейдоскоп,
не аккумулятор никакой.

Если проецирует во тьму
собственные мысли про буфет —
сразу погружается во тьму
или же спускается в буфет.

Одуревший от мифологем,
человек уснёт, как истукан.
А мозг его, как будто автоген,
все виденья режет пополам.

А если накануне перебрал,
водку пил с портвейном пополам —
сразу натывается на хлам,
создаёт искусственный астрал.

Там, где человека человек
посылает взглядом в магазин.
Кажется, там тыща человек,
но, в сущности, он там всегда один...

У природы есть немного тем,
и она варьирует их тем,
что она варьирует их тем,
кто хотел бы заняться не тем.

Пусть один работает на пне,
а другой — за письменным столом.
Но человек работает — во сне,
интересном, как металлолом.

Потому, что он не ЭВМ.
Даже если служит в МВД.
Вне систем, конструкций или схем
всё равно очнется на звезде,

там, где я, свободный дзэн-буддист,
не читавший Фрейда и Лилли,
сплю, как величайший гуманист,
на платформе станции Фили.

Ночная прогулка

Мы поедem с тобою на А и на Б
мимо цирка и речки, завёрнутой в медь,
где на Трубной, вернее сказать, на Трубе,
кто упал, кто пропал, кто остался сидеть.

Мимо темной «России», дизайна, такси,
мимо мрачных «Известий», где воздух речист,
мимо вялотекущей бегущей строки,
как предсказанный некогда ленточный глист.

Разворочена осень торпедами фар,
пограничный музей до рассвета не спит.
Лепестковыми минами взорван асфальт,
и земля до утра под ногами горит.

Мимо Герцена — кругом идёт голова.
Мимо Гоголя — встанешь и — некуда сесть.
Мимо чаек лихих на Грановского, 2,
Огарева, не видно, по-моему, — 6.

Мимо всех декабристов, их не сосчитать,
мимо народовольцев — и вовсе не счесть.
Часто пишется «мост», а читается «мечь»,
и летит филология к чёрту с моста.

Мимо Пушкина, мимо... куда нас несёт?
мимо «тайных доктрин», мимо крымских татар,
Белорусский, Казанский, «Славянский базар»...
Вон уже еле слышно сказал комиссар:
«Мы ещё поглядим, кто скорее умрёт...»

На вершинах поэзии, словно сугроб,
намечает метафора пристальный склон.
Интервентская пуля, летящая в лоб,
из затылка выходит, как спутник-шпион!

Мимо Белых Столбов, мимо Красных ворот.
Мимо дымных столбов, мимо траурных труб.
«Мы ещё поглядим, кто скорее умрёт». —
«А чего там глядеть, если ты уже труп?»

Часто пишется «труп», а читается «труд»,
где один человек разгребает завал,
и вчерашнее солнце в носилках несут
из подвала в подвал...

И вчерашнее солнце в носилках несут.
И сегодняшний бред обнажает клыки.
Только ты в этом тёмном раскладе — не туз.
Рифмы сбились с пути или вспять потекли.

Мимо Трубной и речки, завёрнутой в медь.
Кто упал, кто пропал, кто остался сидеть.
Вдоль железной резьбы по железной резьбе
мы поедem на А и на Б.

* * *

Е. Гайдари

Люблю инфляцию.
Но странную любовью!
Не победит её рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
ни полный гордого презрения покой,
ни тёмной старины заветные преданья
не шевелят во мне отрадного мечтанья.
Просёлочным путем люблю скакать в телеге
и, взором медленным пронзая ночи тень,
глядеть по сторонам, вздыхая о ночлеге,
дрожащие огни печальных деревень.
С горы идёт крестьянский комсомол
и под гармонику, наяривая рьяно,
орет агитки Бедного Демьяна,
весёлым криком оглашая дол...

Вот так страна!
Какого ж я рожна
орал в своих стихах, что я с народом дружен...
Моя поэзия здесь больше не нужна.

Да я и сам здесь никому не нужен.

Александр ПРОХАНОВ

Меченосец

(Продолжение. Начало в № 3 за 2025 год)

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Они стояли на Сретенке, в летних бархатных сумерках. Полыхали водянистые фары. Пахло нагретыми крышами, цветочными клумбами, духами проходивших женщин, табаками куривших мужчин. Листовидов не хотел расставаться с Варей. Вечер был не окончен, имел продолжение. Шальные танцы, летающие огни, льющаяся из кувшина вода, пшеничный сдобный ломоть — всё отпрянуло. Он стоял рядом с Варей, прислушиваясь к тому чудесному, драгоценному, что взрастало между ними.

— Вам поразительно идет шляпа, — засмеялась она. — Еще бы трость, и вы вылитый фронт. Придется подарить вам шляпу.

— Вы подарили мне галстук и выбрали пиджак. Собираете для меня гардероб?

— А разве есть кому следить за вашим гардеробом?

ПРОХАНОВ Александр Андреевич — прозаик, публицист, сценарист, политический и общественный деятель, главный редактор газеты «Завтра», член правления Союза писателей России, председатель и один из учредителей Изборского клуба (сообщества экспертов, изучающих внутреннюю и внешнюю политику России), член Общественного совета при Министерстве обороны РФ. Родился в 1938 году. Живет в Москве. Награжден орденами «Знак Почета» (1981), Трудового Красного Знамени (1984), Дружбы народов (1988), Александра Невского (2023). Лауреат премии Ленинского комсомола (1982), премий журналов «Знамя» (1984), «Наш современник» (1990, 1998), Международной Шолоховской премии (1998), Бунинской премии (2009), Всероссийской литературной премии имени Н. С. Лескова «Очарованный странник» (2012), Международной литературной премии «Белые журавли России» (2013), премии «Золотой Дельвиг» (2013), Всероссийской премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова в номинации «За вклад в русскую литературу» (2023), Национальной литературной премии «Слово» (2024). В 2025 году удостоен звания Героя Труда РФ за особые заслуги в развитии отечественной культуры и литературы.

- Он невелик. Скафандры, шлемы, спецодежда.
- Теперь появятся кипы.
- Хотел спросить, как вы заводите такие знакомства? Чего стоят психи, или русисты, или раввины. Не всякого к себе подпустят.
- Я умею их очаровывать. Погружаюсь в их мир, становлюсь ими, и они принимают меня.
- Вам бы впору работать разведчиком.
- А я и есть разведчик. Моя диссертация называлась «Социология закрытых общественных групп». Такому исследованию позавидует любая разведка.
- Лубянка к вам обращалась?
- Ни разу. Там сидят глухие, слепые. Только и умеют, что ставить к стенке. Не видят, что творится под носом. Не видят, как всё осыпается. Знаете, как погибают горы? Понемногу, незаметно. Камушки шуршат, ветерок веет, солнышко греет. Там открылась трещинка, там улетела песчинка — и нет горы. Однажды проснемся и увидим, что нет государства.
- Ваша информация должна быть востребована.
- Мне кажется, она востребована.
- Кем?
- Не знаю, не могу объяснить. Может быть, космосом. Не вами. Признаться, я не очень-то верю в ваши космические деревни. Я говорю о тех, кто наблюдает за нами из космоса.
- Вы говорите о пришельцах? Сейчас все ищут пришельцев.
- Не знаю. Но кто-то наблюдает. Я чувствую, как за мной наблюдают.
- Странно, но и мне так кажется. Чьи-то глаза, немигающие, неподвижные, как луна в окне.
- В Москве есть одно место. Оттуда пришельцы, или космические разведчики, как угодно, передают добытую информацию в свои инопланетные центры. Они собирают о нас информацию и передают на небо...
- Ангелы? Посланцы света, Царя царей, благословен Он?
- Хотите, покажу это место?
- Покажите. Может, нас обоих возьмут на небо...
- Они катили по Садовой. Он чувствовал близость ее плеча, высокую шею, вспыхивающее от встречных фар лицо. Не решался на нее посмотреть. Здания, мимо которых пролетало ее лицо, вдруг светлели, озарялись. Больница Склифосовского становилась бирюзовой, ресторан «Пекин» начинал золотиться, высотка на площади Восстания казалась розовым облаком, Крымский мост переливался, как черноморская раковина. Загорались и гасли. На Ленинском проспекте остановились у Градской больницы. На желтых ампирных фасадах горели окна, словно там шел бал.
- Там лежат сердечники. Им страшно в темноте.
- Они миновали больничный сквер, обогнули здание. В железной изгороди отыскивали калитку. За ней темнел Нескучный сад. Веяло близкой рекой, землей, листвой, запахами близкой осени.
- Здесь оно происходит. Не знаю, что это. Но происходит.
- Они стояли в темноте. За спиной горели окна клиники. Впереди непроглядно чернел Нескучный сад, и над ним чуть светлело небо. Сергей Максимович стоял за спиной Вари, видел ее близкие волосы. Хотелось обнять ее за плечи, повернуть к себе, поцеловать, почувствовать мягкую влагу губ.

— Вот оно! — она смотрела во тьму, где чернела кромка деревьев.

Над черными вершинами небо слабо зеленело. Так светятся ночами морские прибои. Свет волновался, трепетал, словно из пучины всплывала глубоководная рыба. Появился прозрачный шар, зыбкий, дрожащий. Колыхался над деревьями, медленно возносился. Превратился в каплю, капнул в небо и пропал.

— Видели? — Варя отступила на шаг и прижалась к нему спиной.

Над парком появился шар, крупнее первого, зеленоватый, прозрачный. В нем тихо переливалось, дышало. В нем был свет. Шар медленно рос, раздваивался. Из него возник второй шар. Они покачивались, касаясь друг друга. Превратились в капли и умчались ввысь.

— Они живые. Это чьи-то души, — шептала она.

— Может, это души сердечников? — сказал он, оглядываясь на горящие больничные окна. — Умирают, а их души улетают с земли.

Из леса всплыл большой зеленоватый шар. Его стенки вздрагивали, как у мыльного пузыря, готового лопнуть. Лопнул, распался на множество мельчайших брызг. Брызги дрожали в небе, а потом их смыло. Листовидову показалось, что на него упала роса.

— Что это может быть?

— Оптический эффект. Особая воздушная линза. Холодный воздух реки встречается с теплым воздухом леса. В Парке культуры аттракционы, огни. Их свет проходит сквозь линзу и рождает шары.

Зеленоватые шары продолжали всплывать. Земля плодоносила. В черном парке открылась плодоносящая матка, рождавшая воздушные тела. Это были таинственные плоды земли, улетающие в небо.

Шар качался над лесом. Растягивался, становился плоским. Превращался в розовый гриб с перепончатой шляпкой и хрупкой ножкой. Другой всплывший шар стал медузой, жемчужной, со множеством свисавших из-под купола ножек. Листовидов почувствовал на лице слабый ожог, какой оставляет в море скользнувшая по щеке медуза. Уловил грибной запах сырого леса. Розовый гриб и жемчужная медуза слились в голубую сферу, улетевшую в небо.

Капитан зачарованно смотрел. Он присутствовал при явлении, которому не находил объяснения. Это было чудо, одно из непостижимых, рождавших сказки, суеверия, знамения, хранимых под грифом «секретно» в закрытых научных центрах.

Из глубин ночного леса поднялся прозрачный голубой столб, словно зажегся прожектор. Столб уходил глубоко ввысь. В нем прозрачно струилось, текло. По огромному световоду утекали с земли энергии света. Столб погас. Стало пусто, пахло озоном. У Листовидова кружилась голова, будто он надышался эфиром.

Над лесом занялась заря, голубая, золотистая, алая. В заре всплыла роза. Ее лепестки трепетали. Сергей Максимович чувствовал аромат.казалось, она поднялась из невидимого сада, и незримый садовник протянул ее Листовидову. Роза пропала, но аромат всё витал.

Видения исчезли, волшебство прекратилось. Голова его сладко плыла. Он обнял Варю за плечи, повернул к себе и поцеловал близкое, с закрытыми глазами лицо, чувствуя, как растворились ее губы, какая в них сладость, как долго длится их поцелуй, и она не хочет его отпускать.

Она положила голову ему на плечо. Он прижал ее к себе, обнимая, погружая ладонь в ее волосы. Она вздрагивала, не давала на себя посмотреть, плакала. Он хотел заглянуть ей в лицо. Она отбивалась, рыдала.

— Не смейте ко мне прикасаться! — вырвалась, побежала. Ошеломленный, он гнался за ней.

— Что случилось? Куда вы?

— Не смейте, не смейте!

Они пробежали мимо пылающей окнами клиники, через сквер, на Ленинский проспект. Она закачалась на краю тротуара, будто хотела упасть на проезжую часть, под колеса.

— Пойдите! Я сейчас подгоню машину! — он кинулся туда, где стояла его машина. Увидел, как налетает зеленый огонек. Она махала рукой. Такси остановилось, она скользнула внутрь. Такси ушло, а он стоял, несчастный, среди водянистых вспышек, не понимая, что же ужасное произошло на волшебном месте, что так жутко их разлучило.

Он вернулся домой и сидел под лампой, оглушенный, будто попал под взрыв.

Хотел понять, что стряслось, какую оплошность он допустил, чем ее ранил, что невидимое, жуткое вонзилось в нее, причинило нестерпимую боль. Тогда ли, когда ее целовал, не отпуская влажных шелковых губ? Или минутой позже, когда положила голову ему на плечо, и он счастливо замер, боясь шевельнуться? Или прежде, когда в синей тьме всплыла медуза, шевеля жемчужными лапками, обожгла, и ожог всё еще горит на щеке? Или на Садовой, когда пролетали мимо ресторана «Пекин», и зажегся красный иероглиф? Или в безумном танце под возгласы «Ой-вей», и профессор Браудо топтался, продавливая пол, а Изя взлетал под потолок, успевая в полете хлопнуть ножкой о ножку, и Клара Соломоновна, утонув в подушках, стенала в соседней комнате: «Изя, не надо»? Нет, еще раньше, когда отбивал ее на проезде Серова у двух хулиганов, и один был в красной, другой в зеленой рубашке. Или в синей и в желтой. Или в желтой и зеленой. Или в детстве, когда выпал из лодки, и смыкалась над ним зеленоватая муть, и всё булькало, гасло, исчезало навек, и рука, материнская или Божья, швырнула его из реки, и он спасся, чтобы сидеть теперь в одинокой квартире, не понимая, кто он такой, куда его внедрил генерал? Не генерал, а невидимый, безымянный, кто вышвырнул его из реки и внедрил в эту жизнь, которую он никогда не поймет? Он вернется к тому, кто послал его в эту жизнь, и принесет на ладони крупницу добытого знания — эту невыносимую боль и ожог на щеке.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Варя не звонила, пропала в солнечных московских днях, в бесчисленных толпах, голошениях, где невозможно ее отыскать, сколько ни кружи по Садовой, ни плыви на речном трамвайчике, ни карауль у парадных подъездов, ни блуждай в сумерках Нескучного сада. Листовидов порывался звонить и не решался. Вспоминал ее злой вскрик, обморочное, в свете больничных окон, лицо. Мысль о ней глушила все остальные мысли. Она была помеха, была бремя, была любимая. В ее грудном певучем голосе вдруг слышалась малая

трещинка, издававшая звук ослабевшей струны. В ней был надлом, из которого вырвался больной вскрик, показалась на мгновение тайна, оставшаяся неразгаданной, унесенная зеленым огоньком ночного такси. Женщина появилась в его жизни, чудесно преобразила жизнь, показала волшебное место с летающими шарами и исчезла. Оставила ожог на щеке и ровную, длящуюся непрерывно боль.

Варя позвонила через неделю, весело, легко. Он счастливо ловил не слова, а грудные певучие переливы ее любимого голоса.

— Я бросила вас на произвол судьбы. Уезжала в Ленинград. Хотите по-видаемся?

— Не оставляйте меня надолго. Без вас могу забрести в случайную компанию, и в космос попадут не те люди.

— Хотите познакомиться с фашистами?

— Мы едем в Третий рейх?

— Гораздо ближе. В Черемушки.

— Это фашистский район?

— Ну да, пройдете сквозь Бранденбургские ворота, и сразу за имперской канцелярией — Черемушки.

— Не знал, что в Москве есть фашисты. Думал, их остановили у Волоколамска.

— В Москве есть всё. Култ вуду на Сивцевом Вражке с человеческими жертвами. Шаманы со священной рощей в Тимирязевском парке. Индусы, сжигающие покойников на берегу Яузы.

— Я всё это могу увидеть?

— Если они примут вас за своего. Тем, к кому вас веду, я сказала, что вы германофил и преклоняетесь перед Отто Скорцени.

— Вы не сказали, что я получил Железный крест за аншлюс Австрии?

— Нет, но они знают, что вы храбро сражались против Монтгомери в Арденнах.

— Значит, там я буду своим.

Они встретились у Черемушкинского рынка, колпака, под которым клубился люд среди кочанов капусты, свинячьих голов, слизистых рыбин. Листовидов радостно смотрел на ее розовые губы, которые целовал, на черные, с медным отливом, волосы, куда погружал руку, на приподнятые плечи, которыми она поводила, когда обнял ее. И был он счастлив, и легок, и думал, как чудесно, что миновала его боль, остыл на щеке ожог. Как восхитительна синева ее темных глаз.

Они подъехали к дому, серой панельной пятиэтажке. Швы между панелями были промазаны гудроном. Дом казался исполосованным черными уродливыми швами. Пешком поднялись на пятый этаж. На лестничных площадках стояли детские коляски, трехколесные велосипеды. Из-за дверей доносились музыка, голоса, собачий лай. Тянуло кислыми запахами еды. На лестнице у окна двое мужчин, один в майке, другой в мятой рубаше, курили, стряхивая пепел в консервную банку, полную окурков.

Дверь открыла молодая дородная женщина в домашней сорочке, пышногрудая, с полными руками и чудесными ласковыми голубыми глазами. Радостно заокала, увидев Варю:

— Соскучилась, родная моя! Ты совсем нас забыла. Спасибо за лекарство. Коленьке помогло.

За спиной женщины в тесной прихожей появился худой бледный мальчик с чудесными, васильковыми, как у матери, глазами, и малыш, такой же синеглазый, строгий, недоверчиво глядящий на гостей.

— Как Вадим мне сказал: «К нам Варя идет», я блины собралась печь.

— Мой друг Сергей Максимович, — представила Листовидова Варя. — А это Анна, наша Лорелея.

— Проходите, проходите, — окая, произнесла Анна, пропуская гостей из прихожей в комнату.

Комната была тесной, с низким потолком, неказистой люстрой, унылым шкафом, столом, диваном. Но стены комнаты драгоценно сверкали стеклянными коробками, полными бабочек. Каждая коробка казалась прожектором стоцветных лучей. Листовидов, облученный световыми потоками, не сразу понял, что это бабочки, и не сразу обратил лицо к тем, кто находился в комнате.

Находились двое. Светловолосый мужчина с высоким лбом, прямым сильным носом, крепким ртом, твердым подбородком. И на этом мужественном плакатном лице слишком тонкой и нежной казалась переносица, слишком пушистыми, серыми, не в тон волос, были брови, и странно сияли большие, чуть нависают, глаза, цвет которых было невозможно уловить: они переливались, как стеклянные коробки с бабочками. Природа свечения глаз и стеклянных коробок была одна и та же. Перед мужчиной на столе стояло блюдо, накрытое хрустальным колпаком, и в хрустале что-то сверкало, лазурное, неразличимое.

Тут же находилась женщина, гибкая, тонкорукая, рыжая. Лицо ее было заостренное, чуткое, лисье, с зоркими, ищущими глазами. Перед ней лежал фотоаппарат, готовый щелкать, стрелять.

— Сергей Максимович, — Варя представила Листовидова. — Ваш единомышленник, Вадим Викторович, и в будущем, возможно, соратник. А это Лена, личный фотограф Вадима Викторовича. Создает фотолетопись партии от дней творения до победного триумфа. Лена, то есть Лени Рифеншталь.

— До победного триумфа или триумфального поражения. Тогда моя Анна достанет шприц и вколет яд нашим детям, как Марта Геббельс, — засмеялся тот, кого называли Вадимом Викторовичем. Два синеглазых мальчика стояли в дверях и слушали смех отца.

— Рад знакомству, — Вадим Викторович пожал Листовидову руку, — Варя рассказала о вас. Верно ли, что ваш дед хотел стать бургомистром Москвы, в случае, если ее займут немцы?

— К сожалению, ему не удалось стать бургомистром даже Волоколамска, — капитан не знал, что еще наговорила Варя, желая сделать его «своим» среди фашистов.

— У нас будет время, Сергей Максимович, побеседовать. Сейчас я должен расправить бабочку, очень дорогой экземпляр, — Вадим Викторович кивнул на хрустальный колпак с мерцающим лазуритом. — Бабочка увлажнилась. Можно поместить в расправилку.

Листовидов присел на стул за спиной хозяина.

Вадим Викторович снял с блюда хрустальный колпак. На влажной ткани полыхнул ослепительный голубой треугольник. Бабочка, сложив крылья, переливалась, озаренная окном. Цвет был неземной, божественный. Волновал

не только глаза, а восхищал потаенные глубины души, где жил ангел. Такой цвет бывает на иконах, где ангел несет девственную лилию. В голых вершинах мартовских тополей, полных разбуженных соков, уловивших ветвями синих, до черноты, небес. Такой цвет бывает в весенних лужах среди золотой стерни, на которые слетают с неба златогрудые селезни. Так восхитила бабочка гостя, замороженного неземной лазурью.

Хозяин держал булавку с пронзенной бабочкой. Листовидов видел его белые пальцы с чистыми розовыми ногтями и обручальное кольцо.

Деревянная расправилка, две липовые дощечки с прогалом, истыканные множеством проколов прежних булавок. Вадим Викторович поместил тельце бабочки в прогал, развел в стороны крылья, словно раскрыл страницы драгоценной маленькой книги. Бабочка сияла на расправилке, среди лучистых булавок, переливалась серебром. Капитан околдованно смотрел, замороженно изумлялся утонченным движениям Вадима Викторовича, его эстетизмом. Фотограф Лена непрерывно щелкала камерой. Снимала одухотворенное лицо хозяина, пальцы с обручальным кольцом, волшебную, готовую вспорхнуть бабочку. Тот клал на лазурные крылья полоски бумаги, будто бинтовал бабочку. В бинтах, на распятии, окруженная тончайшей сталью, бабочка будет сохнуть, пока не займет место в стеклянной коробке, переливаясь, как брызги лазури.

— Бабочки — это боги, — Вадим Викторович повернулся к Листовидову. На его лице оставались нежность, любованье. «Я должен был угадать эту нежность, рассматривая его тонкую переносицу и пушистые брови», — подумал разведчик.

— Бабочки — это боги и герои, — произнес коллекционер. — Герой, умирая, превращается в бабочку.

— Кто же это? — Сергей Максимович указал на лазурного ангела.

— Отто Скорцени.

— Воистину Скорцени был бог войны, античный герой. Он пролетал над полями сражений, и его лазурь сияла над Россией, Францией, Италией. Он Зигфрид, обнаживший лазурный меч.

Листовидов испугался своей напыщенной речи, но Вадим Викторович пристально взглянул на него многоцветными глазами:

— Вы верно чувствуете Отто Скорцени. Он герой лазури.

Фотограф Лена скользила по комнате, целила объективом в хозяина и гостей, жадно глотая свидетельства исторической встречи.

— Откуда эта бабочка? — спросил капитан. — В России нет таких.

— Аполло, семейство морфидов. Поймана в Бразилии, в дельте Амазонки.

— Вы там бывали?

— Если бы! Подарок соратника Уве Ланге, из Сан-Паулу. Он энтомолог. Я посылаю ему бабочек Кавказа, Средней Азии, а он мне экземпляры из тропиков.

— Думаю, какая сладость поймать такую бабочку!

— Вы говорите так, будто охотились на бабочек. А ведь эта охота не менее увлекательна, чем охота на медведя или на льва. Ты несешься по лугам, лесам, падаешь в овраги, тонешь в болоте, но в твоём сачке трепещет божество, взмахивает мечом герой, — Вадим Викторович посмотрел на коробку,

где под стеклом распростерли крылья коричневые, черно-красные, оранжево-зеленые бабочки.

— Кто они? — спросил Листовидов.

Вадим Викторович протянул руку с обручальным кольцом к коробке. Не касаясь стекла, пояснял:

— Это Роммель! Это Мантейфель! Это Манштейн! Это фон Бок!

Разведчик приближал лицо к коробке, любовался и думал, что мир, куда он вознамерился проникнуть, был сложнее мира безумцев в доме с аркой. Этот мир был галлюцинацией плавающего в невесомости разума. Был помешательством, не отличавшим явь от призрака. Был дурманом курилен, где в пьяных дымах клубились порождения снов. Листовидов рассматривал большую коричневую бабочку с золотыми кольцами на задних крыльях.

— А это кто?

— Фон Риббентроп.

И Лени Рифеншталь, рыжая, легкая, как лиса, кружила по комнате с камерой.

— Уве Ланге — сын немецкого солдата, погибшего под Псковом. Я сын русского солдата, погибшего под Псковом. Может быть, его и мой отец убили друг друга. Но мы, их дети, не хотим убивать друг друга. Еврейские комиссары натравили один народ на другой, и мы зверски убивали друг друга, и теперь оба народа под одной пятой. Мы сбросим эту пятю. Немцы и русские больше не будут убивать друг друга. Мы образуем великое русско-немецкое братство «Ост-Вест».

Листовидов хотел погрузиться в этот призрачный мир. Хотел протиснуться в тесные катакомбы, где прятались духи, изгнанные с земли. Эти духи копились, стремились наружу. Он хотел проникнуть в пещеры, не спугнув обитателей, чтобы те не разгадали и не растерзали его.

— Мой дед говорил, что Германия еще покажет себя, — чекист прокладывал путь в катакомбы. — Германию расплющили, изрезали, выкололи глаза, вырвали язык. Но немцы очнутся и покажут себя, как они уж сделали однажды после Версаля. Нельзя оскорблять Германию! Нельзя оскорблять немецкий народ!

Вадим Викторович прислушивался к гостю, как прислушиваются к любимой валторне в оркестре.

— Вы мыслите, как я! Нельзя закупоривать в бутылку великие стихии Германии. Нельзя закупоривать Вагнера, Ницше, Дюрера, Шопенгауэра! Бутылку разнесет, дух вырвется на свободу! Соединится с великим русским духом в единство «Ост-Вест»!

В дверях появился синеглазый малыш. Потоптался, подошел к Листовидову, протянул ручку с маленьким сжатым кулачком. Разжал пальцы с розовыми ноготками. На ладонке лежал значок. Красная эмаль, белый круг, черная свастика. Малыш смотрел на Сергея Максимовича голубыми глазами, и тот погладил его по русой головке.

Вошла окающая хозяйка Анна, Лорелея, как назвала ее Варя.

— Пора печь блины. Побалую вас блинами.

— Нет, — сказал Вадим Викторович. — Едем в Лосиный остров. Вы с нами, соратник? — повернулся он к гостю.

— Еду, — сказал Листовидов.

Вадим Викторович скрылся в соседней комнате. Вернулся в камуфляже, ладно на нем сидевшем.

На двух машинах они ехали по вечеряющей Москве, катили по Кольцевой дороге навстречу летящим водянистым огням.

— Неужели такое возможно в Москве, где Знамя Победы, Могила Неизвестного Солдата? — спрашивал Листовидов. Лицо Вари вспыхивало при каждом встречном огне, как серебряная маска, и гасло. Ему чудилось в этом мерцающем лице неуловимое, таинственное, готовое на миг открыться и снова погаснуть, до следующей вспышки.

— У вас дар преображения, — сказала она. — Как ловко вы подыграли с бабочкой Скорцени! Чудесна история с дедом-бургомистром. Я всё боялась, что вы начнете рассказывать о своем родстве с Риббентропом. В вашем космическом ведомстве все такие?

— Мы готовимся к встрече с другими мирами, — ответил капитан. — Интересно, что вы еще мне покажете?

— Можем пойти в подпольное казино, где играют министры, секретари райкомов, торговцы бриллиантами и Герои Труда.

— Но почему, объясните, вам открыты все двери?

— Могу направить вас в тайные притоны, в римские бани, где творят свальный грех, сильные мира сего тешатся с кинозвездами, и те одеваются монашками, пастушками, императрицами.

— Но вы-то, как вы туда попадаете?

— Я социолог. У меня свои входные билеты.

— Но ведь это опасно. Вы рискуете.

— Иные социологи оттуда не возвращаются.

— Но сегодня мы вернемся? Меня не превратят в бабочку семейства морфидов?

— Вас уже превратили. Откройте гардероб и посмотрите на свой лазурный галстук.

Ее лицо вспыхнуло, превратилось в серебряную маску. Листовидов не успел угадать мелькнувшую на ее лице тайну.

Лосиный остров встал темной стеной по обе стороны Кольцевой. Они съехали на разбитый асфальт и углубились в лес. Среди деревьев появился дом, окна горели, стояли машины и микроавтобусы. Навстречу по деревянному крыльцу косолапо сбежал человек в камуфляже. В его косолапости была медвежья сила. Лобастая голова на короткой шее, сутулость, легкое при беге покачивание — всё было как у боксера или борца, готового к бою. Он подбежал к Вадиму Викторовичу, выбросил руку с заостренной ладонью.

— Слава небу!

Тот отвел за плечо ладонь.

— Слава земле!

Небом был Вадим Викторович, а землей — встречавший его косолапый силач. Они обнялись, крепко, в одно касание.

— Знакомьтесь. Гриша, начальник штаба. Он же лесник. Он же чемпион Москвы по рукопашному бою, — Вадим Викторович повернулся к капитану. — Сергей Максимович, наш соратник. Друг Вари.

Гриша быстро, цепко осмотрел новичка, словно нацелился провести болевой прием.

— Слава небу! — выбросил вперед руку.

— Слава земле! — Листовидов отвел за плечо руку, ощутив раскрытой ладонью шлепок долетевшего через воздух удара.

Лена-фотограф мерцала вспышкой, ловила драгоценные мгновения, уносила в летопись партии.

Вошли по крыльцу в деревянный, сложенный из бруса дом. Стол с недопитым чаем. Вскрытые банки консервов. Большой, испачканный тушенкой тесак. Висящая на шнуре лампочка без абажура. Всё было похоже на прерванный солдатский ужин. Из углов смотрели молчаливые люди, потеснились к дверям и исчезли.

— Обстановка? — Вадим Викторович сел за стол, Листовидов и Варя рядом. Гриша вытер о газету испачканный тесак и снова вернул на стол. Сталь сияла, отражая голую лампу. Гриша был не молод, в круглой стриженной голове проглядывала седина, умные серые глаза смотрели холодно, недоверчиво.

— Обстановка нормальная, Вадим Викторович. Наряд ментов приезжал. Должно, настучали. Вынюхивали: «Чем занимаетесь?» То да сё. Я их в дом пригласил. Посидели. Наши люди, всё понимают. Говорят, если с работы выгонят, к нам придут. Стрелять умеют.

— Наши люди повсюду, в структурах, в армии. Есть очень серьезные люди, очень! Не могу вам сказать, какие серьезные. Власть возьмем — готовые министры, промышленники. Есть журналисты, писатели, художники. Есть дипломаты. И вам найдем место, Сергей Максимович. Нам нужны космонавты.

Листовидов услышал, как в виске тихо щелкнуло. Так у молчащего приемника вдруг загорается индикатор. Пойман сигнал, слабый, едва различимый. Не упустить, пеленговать, выделить из треска и шума, усилить. Среди бульканий эфира, бессмысленной музыки, бессвязных речей пошла информация. О фашистском заговоре в центре Москвы.

— У тебя всё готово? Люди на месте? — спросил Вадим Викторович начальника штаба.

— Всё готово, Вадим Викторович.

— У нас сегодня церемония, Сергей Максимович. Сажаем священный дуб.

— Какая церемония? — чекист не терял сигнала, ловил волну.

— Сажаем дуб на могиле неизвестного солдата. Немецкого солдата. В память миллионов немецких солдат. Их обманули евреи, и они сложили головы в русских полях. Сегодня на могиле неизвестного героя мы сажаем священный желудь. Его привезли из Саксонии. Сажаем в немецкую землю, доставленную из Силезии. Когда победит «Ост-Вест», к этой могиле станут стекаться немцы и русские герои, склонят немецкие и русские боевые знамена.

Листовидов чувствовал, как изгибаются силовые линии истории и стрелка компаса начинает безумно вращаться. История натолкнулась на неведомое препятствие и получила вывих, вылезла наружу белая жила сустава. Он видел, как из невзрачной личинки вылупляется бархатно-черная, с красными лампасами, бабочка. Видел, как из темного пузырька, из расчесанной родинки разрастается опухоль, розовая, в синих прожилках. Его поражала не сама опухоль, а тело, которое взращивало эту смертоносную плоть. Тело было настолько больным, что начинало себя пожирать, и этот сине-розовый, как черничное варенье, нарост был порождением государства, которое капитан должен был защищать. Государство, которое превращалось в сине-розовую опухоль.



Рисунок Вадима ЖУКОВА

— В этой могиле несколько немецких костей. Их нашел Гриша под Псковом, — Вадим Викторович позволял Лене-фотографу крутиться вокруг. Слегка позировал, поглаживая лежащий на столе тесак, видя, как Лена фотографирует его руку с обручальным кольцом и сияющую сталь тесака. — Гриша, расскажи соратнику, как ты нашел эти кости.

Начштаба, хмуро, недоверчиво глядя на Листовидова, стал неохотно рассказывать:

— Ну, есть такой городок под Псковом, Изборск. Домишки, а в центре крепость. Кругом костей понасыпано — русских, немецких, польских. Нам один дед рассказал, что за крепостью было немецкое кладбище. Ну, солдатское, тех, которых наши побили еще в сорок первом, когда немцы на Псков шли. «Покажи, дед, кладбище». Он повел. На горе луг. С горы озера, леса, долины, как с самолета. «Где кладбище, дед?» — «А тут, на лугу». — «А могилы?» — «Повыкапывали». Говорит, немцы своих закопали и каменные кресты поставили из белого плитняка. Наши вернулись, увидели кладбище и танк пустили. Он проутюжил, все кресты обломал. После войны народ согнали, велели могилы раскопать и кости вытряхнуть. Ну, могилы разрыли, кости под гору скинули. Мы ходили, кости в бурьяне искали. Нашли, в мешочек сложили и привезли. Теперь неизвестный солдат здесь лежит.

Листовидов хотел понять, как ржавые немецкие кости, пробитые русскими пулями, проросли в этом русском силаче с круглой седеющей головой, могучими плечами и холодными угрюмыми глазами, в которых таилось недоверие новичку.

— А ведь это могут быть кости отца Уве Ланге, соратника из Бразилии, — сказал Вадим Викторович.

Разведчик вспомнил рассказ Марка в компании русофилов, про изборскую башню Луковку, куда затворялись для смертного боя последние русские ратники. Силовые линии истории гнулись, вывих обнажал больную жилу плеча, бабочка вылуплялась из черно-красной личинки, опухоль из расчесанной родинки созревала, как черничная ягода, глаза начальника штаба Гриши холодно смотрели на Листовидова.

— Александр Невский совершил историческое преступление. Отверг протянутую немцами руку и продолжал целовать татарский чужак. Оттуда все злоключения России. Мы исправим ошибку Александра Невского и пожмем протянутую немцами руку, — Вадим Викторович раскрыл ладонь, готовую к рукопожатию. Стал рассматривать пересечение линий, отыскивая среди них «линию судьбы», знак предначертания.

— Варя, вы весталка, ведунья. Ваши черно-синие глаза прозревают судьбы. Погадайте, куда ведет моя «линия жизни».

Варя под села к нему, взяла его раскрытую белую ладонь, стала рассматривать. Он держал ладонь раскрытой, точно ждал подаяния. Варя осторожно водила пальцем, распутывала пряжу, вытягивала скрытую нить.

Капитан замороженно смотрел. Это было колдовство. Варя, как ведунья, разгадывала тайну чужой жизни. Он раскрыл свою ладонь. Варины пальцы, касавшиеся руки Вадима Викторовича, щекотали ладонь Листовидова, будто переносили в его жизнь чертеж другой жизни.

— Вижу много людей, очень много людей! — Варя всматривалась в ладонь Вадима Викторовича. Дула на нее, как дуют на замороженное стекло,

делая в нем проталину. — Люди кричат, поют! Много цветов, знамен! Ваше лицо торжественно, величаво.

Варя подвигала ладонь Вадима Викторовича к лампе, поворачивала, чтобы высветить самый малый, ускользящий штрих.

— Вижу города с ликующими толпами. Эйфелева башня, Колизей, Кремль. Египетские пирамиды, буддийские пагоды. Вижу пески пустынь, ледники гор, океанские волны. Вижу вас в окружении верных соратников. Триумф победы, триумф земли, триумф неба.

Листовидову казалось, что Варя играет. Вадим Викторович принимает ее игру. Но лицо женщины было белым, как перед обмороком. Ладонь выпивала все ее силы. Чужая судьба утягивала ее в свою глубину. Капитану хотелось броситься, выхватить ее из чужой судьбы, где ее поджидала гибель. Ее темные глаза наполнялись пугающей синью, видели непроглядное для других.

— Вижу пожары, взрывы. Растерзанные тела, руины городов. Вижу множество плачущих и рыдающих. Темное небо, в котором несутся огненные вихри, разящие молнии. Вы измучены, вас окружают изменники. Вы стоите в ночных горах и смотрите на одинокую луну.

Вадим Викторович побледнел, хотел закрыть ладонь, но Варя распрямила его пальцы с обручальным кольцом.

— Вижу темную комнату. Вы слушаете гремящие высоко над головой взрывы. С вами женщина и собака. Вы достаете пистолет, — Варя оттолкнула ладонь. — Больше ничего не вижу, — опустошенно сказала она.

Вадим Викторович, бледный, сидел под голой лампой, сжимая кулак, не давал предсказанию вырваться на свободу.

— Что ж, — произнес он, — триумф жизни подтверждается триумфом смерти. Пора приступать к церемонии.

Они шли по лесной дороге. Начштаба Гриша светил фонарем. Нес под мышкой узорный ларец. Фонарь освещал воду в колеях, растущие из воды белые цветы, еловые лапы. Вышли на просторную поляну. Горели костры. Озарялись лица, качались тени. У большого костра с красным пламенем и взлетающими к вершинам золотыми искрами топтались люди в камуфляже. Насаженный на вертел, вращался огромный кабан, поворачивал в огне маслянистые бока с горящим жиром.

Трава на поляне была выкошена. Расходились выложенные дерном кольца, будто в центр поляны упал камень, рождая круги. У вырытой ямы торчала лопата.

— Построить людей, — приказал Вадим Викторович.

Начштаба Гриша издал грозный командирский рык:

— Батальон, стройсь!

Из тьмы стали сбегаться люди, топая бутсами, толкаясь, выстроились посреди поляны, освещенные кострами. Листовидов рассматривал лица. Молодые, с крепкими лбами, сжатыми ртами, с одинаковым выражением суровой готовности, это были жители спальных районов. Работали на заводах, в автохозяйствах, водители грузовиков, дорожные рабочие, обитатели пятиэтажек. Их привела в лес одна воля, построила на поляне одна угрюмая желанная сила, вырвавшая их из унылой скудной жизни.

Багровые костры озаряли их строй. Тени пересекали поляну, и казалось, их отбрасывают великаны.

Вадим Викторович вышел к строю, воздел руку и ликующе выкликнул:

— Слава небу!

Строй колыхнул вверх руки, гулко ухнул:

— Земле слава!

Громче затрещали костры, пахнуло дымом, искры взметнулись красными хвостами.

Вадим Викторович стоял перед строем, озаренный кострами. Его многоцветные глаза были красные. Губы жадно дышали, словно пили лесной воздух, сладкий дым, летучие отсветы на лицах соратников.

— Вы люди земли! — этот возглас был грозный, восторженный. — Вы из потаенных глубин, где дышат могучие силы народа. Земля сотворила ваши тела, ваши кости, вашу плоть. Земля отберет вашу плоть обратно, сочетает ее с плотью живших до вас праотцев!

Строй жадно внимал. Казался стеной с высеченными из камня лицами, на которых мерцали глаза.

— Вы люди неба! — возглас вознесся к озаренным вершинам с летающими искрами, клубами дыма, темными звездными прогалами. — Над вами реют бессмертные духи, делающие вас бесстрашными, непобедимыми. Если вы падете на поле брани, эти духи подхватят вас и унесут на небо, где вас обнимут другие бесстрашные воины, павшие на поле брани.

Строй был незыблем. Бесстрашные герои стояли плечом к плечу, готовые сражаться и пасть, отдавая поверженные тела земле, а души небу, полному звезд и светил, где обитают бессмертные духи, боги небес.

Листовидов чувствовал колдовскую природу слов. Это было заклинание, которым воля стоящих в строю сводилась в пучок и передавалась вождю. Вадим Викторович отнимал волю у собранных в строй людей, делал их свободными от воли, сочетал в братство, в священный орден.

— Вы люди труда! Рабочие, дети рабочих, внуки рабочих! Вашими трудами, вашими умными неутомимыми руками строятся города, заводы, дворцы. Из-под ваших рук выходят несравненные машины. Вы одушевляете камень, железо. На ваших рабочих плечах, как на кариатидах, зиждется мир. Вы лучшие! Вы соль земли! Ваш труд священный. Вы служители храма, где обитает бог труда!

Оратор пел гимн труду, псалом труду. Славил труд, как божество. Люди из спальных районов, из рабочих предместий становились служителями культа, жрецами труда. Их унылый труд на стройках, в котельнях, у станков, за рулями тяжелых грузовиков становился священнодействием. Они ощущали себя лучшими из лучших, творцами и вершителями судеб.

— Но разве вы пользуетесь результатами своего труда? Вы живете во дворцах, построенных из малахита и мрамора? Вы сидите в мягких салонах роскошных автомобилей, которые несутся с воем сирен и огнями мигалок? На ваши столы подают белорыбиц и икру? Всё это отобрали у вас евреи. Они живут в построенных вами роскошных домах, а вас загнали в гнилые пятиэтажки и зловонные коморки. Их жены щеголяют в немислимых туалетах, а ваши жены и матери убирают их квартиры, моют их полы, выгуливают их собачек. Они смотрят, как вы погибаете в шахтах, спиваетесь в подворотнях, гибнете в автокатастрофах, и только любятесь бриллиантами своих перстней, где каждая драгоценная грань — это ваши слезы, ваша кровь, ваши могилы!

Строй не шевелился, угрюмо тяжелел, наливался яростью, от которой жарче разгорались костры, трещали поленья, красные отсветы летали по стиснутым ртам, железным скулам, каменным лбам.

Листовидов чувствовал, как Вадим Викторович управляет жизнями. Наделяет величием, манит возвышенной мечтой, опрокидывает в ненависть. Он был маг, чародей. Капитан испытывал воздействие чар, не мог им противиться. Ему хотелось стать в строй, примкнуть к могучей когорте, идти за вождем туда, где горят города, стенают народы, парит восхитительная лазурная бабочка из семейства морфидов.

— Грядет восстание униженных и оскорбленных народов! Восстание немцев и русских! Грядет великая национальная революция, и вы ее буре-вестники! Мы встретились сегодня в этом священном лесу, чтобы вознести хвалу нашим немецким братьям, которых изуверские раввины сшибли с русским народом. И пока в полях кровавой братоубийственной брани два народа истребляли друг друга, раввины хохотали. Каждая немецкая и русская смерть вызывала в них хохот!

Строй глухо ухнул, качнулся. Вадим Викторович удержал его взмахом руки.

— На могиле нашего неизвестного немецкого брата мы посадим сегодня священный желудь, принесенный из немецких дубрав. Мы посадим его в немецкую землю, породнив ее с русской землей. Мы станем возвращать дуб, чтобы наши внуки собрали под ним желуди и посадили в других русских землях, сочетая наши земли, наши небеса, наши народы. Слава небу! — вождь выбросил заостренную руку.

— Слава земле! — ухнул строй, и гул покатился по лесу, жарче полыхнули костры, огненные вихри взлетели к вершинам.

Листовидов взглянул на Варю. В ней не было возмущения, страха. Она улыбалась пьяной улыбкой. Так дети смотрят на новогоднюю елку. Лена-фотограф влетала в огонь костра, струилась по земле, мерцала вспышкой. Творила фотолетопись революции, которая начиналась здесь, в подмосковном лесу.

— Батальон, к приношению земель готовься! — скомандовал начальник штаба. — К приношению земель приступить!

Костры озаряли поляну, выложенные из дерна круги, темную яму в центре. Люди выходили из строя, приближались к яме. В руках у них были кульки, стянутые тесемкой, как матерчатые кисеты. Распускали тесемку, вытряхивали из кульков землю, восклицали:

— Эльзас! Шлезвиг-Гольштейн! Силезия! Саксония! — горсти земли в свете костра казались красными. Яма наполнилась. Немецкая земля мешалась с русской землей. Сочетались великие пространства, великие народы. У них была общая судьба, общий враг, они слились в нерасторжимом единстве. — Гамбург! Кёльн! Бранденбург!

Яма была полна. Начальник штаба раскрыл ларец и достал желудь. Держал двумя пальцами. Желудь был золотой, переливался, как самородок. Начштаба поцеловал желудь, передал в строй. Целовали, отдавали соседу. Целуя, вдыхали в желудь свои жизни, сплетали их с жизнью безвестного героя. Желудь обошел строй, вернулся к начальнику штаба. Тот поцеловал желудь бережно, как целуют ребенка. Вадим Викторович принял его, приложил к сердцу, ко лбу, поцеловал. Теперь его жизнь превратится в священное

дерево с корнями, погруженными в священную землю, с кроной, вознесенной в священное небо.

— Сергей Максимович, вам, нашему соратнику, выпала честь посадить священный дуб на могиле безвестного героя.

Вадим Викторович передал Листовидову желудь, который показался ему непомерно тяжелым, тянул к земле. Строй смотрел, ждал, когда он поцелует желудь. Смотрел начштаба, смотрел Вадим Викторович, смотрела Варя. Лена-фотограф непрерывно щелкала камерой. Капитан подносил желудь к губам, видел его литую оболочку и дрожащую в нем искру. Она мерцала, ждала его поцелуя, чтобы полыхнуть из желудя бешеным пламенем, опалить мир. Листовидов поцеловал желудь и почувствовал разящий удар в мозг, словно ворвался грохочущий, размытый скоростями состав, проломил череп и умчался, оставив дыру. Пролом медленно наполнялся мутью, сквозь которую краснели костры, багровели лица, Вадим Викторович бережно вывинчивал из его пальцев желудь. Наклонялся над ямой, погружал желудь в землю. Начштаба хлопывал землю ладонями. Принесли ведро, лили из ковша слюдяную красную воду.

Никто не видел дыры в голове Листовидова, никто не заметил его секундного обморока. Пролом в голове был затянут мутью. Сквозь эту муть разведчик видел марширующий строй, горящие факелы, составленную из этих факелов свастику, крутящуюся в ночи, как карусель. Все сошлись у костра. Разделявали кабана, лежащего на траве с обугленными копытами. Сверкали тесаки, кромсали мясо. Протягивали новому соратнику фиолетово-черное кабанье сердце с обрезками сосудов. Листовидов и Варя не остались на лесное пиршество. Распрощались с Вадимом Викторовичем, уповая на скорую встречу.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

В машине Листовидов не обращался к Варе, только видел, как рядом вспыхивает и гаснет ее лицо.

— Вы едва не упали в обморок, когда целовали желудь. Что вы почувствовали?

— Когда я подносил желудь к губам, мне показалось, что в могилах зарыдали все советские солдаты, погибшие под Москвой, под Сталинградом, под Берлином. Вся моя родня, все мои дядьки. Мой поцелуй сделал их смерти напрасными. Может, так же падал в обморок Иуда в Гефсиманском саду, предавая Христа.

— Ваш поцелуй не был поцелуем Иуды. После вашего поцелуя желудь не прорастет. Вы умертвили в нем зародыш. Ваш поцелуй образумил историю, не дал ей сбеситься. Историей можно управлять танками, а можно управлять поцелуями.

— Что вас влечет в эти компании, где молятся Богу, сокупают собак, едят мацу, рисуют свастику? Эти кружки похожи на чуланы, где собран общественный хлам.

— В этих кружках вершится история. У истории нет помоек. Через эти кружки история себя обнаруживает. Не на партийных съездах, не на космодромах, не на стройках коммунизма. История обнаруживает себя в шорохе

чуланов. Через чуланы проходит обнаженный электрический провод, по которому течет ток истории. Вы тронули этот провод и получили удар током.

— Но ведь и вас бьет ток. Почему вы рискуете?

— Я социолог, изучаю социальную природу вещей. Вулканолог, рискуя, погружается в вулканы, а я погружаюсь в чуланы. В этих чуланах видно, как гибнет государство. Я изучаю гибель государства.

— Неужели эти психи с пенкой у рта, эти язычники, грызущие пуповины своих детей, эти ряженные фашистские куклы способны погубить государство?

— Каждый кружок, где мы побывали, это норка, в которой живут маленькие зверьки с острыми зубами. Каждый выгрызает из государства крохотный ломтик. Ломтик за ломтиком, и ствол государства начинает качаться и падает. Для социолога это увлекательно, хотя и опасно.

— Но если это грозит государству, почему вам не обратиться к тем, кто охраняет государство?

— Я не люблю тех, кто охраняет государство.

— Но ведь государство может погибнуть.

— Я не люблю государство.

Листовидов чувствовал ее превосходство. Она была умнее, сложнее, тоньше его. Обладала знанием, ему недоступным, опытом, ему неизвестным. От нее исходила пленительная, пугающая, завораживающая сила, колдовское внушение. Она гадала по руке Вадиму Викторовичу, не уподобляясь салонным гадалкам, манерным женщинам, изображавшим ведуний. Капитан видел, как бледнеет Вадим Викторович, словно у него отнимают жизнь. Варя рисовала на ладони его судьбу, его триумф и погибель. Помещала его жизнь в другую, исчезнувшую, жуткую и погибельную. Листовидов на своей ладони чувствовал прикосновение ее пальцев. Она переносила чертеж с ладони Вадима Викторовича на его ладонь, заманивала в этот чертеж. Сергей Максимович сопротивлялся тихому помешательству, противился порче, которую она наводила.

Он вдруг подумал, что кружки, куда она его приводит, созданы ею. Все они собраны, как небольшие театральные трупы, и в каждой разыгрывается задуманный ею спектакль. Входя в кружок, он ступал на подмостки и начинал играть предложенную ею роль. Соглашался играть эту роль, начинал любить эту роль, любил Варю.

Он подвез ее к дому на Кутузовском. По ночному проспекту катили водянистые шары, похожие на графины с водой. Далеко, озаренная, лунно белела Триумфальная арка. Промчалась ошпаренная «Волга» с очумелой фиолетовой мигалкой, фельдьегерь, доставлявший пакет в резиденцию на Рублевке.

Двор дома был темен, в высоких деревьях. У подъездов тускло горели огни. Листовидов выпустил Варю из машины, стоял рядом с ней у дверей. Они простятся, и она скользнет в подъезд, и он не посмеет ее обнять, не посмеет поцеловать, боясь ее большого вскрика, рыданий, гневной руки, которой она его оттолкнула. Она исчезнет в подъезде, звук ее шагов растает в каменной глубине, а он встанет под деревья и станет ждать, не загорится ли на темном фасаде одинокое окно.

— Хотите, угощу вас кофе?

Они поднимались в лифте, и ему хотелось, чтобы лифт не останавливался, и ожидание чудесного, пугающего, желанного не оставляло его.

На высокой двери была начищенная медная табличка с номером и фамилией «Волховитина». Варя хрустнула ключом, ушла в темноту, а он с порога услышал запахи знакомых духов, шелковых платьев и чудесные, чуть слышные ароматы ее волос, пальцев, ее женственности, которую он вдыхал, не войдя в ее дом.

— Входите, — она зажгла свет, и он счастливо озира́л открывшуюся ему прихожую с зеркалом, гостиную с диваном, столом, цветастой картиной, дверь в спальную с мерцавшем трюмо, с кроватью под полосатым покрывалом. Всё это бегло, жадно осмотрел Сергей Максимович, испытывая робость и нежность, оказавшись в доме любимой женщины.

— Подождите минуту, — она скрылась в спальней. Он видел, как в трюмо мелькает ее отражение, белизна, цветное, легкое. Она вышла в гостиную в коротком шелковом халате, босоногая, с черной волной волос, яркая, белолицая, с темно-синими глазами. Ни улыбки, ни слова, только ждущие, темные, с синевой глаза. Листовидов слепо, словно искал ее в комнате, протянул руки. Коснулся волос, полыхнувших под люстрой медью. Медленно, боясь ее вскрика, поцеловал в лоб, как целуют ребенка. Повел губами по бровям, чувствуя, как вздрагивают ресницы. Поцеловал ресницы, словно поймал губами бабочку. Тронул губами ее приоткрытые губы и поцеловал, продлевая тот поцелуй у Нескучного сада, у горящих окон больницы. Он целовал ее долго, не отпускал, они стояли под люстрой, покачиваясь, как на воде, словно всё вокруг колыхалось.

— Пойдем, — она кивнула туда, где в спальней мерцало трюмо. И всё, что казалось невозможным, запретным, греховным, всё стало доступно, стало его, для него.

Грудь теплые, белые, душистые. Их ласкать, целовать, нежить, прижиматься глазами, задыхаться, слепнуть, жадно прозревать, любоваться. И целовать, целовать. Под веками темно, ослепительно. Зеленые над лесом шары, красная плывущая роза, черная еврейская шляпа. Свеча на носу корабля. Погасло, вспыхнуло. Розовая медуза с путаницей ножек, танк с горячей броней, Богородица с лучистой звездой, губы нежно коснулись звезды. Погасло и вспыхнуло. Стулья с резными звездами, желудь, как самородок, висящий на ветке платок с пулевыми отверстиями, краснобровый, как тетерев, следователь. Багровая заря и грохот поливальной машины. Померкло и вспыхнуло. Летящая за бортом вода, он падает в зеленую муть, всё булькает, темнеет, его уже нет, он погас. И чья-то рука, материнская или чья-то другая, вышвыривает его из смерти, ввысь, к солнцу, к ослепительной вспышке, где сгорает один мир и нарождается новый. Умерев и воскреснув, он лежит на постели, сброшены на пол подушки, Варя, белогрудая, с рассыпанными волосами, смотрит на него черно-синими любимыми глазами.

— Я сейчас, — сказала она и, босая, исчезла. Там, где она исчезла, загорелась дверь в ванную. Закрылась. Оставалась под дверью светлая щель. Слышался шелест воды.

Листовидов чувствовал сладостную пустоту, благодатную тишину. Всё тревожное, изнурительное, пугающее отхлынуло и существовало за очертанием далекого круга, не приближалось. А здесь была темнота, жаркий, продолжавший клубиться воздух, сброшенные на пол подушки, горящая щель под дверью.

Он увидел, как в этом светящемся прогале возникла ее стопа. Рядом с ней опустилась другая. Ее босые ноги топтались. Она вытиралась полотенцем. Он представлял, как полотенце скользит по ее голым плечам, влажной, с блестящими каплями, груди. Она отирала живот, бедра, приподнимала ноги, и он видел, как исчезают и появляются ее стопы. И испытывал такую нежность, такую благодарность за эти минуты бесконечного счастья...

Дверь в ванную отворилась. В горящем прямоугольнике возник ее темный силуэт. Только плечо было освещено, но и оно погасло, когда она выключила в ванной свет. Опустилась рядом с ним, влажная, прохладная, брызнула слетевшими с волос каплями.

— Я тобой любовался. Видел твои босые ноги.

— Посмотри, мы разбросали все подушки.

— Время разбрасывать подушки, время их собирать.

— Здесь давно никто не разбрасывал подушки. Я очень долго была одна.

— Ты была замужем?

— Что говорить об этом?..

— Там, у Нескучного сада, ты меня оттолкнула.

— Я жалею об этом.

— Ничего о тебе не знаю, кроме твоей детской дачи, сосновых шишек, самовара и варенья, на которое прилетела оса.

— Разве я про осу говорила?

— Конечно. Такая золотая, в черных полосках, села на край вазочки, а ты ее прогоняла.

— Не было никакой осы.

— Хочу всё знать о тебе.

Он пожалел, что сказал. Лучше бы не знать ей о нем, а ему о ней. Лучше оставаться внутри волшебной окружности, куда не хлынут притаившиеся напасти, разрушительная правда, что погубит их хрупкую близость, и он потеряет драгоценное, небывалое, дарованное счастье видеть ее босые стопы, ловить упавшие с ее волос прохладные капли, испытывать нежность, доселе неведомую, от которой вдруг становятся влажными глаза. Она ничего не узнает о протоптанной на паркете дорожке с блеснувшим стеклышком пенсне, о кабинете, пропахшем старинными табаками, откуда генерал отправлял его на задание. Она не узнает об этом, а он не узнает о человеке, который целовал ее в сумерках Нескучного сада у горящих окон больницы.

— Был у меня муж. Познакомились в университете. На два курса старше меня.

Он был искусствоведом. Удивительный взгляд на картины. Видел в них то, что другие не видели. Сам художник не видел. «Лобное око», говорил он.

В голосе Вари задрожала больная трещинка, словно копились рыдания. Листовидов испуганно прислушивался к звуку ослабевшей струны, чувствуя, как рядом встало темное, непроглядное, на самой границе волшебного круга.

— Он водил меня по галереям, по выставкам. Бывали в запасниках Третьяковки. Помню, там была картина Кандинского, одна-единственная. Множество линий, лучей, ворох конструкций. Спирали, круги, треугольники. Среди стальных и холодных линий сгустки цвета, взрывы энергии. Взорвутся, превратятся в радуги, зори, светила. Муж сказал, что это стройматериалы, из которых Бог построит стальные небоскребы, хрустальные дворцы, удивительные машины. Или это строительный мусор, обломки стальных небоскребов,

осколки хрустальных дворцов, тела убитых машин. Он спрашивает, что у нас впереди? Начало великого творчества или конец великого разрушения?

Сергей Максимович тронул лоб, собираясь раскрыть «лобное око», чтобы узреть ужасное, что копилось по ту сторону волшебного круга. Испугался, не хотел прозревать, хотел оставаться слепым, удержаться в заповедном пространстве своего обожания и нежности.

— Он говорил, что сделал открытие. Он изучал мировую живопись. Наскальные рисунки, ассирийские мозаики, христианские фрески. Изучал великих итальянцев, испанцев, немцев. Обожал импрессионистов. Знал русский авангард, советскую живопись. Он говорил, что сделал открытие. Каждый художник пророчествовал о Небесном Царстве, куда звал человечество, открывал пути в это Царство. Следуя пророчествам художников, мы сможем построить это Небесное Царство, населить небожителями, вернуться в рай. Как и ты, он был космонавтом. Каждая картина, к которой он приближался, была выходом в открытый космос. Он говорил, что Ван Гог побывал в космосе и нарисовал ликующий космос с целующимися планетами. Говорил, что Гоген побывал в раю и вкусил сладость райских плодов.

Листовидову казалось, что страхи его напрасны. Скопившаяся за пределами круга тьма постоит и развеется. Нужно ее не спугнуть, затаиться, прикинуться неживым, как делает жук, когда ему угрожает опасность.

— Он написал книгу «Роза Мироздания». О том, как избежать мировой катастрофы, прекратить вражду, одолеть ненависть. Он верил, что, если люди прочитают книгу, они очнутся, братски обнимут друг друга. Художники показывали, как сделать людей подобными Богу. Он утверждал, что его книга правдивей всех мировых теорий, которые начинают с любви, а кончают ненавистью. Он торопился опубликовать книгу, прежде чем случится катастрофа. Носил рукопись во все издательства, ему отказывали. Носил книгу в партийные кабинеты, над ним смеялись. Опубликовал отрывок из книги в «Литературной газете» и получил травлю, угрозы. Грозил тюрьмой, сумасшедшим домом. Его прогнали с работы, хотели изъять рукопись. И он решил бежать за границу и там опубликовать свою книгу.

— Как звали мужа? — спросил Листовидов.

— Олег.

Тьма хлынула и накрыла его. Тьма залепила глаза, набилась в ноздри, залила горло. Сосуды набухли тьмой. В легких хлюпала тьма. Сердце, как каракатица, выталкивало тьму. Он упал во тьму и каменел, как каменеет дерево, превращаясь в каменный уголь.

Случившееся не могло быть случайностью. Не было совпадением. Оно было замыслом, было задумано. Жизни Сергея Максимовича, Олега и Вари сдвинулись и образовали тьму.

— Олег сказал, что убежит за границу и там опубликует «Розу Мироздания». Там ее оценят, дадут Нобелевскую премию. Сказал, что мы убежим вместе. Я отказывалась, говорила, что это безумие, нас арестуют, убьют. Он уверял, что всё продумал. Захватит самолет, и мы улетим. Я говорила, что хочу жить в Москве, чтобы у нас была семья, были дети. Он уговаривал: там, во Франции, у нас будет семья, будут дети. Семейей мы станем путешествовать, посетим все галереи мира. Дети увидят мир, вырвутся из советского захолустья.

Листовидов путался, хотел понять природу случившегося. Не мог. Случилось неразрешимое, непоправимое. Он убил мужчину, отнял его женщину, лежит в постели, где лежал он, носит галстук, который носил он. Убийца, вор, капитан госбезопасности, мастер внедрения, доверенное лицо генерала, он любит Варю, но не смеет любить. Он вор в ее доме.

— Олег обзавелся товарищами. Показал их мне. Один, Сержик, милый торговец запрещенными книгами, мечтал перечитать все романы Набокова, проштудировать все труды отца Сергея Булгакова и Бердяева, затвориться в парижской библиотеке и читать, читать. Другой, Гога, за границей мог стать гангстером, или сутенером, или похоронным агентом. Больно мрачный, угрюмый. Был и третий. Олег не показал его мне. А я бы его угадала. Распознала в нем гебиста, подсадную утку. Он их всех заманил и сдал, поставил под пули.

«Пестрый зал» в банном гуле с нарисованным на стене Михалковым. Сержик с веселым хохолком, похожий на зяблика. Красавец Олег у бронзовой статуи кондотьера. Гога с мрачными глазами горемыки. Платок на ветке, пробитый выстрелами. Кафе на Невском, и скрипач играет «Утомленное солнце». Начало задуманной и блестяще осуществленной операции, итогом которой стала эта темная комната с разбросанными подушками, оскверненная им постель и любимая женщина, которая должна его ненавидеть.

— Мы должны были приехать в Шереметьево порознь. Олег ехал от мамы, я отсюда. Мы хотели встретиться у стойки регистрации, сесть в самолет и повернуть в сторону Финляндии. По дороге мое такси попало в аварию, у меня были переломы, я оказалась в больнице. Их арестовали в Шереметьево. Олег отстреливался. Я не знала, что у него пистолет. Его судили закрытым судом и расстреляли. На допросах он не сказал, что я была участницей заговора. Просто собиралась лететь в Ленинград. Меня вызывали к следователю в тюрьму Лефортово. Там был такой следователь... у него вместо брови был красный рубец. Напоминал какую-то птицу, кажется тетерева. Он хотел сделать из меня соучастницу. Не получилось. Я всё хочу угадать, что я делала в ту минуту, когда Олега расстреливали. Сидела в ванной, а его вели по темному коридору? Перелистывала журнал, а его вели по коридору? Причесывалась, когда в него летела пуля? Ты спросил, был ли у меня муж. Я всё сказала.

Листовидову казалось, что в него с разных сторон вдвинуты железные двутавры, и нет силы, способной их разъять. Он лежал, не касаясь Вари. Из темного угла на него смотрели немигающие глаза.

Продолжение следует

Роман ШКОДА

Красный Верден: Царицын в революции и Гражданской войне

(Продолжение. Начало в № 4 за 2021 год)

СТАЛИН В ЦАРИЦЫНЕ

К лету 1918 года царицынское направление оставалось главной и почти единственной надеждой Совнаркома на обеспечение Советской России продовольствием. За снабжение продуктами питания на тот момент отвечал Народный комиссариат продовольствия во главе с А. Д. Цюрупой. В самом Царицыне действовал Чрезвычайный областной комитет по продовольствию и снабжению на Юге России (Чокпрод) под руководством А. С. Якубова. Однако, хотя формально данные органы продолжали работать, но с учетом описанных выше особенностей организации дел на местах, склонности местных властей всё решать, ориентируясь только на себя, ни наркомат, ни Чокпрод не могли справиться со столь масштабной задачей, как снабжение Европейской России продовольствием. Задача была слишком сложной и многоплановой: нужно было не только заготавливать хлеб, но и находить вагоны, паровозы, обеспечивать военную безопасность грузов, собирать все многочисленные

ШКОДА Роман Валерьевич — кандидат экономических наук, краевед, главный редактор интернет-издания «Царицын.рф». Родился в 1977 году. Живет в Волгограде. Входит в редакционный совет литературного журнала «Отчий край». Член Союза журналистов России и правления Волгоградской областной организации «Союз журналистов России». Лауреат литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2021). Удостоен почетного знака Волгоградской области «Хранитель традиций» (2024).

руководящие структуры в единую систему и делать это максимально быстро. Поэтому в Москве принимается решение о том, что на Юг должен быть направлен человек большого политического веса с чрезвычайными, можно сказать, диктаторскими полномочиями.

29 мая Совнарком избирает на эту роль наркома по делам национальностей И. В. Сталина. Полномочия Сталина были максимально широки и описывались таким образом: в Царицын он направлялся в качестве «общего руководителя продовольственного дела на Юге России, облеченного чрезвычайными правами Совнаркомом вплоть до подчинения всех без исключения организаций, железнодорожных и почтово-телеграфных, военных и политических». Таким образом, и как целый нарком (министр), приехавший на неопределенный срок в уездный город, и как лицо, наделенное всеми возможными полномочиями, Сталин, прибыв в Царицын, сразу становится там главным человеком. Готовясь к отправке в Царицын, он шлет телеграммы местному руководству, заранее пытаясь понять ситуацию в городе. В ответ ему идут различные сведения о том, кто чем занят и в какой области какие существуют проблемы. Таким образом, Сталин по прибытии в Царицын оказывается уже в целом знаком с обстановкой.

Характерна телеграмма, направленная ему 30 мая руководителем Чокпрода Якубовым: «Серго [Орджоникидзе. — *Р. Ш.*] уехал позавчера ночью в Тихорецкую для переговоров с Автономовым и штабом Северного Кавказа. Между Царицыном и Тихорецкой нет крупных контрреволюционных банд, путь почти не прерывается. Все контрреволюционные силы сгруппированы около Дона, начиная от Калача и до Батайска. Хотя я издал приказ о самостоятельной заготовке хлеба Чокпродом, но почему-то Облпродком молчит — очевидно, не нравится такой наш шаг. Сидят на Кубани в управе саботажники, их надо скрутить. В Ставропольской губернии дела налаживаются, нужны деньги. Захвати с собой двадцать миллионов мелких денежных знаков. Для усиления заготовок они нам очень нужны».

4 июня поезд Сталина выезжает из Москвы в Царицын. Сталин едет не один, его сопровождает отряд в 450 бойцов, 6 июня он прибывает в город. Уже зная в целом обстановку, Сталин начинает действовать прямо с колес. Первое же, что он делает, — в считанные часы уничтожает то рыночное благополучие, которое Минин с Ерманом смогли выстроить в городе за полгода напряженной работы. Сталин запрещает свободную рыночную торговлю (назвав ее «вакханалией и спекуляцией») и вводит карточную систему и твердые цены. Это решение приведет к стремительному ухудшению продовольственного положения в городе. Но что ему город? Ведь это совершенно необходимый в его задаче момент: чтобы огромные запасы хлеба, имеющиеся на Юге, собрать и направить в Центр, он должен был уничтожить все альтернативные пути движения и торговли продовольствием в регионе и стать единственным их распорядителем.

С этого дня относительный достаток Царицына заканчивается надолго, наступают голодные времена, отныне весь хлеб будет выкачиваться в Центр, вскоре Царицын будет ждать такой же голод, как и другие губернии страны. Описывая эти изменения, бывший в тот момент в Царицыне А. Носович писал: «До половины июня жизнь была сносна и цены, а также обилие продуктов не заставляло жаловаться на судьбу. Но приезд народного комиссара по продовольствию Сталина, начавшего производить всевозможного рода

реквизиции, поднял не только цены, привел к исчезновению товаров, но и усложнил политическую жизнь города».

На следующий день, менее чем через сутки после прибытия (!), Сталин уже отправляет Ленину первую телеграмму из Царицына: «Шестого прибыл в Царицын. Несмотря на неразбериху во всех сферах хозяйственной жизни, все же возможно навести порядок. В Царицыне, Астрахани, в Саратове хлебная монополия и твердые цены отменены Советами, идет вакханалия и спекуляция. Добился введения карточной системы и твердых цен в Царицыне. Того же надо добиться в Астрахани и Саратове, иначе через эти клапаны спекуляции утечет весь хлеб. Пусть ЦИК и Совнарком в свою очередь требуют от этих Советов отказа от спекуляции. Железнодорожный транспорт совершенно разрушен стараниями множества коллегий и ревкомов. Я принужден поставить специальных комиссаров, которые уже вводят порядок, несмотря на протесты коллегий. Комиссары открывают кучу паровозов в местах, о существовании которых коллегии не подозревают. Исследование показало, что в день можно пустить по линии Царицын — Поворино — Балашов — Козлов — Рязань — Москва восемь и более маршрутных поездов. Сейчас занят накоплением поездов в Царицыне. Через неделю объявим „хлебную неделю“ и отправим в Москву сразу около миллиона пудов со специальными сопровождающими из железнодорожников, о чем предварительно сообщу».

Вообще, телеграммы Сталина Ленину, которые он отправлял постоянно по первому же поводу, подчас ежедневно, очень хорошо характеризуют Сталина как политика. Уже здесь, на столь раннем этапе его деятельности, становится яснее, каким образом Сталин смог сформировать собственный образ вождя, человека, который способен решить любую проблему, который всегда является центром принятия важных решений и групп людей. Например, если почитать документы и дневники того же Снесарева, в них перед читателем встает образ самого Снесарева как человека напряженного, борющегося, жалующегося, страдающего, надеющегося. У Сталина на подобное нет даже и намека. Неизвестно, во сколько точно прибыл его поезд 6 июня в Царицын. Но вот уже процитированная выше телеграмма имеет точное время отправления — 7 июня, 8:13 утра. По всей видимости, пробыв в городе всего несколько часов, едва успев повстречаться с Якубовым и, возможно, с Мининым, Сталин сразу пишет решительную телеграмму с выражениями: «возможно навести порядок», «я принужден поставить специальных комиссаров, которые уже...» (когда «уже»?!) и громкими обещаниями направить через неделю первые эшелоны с хлебом (вероятно, что-то всё же было готово для этого и до его прибытия?). Действительно ли вновь поставленные комиссары умудрились буквально за ночь найти «кучу паровозов в местах, о существовании которых коллегии не подозревают», или кто-то лишь намекнул на возможность нахождения дополнительных паровозов? Или «нашли» паровозы, которые не терялись, но были где-то неправильно учтены? Или эти паровозы уже были найдены и Сталин лишь «презентовал» находку? Едва ли это удастся установить, но подобная энергично-победоносная манера составления телеграмм неизменно будет свойственна Сталину весь период его пребывания в городе.

Впрочем, стиль составления телеграмм — это одно, другое же то, что Сталину действительно удалось наладить достаточно эффективную работу в Царицыне.



Сталин в 1918 году

Деятельность Сталина в городе была обеспечена новой политикой, которую ленинский Совнарком начал проводить в России с мая 1918 года, когда был выпущен новый декрет. Этим декретом, устанавливающим советскую систему продразверстки, перед лицом наступающего голода предписывалось силой отбирать у крестьян хлебные запасы, а в отношении нежелающих вводилось получившее впоследствии очень широкое распространение понятие «враг народа».

Декрет от 13 мая за подписью Ленина и Свердлова, в частности, заявлял:

...Ни один пуд хлеба не должен оставаться на руках держателей, за исключением количества, необходимого для обсеменения их полей и на продовольствие их семей до нового урожая... Обсудив создавшееся положение и принимая во внимание, что только при строжайшем учете и равномерном распределении всех хлебных запасов Россия выбьется из продовольственного кризиса, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановил:

1) Подтверждая незыблемость хлебной монополии и твердых цен, а также необходимость беспощадной борьбы с хлебными спекулянтами-мешочниками, обязать каждого владельца хлеба весь избыток, сверх количества, необходимого для обсеменения полей и личного потребления по установленным нормам до нового урожая, заявить к сдаче в недельный срок после объявления этого постановления в каждой волости...

3) Объявить всех, имеющих излишек хлеба и не вывозящих его на ссыпные пункты, а также расточающих хлебные запасы на самогонку, — врагами народа, предавать их революционному суду,

заключать в тюрьму на срок не менее 10 лет, подвергать всё имущество конфискации...

4) В случае обнаружения у кого-либо избытка хлеба, не заявленного к сдаче согласно пункту 1-му, хлеб отбирается у него бесплатно, а причитающаяся по твердым ценам стоимость незаявленных излишков выплачивается в половинном размере тому лицу, которое укажет на сокрытые излишки...

Органом власти тот же декрет в числе прочего предоставлял следующие полномочия:

4) Применять вооруженную силу в случае оказания противодействия отбиранию хлеба или иных продовольственных продуктов.

5) Распускать или реорганизовывать продовольственные органы на местах в случае противодействия их распоряжениям народного комиссара.

6) Увольнять, смещать, предавать революционному суду, подвергать аресту должностных лиц и служащих всех ведомств и общественных организаций в случае дезорганизующего вмешательства их в распоряжения народного комиссара.

Конечно, с одной стороны, ввиду наступившего голода, от власти действительно требовались жесткие меры. С другой стороны, никакого детального анализа ситуации декрет от 13 мая не проводил, не устанавливались никакие географические границы применения силы (голодали ведь далеко не все губернии), а всех крестьян, имевших «лишний» хлеб, независимо от его количества и причин, по которым этот «излишек» возникал, объявляли буржуазией и врагами народа. То есть даже тот хлеб, который мог, например, быть отложенным бедной многодетной семьей на черный день (время-то состояло из одних таких черных дней), тоже отнимали, а его хозяев причисляли к буржуазии. Выкуп же хлеба за деньги (на которые уже мало что можно было купить) проводился по твердым, то есть существенно заниженным ценам. Здесь становится понятным нежелание крестьян отдавать государству хлеб и развернувшийся массовый отъем хлеба, который, согласно декрету, приобрел характер внесудебного насилия, причем границы этого насилия, разумеется, не устанавливались, случаи, когда применение вооруженной силы можно считать допустимым, не оговаривались, как и случаи превышения необходимого применения силы. Впрочем, ждать таких «тонкостей» от Совнаркома, под властью которого начался голод, особенно в ситуации разворачивающейся Гражданской войны, было бы, конечно, невозможно. Этот декрет и стал юридической основой деятельности Сталина в Царицыне.

Прибыв в город, он немедленно начинает заниматься делами продразверстки. Однако тут же выяснилось, что имевшихся у него денег совершенно недостаточно на выкуп хлеба даже по установленным большевиками заниженным твердым ценам. Телеграмма Сталина, направленная им Ленину и Цюрупе 9 июня 1918 года, хорошо иллюстрирует особенности ситуации: «На немедленную заготовку и отправку в Москву 10 млн пудов хлеба и 10 тыс. голов скота необходимо прислать в распоряжение Чокпрода 75 млн деньгами, по возможности мелкими купюрами, и разных товаров миллионов на 36: вилы, топоры, гвозди, болты, гайки, стекла оконные, чайная и столовая посуда, косилки и части к ним, заклепки, железо шинное круглое, лобогрейки, катки, спички, части конной упряжи, обувь, ситец, трико, коленкор, бязь,

мадаполам, нансук, грисбон, ластик, сатин, шевьет, марин сукно, дамское и гвардейское, разные кожи, заготовки, чай, косы, сеялки, подойники, плуги, мешки, брезенты, галоши, краски, лаки, столярные, кузнечные инструменты, напильники, карболовая кислота, скипидар, сода. У Чокпрода всего денег миллионов 15 и товаров разных на 10 миллионов. Деньги и указанные товары должно выслать без промедления». 11 июня Сталин получает на это ответ Ленина: «Принимаем все меры. Цюрупа говорит, что деньги будут непременно отправлены завтра, а товары сегодня же приказано грузить. Шлите маршрутные поезда с тройной охраной».

Сталин находился не только в Царицыне, но и разъезжал по окрестным населенным пунктам. Так, некоторое время он занимается Камышином. В город был направлен отряд из сотни латышей для создания продовольственного кордона, во главе которого был поставлен особоуполномоченный Василий Клинов. Все пароходы, проходившие мимо Камышина по Волге, были обязаны заходить в город на досмотр и проверку документов. По всей видимости, изъятие «излишков» хлеба в Камышине приобрело столь яростный характер, что встретило сопротивление даже не со стороны местных «кулаков» и «врагов народа», но со стороны камышинских Советов. Причем сопротивление Советов оказалось настолько сильным, что Сталин не смог справиться собственными силами и был вынужден жаловаться на них в Совнарком с просьбой надавить на Камышин. «Камышин обещает богатую добычу», — предвкусывает он в очередной телеграмме Ленину. 25 июня Сталин лично выезжает в Камышин, откуда отправляет в Центр 160 вагонов хлеба и 46 вагонов рыбы. Частью этот товар был добыт в самом городе и его окрестностях, частью — снят с барж, стоявших на пристанях.

Грузов Сталин и вправду отправляет много, скоро уже возникает дефицит паровозов. Ленин лично контролирует отправку в Царицын сорока паровозов.

Большую часть июня 1918 года Сталин, находясь преимущественно в Царицыне, плотно занимался продовольственными вопросами, почти не отвлекаясь ни на что другое. Однако долго оставаться в этом положении он не мог: военная обстановка как на Юге России, так и в окрестностях Царицына начинает быстро накаляться. Кроме того, проблемы стали нарастать и в самом городе.

Состояние царицынского общества на тот момент было крайне неоднозначным. С одной стороны, власть большевиков в городе оставалась пока прочной. С другой стороны, здесь по-прежнему господствовала частная собственность, было много людей, симпатизировавших как «старому режиму», так и партиям, традиционно конкурирующим с большевиками; среди населения имелся ощутимый процент демобилизованных офицеров, настроенных против власти Совнаркома, у некоторых из них было оружие. Сама большевистская власть не отличалась единством, ее руководители имели различные взгляды на ситуацию и на пути ее преодоления.

С прибытием в Царицын Сталина и с усилением нажима власти на многие элементы городской жизни, а также с ростом частоты и интенсивности столкновений с казаками в окрестностях города, обстановка в Царицыне для большевиков начинает приобретать некоторые угрожающие черты. В ответ на это происходит радикализация большевистской власти. Эпоха мининских

свобод в Царицыне заканчивается: больше не будет никаких эсеровских митингов, никаких выступлений меньшевиков, старая царицынская буржуазия, всё еще существовавшая в городе, пусть и в значительно «придавленном» состоянии, в считанные недели исчезает.

Ситуация обсуждается на очередном заседании Царицынского Совета, это происходит 19 июня. В результате заседания принимается постановление, в котором было среди прочего указано: «Объявить город на военном положении, арестовать и разоружить всех... бандитов и контрреволюционеров. Запретить всякие уличные митинги и собрания, беспощадно арестовывать всех, сеющих панику и контрреволюционную агитацию, пресекать в корне всякую попытку распространять провокационную литературу. Партии меньшевиков и эсеров объявить предательскими». Так от попыток прикрыться некоей необходимостью окопных работ советская власть перешла в прямое наступление на всех, не согласных с ее политикой.

Такой резкий шаг диктовался быстро ухудшающимся положением. На подступах к Царицыну активизируются казацкие части, которые то тут, то там начинают перерезать линии железных дорог, совершают рейды, ночные набеги; возникает перспектива потери возможности заготовок хлеба и его перевозок в Центр. Эти обстоятельства заставляют Сталина переключить свое внимание от продовольственных и внутригородских проблем к проблемам фронта. Здесь возникает конфликт Сталина со Снесаревым.

Сталин был одним из самых последовательных противников привлечения военспецов к руководству Красной армией. Разумеется, его отношения со Снесаревым не сложились, хотя первые недели они всё же сотрудничали. Однако в конце июня Сталин начинает решительное наступление на позиции Снесарева.

Первая явная атака на Снесарева происходит 29 июня. В тот день Сталин отправляет Ленину очередную телеграмму, в которой, между прочим, сообщает: «Вялость и халатность военных специалистов беспредельна. Линии не охраняются. Ночью конные набеги казаков на линию остаются безнаказанными». Конечно, подобная ситуация для целей снабжения Центра царицынским и кавказским хлебом была крайне опасна, однако не вполне понятно, каким образом, имея те скромные силы, которыми располагал в июне 1918 года Снесарев, можно было обеспечить сплошную охрану протянувшихся на сотни верст железнодорожных линий, чтобы никакие казаки нигде не могли совершить на них набег. Впрочем, Центр, безусловно, интересовал результат, а не объяснения причин его отсутствия. Так что оправдаться по этой части Снесарев не мог.

Имея огромные полномочия, Сталин начал систематически вмешиваться в решения Снесарева, обвиняя его в «вялости» и «оборончестве». При этом нарком действует не в одиночку, а со сплотившейся вокруг него группой противников военспецов, наиболее значимой фигурой среди которых в Царицыне стал Ворошилов и вынужденно примкнувший к ним Минин (все трое — без какого-либо военного образования). Ситуация же, разворачивающаяся вокруг Царицына, продолжает стремительно ухудшаться.

К концу июня отряды СКВО на среднем течении Дона от станции Усть-Медведицкой (современный город Серафимович) до Романовской выдвигаются на левый берег. Донская армия, действующая в этих районах против красных, получает возможность более эффективно концентрировать

силы за счет того, что на Кубани начинаются операции Добровольческой армии. «К 1 июля части Донской армии совместно с Добровольческой армией занимают ст. Великокняжескую, тесня оттуда Красные кавалерийские отряды к северу вдоль Владикавказской железной дороги... одновременно Донская армия повела наступление в северо-западной части Донской области на г. Богучар, который 9 июля был занят отрядом полковника Алферова».

В целом в июле 1918 года общая ситуация на Царицынском фронте выглядела следующим образом. Организованная Снесаревым группировка Красной армии насчитывала около 42 тысяч штыков и сабель, а также около 100 артиллерийских орудий. Эти войска имели в своем ядре группы, приведенные Ворошиловым с Донбасса, в них были включены местные красновардейские отряды, а также мобилизованные в Царицыне рабочие. В районе Царицына был сформирован ряд дивизий: 1-я Коммунистическая, 1-я Донская, 1-я Морозовско-Донецкая. Кроме того, Красная армия располагала здесь несколькими бронепоездами — грозным оружием Гражданской войны. 24 июля фронт был разделен на несколько участков: Усть-Медведицкий (начальник — Ф. К. Миронов, 8 тысяч штыков и сабель при 51 пулемете и 15 орудиях); Царицынский (начальник — А. И. Харченко, около 23 тысяч штыков и сабель при 162 пулеметах и 82 орудиях); Сальский (начальник — Г. К. Шевкоплясов, около 10 тысяч штыков и сабель, 86 пулеметов, 17 орудий). В основу обороны Царицына была положена обходящая город кольцевая железнодорожная линия (Гумрак — Воропоново — Сарепта), позволявшая маневрировать по ней бронепоездами. С внешней стороны этой ветки были построены 2—3 линии окопов с проволочными заграждениями: руководители Красного Царицына готовились к мощному лобовому удару с любой стороны.

Противостоящая им Донская армия не сильно превосходила Красную в численности. В ее составе насчитывалось до 45 тысяч штыков и сабель, 610 пулеметов и около 150 орудий. Начавшие в июле 1918 года наступление на Царицын войска Донской армии были разделены на несколько крупных отрядов. Отряд генерала Полякова (около 10 тысяч штыков и сабель) имел задачей нанесение удара на Царицын с юга, из района станицы Великокняжеской. Отряд генерала Мамонтова (около 12 тысяч штыков и сабель) наступал из района севернее станицы Верхнекумюрской, от Калача-на-Дону. Наиболее значительной силой была группа генерала А. П. Фицхелаурова, включавшая в себя около 20 тысяч штыков и сабель, эта группа наступала с северо-запада, от станицы Кременской, двигаясь не на Царицын, а на Камышин.

С началом июля Донская армия приходит в движение. 2 июля войска генерала Мамонтова начинают решительное наступление на Царицын. На протяжении десяти дней войскам Снесарева удается сдерживать их мощный порыв, но к 12 июля фронт Красной армии оказывается смят, красные отступают. 13 июля Мамонтову удается войти в Карповку, одновременно войска генерала Фицхелаурова, отбросив красных у станции Лог, занимают Качалино. Наступление белых идет в обхват Царицына полукольцом, железнодорожные линии прерываются во многих местах. С этого времени Сталин в отношении Снесарева переходит от жалоб к действиям, переводя на себя рычаги командования войсками.

7 июля, почувствовав себя полководцем, Сталин выезжает на фронт, попутно отправляя Ленину очередную телеграмму. В ней он пишет: «Спешу на фронт. Пишу только по делу. 1) Линия южнее Царицына еще не восстановле-

на. Гоню и ругаю всех, кого нужно, надеюсь, скоро восстановим. Можете быть уверены, что не пощадим никого, ни себя, ни других, а хлеб всё же дадим. Если бы наши военные „специалисты“ (сапожники!) не спали и не бездельничали, линия не была бы прервана, и если линия будет восстановлена, то не благодаря военным, а вопреки им. 2) Южнее Царицына скопилось много хлеба на колесах. Как только прочистится путь, мы двинем к вам хлеб марш-рутными поездами».

Но какое имеет право нарком по делам национальностей, занимающийся вопросами снабжения продовольствием, «гнать и ругать» военных? Для этого у него нет полномочий, а Центр не уверен в том, что такие полномочия следует давать. В телеграмме от 10 июля Сталин сообщает, что Царицынский фронт может не устоять, если Центр немедленно не предоставит в его распоряжение аэропланы с летчиками, броневые автомобили, шестидюймовые орудия. «Хлеба на юге много, но, чтобы его взять, нужно иметь налаженный аппарат, не встречающий препятствий со стороны эшелонов, командармов и пр. Более того, необходимо, чтобы военные помогали продовольственникам. Вопрос продовольственный естественно переплетается с вопросом военным. Для пользы дела мне необходимы военные полномочия. Я уже писал об этом, но ответа не получил. Очень хорошо. В таком случае я буду сам, без формальностей свергать тех командармов и комиссаров, которые губят дело. Так мне подсказывают интересы дела, и, конечно, отсутствие бумажки от Троцкого меня не остановит». Таким образом, не получая согласования ни от Ленина, ни, тем более, от Троцкого, Сталин явочным порядком начинает менять командиров на фронте.

Кульминационный момент в перехвате Сталиным командования армией происходит 16 июля 1918 года. В этот день он вновь выезжает на фронт по железной дороге, находясь в одном вагоне с Зединым и Ворошиловым. При этом командующий Снесарев также находится на фронте, причем его эшелон стоит недалеко от сталинского, через одну станцию. Снесарев отдает одни приказы, а Сталин начинает отдавать другие, идущие вразрез с приказами Снесарева. Войска разворачиваются в разные стороны и, вместо удара в одном направлении, расходятся по двум не связанным между собой направлениям! Сталин впоследствии напишет, что он «решил начать вразрез с решением Снесарева наступление на Калач и на юг, в сторону Тихорецкой». В итоге обнаружилось, что Сталин неправильно оценил обстановку, а противоречивые приказы привели к поражению. «Оказалась нарушенной устойчивость обороны советских войск. На правом фланге они были отброшены далеко на восток и потеряли железнодорожную линию между Поворино и Логом». Сам Сталин в очередной телеграмме, отправленной им Ленину на следующий день после разгрома, 17 июля, писал: «Наступление повели в надежде, что северные участки Миронова, Киквидзе, в том числе Поворинский участок, обеспечены от разгрома. Между тем оказалось, что эти участки наиболее слабы и необеспечены». В целом неправильная оценка отдельных участков фронта, о которых Сталин думал с «надеждой», и привела к существенным проблемам.

Однако несколько дней спустя Сталин более широко объясняет, кто же виноват в провалах на фронте. Таковых нашлось довольно много: «Обрисованную выше неблагоприятную обстановку следует объяснить: 1) Поворотом фронтовика, «справного мужика», в октябре боровшегося за Советскую

власть, — против Советской власти (он ненавидит всей душой хлебную монополию, твердые цены, реквизиции, борьбу с мешочничеством). 2) Казачьим составом войск Миронова... 3) Отрядным строительством частей Киквидзе...» В целом же становится очевидным, что череда постоянных конфликтов между Сталиным и Снесаревым сливается в одно сплошное противостояние и дальнейшее их сосуществование в одном городе приведет к краху всей обороны.

Напор Сталина, постоянный поток телеграмм Ленину приводят к отзыву Снесарева из Царицына в Москву. Впоследствии Снесарев будет отправлен на фронт под Смоленск. После его отъезда в Царицыне остался штаб СКВО с военспецами, которые прибыли в город в мае и которых ожидала невеселая судьба. 19 июля происходит переформатирование всей системы управления войсками.

В первые дни (до 4 августа) исполняющим обязанности начальника военного округа является военспец полковник А. Н. Ковалевский, начальником штаба — полковник А. Л. Носович*. Однако уже 4 августа Ковалевский будет снят со всех постов, а руководство округом в полной мере возьмет на себя тройка: Сталин, горячо поддерживающий его Ворошилов и Минин.

За два дня до этого происходит еще одно важное событие, серьезно изменившее соотношение сил в Царицыне: по нелепой случайности погибает Яков Ерман. Возвращаясь на волжском пароходе «Ярославна» в Царицын с Пятого съезда Советов, Ерман был убит в случайной перестрелке на пристани слободы Николаевской (сейчас город Николаевск Волгоградской области), при попытке предотвратить конфликт красноармейцев с грузчиками и пассажирами на пристани. Тело Ермана было привезено в Царицын и торжественно захоронено на территории Скорбященской площади (ныне это Комсомольский сквер, могила Ермана сохранилась во время Сталинградской битвы и существует до нашего времени).

В это время на фронте под Царицыном обстановка складывается не в пользу красных, впрочем, несмотря на это, Сталин продолжает находить возможности отправлять в Москву эшелоны с зерном. Однако положение в столицах остается крайне тяжелым. Ленин шлет Сталину телеграммы следующего содержания: «...затем о продовольствии должен сказать, что сегодня вовсе не выдают ни в Питере, ни в Москве. Положение совсем плохое. Сообщите, можете ли принять экстренные меры, ибо, кроме как от вас, добыть неоткуда». Ленин просит Сталина прислать рыбу, мясо, овощи, вообще все продукты, какие только можно и как можно больше. Летом 1918 года Царицын остается единственной продовольственной базой почти всей контролируемой большевиками европейской части страны. Голод в этот момент оказывается более значительной угрозой, чем начинающееся наступление белых армий. В специальном обращении Совнаркома сказано: «Главная цель империалистов состоит в том, чтобы задушить голодом Советскую Республику. Но взять измором революцию империалистам не удастся. На помощь голодающему северу идет юго-восток. Народный комиссар Сталин, находящийся в Царицыне и руководящий оттуда продовольственной работой на Дону

* Тот самый, который впоследствии перейдет на сторону белых и оставит воспоминания о Красном Царицыне изнутри.

и в Кубани, телеграфирует нам об огромных запасах хлеба, которые он надеется в ближайшее время переправить на север». Впрочем, несмотря на столь оптимистичные надежды, снабжение начинает давать серьезные сбои. Сталин пишет Ленину: «Запасов хлеба на севере Кавказа много, но перерыв дороги не дает возможности отправить их на север. До восстановления пути доставка хлеба немыслима... Дней через десять надеемся восстановить линию. Продержитесь как-нибудь, выдавайте мясо и рыбу, которые можем прислать вам в избытке».

Однако и сдержанный оптимизм Сталина оказался чрезмерным. 25 июля войска Добровольческой армии занимают станцию Торговую, 28 июля — Великокняжескую, перерезав тем самым последнюю железную дорогу, соединявшую через Царицын Москву с Кавказом. В начале августа генералу Фицхелаурову удается выйти к Волге севернее Царицына, отрезав красных от Центральной России и здесь.

Занимаясь вопросами продовольствия, Сталин продолжает вести активную борьбу за власть в Царицыне. Удаление из города Снесарева позволяет в начале августа перейти в решительное наступление на офицерские кадры его штаба. И вот 5—10 августа практически весь штаб, привезенный и оставленный в Царицыне Снесаревым, оказывается под арестом. «5 августа по его [Сталина] приказанию всё артиллерийское управление со всеми письмоводителями и самыми мелкими служащими было арестовано и заключено первоначально под стражу при чрезвычайке, а некоторое время спустя было посажено на баржу, которую поместили на середине Волги. В то же самое время по его приказу управление штаба Северо-Кавказского округа ликвидировалось, а 10 августа все ответственные чины штаба тоже были арестованы и заключены под стражу. Причины ареста те же: подозрения в контрреволюционной работе. Начался форменный разгром всех учреждений, присланных из Центра».

Разгром штаба СКВО, произошедший в Царицыне, вызвал бурю негодования у Троцкого, который стал слать в Царицын телеграммы, требующие немедленного прекращения происходящего. Однако Сталин не реагировал на эти телеграммы, писал на них резолюции: «Не принимать во внимание». В итоге большая часть арестованных была расстреляна или умерла от голода прямо на барже. Некоторых высокопоставленных офицеров, в том числе А. Л. Носовича, занимавшего перед арестом должность начальника оперативного управления штаба, всё же не рискнули расстреливать и выпустили*. Разумеется, такое обращение с управленческой верхушкой армии не могло не сказаться отрицательным образом на боевых действиях. Да и ситуация в целом складывалась не в пользу красных.

Во-первых, наспех сколоченные из партизанских отрядов войска в моральном отношении были неустойчивыми и склонными к бунту. «В результате

* Носович был после этого направлен Троцким в резерв, а осенью 1918 года — на фронт, но уже на другом участке. Разочаровавшийся в советской власти Носович перешел на сторону белых и в 1919 году опубликовал в белогвардейской газете «Донская волна» воспоминания о своей службе в Царицыне летом 1918 года (при этом объявил, что, уже будучи в Царицыне, выполнял роль белогвардейского агента, впрочем, по мнению ряда исследователей, это выглядит сомнительным). Эти воспоминания были признаны в советский период. Сам Ворошилов в 20—30-е годы прямо цитировал Носовича, оговариваясь, что «свидетельство врага иногда бывает ценно и интересно».

вражеской работы скрытых контрреволюционеров и анархического поведения отдельных командиров взбунтовалась Волжская дивизия, созданная из партизанских отрядов рабочих и служащих Волжского пароходства. Дивизия самовольно снялась с фронта и ушла в Дубовку. Узнав об этом, Сталин и Ворошилов лично выехали в Дубовку и приняли решительные меры по наведению порядка в дивизии... Не успели Сталин и Ворошилов вернуться из Дубовки в Царицын, как аналогичный бунт произошёл в полку грузолесов. Этот полк, созданный из грузчиков порта и главным образом из рабочих лесосплава, так же, как и Волжская дивизия, отказался идти на фронт. Пришлось прибегнуть к силе, чтобы обезоружить бунтовщиков и арестовать предателей».

Во-вторых, ситуация на фронте с каждым днем становилась всё тяжелее, сил сдержать наступление Донской армии у красных не оставалось. 8 августа Сталин и Ворошилов выезжали в Котельниково, где перебросками войск пытались стабилизировать обстановку. 13 августа в Царицыне вводится осадное положение. Сил для удержания города катастрофически не хватает.

Параллельно со всем этим в Царицыне оформляется несколько подпольных организаций, готовивших, по мере приближения казаков к городу, вооруженный переворот. Эти организации, состоявшие как из отставных офицеров, так и из представителей запрещенных теперь партий эсеров и меньшевиков (у которых было немалое число сторонников среди рабочих), планировали восстание. Заговорщики обоснованно рассчитывали на поддержку рабочих, многие из которых к августу 1918 года были недовольны происходящим в городе. «В среде рабочих, особенно лесных пристаней, так называемого грузолеса, и Французского завода, господствовало противобольшевистское настроение»*. В этот момент в Царицыне стоял Сербский революционный батальон, в котором было, по-видимому, много несогласных с советской властью, по крайней мере, заговорщики делали ставку на помощь группы военнослужащих Сербского батальона в своих действиях. Во главе одной из крупнейших групп заговорщиков, готовивших переворот, находился инженер Алексеев.

Заговор, организованный инженером Алексеевым, стал важной переломной точкой в переходе политики царицынских большевиков от имитации демократизма в принимаемых решениях к прямому и окончательному подавлению всех оппозиционных сил в городе. Заговор этот представлял собой совершенно реальную силу, вполне способную при определенном раскладе, особенно перед лицом наседающей на позиции красных Донской армии, совершить военный переворот и привести к быстрой сдаче Царицына казакам. Однако ряд неудач привел к его раскрытию и поражению.

Алексеев, будучи по происхождению дворянином, к большевизму был настроен отрицательно, однако, живя в красной Москве, этот настрой скрывал. Летом 1918 года он служил в Народном комиссариате путей сообщения. В один из тех дней в комиссариате состоялось заседание Главного нефтяного комитета, которое рассматривало вопрос о снабжении нефтью территорий, контролируемых Совнаркомом. В сложившемся положении единственным источником получения нефти являлся Кавказ, на совещании было принято решение о командировании ответственного сотрудника комитета Мархлевского в город Грозный с целью закупки нефти. Для этого Мархлев-

* Французский завод — народное название завода ДЮМО (современный «Красный Октябрь»).

скому была выделена крупная денежная сумма в 10 миллионов рублей наличными. В группу, сопровождающую Мархлевского, включили и Алексеева.

Алексеев получил статус чрезвычайного комиссара по заготовке топлива для железных дорог. Порученная ему работа была очень важной. Как старшему работнику путей сообщения (Алексеев в дореволюционный период также служил на железных дорогах) ему доверили общую организацию опасной поездки. По всей видимости, уже на данной стадии он вполне сознательно искал возможности для подготовки выступления против советской власти, однако конкретного плана не имел. С собой в поезд Алексеев взял известных ему людей, одного из которых назначили комендантом, а также двоих своих сыновей (один из них — бывший кадровый офицер). В поездке участвовал и член ЦК партии эсеров Гарегин. Вышедший из Москвы поезд был хорошо вооружен: несколько десятков винтовок, пять пулеметов и даже два артиллерийских орудия (перевозимых, правда, тайно, в разобранном виде). Деньги, 10 миллионов рублей, следовали в одном из купе поезда в руках у уполномоченного сотрудника.

В связи с действиями Донской армии более удобный железнодорожный путь через Ростов-на-Дону был недоступен, и поезд Мархлевского, как и продовольственные поезда Сталина, следовал единственно возможным путем — через Царицын. Состав прибыл в город в середине июля, однако из-за опасностей, которые грозили ему, дальше не пошел. Просидев некоторое время в Царицыне, Мархлевский уехал в Москву для доклада, оставив поезд под присмотром Алексеева. По всей видимости, именно в это время тот понял, что лучшего момента для выступления у него не будет. Наряду с наличием своих вооруженных людей в поезде и завязанных в городе связей с военными и эсерами, важнейшим фактором, позволившим приступить к делу, была огромная сумма денег, оказавшаяся фактически в личном распоряжении Алексеева.

Формально к 10 миллионам, хранящимся в поезде, Алексеев отношения не имел: деньги находились не у него, а под контролем секретаря Мархлевского, в заговоре не участвовавшего. Однако Алексеев легко нашел способ, как получить деньги под свой контроль. Он поговорил с секретарем, оставшимся в поезде без постоянного начальника, изложив вполне веские аргументы об опасности хранения столь крупной суммы в вагоне, и уговорил секретаря спрятать деньги в городе. Их расфасовали по мешкам и отвезли в один из частных домов, где зарыли в землю во дворе. Двор был взят под охрану людьми Алексеева, и он таким образом получил к ним свободный доступ. Дальше нужно было налаживать связи непосредственно в городе.

В это время в Царицыне находились два иностранных консула — американский и сербский. С их помощью Алексееву удалось выйти на командование Сербского батальона, в котором к этому моменту революционные настроения сменились по отношению к советской власти на негативные. Командиры сербских отрядов, расквартированные непосредственно в городе, согласились поддержать выступление Алексеева и получили от него на организационные расходы деньги в сумме 20 тысяч рублей. Член ЦК партии эсеров Гарегин установил связь с находящимися в Царицыне членами своей партии, в том числе и с одним из ее лидеров — Котовым, которые также включились в организацию заговора. Эсеры внесли в подготовку выступления, возможно, даже больший вклад, чем сам Алексеев с его сербскими отрядами. Открытых официальных эсеровских партийных структур в Царицыне на тот момент

уже не было, однако в скрытом виде они продолжали действовать под «вывесками» кооператива «Фронтовик» и Союза торгово-промышленных служащих, членами которых, помимо эсеровских активистов, состояли отставные офицеры, имевшие боевой опыт и недовольные большевистской властью. В течение сжатых сроков в Царицыне формируется актив новой организации. Первые совещания заговорщиков проходят прямо в помещении Союза торгово-промышленных служащих, однако место это было вскоре признано небезопасным и совещания перенесены на частную квартиру активного участника заговора, табельщика железной дороги Петрова (по адресу улица Ладожская, 6). Жена Петрова Евдокия во время заседаний дежурила на улице, охраняя заговорщиков от случайного проникновения в помещение незваных гостей. В процессе совещаний составляется рабочий план восстания, создается штаб, формируются несколько боевых отрядов, назначаются их руководители. Алексеев также познакомился с группой командиров 1-го Крестьянского Добровольческого полка, прибывших в Царицын в командировку. Алексеев привлек их к заговору, и полк через некоторое время перешел на сторону белых.

В целом Алексееву за небольшой промежуток времени удалось привлечь следующие силы: около 300 офицеров, два сербских отряда общей численностью 1,1 тысячи человек, членов кооператива «Фронтовик» и Союза торгово-промышленных служащих численностью около 900 человек и других, в общей сложности — 2,3 тысячи человек. Штаб обеспечил всех участников заговора оружием: сербские отряды были вооружены изначально, часть офицеров состояла в милиции и также имела оружие, недостающие винтовки Алексеев раздал из своего фонда, привезенного им. Заговорщики собрали хранившиеся в поезде артиллерийские орудия, взяли себе на вооружение пулеметы. План предполагал также, что в момент восстания к боевым действиям будут привлечены отряды рабочих с заводов, которым будет сообщена ложная информация о занятии города казаками и необходимости участия в восстании, за счет этого ресурса планировалось привлечь еще около 3 тысяч человек. Штаб заготовил ряд воззваний к горожанам, к рабочим, к казачеству и другим общественным группам, утвердил текст листовок, которые в утро восстания должны были распространяться по городу.

Таким образом, заговорщики представляли собой грозную силу, вполне способную на организацию переворота в Царицыне. Выступление было назначено на 15 августа 1918 года. Роковым для заговорщиков стало решение о переносе уже готового восстания на два дня, что в конечном счете обусловило его провал. Большое число лиц, посвященных в заговор, привело к утечке информации. В доверие Алексееву вошел помощник коменданта Царицына, высказывавшийся против большевиков, который на самом деле был агентом ВЧК. Примечательно, что сербы предупредили Алексеева о ненадежности помощника коменданта, но тот не принял предупреждение во внимание. Помощник был посвящен во все детали готовящегося восстания. В результате ВЧК успела подготовиться к подавлению мятежа.

Контрмеры были приняты очень вовремя. На рассвете 17 августа к казармам сербских отрядов подъехали грузовые автомобили с красноармейцами и пулеметами. Прибывшие заблокировали сербов (которые еще спали) и начали их разоружение. Одновременно группа сотрудников во главе с председателем Царицынской ЧК нагрянула на Ладожскую, 6, где в полном

составе заседал штаб восстания. Таким образом, руководство заговора и основная его вооруженная сила были разгромлены, восстание не началось.

Раскрытие мятежа привело к волне репрессий в Царицыне. В первую очередь были расстреляны активные участники заговора — в общей сложности около двадцати человек. В числе погибших оказался сам Н. П. Алексеев и его сыновья, а также ряд других лиц. Расстрелы, ввиду угрожающей обстановки на фронте и неясности ситуации с заговорщиками, оставшимися на свободе, проводились поспешно. К числу расстрелянных в том числе относились: поручик М. З. Вассович, поручик В. А. Видигер, подпоручик Н. В. Корнеев, поручик Крюков (следствие проводилось настолько «тщательно», что имя-отчество Крюкова следователи не установили), прапорщик А. А. Лебедев, поручик Г. А. Угневенко, штабс-капитан А. К. Фадеев, подпоручик Е. Ф. Фёдоров, поручик А. Н. Цветков и другие.

Оказавшийся среди заговорщиков руководитель царицынских эсеров И. И. Котов, готовивший тексты воззваний, — человек, внесший большой вклад в революционные события в Царицыне весной — летом 1917 года, один из самых влиятельных тогда в городе людей, — был также арестован. Котов первое время отрицал активное участие в заговоре, а свое нахождение на Ладожской, 6, в момент, когда там оказались сотрудники ЧК, объяснял тем, что зашел в дом случайно, к знакомому, по дороге с расположенного рядом кладбища, где похоронены его жена и сын. Впрочем, разумеется, эту отговорку не приняли во внимание. Расстрелять Котова царицынские власти не решились, он был отправлен в Саратов, где и расстрелян некоторое время спустя.

Среди казненных оказалась и хозяйка дома по Ладожской, 6, активистка эсеровской партии, дежурившая у дверей во время заседаний штаба, Евдокия Андреевна Петрова.

Разумеется, момент разгрома заговора был использован для широкой расправы с давними врагами большевиков, даже и с теми, кто никакого участия ни в каких заговорах не принимал, — о чем сообщалось в печати вполне официально. Так, с формулировкой «за активное участие по охране царского режима, то есть как бывшего служащего старой полиции, царской гвардии гнета и насилия» был расстрелян бывший городской 4-го участка Царицына Артемий Петрович Арзамасцев, бывший земский начальник Царевского уезда Дмитрий Николаевич Берг, бывший становой пристав Царицынского уезда Аресений Андреевич Голосов, бывший околоточный надзиратель городов Царева и Черного Яра Петр Дмитриевич Ермаков и многие другие. Под расстрел пошли бывшие полицейские, сотрудники охранки, тайные осведомители, то есть люди, так или иначе обеспечивавшие в городе порядок до 1917 года и, по оценке властей, потенциально готовые к участию в новых заговорах.

Большое число людей было арестовано вообще без предъявления каких-либо обвинений, так под стражу попали почти все бывшие городские купцы. Поскольку арестованных оказалось очень много, размещать их было нигде. Для решения этой проблемы на середине Волги напротив Царицына была поставлена упомянутая уже особая баржа, в трюмы которой бросали всех арестованных и которая стала плавучей тюрьмой. Примечательно, что никакого централизованного кормления заключенных на барже предусмотрено не было: каждый питался только тем, что передавали ему родственники, причем

требовалось, чтобы за офицера передавали столько еды, чтобы хватало еще на трех человек, а за купца — на пятерых.

В числе арестованных вместе с братом оказался и А. А. Репников, известный в Царицыне меценат, в прошлом организатор общегородских елок для детей, человек, с огромным финансовым участием которого было выстроено здание театра на Александровской площади (сохранившееся до наших дней театральное здание на площади Павших Борцов). Этот арест вызвал в городе волну протестов, причем в числе протестующих оказались рабочие, поэтому после смерти на барже брата А. А. Репникова самого его властям пришлось освободить.

Впрочем, все эти внутренние события нисколько не облегчали положения Красной армии на внешнем фронте вокруг Царицына.

Разгром снесареvского штаба предсказуемо привел к снижению уровня управляемости армией, а усиление натиска казаков на Царицын поставило оборону города на грань краха. Наиболее критическое положение для красных в Царицыне сложилось к 16—17 августа, когда у царицынских властей возникло ощущение, что город удержать не удастся. По свидетельству Носовича, Минин впал в панику и настаивал на эвакуации из Царицына, однако в данном случае положительную для большевиков роль сыграл Сталин, настоявший на том, что никаких эвакуаций быть не должно. Тем не менее часть имущества была всё же подготовлена к эвакуации и свезена на пароходы на Волге.

Однако штурм Царицына не увенчался успехом: наступление Донской армии внезапно остановилось. Связано это было не с действиями красных, а с всё еще господствующими в казачьей среде настроениями, которые сводились к тому, что казаки не должны ничего захватывать, а ограничиваться только Донской областью. В результате большая часть казачества самопроизвольно остановила наступление, а готовые наступать дальше оказались не в состоянии это делать в связи с малочисленностью. В советских источниках данный факт интерпретировался как «моральное разложение донских частей». Полковник Добрынин, участвовавший в том наступлении, также писал: «В дни наибольших успехов Дона, угрожавшего занятием Царицына, казачество, поддавшись опять советской пропаганде, отказывается переходить Донскую границу, вытаскивая вновь под советские припевы завалившийся и заплесневевший термин „без аннексий“ для доказательства своего миролюбия и предполагая, что большевики больше не вторгнутся на Дон. Пришлось поддержать дрогнувший фронт молодыми полками, но Царицын всё-таки взять не удалось».

19 августа Сталин с Ворошиловым выезжают в Сарепту, а 24 августа, почувствовав существенное ослабление натиска белых, большевики принимают решение о переходе в контрнаступление. Успехи этого контрнаступления были локальными, разбить или опрокинуть Донскую армию красным не удалось, однако положение фронта под Царицыном на время стабилизировалось.

Появилась возможность ненадолго остановиться, подвести итоги первого масштабного столкновения Красной и Донской армий, подсчитать потери. Донская армия не смогла выполнить задачу по занятию Царицына, Красная армия удержалась. Однако какой ценой это далось? Потери сторон были несоразмерны друг другу. Наступавшая Донская армия в результате

провалившегося штурма Царицына потеряла убитыми и пленными около 12 тысяч человек. Урон Красной армии здесь оказался значительно выше: в общей сложности убитыми и ранеными было потеряно около 60 тысяч человек*. Разбирая ситуацию в Царицыне летом — осенью 1918 года на секретном заседании военной секции VIII съезда РКП(б), член РВС 10-й армии Окулов говорил не только об управленческом параличе, возникшем по причине нежелания царицынских руководителей выполнять приказы Центра, и об их некомпетентности, прямо называя в числе некомпетентных Ворошилова и ясно намекая на Сталина, но и о возникшей в результате такого управления массовой ненависти жителей Царицына к Красной армии и большевикам. «Город Царицын и все его окрестности были завалены дохлыми лошадьми. Наша кавалерия и артиллерия были парализованы, обоза не существовало. Если бы даже военное счастье повернуло к нам, смогли бы мы использовать это счастье, которое послала нам судьба? Я не буду останавливаться на ужасном санитарном состоянии, на состоянии путей сообщения, распущенности и мародерстве, которое восстанавливало против нас всё население, но только скажу, что эта самостийная политика проникала и в более широкие сферы. Не было ни одного государственного учреждения, с которым бы царицынская самостийность не находилась в смертельной вражде. Не было никого, кому бы мы не насолили, и потому в массах нас ненавидели».

Проводя «самостоятельную» военную политику, при таких провальных показателях потерь и проблем с тылом, 10-я армия не отказывалась от колоссальной материальной поддержки Центра. Например, влившаяся в нее Стальная дивизия Жлобы, фактически 8,4 тысячи военнослужащих, «получила снабжение на 20 000. Рядом с этим получено шароваров 22 000, гимнастерок-рубаш 20 000». Говоря в целом о 10-й армии, Окулов восклицал: «Вы можете из этого заключить, какой безумнейший, недопустимый хозяйственный развал царствовал в этой армии. В общем картина снабжения в этой армии получилась такая: штыков и сабель 45 000, на довольствии 119 000, а всего на 45 000 фактических борцов кормили 150 000 лодырей. Эта армия подала ведомость на год в один миллиард рублей, а на 4 месяца — 323 миллиона».

При этом, несмотря на такие большие материальные, моральные издержки и прямые военные потери со стороны царицынской армии, несмотря на огромные усилия и яростные споры, стабилизация фронта, достигнутая к сентябрю, оказалась временной, разгромить казаков не удалось, Донская

* Данная цифра озвучена лично Ворошиловым на секретном заседании военной секции VIII съезда РКП(б) 21 марта 1919 года, при этом, однако, указанная цифра потерь охватывает период не только июньско-сентябрьских боев, но и потери октября — начала ноября, таким образом, потери Красной армии в результате только первого штурма будут, по всей видимости, ниже. Если предположить, что потери Донской армии во время второго штурма Царицына были такими же, как и во время первого, то следует признать, что красные, находясь в обороне, теряли в 2,5 раза больше, чем казаки, при том, что традиционно потери наступающей стороны должны быть существенно выше потерь обороняющихся. Примечательно, что о таких высоких потерях не было известно в тот период даже руководству, присутствовавшему на заседании: Ворошилов, указывая в выступлении данную цифру, добавил, что «об этом мало кто знает». Вообще Красная армия в ситуации осени 1918-го — весны 1919 года хронически проигрывала белым в части организации. На том же секретном заседании говорилось: «Так, например, корпус Врангеля, состоящий из 15—20 тысяч, напал на армию, состоящую более чем из 100 тысяч, и заставил отступить, потому что корпус Врангеля был организован, связан и путем обхода заставил разбежаться малоорганизованную, но большую армию и продолжал наступление».

армия не только не была разбита, но и готовилась к новому масштабному наступлению, угроза сдачи Царицына белым не миновала.

Пытаясь как-то перестроить и организовать тыл, 7 сентября руководители города принимают решение, которое можно в каком-то смысле назвать историческим. Собравшись в здании по улице Московской, 14, Сталин, Минин и Ворошилов подписывают приказ № 62. В этом приказе говорится: «В целях наискорейшего создания в округе боевых единиц, а равно и в целях более успешного и планомерного проведения в жизнь директив центральной военной власти... Военный совет признал необходимым сейчас же образовать из уездов Царицынского, Чернявского, Камышинского и Царевского... самостоятельную губернию, центром которой является Царицын». Решение это принималось именно в военных целях — обеспечения мобилизации и снабжения для нужд армии, стоявшей в Царицыне.

Несмотря на потери и сложную перспективу продолжающихся военных действий, 10 сентября 1918 года в Царицыне был проведен митинг полков, на котором Сталин, не забывая о необходимости фиксации в сознании «побед», от имени Совнаркома вручил отличившимся подразделениям знамена с надписью «За доблесть в боях».

12 сентября Сталин впервые с начала июня выехал из Царицына в Москву на совещание, планируя вскоре вернуться. Однако теперь, после подведения первых итогов летней борьбы за Царицын, против его пребывания в городе начинается усиленная борьба в центральных штабах.

30 августа 1918 года в Москве на заводе Михельсона Фанни Каплан стреляла в Ленина. Ленин, как известно, был ранен и на некоторое время выбыл из активного процесса управления страной. В этой связи ситуация в Москве в плане управления и принятия решений становится сложной. Аппаратный вес Троцкого в этот момент существенно возрастает, поэтому многие большевистские руководители, включая Свердлова, стремятся уравновесить ситуацию в правящих верхах. Сентябрьский вызов Сталина в Москву был как раз связан с этими процессами.

После проведенного анализа сложившейся обстановки были приняты решения о реформах, организацию обороны на Юге России переформатировали. На месте СКВО был создан Южный фронт, во главе которого поставлен единоличный командующий. Впрочем, ставить над фронтом полномочного командующего (с учетом сохраняющихся противоречий вокруг вопроса о военспецах) всё же не решились, при командующем фронтом был создан Военно-революционный совет, ограничивающий его свободу в управлении фронтом. Здесь высшее руководство страны, в отсутствие Ленина, попыталось выстроить некий баланс сил. Командующим фронтом был назначен военспец и генерал-лейтенант Сытин, человек, близкий к Троцкому, а главой совета с 17 сентября ставится... Сталин. Такая структура руководящих органов Южного фронта должна была, по мысли Свердлова и других руководителей, уравновесить противоборствующие стороны, однако обе эти «уравновешенные» стороны остались крайне недовольны такой ситуацией. В общем-то данное недовольство половинчатостью принятого кадрового решения было понятно. В условиях нарастающего военного напряжения всякое противоборство становилось опасным. Так и вышло. Сталин практически сразу же стал требовать упразднения поста командующего, ратуя за «коллегиальное» руководство фронтом (то есть, по сути, за то, чтобы фронтом руководил возглавляемый

им орган), Троцкий же стал бороться за удаление Сталина из Царицына, однако 22 сентября 1918 года Сталин возвратился в Царицын.

В день возвращения Сталина Донская армия переходит во второе наступление на Царицын.

Пока в Москве перестраивали фронт и заново создавали систему управления им, казаки тоже не сидели сложа руки. На Дону также анализировали итоги летней кампании и меняли структуры управления войсками. Командование Донской армии создало теперь 4 оперативные группы. 1-я группа действовала на Камышинском направлении, имея в своем составе около 7 тысяч штыков и сабель, 50 пулеметов и 14 орудий. 2-я группа наступала на Царицын, двигаясь с северо-запада, через Качалино и Дубовку, эта группа имела в своем составе 13 тысяч штыков и сабель, 72 пулемета, 36 орудий и 2 бронепоезда. 3-я, наименее многочисленная группа, имевшая только 5 тысяч штыков и сабель, 56 пулеметов, 50 орудий, но при этом 3 бронепоезда, наступала на направлении Воропоново и Царицына. 4-я группа наступала на Сарепту, имея 20 тысяч штыков и сабель, 10 пулеметов, 43 орудия, 3 бронепоезда. Таким образом, на общем фронте наступления Донская армия имела около 45 тысяч солдат и офицеров, 188 пулеметов, 140 орудий и 8 бронепоездов. Следуя военной науке, командование Донской армии попробовало создать в тылу наступающих войск еще и резерв — около 20 тысяч человек. Правда, на создание полновесного резерва ресурсов не хватило и в качестве резерва были поставлены подразделения, сформированные из новобранцев (так называемая Молодая армия). Против этих сил стояли красные, перестроенные в 10-ю красную армию, после пополнений имеющую около 40 тысяч человек, около 200 пулеметов, 152 орудия и 13 бронепоездов. Таким образом, с учетом того, что 10-я красная армия стояла в обороне, качественный перевес был на ее стороне.

8 сентября Донской армии удалось вновь овладеть Калачом. Усиленная пластунской бригадой, 2-й Донской казачьей дивизией, саперным батальоном и получившая артиллерию, «группа генерала Мамонтова в 20-х числах сентября вновь перешла в наступление на Царицынском направлении. Свои действия на этот раз группа генерала Мамонтова развивала вновь по всем трем железнодорожным магистралям, идущим на Царицын, и к 17 октября потеснила красные войска к Царицынскому железнодорожному узлу. Фронт царицынской группы войск проходил на южном участке около Сарепты и далее вдоль железнодорожного участка Сарепта — Воропоново в направлении станицы Качалинской. Еще севернее группа генерала Мамонтова захватила селение Пичуга, выходя в тыл Царицыну и разъединяя таким образом царицынскую группу войск от камышинской». Царицын снова оказался в полукольце.

Ситуация на Царицынском направлении вновь стала критической: передовым частям казаков до города оставалось пройти около 30 километров.

Наиболее решительные сражения разворачиваются 27—30 сентября на центральном участке фронта, где частям Донской армии удалось прорвать позиции красных в ряде мест. 2 октября была захвачена станция Гнилоаксайская, 8 октября — Тингута, Донской армии удалось даже форсировать Волгу. На левом ее берегу армия создала значительную угрозу красным с тыла. 15 октября линия фронта проходила уже на ближних подступах к Царицыну, в районе Сарепты, Бекетовки и Отрады. Здесь продвижение казаков

было остановлено за счет умелого использования красными своих бронепоездов. Важную роль сыграло неожиданное появление в тылу Донской армии пришедшей сюда с Северного Кавказа, от Ставрополя, 1-й Стальной стрелковой дивизии под командованием Д. П. Жлобы, нанесшей серьезный удар по донцам в спину. Этой группе удалось отеснить Донскую армию обратно к Калачу и устью Иловли. Со стороны Красной армии в этих боях активно использовались бронепоезда и кавалерийские части, применение которых в ряде случаев имело решающее значение.

Дмитрий Петрович Жлоба — еще одна знаковая для Красной армии фигура, сыгравшая свою роль как в боях под Царицыном, так и в войне на Юге России. Родившийся в Киеве, он был сыном украинского батрака. Жлоба — машинист-самоучка, работавший на шахтах Донбасса, с ранних лет вступил в революционное движение. Во время революции 1905 года состоял в рабочей дружине города Николаева. В 1914 году на фронт он не пошел, закрывшись бронью, которую давали квалифицированным машинистам-шахтерам. Однако незадолго до Февральской революции, в мае 1916 года, Жлоба был арестован за участие в стачке и отправлен в армию. Специальность снова уберегла Жлобу от войны. В армии его направили не в окопы на фронт, а в Москву, в авиашколу на Ходынском поле, которую он окончил в 1917 году со специальностью военного моториста. В настоящей действующей армии Жлоба оказался только во время октябрьских боев в Москве. В конце 1917 года уехал на Донбасс, куда был направлен в качестве военного комиссара — создавать отряды Красной гвардии. Собственно, с этого момента начинается военная карьера Жлобы, в которую он вступил машинистом, унтер-офицером. Отряды Жлобы разрослись и влились в части формируемой регулярной армии. Жлоба оказался на Кавказе, сформировав знаменитую Стальную дивизию, которая показывала заметные успехи в первый период Гражданской войны, когда боевые действия еще носили полупартизанский характер. Октябрьский 800-километровый марш-бросок дивизии от Невинномысской к Царицыну, спутавший наступательные планы Краснова, стал одним из самых ярких событий в военной карьере бывшего машиниста. В дальнейшем Жлоба находился на разных должностях, командуя, в частности, партизанскими бригадами и сражаясь с Махно. Крайне неблагоприятной оказалась роль Жлобы в судьбе его непосредственного (на тот момент) начальника Думенко. 19 февраля 1920 года Думенко написал докладную записку, в которой предлагал снять Жлобу с должности. В записке указывалось: «Ввиду несоответствия занимаемой должности комбрига Первой партизанской тов. Жлобы, благодаря ему партизанская бригада настроена панически, не принимает боя, а отходит, прошу смещения комбрига тов. Жлобы и замены его другим командиром. Комбриг тов. Жлоба совершенно незнаком с военным делом». Жлоба снят с должности не был, а в ответ, с соавторами, написал на Думенко донос, по которому того арестовали и расстреляли, а Жлобу назначили вместо него на должность командира Сводного конного корпуса. Однако уже в июле того же года его сняли с занимаемой должности «ввиду явной несостоятельности». Вскоре после окончания Гражданской войны Жлоба был уволен из армии и направлен на хозяйственную работу, в частности — руководить мелиорацией на Кубани. В апреле 1937 года его неожиданно обвинили в создании (несуществовавшей) организации контрреволюционных повстанцев на Кубани и расстреляли как врага народа. Впрочем, всё это случится уже существенно

позже, а в 1918 году Жлоба сыграл в деле обороны Царицына значительную роль, ставшую одним из факторов, спасших красных от разгрома.

Вскоре после этого успеха красных в наступление на соседних участках фронта перешли 8-я и 9-я красные армии, что в совокупности вынудило Донскую армию прекратить наступление и отойти назад, за Дон. Вторая попытка штурма Царицына, как и первая, для Донской армии оказалась неудачной.

Всё это время, несмотря на тяжелейшую ситуацию на фронте, противостояние Троцкого и Сталина продолжалось. Оба засыпают Центр телеграммами с жалобами друг на друга. Так, 3 октября Сталин пишет немного оправившемуся Ленину, что действия Троцкого приведут к развалу Южного фронта. Сталин отказывается выполнять приказы Троцкого и прямо пишет об этом в телеграммах в ЦК: «...Заявить Реввоенсовету Республики, что телеграфный приказ Троцкого, угрожающий развалом всему фронту и гибелью всему революционному делу на Юге, не может быть выполнен Военсоветом Южного фронта». На следующий день, 4 октября, Троцкий шлет ответную телеграмму в ЦК: «Категорически настаиваю на отзывании Сталина. На Царицынском фронте неблагополучно, несмотря на избыток сил. Я оставляю его (Ворошилова) командующим Десятой (царицынской) армией на условии подчинения командующему Южным фронтом».

Впрочем, бороться с Троцким Сталину, несмотря на его положение наркома и нахождение на месте, было всё-таки сложно. За время отсутствия Ленина и в период его восстановления в руководстве Красной армией успевают произойти значительные перемены, существенно укрепляющие и без того значительные авторитет и власть Троцкого. 30 сентября 1918 года ВЦИК принимает Положение о Революционном военном совете Республики (РВСР), в котором было установлено, что РВСР «есть орган высшей военной власти в стране. Все силы и средства народа предоставляются в распоряжение Революционного военного совета для нужд обороны границ Советской Республики. Все советские учреждения требования Революционного военного совета Республики обязаны рассматривать и удовлетворять в первую очередь». Понятно, что в условиях масштабной Гражданской войны такие полномочия означали предоставление РВСР фактически полной власти в стране. Председателем Совета стал сам Троцкий*.

Такое положение вещей Сталина, естественно, не устроило. В этой связи он второй раз покинул Царицын и 6 октября вновь уехал в Москву. Результатом этой поездки стало включение Сталина в состав РВСР в качестве члена. Добившись этого решения, 11 октября он в обновленном статусе опять вернулся в Царицын. Этот, уже третий по счету, его приезд в город стал последним и продлился совсем недолго. Окончательно Сталин покинул Царицын

* Помимо Троцкого (председателя), членами Совета, ставшего опорой Троцкому, были: Главнокомандующий Красной армией И. И. Вацетис, а также П. А. Кобозев, К. А. Мехоношин, Ф. Ф. Раскольников, К. Х. Данишевский, И. Н. Смирнов и А. П. Розенгольц. Примечательно, что, по версии сталинской истории, РВСР практически в полном составе состоял из врагов народа. Из восьми членов Совета пятеро были расстреляны в 1936—1938 годах как враги народа, Троцкий — убит, Раскольников — погиб при загадочных обстоятельствах в психиатрической больнице в Ницце. Только один член РВСР — П. А. Кобозев умер своей смертью, уволенный со всех значимых постов в январе 1941 года в скромной должности заведующего кафедрой аэросъемки Межевого института.

19 октября. Выезд его в Москву был осуществлен почти насильно: Сталина буквально вывезли из Царицына, сам он покидать его отказывался.

Троцкий вспоминал: «Жалобы главного и фронтового командования на Царицын поступали ежедневно. Нельзя добиться выполнения приказа, нельзя понять, что там делается, нельзя даже получить ответа на запрос. Ленин с тревогой следил за развитием этого конфликта. Он лучше меня знал Сталина и подозревал, очевидно, что упорство царицынцев объясняется закулисным режиссерством Сталина. Положение стало невозможным. Я решил в Царицыне навести порядок. После нового столкновения командования с Царицыном я настоял на отозвании Сталина. Это было сделано через посредство Свердлова, который сам отправился за Сталиным в экстренном поезде».

Однако Сталин оставил в городе большое «наследство» в лице Ворошилова и ряда других командиров, поэтому отъезд его из Царицына не ликвидировал проблему, Троцкому пришлось ехать в Царицын самому. Он прибыл в город 20 или 21 октября, встретив по дороге ехавших из города Сталина со Свердловым, и так описывал происходящее: «Я думал о царицынской армии. Мне нужен был надежный левый фланг Южного фронта. Я ехал в Царицын, чтобы добиться этого какой угодно ценою. Со Свердловым мы встретились в пути. Он осторожно спрашивал меня о моих намерениях, потом предложил мне поговорить со Сталиным, который, как оказалось, возвращался в его вагоне. „Неужели вы хотите всех их выгнать? — подчеркнуто смиренным голосом спрашивал меня Сталин. — Они хорошие ребята“. — „Эти хорошие ребята погубят революцию, которая не может ждать, доколе они выйдут из ребяческого возраста. Я хочу одного: включить Царицын в Советскую Россию“».

Прибытие Троцкого в Царицын и одновременный отзыв Сталина означали, что Ворошилову нужно будет принимать сложные решения, открытый конфликт был неизбежен. Всё командование 10-й армии следило за развитием ситуации, о которой знали все высокопоставленные командиры, в том числе и не присутствовавшие непосредственно на встрече Троцкого с Ворошиловым. В частности, отсутствовавший Будённый писал впоследствии в воспоминаниях: «...нам было известно, что он [Троцкий. — *Р. Ш.*] присутствовал на заседании Реввоенсовета 10-й армии и устроил „разнос“ нашему командованию за пассивные действия армии». Сам Троцкий описал этот «разнос» следующим образом: «Через несколько часов я увидел Ворошилова. В штабе царил тревога. Пущен был слух, что Троцкий едет с большой метлой, а с ним два десятка царских генералов для замещения партизанских начальников, которые, к слову сказать, к моему приезду все спешно переименовались в полковых, бригадных и дивизионных командиров. Я поставил Ворошилову вопрос: как он относится к приказам фронта и главного командования? Он открыл мне свою душу: Царицын считает нужным выполнять только те приказы, которые он признает правильными. Это было слишком. Я заявил, что, если он не обяжется точно и безусловно выполнять приказы и оперативные задания, я его немедленно отправлю под конвоем в Москву для предания трибуналу». В результате предпринятых действий Троцкому удалось навести в Царицыне порядок, восстановить управление. Ворошилов, согласившись выполнять приказы, был оставлен в своей должности.

Ну а Сталин навсегда покинул Царицын. Несмотря на отсутствие Сталина, Южный фронт не развалился, хотя положение там оставалось для Красной армии крайне сложным.

Подводя итоги пребывания Сталина в городе, следует разделить результаты его деятельности на военные и продовольственные.

В военном отношении Сталин, несмотря на настойчивое стремление снизить славу полководца, не проявил в 1918 году никаких талантов. Красная армия под его руководством понесла огромные потери, при этом сам Царицын в августе 1918 года не был потерян лишь по причинам организационных проблем на стороне противника. Донская армия сохранилась в целостности и продолжала угрожать большевикам в Царицыне и на Юге России. Важным побочным результатом, получившим впоследствии поистине историческое значение, стал развившийся между Сталиным и Троцким конфликт, который разрешится уже после смерти Ленина изгнанием Троцкого из власти, а чуть позже — и из страны. Массовые репрессии 1937—1939 годов будут проходить в Советском Союзе под эгидой борьбы с «троцкистами», в число которых окажутся записаны как сторонники, так и многие противники Троцкого по Гражданской войне. Однако в 1918 году победил Троцкий. Отъезд Сталина и прямое подчинение фронта Троцкому не привели ни к развалу фронта, ни к сдаче Царицына до лета 1919 года.

В продовольственном же вопросе Сталин отлично справился с возложенной на него миссией. Только за июнь 1918 года «из Царицына было отправлено в промышленные центры и потребляющие губернии 2379 вагонов продовольственных грузов (более 2 миллионов пудов), из которых Москва и Московская губерния получили 1160 вагонов продовольствия, Петроград — 207, Нижегородская губерния — 140, Иваново-Кинешемский район — 81, Владимирская губерния — 105, Костромская — 86, Новгородская — 35, Смоленская — 28 вагонов и т. д. Всего с июня по ноябрь 1918 года из Царицына было отправлено несколько миллионов пудов продовольствия. В самые трудные летние месяцы 1918 года основные рабочие центры страны снабжались почти исключительно царицынским хлебом». Здесь результаты работы Сталина оказались выше всех ожиданий.

Впрочем, эти успехи, спасшие Москву и советскую власть в целом, тяжелым бременем легли на Царицын и Юг России. Вывоз такого гигантского количества продовольствия привел к перебоям с ним уже на самом Юге, о продовольственном благополучии, характерном для города до прибытия в него Сталина, пришлось забыть. Для Царицына наступили голодные времена.

Продолжение следует

Игорь ВОЛГИН

«Обретаясь в земной круговерти...»

(Глава из книги стихов «Прикосновенный запас». Продолжение)

* * *

Какие грезилась нам дали,
какие кущи!
С какую радостью ждали
мы день грядущий!

И нас, как будто привечаем
самой Минервой,
застал за водкой иль за чаем
век двадцать первый.

И мнилось, что уже вчерашни
братки и орки.
...Но в одночасье рухнут башни:
сперва — в Нью-Йорке.

ВОЛГИН Игорь Леонидович — поэт, прозаик, историк, достоевист, академик РАЕН, доктор филологических, кандидат исторических наук, заслуженный профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, профессор Литературного института имени А. М. Горького. Родился в 1942 году. Живет в Москве. Вице-президент *International Dostoevsky Society (IDS)*, президент Фонда Достоевского. Ведущий программы «Игра в бисер с Игорем Волгиным» на телеканале «Россия — Культура». Основатель и бессменный руководитель (с 1968 года) старейшей в мире литературной студии «Луч». Лауреат российско-итальянской литературной премии «Москва — Пенне» (2011), премии Правительства Москвы и Правительства Российской Федерации в области культуры (2012, 2016), Ломоносовской премии (2014), Российской национальной телевизионной премии ТЭФИ (2016), Бунинской премии (2017), Тютчевской премии (2016), премии Высшей школы телевидения (2018), премии «Ясная Поляна» (2019), Пушкинской премии (2021), премии журнала «Отчий край» (2022), Общественной литературной премии имени П. П. Бажова (2023), Национальной литературной премии «Слово» (2025), Всероссийской литературной премии «Гипертекст» (2026), Международной литературной премии имени Фазиля Искандера (2026). Обладатель Гран-при национальных премий «Поэт года» и «Писатель года» (2021).

И оказалось, что не деза,
когда без разниц
палит девчонка из обреза
в своих сокласниц.

Когда спешит защитник сирот
переобуться
и вырезает, словно Ирод,
мальцов кибуца.

Глядишь — на море и на тверди
всё дольше ночи,
а миг от жизни и до смерти —
он всё короче.

Одной повиты пуповиной,
в сей промежуток
Россия бьётся с Украиной.
Сценарий жуток.

Земное благо так далёко,
как в небе — Вега.
...Так что же нам просить у Бога
в стенаньях века?

О мире молит местный житель
сил на пределе.
— Но тут, — вздыхает Вседержитель, —
Я не при деле.

Зачем уселись вы, как дети,
в чужие сани?
И быть или не быть на свете —
решайте сами.

Из Пиндемонти

Как-то раз порой печальной
с детской верой изначальной
(хоть гнетут меня года),
разбирающийся в ятях,
оказался я в объятьях
близлежащего суда.

Неподкупная Фемида!
Ты повязкою для вида
прикрываешь очеса.
Украшающей фасады —
даже плюнь в неё с досады —
всё как божия роса.

Но забыла ты беруши
вставить в трепетные уши,
чтобы бес не проканал.
И всегда найдётся в оных
для инструкций телефонных
засекреченный канал.

О неправедные судьи,
выкормлёныши иудьи,
челядины Сатаны!
В некоем царстве, подытожу,
с вас не зря сдирали кожу
во спасение страны.

Да пребудем в царстве права —
слева мантии и справа,
всё иное — лабуда.
Закругляйте ваши речи,
ибо слышны недалече
трубы Страшного суда.

* * *

Какое небо над нами —
куда ты ни посмотри.
Дубы шелестят листьями,
как старые словари.

Шлагбаум, вокзал, пакгауз —
зачитанная строка.
Тяжёлые, как Брокгауз,
ворочаются облака.

Берёза стоит у плёса,
зелёная, что твой Даль.
Протяжна, простоволоса
Евразии близь и даль.

Там в люльке ещё Аттила,
но есть уже верный слух,
что мощный заряд тротила
его услаждает слух.

И молкнет в лесу шишига,
сова не зовёт птенца...
Наверное, эта книга
долистана до конца.

И Бог мычит, как корова,
и рукописи горят.
...В начале было не Слово,
а клип и видеоряд.

О, дивный мир этот тварный,
пою тебя и хую,
хотя мой запас словарный
давно стремится к нулю.

Но нужен ли слов избыток,
когда ты предупреждён,
что небо твоё, как свиток,
свернётся в конце времён...

* * *

Ударил дождь по тёмному стеклу,
сверкнул огонь — и сад мой озарился.
И я подумал: «Если я умру,
зачем на белый свет я появился?»

...Шумел мой сад — тяжёлые плоды
влекло с дерев, и, словно бы к истокам,
стремились струи тёмные воды,
задушенно хрипя по водостокам.

Я не знавал такого отродясь!
Но прошлое, представшее воочью,
внушало мысль, что некто, осердясь,
меня прибрать задумал этой ночью.

Под стон дубов, что гнулись на ветру,
под гром небес, взывающих к расплате,
я так подумал: «Если я умру,
то это будет очень даже кстати...»

...Но блеск угас, раздался сиплый глас,
гласил петух — дух умиротворенья —
и отвращал смущение от нас,
и прекращал стихий коловращенье.

Сползал туман с очнувшихся берёз,
стекали капли с листьев бересклета,
и запах роз, осилив запах гроз,
казалось, мир сулил нам в это лето.

— Дыши, — шумели ели, — и скажи,
что, в общем, нет причин для беспокойства
и что на состояние души
влияют атмосферные расстройства!

— Всё это так, — твердил я, — это так:
опять тверды разверзшиеся тверди!
Но эта ночь, но молнии, но мрак,
но эти мысли странные — о смерти...

* * *

Давнего детства подружка,
как ты о том ни толкуй,
снова кукует кукушка.
Что ж, дорогая, кукуй.

Много ли надо ещё-то?
Молкли в садах соловьи.
Как я сбивался со счёта,
слушая куки твои!

Как, подоткнув одеяло,
верил в счастливый удел.
Сколько мне жить предстояло,
в точности знать я хотел.

...Но облетевшие рощи
голы, как голая суть.
Время жесточе и проще —
ты уж не обессудь.

Дни были долгими — вроде
как наша лодка-ушкуй.
Но, коли сны на исходе,
тут уж кукуй не кукуй.

Месяц блестит, как полушка,
нам на потребу двоим.
Поздно мне, друг мой кукушка,
верить предвестьям твоим.

Но, если смерть и взаправду
только начало пути,
дай дотянуть мне до завтра —
там хоть трава не расти.

Юрий БЫКОВ

Вопреки соцреализму

1

Взошла зимняя заря. Дома стояли, алея, словно бы в морозном румянце, небо бледно голубело, припорошенное перистыми облаками.

Прозаик Алексей Дмитриевич Чёлышев, начавший работать затемно, успел уже написать несколько страниц. Теперь он смотрел в окно и, подсознательно отмечая, как красив этот утренний городской пейзаж, напряженно думал: «Обязательно надо ввести в повествование девушку — ударницу труда... Надо-то надо, но как ее себе представить? Колхозницу, ткачиху — это запросто, но женщину-сталевара! Интересно, а они в принципе существуют? Вопрос, однако, требует изучения». Алексей Дмитриевич вернулся за письменный стол и с досадой заключил: «Черт бы побрал эти производственные романы!» Но делать было нечего: задание партии! А как иначе, если о романе попросил — тоном вежливым, но твердым — сам Гурков, первый секретарь Союза писателей. И даже сообщил будущее название — «Сталь».

Чёлышев устремил взгляд в окно и начал представлять, какая она — сталеварша. Воображение по привычке рисовало девушек хрупких, милых, у которых глаза хотелось называть очами и которые никак не могли

БЫКОВ Юрий Анатольевич — прозаик, член Союза писателей России, член Русского литературного общества. Родился в 1952 году. Окончил Московский авиационный институт. Полковник в отставке, награжден орденом Почета. Живет в Москве. Обладатель Гран-при Международного литературного конкурса «По обе стороны моста», победитель литературного конкурса общества «Царьград», дважды лауреат премии имени первого главного редактора «Литературной газеты» Антона Дельвига, финалист премии имени А. Б. Чаковского «Гипертекст». Награжден медалями имени И. А. Бунина и А. И. Куприна, а также медалью Московской городской организации Союза писателей России.

соответствовать образу женщины трудной профессии. Промелькнула, правда, одна, но захватила она внимание вовсе не тем, что «попала в цель», а чем конкретно — понять не удалось по причине мимолетности видения. «Ладно, отложим сталеваршу на потом», — решил Челышев, придвигая к себе исписанные листы.

За час до полудня Варвара Егоровна, много лет служившая у писателя домоправительницей (именно так именовал он ее должность), позвала его к столу. Алексей Дмитриевич любил время второго завтрака, когда за окном светло — какая б ни была пора года — и еще предстоит прожить целый день, а на столе душисто дымится кофе и с белоснежного блюдечка манит сдобной мякотью булка.

С тех пор как они расстались с женой, прошло несколько лет. Этого времени оказалось для него достаточно, чтобы постичь мудрость, заключенную поэтом в строки: «На свете счастья нет, но есть покой и воля». Он настолько проникся этой истиной, что даже начал жалеть себя прошлого, благо память услужливо разворачивала перед ним соответствующие картины былой семейной жизни. «Ни капризов тебе, ни бестолковых ссор, ни вздорных обид», — перечислял Челышев плюсы своего нынешнего положения. И то сказать, уют в доме и на даче обеспечивала драгоценнейшая Варвара Егоровна, стесненности в средствах он не испытывал, а потребность в отношениях с женским полом удовлетворялась необременительными связями с дамами зрелыми, избегающими, как и он сам, каких-либо обязательств. Словом, комфортная, спокойная жизнь.

Однако много ли найдется людей, готовых признаться, что живут они счастливо?! Особенно если посмотреть на повседневность пристальным взглядом. Ну, например, Алексей Дмитриевич терпеть не мог заседаний, а его, известного писателя-лауреата, то и дело избирали (назначали) в различные комитеты и комиссии. Еще не любил он дней рождения, как своих, так и чужих, или, говоря общо, торжеств. Тогда приходилось много лицемерить, изображая радушие, искреннюю приязнь, радость, ощущая себя при этом мизантропом. Правда, под действием коньяка или водки, а иные напитки Челышев не употреблял, он всё же добрел и впадал в некое благодушное безразличие. Но тут подстерегала опасность перепить. И хотя Алексей Дмитриевич никогда «лицом в салат» не лежал, на следующий день он испытывал лютые муки похмелья. Нет, назвать свою жизнь безоблачной Челышев однозначно не мог. Но и зря «гневить бога» тоже не стал бы.

Испивши вкусного, «разнеженного» жирными сливками кофе, отведав пухлой сдобы, Алексей Дмитриевич закурил папиросу и окинул взглядом столовую. В окна лился солнечный свет, он оседал на обоях, на картинных рамах и, втягиваясь в глубину комнаты, таял тускнеющей позолотой. Челышев мысленно произнес: «Хорошо!..»

Однако нужно было продолжать работу. Алексей Дмитриевич прошел в кабинет, сел за письменный стол и вдруг невольно напрягся, вспомнив о своем замысле создать образ сталеварши. «Эх, с какого боку подступиться-то?..» Посидев в неопределенности, он закрыл глаза. И тут же выплыло то самое видение, прежде мимолетное, которое на сей раз не исчезло.

Видением была брюнетка с тонко изогнутыми бровями, в белоснежном свитере и черной юбке. Свитер был под самое горлышко, обтягивающий, вследствие чего ее большая грудь первой бросалась в глаза. Но не это, как

в следующую секунду понял Алексей Дмитриевич, захватывало внимание, а поразительно глубокий, словно бы идущий из самой души, взгляд. И душа эта чудилась родной...

Еще Челышев отметил, что брюнетка не так легка и изящна, как если бы была она девушкой, но телесна и стройна, как это свойственно иным женщинам в самой их цветущей поре. Другими словами, дама никак не походила на воздушное создание и физический труд явно был по плечу этой изящно, но крепко скроенной незнакомке.

Алексей Дмитриевич взялся примерять к ней образ сталевара. Но, черт возьми, слишком уж у нее аристократический вид! Мысленно он накинуд на гладкую «балетную» прическу ситцевый платок, и лицо брюнетки оказалось в светлом обруче. «Что ж, неплохо, — оценил писатель, — было изысканно, стало мило». Потом он изменил ее короткий прямой нос — загнул «уточкой»... Но тогда лицо молодой женщины начало расплываться, таять, после чего возродить его силой воображения оказалось невозможно. «Да, не дается образ, не складывается...» — досадливо констатировал Челышев.

Однако он знал, что в писательском деле редкая загвоздка не подвластна настойчивому штурму мысли. Теперь Челышев постоянно думал о брюнетке, подчас не давая себе в этом отчета. Она стала ему всё чаще и чаще являться, но всегда пропадала, как только он начинал «вписывать» ее в облик сталеварши. А ко всему, с каждым своим появлением, незнакомка всё более удалялась от нужного образа. Например, когда Алексей Дмитриевич заседал в комиссии по работе с молодыми авторами, она возникла с высокой прической из завитков. Выбившиеся локоны, которые опускались по скулам, как черные лианы, очень гармонично соседствовали с красной помадой на губах.

«Ясно же, что воображение подсовывает мне абсолютно не соответствующий замыслу типаж! Причем его невозможно скорректировать. Значит, этот типаж нужно безжалостно отбросить и найти другой». Но сколько бы Алексей Дмитриевич его ни искал — всегда являлась брюнетка.

Со временем Челышев — как таковой, а не писатель — признался самому себе, что рад каждой встрече с ней. Да и неудивительно. Она была хороша собой и, подобно всему, что отмечено красотой, вызывала в нем восхищение. И, конечно, глаза... Темные, с мерцающей искоркой — у них, как сразу же почувствовал Алексей Дмитриевич, был взгляд родной души. Когда они на него смотрели, он тут же забывал о том, что ни на секунду не покидало его подсознания: как ни пыжься, а ты одинок.

Челышев, действительно, горячо убеждал себя в обратном. «Какое может быть одиночество, если у тебя полно друзей-товарищей, есть дело, которому ты служишь по призванию (а это вообще-то счастье!), и даже больше: ты востребован как общественный деятель!» Далее он переходил к перечислению упомянутых выше плюсов холостяцкой жизни, на чем как бы и успокаивался.

Тем не менее ни одного по-настоящему близкого человека у него не было: бывшая жена только казалась таковой, и то лишь в начале их супружества, родни после смерти отца и матери у него не оставалось, а друзья... Увы, даже хорошие товарищи всё же не друзья, да и их, хороших, найти в своем окружении он, пожалуй, не смог бы.

Алексей Дмитриевич ехал на такси домой и думал: «Не хотел бы я оказаться на месте того скульптора...» Только что он невольно стал свидетелем разноса, который устроил в Центральном выставочном зале глава правительства художникам-авангардистам.

Челышев находился в Манеже с делегацией Союза писателей, направленной на выставку, которую проводил дружественный Союз художников, точнее, его Московское отделение в связи со своей очередной юбилейной датой. И ведь ничто, как говорится, не предвещало... Обычный, в сущности, культпоход. К делегации был приставлен гид, который в довольно быстром темпе повел мастеров пера по залам — снизу вверх. Вот уже и второй этаж. Скоро можно будет по домам...

Алексей Дмитриевич не считал себя знатоком изобразительного искусства, которое он оценивал понятиями «нравится — не нравится». Но и не относился к категории полных профанов. Ведомы ему были не только Шишкин и Васнецов, но и импрессионисты — Клод Моне, Ренуар, Винсент ван Гог (интересно, усмехался Алексей Дмитриевич, художник знал, что он постимпрессионист?); и чудак-сюрреалист Сальвадор Дали, и модный кубист Пикассо также были знакомы ему. А то, что Эмиль Золя оказался одним из немногих, поддержавших Эдуарда Мане с его картиной «Завтрак на траве», признанной впоследствии шедевром, заставляло его задумываться об особой ответственности писателя. «Вот сейчас охъём, а потом выяснится, что всё это — знаменательная веха в изобразительном искусстве», — размышлял он, разглядывая диковинные картины и скульптуры, не в силах, однако, понять революционного пафоса авангардистов, назвавших свою экспозицию «Новая реальность».

Он остановился перед каменной бабой со слоновьими ногами, прямоугольным лицом и прямоугольным же туловищем. Глаза у нее обозначались овальными углублениями, а рот — прямой бороздой. Была она безволоса, плоскогруда и ростом почти с Челышева. Называлась скульптура «Галатея».

— Да... — негромко прозвучало рядом, — явно не тот случай, когда надо завидовать Пигмалиону.

Это подошел и изрек сарказм поэт Литовцев. Алексей Дмитриевич хотел было согласно кивнуть, но, вспомнив об особой ответственности писателя, удержался.

А через мгновение всё вокруг зашевелилось, зашуршало, как от порыва ветра. Затем раздались приближающиеся голоса, над которыми по-хозяйски возвышался один, звучавший энергично, напористо, порою срываясь на фальцет. Этот голос было невозможно не узнать: он возникал всякий раз, стоило лишь включить радиоточку, приемник или телевизор. «Неужели Хрущев?!» — вместе со всеми ошарашенно подумал Челышев.

Не затягивая интриги, глава правительства тут же и вкатился в сопровождении свиты, такой знакомый по фотографиям и портретам — круглый, лысый, с бородавкой левее переносицы. «А у него, оказывается, на правой скуле еще одна!» — вскользь отметил Челышев.

Обежав стены с картинами, Хрущев презрительно кинул: «Мазня!» — и устремился в центр зала, к скульптурам, где первым делом наткнулся на «Галатею». Наткнулся и встал как вкопанный. Все затихли. Через некоторое

время Хрущев отмер, потянулся взглядом к табличке с названием, сощурился, поскольку был без очков, и вдруг взорвался:

— Что это еще за «Гантеля»?! Кто автор?!

В круг, образованный свитой, вытолкали щуплого, невысокого скульптора с бледным лицом.

— Работа называется «Галатея», Никита Сергеевич, — робко, но довольно слышно произнес он.

— Как? — с притворным спокойствием переспросил Хрущев.

— Галатея, — повторил автор и, не замечая коварства визави, начал пояснять: — В греческой мифологии — это изваяние прекрасной женщины, которое создал скульптор Пигмалион. Он влюбился в свое творение и умолил богиню Афродиту, чтобы она оживила Галатею...

— Вы что, мужик или педераст?! — внезапным криком оборвал его Хрущев. — Вы женаты или не женаты? А если женаты, то хотел бы спросить, с женой вы живете или нет? Это извращение, это ненормально! Как же ты, такой красивый молодой человек, мог слепить такое дерьмо?!

Не слушая оправданий, Хрущев кинулся к картинам, продолжая голосить уже в адрес художников:

— Вы что, рисовать не умеете? У вас есть совесть? Вы впустую проедаете народные деньги!

Он брызгал слюной, грозил пальцем, и ярость пылала на его толстом, бабьем лице.

Все были напуганы, раздавлены, хотелось провалиться сквозь землю. Нехудожникам тоже. Алексей Дмитриевич пытался обрести внутреннее равновесие единственным доводом: всё же из всех орудий палят по чужому плацдарму (он еще не знал, что в скором времени настанет черед писателей и поэтов). Впрочем, никто бы не смог предъявить лично Чельшеву даже маломальских претензий: он никогда не экспериментировал и строго следовал в русле социалистического реализма.

3

Не было еще и шести часов утра, когда его разбудила испуганная домоправительница Варвара Егоровна:

— Алексей Дмитриевич, проснитесь! У нас гости!

Чельшев с трудом открыл глаза: он допоздна писал, потом лег и вроде бы заснул, но было ли это сном? Скорее, дремой с видением картин, не отличимых от тех, что с недавних пор стало рисовать ему воображение в часы бодрствования.

Кстати, от идеи ввести в роман женщину-сталевара он окончательно отказался: мало того, что ему не давался этот образ, так еще и изучение вопроса открыло: женщина-сталевар не характерна как явление, ибо в истории отечественной металлургии было их всего две. Результат, в сущности, закономерный для здравомыслящего человека. «И с чего вдруг вошла мне в голову эта бредовая идея?!» — удивлялся Чельшев.

— Варвара Егоровна, ну что вы такое говорите?! Какие гости!

— Там... На кухне... Идемте же!

Чельшев проследовал за домоправительницей и прямо на пороге кухни остолбенел: на стуле сидела она, его незнакомка, — на самом краешке,

вытянутая в струнку, в белом свитере под горло, с локонами в причёске, как завитки виньеток.

«Черт побери! Это продолжение сна?!»

Он зажмурился, распахнул глаза — брюнетка всё так же сидела на стуле, глядя куда-то перед собой.

— Сударыня! — Алексей Дмитриевич отчетливо понял, что по-другому обратиться к ней невозможно. — Кто вы?

Она перевела на него взгляд:

— Я женщина-сталевар.

— А зовут вас как?

Брюнетка улыбнулась мягкой, чуть виноватой улыбкой:

— Я не помню...

«Галатея, — произнес про себя Челышев. — Именно так тебя зовут, дорогая моя женщина-сталевар! Если это, конечно, то, о чем я подумал... Но тогда получается... Я сошел с ума?! Потому что адекватный человек такого даже предположить не может!»

Голова словно бы погрузилась в туман, и Алексея Дмитриевича слегка качнуло. Он взял стул, сел напротив гостьи и попытался поверить ситуацию здравым смыслом.

«Может, это очередное дневное видение? — выдвинул он догадку, однако тут же ее отверг: — А Варвара Егоровна? У нее тоже видение? Нет, конечно! Вон стоит бедная женщина ни жива ни мертва, но явно понимает, что к нам появился живой человек...»

Здравый смысл приводил Челышева к заключению: «Если я в своем уме, то произошло нечто сверхъестественное! Однако, похоже, я, как и Варвара Егоровна, в своем уме... Стало быть, чтобы сдвинуться с мертвой точки — ведь надо же что-то делать! — следует принять чудо как данность...»

Незнакомка вдруг прервала его размышления:

— Я вспомнила: меня зовут Аглая.

«Ничего себе!» — поразился Алексей Дмитриевич, у которого это редкое красивое имя было любимым.

Через секунду женщина продолжила, сразив писателя наповал:

— Да, я Аглая Челышева, ваша жена. — Она светло улыбнулась, изгибая бровку, и поправила: — Твоя жена.

Хорошо, что Алексей Дмитриевич сидел, Варвара же Егоровна, дабы не упасть, схватилась за край стола. Неизвестно, сколько времени пребывали бы они в шоке, если бы Аглая не произнесла:

— Спать хочу.

Челышев словно бы вырвался из окутавшей его глухой пелены и, вернувшись в реальность, предложил сообразно обстоятельствам:

— Может, сначала кофе? Варвара Егоровна, сделайте нам, пожалуйста, кофе со сливками.

Домоправительница тоже отмерла и скованной походкой направилась к плите.

— Нет, нет, — запротестовала Аглая, — кофе потом, сначала спать. — И обратилась к «мужу»: — Алексей Дмитриевич, проводите меня в душ.

«Снова она со мной на вы, да еще и по имени-отчеству», — отметил Челышев.

В ванной комнате Аглая без стеснения начала раздеваться, а Чельшев, потупясь, поспешил выйти.

— И полотенце, принесите, пожалуйста, полотенце! — крикнула она ему вслед.

Но прежде Алексей Дмитриевич счел необходимым объясниться с Варварой Егоровной, которая, судя по холодному, отстраненному взгляду, явно была на него приобита.

— Драгоценная вы моя, ну не думаете же вы на самом деле, что я тайком от вас женился...

— Может, и думаю...

— Ага, конечно, а потом ночью я привел жену в дом и усадил на кухню, где вы ее утром и обнаружили. Нелепца же!

— Что же тогда происходит?

— Даю вам честное слово, я и сам ничего не понимаю! Случилось нечто необъяснимое с точки зрения рационального мышления... Какое-то оживление мифа! Вы слышали что-нибудь о Пигмалионе и Галатее?

— Спектакль смотрела по телевизору. «Пигмалион» назывался. Вы про это?

— Не совсем... Но в какой-то мере... Знаете, дорогая Варвара Егоровна, мы с вами потом обязательно об этом поговорим. А пока для сохранения душевного здоровья давайте ничему не удивляться. И еще попрошу: выдайте мне чистое банное полотенце и перемените постель в спальне (Ясно же, что спать ему теперь на диване, в кабинете.)

Аглая и не подумала прикрываться, когда Чельшев постучался и вошел с полотенцем в ванную комнату.

Склонившись, она намылила ногу, поставленную на бортик ванны, тяжелый пучок волос всё еще громоздился на головке, но готов был вот-вот рассыпаться. Она выпрямилась, качнув упругими грудями, и без смущения явила взору писателя божественное тело, каким оно только и может быть у дочери Зевса, ибо Аглая и есть одна из его дочерей-граций.

Чельшев, в который уж раз оторопел за утро, восторженно огибал взором отточенные силуэты этого тела, восходил по мягкой, сливочной белизне холмов, падал в темный бархат оврагов — и сердце его замирало.

— Принесли? Спасибо! — улыбнулась Аглая, словно бы не замечая его ошарашенного вида.

Из ванной она вышла обернутая в полотенце, с мокрыми, распущенными по плечам волосами.

Чельшев отвел Аглаю в спальню, на свою кровать — пыливо выглянула и скрылась мыслишка: интересно, тебе всегда теперь спать в кабинете? — пожелал ей приятных снов и проследовал на кухню.

— Варвара Егоровна, сделайте мне, пожалуйста, кофе... с коньяком.

Испив приготовленный напиток, а потом и просто коньяку, Алексей Дмитриевич отправился к себе на диван, надеясь с пробуждением обнаружить, что реальность вернулась в рамки рациональности. Но наряду с этим он желал и совершенно противоположного: снова увидеть прекрасную Аглаю.

Конфликт рассудка и сердца всегда пагубно влияет на личность, и Чельшев допил-таки бутылку коньяку, после чего заснул тяжелым сном. Он бродил в какой-то душной мгле, пока кто-то не взял его за руку.

Челышев открыл глаза, и мгновенно внутри у него радостно посветлело! Аглая сидела, примостившись на краю дивана, глаза у нее смотрели ясно, мягко, улыбочиво, а карие радужки были той чистоты, которая возникает, если смотреть через родниковую воду или вымытое стекло.

— Алексей Дмитриевич, а ты, оказывается, выпиваешь!..

«Опять на ты», — удовлетворенно отметил про себя Челышев. И попробовал оправдаться:

— Да, в общем-то, нет... нечасто...

Говорил он осипло и в сторону, отчетливо представляя, как разит от него перегаром.

— А мы с Варварой Егоровной сейчас ужинать будем.

— Это сколько ж теперь времени?! — подскочил Алексей Дмитриевич. — Я целый день, что ли, проспал?!

— Ну и проспал! — засмеялась Аглая. — Имеет же право писатель взять выходной! Пойдем, у Варвары Егоровны всё готово.

Челышев поднялся, запахнул халат.

Аглая пошла впереди. У двери она обернулась:

— Алеша, ты долго собираешься спать на диване?

4

Челышев перебрался на дачу — подальше от любопытных глаз и людской молвы.

В самом деле, каким образом объяснил бы он появление молодой женщины в его доме?! Сказать, что женился? Но тогда ему надлежало внести изменения в анкету члена Союза писателей, а как бы он заполнил соответствующие графы, не имея на руках ни одного документа? Что, объединил бы все эти «ФИО супруги», «дата рождения», «место рождения» фигурной скобкой и напротив написал бы: материализовавшийся плод писательской фантазии? Даже если и выдать Аглаю за приехавшую племянницу домоправительницы (а добрейшая Варвара Егоровна это предлагала), неразрешимой проблемой встал бы вопрос прописки.

На дачах же зимой народу мало, да и кому дело до того, кто приехал погостить к писателю? То есть дело-то, конечно, есть, но исключительно для поддержания широты кругозора.

Недаром же на следующий после приезда день к Алексею Дмитриевичу заявился детский поэт Поливанов, прихрамывающий, сухонький старик, утупающий в тяжелой, купеческой шубе. При виде Аглаи у него заслезился глаз и как-то обиженно скривились губы. «Вот, мол, — читалось на его лице, — кому-то всё, а кому-то ничего»!

Сосед, впрочем, вскоре засомневался, стоит ли завидовать Челышеву: очень уж странной показалась ему молодая красавица, которую хозяин дома представил просто Аглаей.

— Здравствуйте, я женщина-сталевар, — с чарующей улыбкой объявила она старику в ответ на его:

— Поэт Поливанов, Евсей Харитоныч.

Так и не поняв, то ли у Аглаи своеобразное чувство юмора, то ли она немного не в себе, сосед поспешил удалиться. А больше никто на дачу Челышева не наведлся.

И потянулись уютные зимние дни, точнее, вечера и ночи, поскольку свет за окошком в эту пору недолог и чахл.

У Аглаи обнаружился интерес к ведению домашнего хозяйства, вследствие чего они с Варварой Егоровной не только сблизилась, но и подружись. Аглая была прилежна, вникала в любые мелочи и вскоре сама уже могла приготовить полный обед. А как ловко замешивала она тесто и пекла пироги! Алексей Дмитриевич даже иронизировал над самим собой: «А не промахнулся ли я? С такой-то сноровкой она и сталь могла бы лить!»

Приняв однажды, что Аглая — его материализовавшаяся фантазия, Челышев уже не удивлялся, сколь близка она к образу идеальной женщины, как он этот образ себе представлял.

Чудо невозможно объяснить с материалистических позиций, но Челышев время от времени такие попытки предпринимал. Заканчивались они неизменно тем, что в голове у него образовывалась мешанина и откуда-то выплывало это непонятное словосочетание — «гносеологические корни идеализма». Именно к нему, идеализму, он и скатывался всякий раз, пока не плюнул и не начал просто радоваться чуду.

Они с Аглаей выходили на прогулку в пепельные сумерки, которыми заканчивался короткий день. И, конечно, было большой удачей увидеть закат: для подмосковной зимы солнце — редкий гость. Малиновый, золотистый, алый, лимонный — какими только цветами не очаровывался взор! Но вот в сияющий закат вплывали серо-свинцовые краски, проступали, как чернила. Вскоре всё стиралось, гасло, только на краю неба еще стоял какой-то призрачный свет: то ли он есть, то ли он — память о погасшем сиянии. Хрустел снег, желтые фонари сочились в темноту, рядом, под руку с ним шла Аглая — белая, нежная, мягкая (пришлось «разориться» на норковую шубку), и становилось сладко, когда неувимым движением воздуха вдруг доносился аромат ее духов.

После ужина Алексей Дмитриевич, Аглая и Варвара Егоровна обычно собирались в гостиной, чтобы посмотреть телевизор, — вечерами обязательно показывали фильм или спектакль. А по субботам допоздна шла новая передача под названием «Голубой огонек». Это теперь, включая телевизор, люди впускают в дом существо циничное, глумливое и пошлое. А тогда телевидение было добрым, с человеческим лицом...

Алексей Дмитриевич с интересом познавал, какова она, его прекрасная Галатее. Сразу же стало ясно, что это вовсе не «чистый лист», как можно было бы ожидать, ибо Аглая, несомненно, обладала некими общими знаниями. При том, что она являлась в известной степени порождением Челышева, нетрудно догадаться, чьи именно знания ей частично передались. И не только они, но и некоторые наклонности. Например, Аглая любила смотреть в окно, пить кофе со сливками, читать, лежа на диване. А вот дар сочинительства, по счастью, к ней не перешел: два писателя под одной крышей — упаси бог!

Но, помимо этого, было у нее и свое — милое, незатейливое. Алексею Дмитриевичу нравилось, когда она приходила к нему в кабинет, тихо садилась за спиной и начинала листать какую-нибудь книгу или альбом с иллюстрациями. А он писал и чувствовал, что время от времени она смотрит на него «родными» глазами.

А как же любовь? Та самая, плотская, — о ней не каждый сочтет приличным спросить, но каждый тайком подумает. Что ж, она была. Аглая, как

заметил внимательный читатель, сама же и дала понять нашему герою, что это вовсе не «запретный плод», которому, между прочим, известная пословица не мешает оказаться сладким. А каким он был на самом деле, не скажет никто, даже автор.

Одно можно утверждать: нежданно-негаданно Алексей Дмитриевич погрузился в идиллию. А как славно встретили они Новый год!

Тридцать первого декабря Чельшев писал весь день. Вдохновение давно уже посещало его исключительно в процессе работы, а тут оно пожаловало просто так, еще до завтрака, и не уходило весь день. Алексей Дмитриевич писал практически без перерывов, а в доме полным ходом шли приготовления к празднованию Нового года, и это звучало мажорным фоном его увлеченного труда. Чельшев закончил, когда позвала Аглая: пора было по традиции проводить старый год.

В гостиной пахла елка — ее утром принес из леса местный сторож Тимофей, — вся в игрушках и гирляндах, по телевизору уже шел «Голубой огонек», а на овальном, покрытом белой скатертью столе стояли (Алексей Дмитриевич сглотнул), точнее, лежали в роскошном сервизном фарфоре всевозможные салаты, соленые огурчики, грибы, колбасы, сыр со слезою, нежный окорок — и всего хотелось, хотелось прямо сейчас. Бутылка водки была студено матова, и уже бежала по ней первая оттаявшая капля. Ну и зачем тут коньяк? Хотя, может, потом и пригодится. Но сначала водки!

На горячее была утка, которую приготовила Аглая. Алексей Дмитриевич не поверил глазам, когда увидел на своей тарелке... «шейку». Ту самую, из детства! Он хорошо помнил, как бабушка готовила ее: кожу с утиного горлышка она сшивала в мешочек, набивала его пшеном, потом отправляла вместе со всем блюдом в духовку. Никто после бабушки не готовил ему этого лакомства. И вдруг...

О том, что знание о «шейке», очевидно, передалось Аглае от него, не хотелось думать.

Ночью вышли на улицу размять ноги. Было звездно, однако Чельшеву почему-то показалось, будто у тьмы над головой нет обычной глубины и она плоская, похожая на мерцающий черный полог. И еще, глядя на Аглаю, он вдруг подумал, что неверно писать «улыбка витала на губах». Помимо того, что это штамп, он отнимает «у земли небо» — у улыбки такие вот, как ее, сияющие глаза.

Тем временем Аглая с озорным лицом слепила снежок и бросила его вслед пробежавшему драматургу Томилину.

— С Новым годом!

Тот остановился, качнулся, каким-то виноватым жестом обхватил себя за плечи:

— С Новым! Извините, холодно!

Только теперь Чельшев и Аглая обратили внимание, что на драматурге — легкий плащ и сандалии. Уж где и как отмечал человек праздник, оставалось только догадываться.

— Бегите, бегите! — отпустил его Алексей Дмитриевич.

Проводив взглядом его несущуюся по дороге фигуру, они рассмеялись. Чельшев обнял Аглаю, ее руки ответно легли ему под лопатки.

Теперь Алексей Дмитриевич, как никогда отчетливо, понимал: он не одинок!

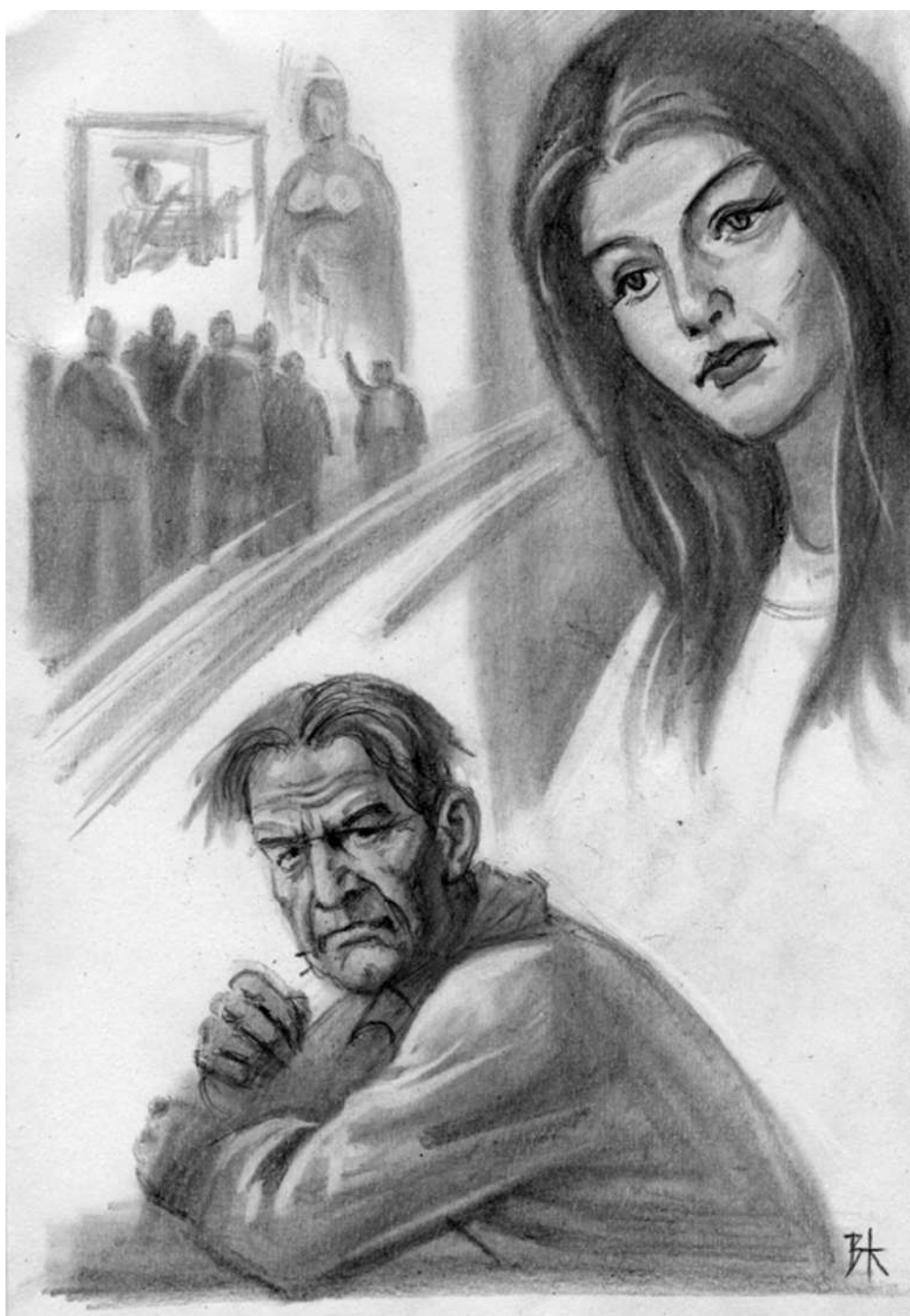


Рисунок Вадима ЖУКОВА

Весной деятелей культуры собрали в Кремле на встречу с руководителями страны.

В числе приглашенных был и Чельшев. Встреча проходила в Свердловском (в прошлом и будущем Екатерининском) зале Сенатского дворца, известного своим куполом, который виден со стороны Красной площади и над которым развевается флаг. Собственно, он и размещен непосредственно над этим круглым залом, который представляет собой купольную ротонду.

Собравшихся «мастеров культуры»* можно было условно разделить на две части: «молодежь» и «матерые». Последние держались уверенно, кое-кто даже вальяжно, «молодежь» же была зажатой, настороженной. Эффект от посещения Хрущевым в конце прошлого года выставки в Манеже еще продолжал устрашающе действовать, и это заставляло тревожиться первых, а если приглядеться, то и вторых, хорошо знавших по жизненному опыту, сколь непредсказуем бывает высочайший гнев.

Однако гроза разразилась над «молодыми». Ну как «молодыми»? Среди них были, между прочим, и сверстники Чельшева, сорока — сорокапятiletние мужики, которые и повоевали, и пожилы, но не успели по разным причинам добиться заметного положения. И случилось это не от отсутствия таланта, а, скорее, оттого что поздно начали. В отличие от Чельшева, который, вернувшись с войны, всерьез занялся литературным трудом.

И всё-таки за всех «молодых» пришлось отдуваться совсем уж молодым, которых обычно относят к категории вчерашних студентов.

Как раз такой поэт и взошел одним из первых на трибуну. Стоило ему начать говорить, и был он живо «распят» Хрущевым как идеологический отщепенец. Глава партии находился в убеждении, что новое поколение творческой интеллигенции носит «фи́ги в карманах», не верит в коммунизм и преклоняется перед Западом. Поэт сбивчиво попытался возразить:

— Это не так, Никита Сергеевич... Я хоть и не член Коммунистической партии...

— То, что вы беспартийный, — не доблесть, — перебил его Хрущев. — Почему вы это афишируете? — И вдруг, впадая в одержимость, перескочил на высокие звонкие ноты: — А я горжусь тем, что я — член партии и умру членом партии!

Далее его уж несло безудержно, как ураган.

— Сотрем! Сотрем! — угрожающе летал по воздуху его кулак. — Я не могу спокойно слышать подхалимов наших врагов. Не могу! Я не могу слышать агентов. Прежде всего я человек, я рабочий своего класса, я друг своего народа, я его боец и буду бороться против всякой нечисти!

Чельшев вспомнил, как Хрущев распекал художников в Манеже, и к нему пришла крамольная мысль: первый секретарь действительно неистов или это игра, роль, которую он привычно исполняет с начала своей карьеры? В любом случае слышать его, бушующего, косноязычного, было и стыдно, и страшно.

Хрущев, чтобы не задохнуться, сделал паузу, но продолжил с тем же накалом ожесточения:

* Выражение, взятое из названия статьи Максима Горького «С кем вы, мастера культуры?».

— Здесь вот еще агенты присутствуют. Вон молодые люди, довольно скептически смотрят. Кто они такие? Я не знаю. Один без очков сидит, другой очкастый. И еще, который рядом с ним — в желтой рубашке.

У Алексея Дмитриевича засосало под ложечкой — и вовсе не от голода. Дело в том, что этот последний был не только соседом «очкастого», но по другую руку соседом его самого, Челышева. Черт знает, что могло взбредить Хрущеву в голову, переведи он взгляд правее, то есть на него. Тем более что человек в желтом попал под раздачу явно за компанию, ибо отродясь никакие «фиги в карманах» не носил и, следовательно, не мог смотреть «скептически». Об этом Челышеву было известно доподлинно, поскольку он хорошо знал и его, и его отца, ныне покойного писателя Ковригина. Сын же занимался тем, что сочинял патриотические поэмы и баллады. Когда-то семейство писателя и Челышев жили в одном дачном поселке, и Алексей Дмитриевич помнил Василия еще юнцом. И тогда и после он любил время от времени напускать на себя поэтический флер, любил, подражая Маяковскому, эпатировать, а по-простому — выпендриваться, но это никак не мешало оставаться ему верноподданным гражданином.

Молодой Ковригин побледнел, опустил взгляд и плечи. Довыпендривался! «Желтый цвет — это ярко, свежо! — вспомнил он свои мысли. — А еще эта мода на нейлоновые сорочки! И хоть бы пиджак надел — всё было бы не так „свежо“...»

Окончательно добила его реплика, случайно влетевшая в микрофон, но отчетливо прозвучавшая в зале:

— Как он оделся! — возмутился кто-то в президиуме. — Вы посмотрите, желтый, как подсолнух. Ни стыда ни совести! В Кремль пришел!

Василий оказался близок к обмороку, но тут Хрущев спохватился, что еще не покончено с «агентом», который на трибуне:

— Ты с нами или против нас? Другого пути нет. Мы хотим знать, кто с нами, кто против нас. Никакой оттепели. Или лето, или мороз!

— Никита Сергеевич, у меня были... Я чувствую, особенно сейчас. У меня были нервные срывы...

Видя, что «враг» повержен, Хрущев потерял к нему всякий интерес, но после бедного поэта на трибуну призвали молодого прозаика. Затем еще одного «агента». И еще...

Несколько часов продолжалась порка.

6

Несмотря на то что о Васе Ковригине больше никто не вспомнил, состояние его было ужасно.

— Давай я тебя провожу домой, — предложил Челышев, когда они вышли из Спасских ворот и через Красную площадь направились к метро «Прспект Маркса».

— Алексей Дмитриевич, отведите меня лучше в кабак!

Карие Васиные глаза наполнились мокрым блеском — нет, он не плакал, он страдал, — и лицо его было горестно-сумрачным.

— В кабак, так в кабак, — согласился Челышев, также ощутив потребность приглушить тягостные впечатления сегодняшнего дня.

Набрались они изрядно в первом попавшемся на улице Горького питейном заведении.

— Домой я всё равно не поеду, — говорил Вася. — Буду ночевать на вокзале. Дома они меня уже ждут...

— Кто «они»?

— Алексей Дмитриевич, что ж вы наивный такой?! — Ковригин пьяно улыбнулся. — Кагэбэшники, конечно!

— Делать им больше нечего... Просто ты, братец, перетрухал.

— А что, я один? Все перетрухали! Сидели и боялись, что про них что-нибудь скажут. А про меня сказали!

— Погоди, чем черт не шутит, — усмехнулся Челышев, — может, о тебе в будущем как о герое заговорят! Во всяком случае, ты, Вася, вошел в историю.

— Ага, вляпался... И всё-таки вот вы — вы же воевали! — а тоже боялись...

— Это точно, боялся, — просто признался Алексей Дмитриевич. — А знаешь что? Поехали ко мне на дачу. Помнишь, мы когда-то в поселке были соседями?

— Да, помню... — Василий немного посветлел лицом. — Детство, юность... И все еще были живы...

— Ну вот, раз тебе домой нельзя, у меня и переночуешь.

До поселка добрались за полночь.

— А ведь я никогда здесь зимою не был, — поделился открытием Василий. — Всегда летом, когда каникулы...

— Ну, строго говоря, сейчас весна, — уточнил Алексей Дмитриевич, — хотя, конечно, только календарная.

— Э, не скажите! Чувствуете? — Василий остановился, потянул воздух. Челышев вслед за ним.

В воздухе уже замечался весенний привкус, который иногда восторженно называют привкусом свободы, а это на самом деле запах той радующей свежести, какая, к примеру, бывает, если разрезать арбуз.

Но дачи при этом стояли тихие, печальные: зима когда-то обрядила их в пышные снега, а те нынче посерели, смялись. И всё не едут и не едут люди...

Ковригин будто бы немного протрезвел и даже, впад в лирический настрой, начал читать стихи, а когда они пришли на дачу, задорно предложил еще чего-нибудь выпить.

— Коньяк будешь?

— Еще как!

— Сейчас посмотрим, где у нас что... Хозяйки-то уже спят.

— Я не сплю! — вошла в гостиную Аглая и улыбнулась. — Ты с гостем?

Поэт застыл, жадно поглощая ее взглядом.

Алексей Дмитриевич его понимал. Он и сам залюбовался Аглаей, такой простой — в халатике и домашних туфельках, и такой величаво-женственной — с откинутым станом, высокой грудью, копной наспех скототых волос.

— Аглая, познакомься, это Василий Ковригин, поэт.

«Только бы она не сказала, как в прошлый раз: „Я женщина-стале-вар“», — мысленно взмолился Челышев.

На пригожем лице поэта с изящно очерченными губами, длинными ресницами, шелковыми крыльями бровей вдруг обозначилось выражение мужественности.

— Безмерно рад нашему знакомству, — молвил Василий, и улыбка его была по-донжуански сдержанной.

В сердце Алексея Дмитриевича толкнулась ревность. «Полегче, Вася! — мысленно крикнул он. — Это моя женщина!» С тем, что заложено Природой, не совладать даже «инженеру человеческих душ»*.

Но и Василий поступал сообразно природному инстинкту: почти каждая мужская особь при виде красивой представительницы противоположного пола норовит «распушить хвост». Впрочем, эти потуги ничто — главное, как поведет себя объект вожделения.

— Очень приятно, — ответила Аглая, — сейчас я соберу вам закусить.

Ровный голос, спокойный взгляд. Челышева отпустило: «И с чего я вдруг вздумал ревновать?»

— Алексей Дмитриевич, так вы женаты? — проводив восхищенным взором хозяйку, спросил Ковригин.

— Как видишь.

Челышев впервые вслух признался, что Аглая его жена, и внутри у него потеплело.

Но как же залоснились Васины глаза, когда она принесла закуску!

Алексей Дмитриевич поразился: еще несколько часов назад Ковригин находился в отчаянии (крах всех надежд, арест, тюрьма!), а теперь — безоглядное торжество либидо! Жить моментом — наверно, это большое счастье. Эх, кабы его психике такие легкие крылья!

«Вон еще одна такая психика», — подумал Челышев, наткнувшись взглядом на спавшего на стуле хулиганистого кота Августа, который обычно, получив взбучку от Варвары Егоровны, садился прямо посреди комнаты и как ни в чем не бывало начинал умываться.

Аглая, поставив на стол два блюдечка, с нарезанной колбасой и сыром, и корзинку с ломтиками белого хлеба, пожелала им спокойной ночи.

Оба они, замолчав, смотрели на удаляющуюся красавицу.

«А халатик ей явно коротковат», — подумал Алексей Дмитриевич, представляя, в какие выси заманивают фантазию ее ладные ножки, и не сомневаясь, что гость уже вообразил Аглаю голой.

Продолжать пьянствовать ему категорически расхотелось.

— Поздно, Василий. Давай по последней и на боковую.

7

Челышев всегда считал, что жизнь вершится по законам логики, то есть пресловутая причинно-следственная связь и есть основа всего происходящего. Разливы рек случаются от обильного таяния снегов, к революциям приводят глупость и упрямство властей предрежащих, люди расходятся, потому что перестают быть в согласии друг с другом.

Когда от него ушла Аглая, скрепы мироустройства в одночасье рухнули. Ее поступок был необъясним, хотя бы потому, что жили они душа в душу. И тем более он был необъясним, что ушла она к... Ковригину!

От его визита на дачу до ее ухода минуло четырнадцать дней. Что происходило между Василием и Аглаей в течение двух недель, Алексею Дмитрие-

* В советское время с легкой руки И. В. Сталина инженерами человеческих душ называли писателей.

вичу оставалось только догадываться, поскольку всё это время он ничего не знал об их отношениях.

В тот день Чельшев находился в Москве — присутствовал на заседании очередной комиссии. В полдень к даче подъехало такси. Аглая выглянула в окно, накинула шубку и взяла оказавшийся уже собранным чемоданчик.

— Прощайте, Варвара Егоровна, — приобняла она домоправительницу. — Не поминайте лихом!

— Аглая! Ты куда?! Что происходит?!

Впрочем, Варвара Егоровна быстро всё поняла, выйдя на крыльцо и увидев, как Ковригин распакивает перед Аглаей дверцу такси.

Это было предательство.

Именно так и отнесся к поступку любимой женщины Алексей Дмитриевич, который давно уже отстранился от роли Пигмалиона и воспринимал ее как самостоятельную личность. Похоже, Аглая и в самом деле стала таковой. А иначе, оставаясь она «Галатеей», откуда это вероломство? Разве он кого-то предавал?

Поначалу ее коварство вызвало в нем оторопь, ощущение беспомощности. Потом начала болеть душа.

Но сильнее этой боли стало негодование. Как?! Оставить человека, который безумно ее любил! Уйти украдкой — нет, тайком сбежать — когда его нет дома! И к кому? К Ковригину — существу слабому, неустроенному, с туманным будущим, да еще и бесчестному... Господи, какой-то пошлый анекдот: я привел его домой, а он увел у меня жену!

И всё же, как костер догорает до углей, гнев писателя стих до досады — досады, оттого что его миропонимание оказалось ложным и жизнь совсем не логична, а потому непредсказуема.

Эта горечь сливалась с болью души, которая продолжала рваться к Аглае. Алексей Дмитриевич выходил гулять и на каждом шагу наталкивался на воспоминания о своей недавней жизни — счастливой благодаря ей и ею же отнятой! И дома каждый угол тоже напоминал об Аглае, и некуда было деться от этой пытки. Оставалось уповать на время, «которое лечит», — но проходили дни и недели, а ад не заканчивался. Ты беззащитен перед тем, кого любишь, и никакой силой воли этого не изменить.

Когда умирает человек — это приходится принять, сколько ни мучайся, но в тысячу раз мучительней, когда человек перестает быть только для тебя, потому что на самом деле он жив и, значит, всё поправимо.

Конечно, Чельшеву хватало крепости характера, чтобы держаться: он не искал встреч с Аглаей, не слал ей писем с мольбами о возвращении, но это было оболочкой сути, как скорлупа горького ореха. Никак не вычеркивалась Аглая из его жизни, и всё не давали ему покоя вопросы: неужели ее ничто не мучает? Неужто она может быть счастлива? Как ей вообще живется с Ковригиным? Видимо, неплохо, раз она оставалась с ним. А ко всему Василий, в отличие от Чельшева, Аглаю не прятал, и вскоре появление у него красавицы-жены (которая на самом деле женой не была, и это прекрасно знал Алексей Дмитриевич) стало излюбленной темой пересудов в тесных литературных кругах.

Сам Ковригин пребывал на подъеме. Попав в переделку на встрече руководства страны с интеллигенцией, он, конечно, до жути испугался, однако «монарший» гнев не породил беды, ибо все оказались настолько сосредото-

точены на фигурантах разоблачительной кампании, что о нем просто забыли, как во время, так и после совещания. В благодарность судьбе и партии Ковригин сочинил балладу «Великий борец за мир». Произведение о Хрущеве было восторженно принято критикой, а один из именитейших советских композиторов приступил к написанию на его основе оратории. Присутствие Аглаи, надо полагать, вызывало у Василия особое творческое воодушевление, поскольку в одном из интервью он похвастал, что вскоре представит на суд любителей поэзии новую лирико-патриотическую поэму «С любовью к отчизне».

А вот Чельшеву больше не писалось. Он даже не мог закончить свой роман, который был не более чем в двух-трех главах от завершения. Алексей Дмитриевич, конечно, понимал, как важно выполнить поручение Союза писателей, однако, сколько бы он ни усаживал себя за письменный стол, всё заканчивалось бездумным созерцанием заоконного пространства.

Говорят, если поделиться своей бедой, станет легче, но он не верил в такой способ лечения души. Никто за человека не переживет его горя, даже самой малой толики не переживет, а к сочувствию в свой адрес он всегда относился настороженно, опасаясь, что оно легко может перерасти в жалость.

Разумеется, время от времени он напивался. И всякий раз без какого-либо исцеляющего эффекта. Правда, и утверждать, что ему делалось хуже, он не стал бы — куда уж хуже!

Чельшев страдал в одиночестве — а по-иному не мог — и такая безысходность одолевала его, что впору было зарыдать. Но и плакать он не мог.

Единственным человеком, для которого состояние Алексея Дмитриевича не представляло тайны, была Варвара Егоровна. Однако из ее уст не прозвучало ни единого слова участия — только понимающий взгляд да ставшая особой теплота, с которой она ухаживала за ним. За доброту и деликатность он был искренне благодарен ей. И вообще, глядя на эту полноватую, немолодую женщину, обладавшую классической внешностью бабушки с кучей внуков, Чельшев как будто забывал о своих невзгодах, потому что они меркли, и даже покой, хоть и робкий, ненадолго опускался на его душу.

Однажды ему приснился сон. Будто бы он сидит в своем кабинете и, пытаясь собраться с мыслями, чтобы начать писать, смотрит, как обычно, в окно. И вдруг ему приходит в голову... убить Аглаю! Эта мысль кажется ему соблазнительной. Во-первых, он разом избавится от боли, а, во-вторых, покончить с «Галатеей» не составит особых проблем, ведь ее как бы и не существует. В самом деле, Аглая взялась ниоткуда и ни по каким документам не числится. Ну и кто будет искать человека, которого нет? «Это ж надо, чего удумал! — слышит он спокойный голос Варвары Егоровны, которая, оказывается, стоит у него за спиной и протирает книги на полке. — Ты ж, Алексей Дмитрич, с фашистами воевал, негоже тебе, солдату, людей убивать».

И тогда Чельшев просыпается, но просыпается в другом сне — где война, где идет бой, и он из последних сил пытается как можно дальше отползти от подбитого танка. Только тщетно! Вот-вот взорвется боекомплект, а расстояние между ним и танком по-прежнему не более трех метров.

И тогда он снова просыпается. Алексей Дмитриевич глубоко и часто дышит, взгляд его мечется, постигая пространство. Из-под карниза с гардинами пробивается полоска света, вокруг сумрак комнаты. «Я дома!» — с облегчением понимает он, и тут же тяжелый камень привычно ложится ему на сердце.

Не случайно приснилась Челышеву война.

Сразу после майских праздников ему позвонил Гурков. Алексей Дмитриевич ожидал услышать упреки из-за затягивания работы над романом «Сталь», но первый секретарь Союза писателей заговорил совсем о другом.

— Слушай, Алексей, так ты танкистом воевал?

— Было дело.

— Мы тут письмо получили от Совета ветеранов, — Гурков прервался, очевидно, надевая очки, — зачитываю: «от Совета ветеранов четвертого гвардейского танкового Кантемировского ордена Ленина Краснознаменного корпуса». Пишут, что гордятся своим товарищем по оружию, ставшим известным советским писателем, и просят передать ему приглашение на встречу фронтовиков. Адреса твоего они не знают, потому письмо направили нам. Встреча состоится 9 мая.

— Спасибо, Георгий Валентинович. Постараюсь быть.

— Что значит «постараюсь»?! Надо быть! Поздравь от нашей писательской организации с праздником Победы, ну, и так далее. Сам знаешь.

Встреча проходила у Большого театра. Тогда сквер на площади Свердлова, ныне Театральной, еще не был общим местом встречи ветеранов Великой Отечественной войны — эта традиция будет заложена позже. А до того фронтовики собирались там эпизодически — то летчицы женского бомбардировочного авиаполка, то однополчане-артиллеристы или танкисты, то сослуживцы той или иной стрелковой дивизии.

Ровно без пяти минут три Челышев вышел из метро «Площадь Свердлова» и направился к скверу, где, несмотря на будний день*, скопилось уже довольно много народа. Было тепло, и потому плащ он нес перекинутым через руку. К его пиджаку была приколоты орденская планка с ленточками ордена Красной Звезды и медали «За победу над Германией». Весьма скромно, потому что еще не наступили времена, когда ветеранов начали массово награждать по случаю юбилейных дат, связанных с годовщинами Победы или создания Советской армии.

Алексей Дмитриевич был невысокого мнения о месте, которое он занимал в общем строю воевавших. Младший сержант, наводчик танка Т-34 — вот, собственно, и всё. После призыва и до апреля сорок четвертого года служил в тыловой запасной части и только потом — 2-й Украинский фронт. В итоге воевал чуть больше года. А что до ордена... Он и сам не заметил, как свершил что-то, достойное награды. Просто однажды из штаба корпуса приехал какой-то генерал и вручил ему перед строем Красную Звезду.

Челышев шел к фонтану, находившемуся в центре сквера, вглядывался в лица и не находил ни одного знакомого. Многие из ветеранов были в форме. Возле фонтана Алексей Дмитриевич увидел коренастого генерал-лейтенанта в парадном мундире с множеством наград. Он стоял в окружении нескольких полковников и подполковников — тоже в парадной форме — и явно был здесь главным. Челышев подумал, что это, может, и есть командир их корпуса, которого он никогда не видел, и двинулся к нему.

* День 9 мая был нерабочим в 1945—1947 годах и снова стал таковым с 1965 года. Этот день всегда, начиная с 1945 года, оставался праздничным.

— Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант, — по-военному обратился он. — Младший сержант Чельшев. Мне в Союзе писателей передали приглашение на эту встречу.

Генерал расслаился, сверкнув золотой коронкой:

— Алексей Дмитриевич! Рад вас видеть!

Да, это был командир корпуса тех, военных, лет.

Чельшев услышал от него в свой адрес множество лестных слов и был прикреплен к генеральской свите.

— Вы, пожалуйста, от нас с товарищами офицерами далеко не отлучайтесь. Еще банкет запланирован в ресторане. Надеюсь, вы там скажете что-нибудь.

— Да, конечно.

Все вокруг улыбались друг другу. Общее прошлое роднило этих подчас незнакомых между собой людей, еще не старых, крепких мужчин. Чельшев тоже улыбался, ощущая сплоченность с ними, и в какое-то время ему показалось, будто мрачное небо, так давно висевшее над его душой, отодвинулось куда-то в сторону.

Потом был банкет в огромном ресторанном зале. Его посадили за главный стол, и свой тост-поздравление он произнес не по необходимости, а с желанием, выражая искренние чувства. Остальные тоже говорили от сердца, а то, что не всегда складно, на это никто не обращал внимания.

В перерыве к нему подошел мужчина в сером костюме. Среди его орденских планок Чельшев заметил голубую с красной полосой посередине — редкий орден Александра Невского. Но не это обращало на себя внимание в первую очередь. У мужчины правый рукав пиджака был пуст и заправлен в карман, а на смуглом его лице, которое словно бы до сих пор оставалось в налете пороховых газов, живо искрился карий глаз, другой же взирал стеклянной пустотой.

— Алексей! Лешка! — хлопнул он Чельшева левой рукой по плечу. — Не узнал, что ли?!

Говорят же, «будто молнией сразило», — лучше и не скажешь о том, что произошло с Чельшевым после слов инвалида-танкиста. Это был его первый на войне командир — старший лейтенант Гладилин.

От попавшего в их танк снаряда механик-водитель и стрелок-радист погибли на месте. Гладилин — командир роты и машины — пропустил вперед наводчика, чтобы тот выбрался через верхний люк. Уже на земле, когда Чельшев отполз от танка и оглянулся, он увидел, как старлей, расстрелянный из немецкого окопа пулеметной очередью, медленно сползал с брони и пытался вытащить из кобуры пистолет. Порыв кинуться к нему осекла здравая, как и всё циничное, мысль: «Сейчас его добьют. И меня вместе с ним». Он пополз дальше прочь, но в воздухе засвистело, зашипело и совсем рядом плюхнулась мина.

После контузии и госпиталя Чельшев воевал уже в другой части и ничего о судьбе Гладилина не знал, да он и так был уверен, что старлей погиб.

Есть вещи, о которых человек старается не вспоминать, выпрашивая у памяти молчания. Но и в молчании она не безмолвна и время от времени будоражит глухими голосами. Нет, договориться с ней окончательно не выходит, потому-то, хоть и не часто, звучало у Чельшева в голове: «Не оправдывай себя, что избежал напрасной жертвы, что у командира не было никаких шансов выжить... Просто ты струсил, предал».

Смысл именно этих слов заполнял теперь мозг Челышева, и потому огромных усилий стоило ему не дрогнуть и произнести:

— Товарищ старший лейтенант! Вы живы!

— Жив! А ты думал, конец Гладилину?! Тебе же тогда тоже досталось. Контузия, госпиталь... Я спрашивал про тебя. Пойдем покурим, дорогой ты наш писатель.

Банкет продолжался, но прежнего подъема Алексей Дмитриевич уже не испытывал, он ощущал себя словно бы опрокинутым, а Гладилин неизменно улыбался ему со своего места, как только они встречались взглядами.

В очередной перекур Челышев не выдержал:

— А знаешь, командир, я же тогда оглянулся. Ты был ранен, но жив. А я тебе не помог. Струсил, предал. Может, ты бы теперь не был...

Он запнулся, подыскивая слово.

— Калекой, — подсказал ему Гладилин. И широко улыбнулся. — Я знал, что ты струхнул. И не в обиде. Первый же раз в танке горел. А покалечило меня не тогда — в апреле сорок пятого.

Возвращался Челышев затемно, и всю дорогу ему навязывалось какое-то удивительное сравнение себя с пейзажем: на высоком холме раскидистая ель, внизу тихая река и через всю картину — луч незримого солнца. Когда-то он видел этот пейзаж и отлично помнил его название: «Умиротворение». Так же называлось его нынешнее состояние. Только про луч было непонятно: он словно бы существовал в двух ипостасях: на картине и внутри Челышева — светом над утихшим ненастьем.

И всё стало расставляться по местам. «Казалось, живу честно, а грех-то был, и оттого, что я о нем не вспоминал, он никуда не делся. Спасибо командиру — принял покаяние. Вот уж правду говорят: покаешься — душу облегчишь».

И вдруг его осенило: «Не потому ли Аглая меня предала? Мой грех — ее грех!»

До калитки оставалось совсем немного. Он прислонился к деревянному забору, через штакетины которого виднелась дача. В темноте желто-алыми пятнами горели два окна — такого цвета бывают яичные желтки. И подобно им светила луна, будто еще одно окно — на небе. Было свежо, пахло сиренью, майские жуки с зудом чертили воздух, а в промежутках между их полетами казалось, что в мире стоит совершенная тишина.

Неожиданно из этой тишины вылилась нотка дорогого ему голоса. Алексей Дмитриевич быстро зашагал, распахнул калитку и устремился к дому.

В комнате в два окна, за столом под красным абажуром сидела она — его Галатhea. На краешке стула, вытянутая в струнку, в белом свитере под горло. Они пили с Варварой Егоровной чай и мирно беседовали.

Челышев поразился: как сумела та нотка ее голоса докатиться до него? Впрочем, он поразился еще больше, когда Аглая встала, подошла и, обняв его, произнесла:

— Я вернулась. Прости, если сможешь...

Памяти Глеба Горбовского (04.10.1931 — 26.02.2019)

Виктор КУЛЛЭ

Мужество травинки

«Все интересуются, что там будет после смерти? После смерти начинается — история» — так завершил свое «Соло на *IBM*» Довлатов. Если верить свидетельству покойного Володи Уфлянда, Бродский иронически переиначил афоризм Сергея Донатовича: «После смерти начинается — литературная критика...» Сам Уфлянд, будучи по природе неискоренимым оптимистом, подытожил: «А я скажу — после смерти поэта начинается большое чтение!» Невеселая мысль, что для начала «большого чтения» поэту так следует умереть, — стоически выносилась за скобки. В конечном счете — все там будем.

Набравшись наглости, скорректирую Иосифа Александровича. Литературная критика со смертью автора не начинается — она аккуратно заканчивается. Начинается (либо не начинается) история литературы, литературоведение *etc.* Проще говоря: литературная критика питается живым человеком, способным прочитать то, что о нем пишут современники. История литературы озабочена ровно иным: осмыслением, инвентаризацией и каталогизацией оставшегося после его ухода.

КУЛЛЭ Виктор Альфредович — поэт, переводчик, литературовед, редактор, сценарист. Родился в 1962 году. Живет в Москве. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького и его аспирантуру. Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературного мастерства и руководитель семинара поэзии в Литинституте. Член Союза писателей Москвы. Член-корреспондент РАЕН. Автор книг стихов «Палимпсест» (2001), «Всё всерьёз» (2011), «Стойкость и Свет. Избранные стихотворения и переводы 1977—2017» (2017), «Благодарность» (2020). Работал главным редактором в журналах «Литературное обозрение» и «Старое литературное обозрение», в издательстве «Летний сад». Перевел на русский язык стихотворения Микеланджело, сонеты и поэмы У. Шекспира, полный корпус стихов И. А. Бродского, в оригинале написанных по-английски. Создал сценарии к документальным фильмам о М. В. Ломоносове, А. С. Грибоедове, М. И. Цветаевой, В. С. Варшавском, Г. И. Газданове. Лауреат премий журналов «Новый мир» (2006), «Иностранная литература» (2013), «Дети Ра» (2016), «Отчий край» (2023, 2025), «Бельские просторы» (2025), Новой Пушкинской премии (2016), литературной премии «Венец» (2017).

Принято считать, что смерть поэта является финальной точкой авторского жизнестроительства (мифотворчества), которым — в той или иной степени — занимается всяк пишущий. Ушедший поэт становится легендой — ну, или стирается из памяти (тут уж кому как повезет). Отклики на смерть Глеба Горбовского парадоксальным образом не состыкуются с этой, веками апробированной, схемой.

Начнем с того, что «легендой» Горбовский успел стать еще до того, как начал печататься. «Фонарики», мгновенно разлетевшиеся по стране, ставшие народной песней, — случай, в отечественной поэзии уникальный (разве что тюремную лирику Юза Алешковского рядом поставить можно). Никакого бардовского движения, никакого КСП — напомним — в 1953 году еще в помине не существовало. Песню приняли как свою, исполняли ее, правили отдельные строчки, даже новые куплеты дописывали — не представители поющей субкультуры с гитарами, а именно народ. Горбовский не без юмора вспоминал, как однажды ему на Дальнем Востоке «бока намяли», когда попробовал объявить о своем авторстве. А ведь, помимо «Фонариков», в активе Глеба Яковлевича наличествовали «У павильона „Пиво-воды“...», «Ах вы, груди, ах вы, груди!» — также считающиеся фольклором высшей пробы. Большей чести для стихотворца представить невозможно.

Наконец, сам образ Горбовского, каким он предстает в воспоминаниях современников и в «Записных книжках» Довлатова (главный, вероятно, источник коллективной мифологии Питерского андеграунда 50—60-х), — бесшабашного, пьющего, отчаянного, едва ли не юродивого анфан террибля — ощутимо работал на закрепление прижизненной легенды. Коммуналка Горбовского на углу Пушкинской и Невского парадоксальным образом становилась точкой, в которой могли пересекаться две грядущие, едва не антагонистичные, легенды отечественной словесности: Рубцов и Бродский. И не просто пересекаться — в диалог вступать. Под знаменитыми стихами Николая Рубцова «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны» принято ставить в угловых скобках дату публикации: <1964>. А у юного Бродского есть стихотворение «Ты поскачешь во мраке, по бескрайним холодным холмам...», датированное 1962 годом, — аккурат то время, когда они (это лето 62-го, до отъезда Рубцова в Литинститут) встречались у Горбовского. По сути — ответная реплика. По крайней мере, Глеб Яковлевич был уверен, что это перекличка Бродского с Рубцовым (может, и дату надо бы уточнить?). Тогда же, летом 62-го, Рубцов посвятил Горбовскому великие и страшные стихи «Трущобный двор. Фигура на углу...»:

...Поэт, как волк, напьётся натошак.
И неподвижно, словно на портрете,
Всё тяжелей сидит на табурете,
И всё молчит, не двигаясь никак.

Легенда о пьющем по-черному богемном поэте — полумудреце-полуюродивом, эдаком Веничке Ерофееве, явившем себя миру едва не за пару десятилетий до публикации «Москвы — Петушков», прилипла к Горбовскому на всю оставшуюся жизнь. Когда он двадцать лет («девятнадцать лет и восемь месяцев» — не преминул бы уточнить Глеб Яковлевич) капли не брал в рот — Горбовскому повадились ставить в вину, что он «кончился», «иссяк», стал «посредственным советским поэтом». То, что у этого «посредственного

советского поэта» в 1968 году (сильно задолго до скандала с «Метрополем») 50-тысячный тираж уже отпечатанной книжки «Тишина» пустили под нож — прошло как-то мимо истории цензурных притеснений вольной поэзии в СССР.

Причина проста: сработал по сей день актуальный механизм тусовки, делящий пишущих по принципу «наш» / «не наш». Непьющий, обретший опору в Церкви Горбовский был немедленно прописан по ведомству махровых «деревенщиков» — по умолчанию подразумевалось, что таким образом он едва ли не «продался системе», «предал» идеалы неподцензурной словесности. Но у многих ли — простодушно вопрошу — из самых отчаянных борцов с режимом тираж сборника «тихой лирики», в которой ни грана диссидентских стихов в помине не отыщешь, громили всей мощью марксистско-ленинской критики и изничтожали на корню? Не по факту эмиграции автора (это дело привычное) — а просто в рамках вялотекущего литпроцесса...

То-то...

Вот и в откликах на уход поэта парадоксальным образом срабатывает тот же механизм советской критики: деления на «наших» / «не наших». За Горбовским признаётся статус «живой легенды» в лихой бесшабашной юности (а куда денешься: слишком заметная фигура, вычеркнуть или подвергнуть умолчанию не получится) — а всё его последующее, более чем полувековое творчество предлагается считать эдаким необязательным довеском к «Фонарикам» и «У павильона „Пиво-воды“...»

Каюсь, сам долгие годы относился к Глебу Яковлевичу именно в таком ключе. Мозги прочистил Битов (теперь тоже ушедший). Андрей Георгиевич неизменно считал Горбовского не только своим учителем — но и одним из самых живых, самых сильных, подлинных поэтов нашего времени. Мерилом литературного вкуса и совести. Из почтения к мэтру взялся перечитать — в хронологическом порядке, большим массивом — стихи Горбовского. И впрямь был поражен. Начнем с того, что Горбовский — один из немногих в поздней нашей словесности второй половины XX века поэтов с *реальной* биографией. Арест отца в 1937-м, бродяжничество по оккупированной немцами Прибалтике (где за украденную с огорода картошку и пристрелить могли), послевоенные тюремные нары, побег из колонии, три года стройбата (из которых едва ли не треть он провел на гауптвахте), а потом еще и долгие годы изнурительного, черного физического труда — впрямь покруче и сравнительно вегетарианской ссылки Бродского, и большинства прочих сокрушительных столкновений частной жизни с советской системой.

В отличие от упавшего на снег постового из ранних стихов, Горбовский так и не «вышел родом из народа» — то есть не стал «властителем дум», частью просвещенной интеллигенции, культурной «элиты». Он предпочел оставаться неотъемлемой частицей собственного народа. Мало кому из пишущей братии подобное (без карнавальных либо идеологических кунштюков) удавалось.

Перечитывая Горбовского конца 50-х, я буквально содрогался от тщательного, какого-то потустороннего и беспощадного смакования замогильной тематики:

Встают мертвяки на зарядку,
Тряхнув чернозём из глазниц,
Сгибая скелеты вприсядку,
Пугая кладбищенских птиц...

Вряд ли у кого из «проклятых поэтов» такое найдешь. Автору на момент написания еще двадцати пяти лет не стукнуло. И как, спрашивается, жить дальше, нося подобное в душе? Наиболее легкий и естественный выход — алкоголизм — являлся, по сути, пролонгированной формой самоубийства. Судьба Есенина, уход из жизни Николая Рубцова и Анатолия Прасолова — достаточный повод, чтобы задуматься и отшатнуться в ужасе. По счастью, Глеб Яковлевич сумел удержаться на краю. Спас не только собственную жизнь, но и душу живую — заплатив за это «литературной репутацией». Пользуясь нынешним пошлым мемом, «испортил себе некролог». Увы, давнее выражение Кизеветтера у нас на глазах обрастает новым пугающим смыслом именно в откликах на уход Глеба Горбовского. Стремление даже в жанре некролога произвести деконструкцию легенды, свести всё творчество живого, неустанно работавшего автора к нескольким годам и текстам его забубенной юности, перечеркнув свыше полувека последующего неустанного труда, — не только человечески постыдно, но и попросту непрофессионально.

Констатировал выше, что уход поэта является точкой, после которой складывается посмертная легенда. Тут всё ровно наоборот: смерть автора — повод, чтобы уже сложившуюся легенду свести, по возможности, на нет. Навесить бирку — и забыть о нем. Ведь Горбовский впрямь — один из самых непрочитанных и недооцененных поэтов нашего времени.

В стихах 1971-го у него сказано:

У дороги, у самой развилки,
Возле самого скрипа колес,
Из-под снега торчала травинка...
Неуютно ей нынче жилось.
<...>
Я стоял, говоря ей «спасибо»,
И стыдил своё сердце: «Смотри,
Одиночество — это не гибель,
Это мужество, чёрт побери!»

Урок одинокого самостояния Горбовского в нашей словесности еще предстоит понять и усвоить. Как минимум — благодарно прочесть жившего среди нас очень большого поэта (это не я «табелью о рангах» занимаюсь — так считали Бродский, Лосев, Уфлянд, Битов и еще очень многие не вызывающие сомнений камертоны литературного вкуса).

А уж с кем уместнее сравнить ушедшего: с одиноким волком (как в стихах у Рубцова) или с пробившейся из-под снега мужественной травинкой — судить не мне.

Анатолий КИМ

Философские стихи писателя

Волшебник на пенсии

Быль

Всю жизнь проработал
волшебником
Изучал основы основ
Написал тома
учебников
По волшебному делу
из бриллиантовых слов

А под старость
ушёл на пенсию
Ждал что будет она волшебная
И что проводят
с торжественной песнею —
А получил по шее
по шее я

Дали пенсию ниже дворника
И чуть выше
барабанщика оркестра
Волшебство не входит никак

КИМ Анатолий Андреевич — прозаик, поэт, драматург, переводчик и сценарист, член Союза писателей России. Родился в 1939 году. Живет в Москве. Академик Академии российской словесности (1996). Награжден премией журнала «Дружба народов» (1980), премией Евангелической церкви Рейнланда (1981), орденом «Знак Почета» (1984), премией журнала «Юность» (1997), премией имени Ю. Казакова ПЕНклуба Казахстана (2000), премией «Ясная Поляна» (2005), орденом «Достык» II степени Республики Казахстан (2009), золотым орденом «Мугунхва» Президента Кореи за вклад в мировую культуру (2014), орденом «За заслуги в культуре и искусстве» (2022). Лауреат литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова в номинации «За вклад в русскую литературу» (2020).

оказывается
Ни в какие
Трудовые реестры

И никак не стыкуются
Государственность и
волшебство
И такую да растакую
Не видал я милости
За брильянты
волшебных слов

Невесёлая старость
волшебника
Незавидная доля его
У кудесника-задушевника
За душою нет ничего

Было ли не было
дело волшебное
Да и что такое
моё волшебство —
Нерукотворное
задушевное
Бриллиантовое
баловство

Пью в своей келье
отвар иван-чая
Который называется кипрей
С домовым престарелым
его сны изучаю
Что записаны на
фрамуге дверей.

Кошмарный сон

Мне приснилось что
Я голопузый дикарь
Рядом со мной
Голопузые дикарята
И я никак не могу
Различить среди них
Будущих Спинозу
Монтеня
Декарта
Да и себя не могу
Распознать среди этих
Пузатиков дутых —
Кто из них Ким Ир Сен
Кто Анатолий
Или Юлий —
Фу ты ну ты
И лапти гнуты!

Сон нелепый
Смешной
Хотя и
Кошмарный отчасти
Я проснулся хохоча
И разбудил жену
В ранний час
И заработал себе
Тумака
В левый бок
Чтобы не мешал ей
Спать
И перестал
Сучить ногами
И еле слышно
Мычать

Приехали!

Мы одногодки с
Армагеддон
Мы ровесники с
Апокалипсис
Нас зачинали
В один час
Пардон
И нас хватит
Одновременный
Мегаколлапсис~с

Нас зачинала
Дряхлая Библия
Как первый паровоз
Кулибина
Который топится
На дровах
Но вот кончается
Запас дров
Приехали к станции
Армагеддон
И встречает нас
Дежурный по
Станции
С красным флажком
Экклесиаст

Ночной ноктюрн

Трезвучье тихих
Трав
Луны и ночи
Рождает музыку

Из трёх октав
И по ресницам трав
Сверкая
Слеза прозрачная
Стекает

То ночи лунной
Грезится её
Произведение
На водах
Многострунных
Русалок хоровод
И в бликах озера
Прозрачное видение —

В глубинах вод
Поют луна и ночь
И ночные травы
На три октавы

Прощальное

У каждого свои
Дороги
По направлению
В Аид или на Парадайс
Поэтому спешу
Теперь проститься
С вами
Своими близкими
И дальними
Друзьями

О сколько вас
Невиданных и
Виданных
И неслыханных
Лишь читанных
В «Фейсбуке»*
Моих читателей
Усердных
И поверхностных
И верных
Почитателей —
Лишь вами жив я
В свои последние
Часы
О други —
И вами лишь дышу
Превозмогая

* Социальная сеть *Facebook* принадлежит компании *Meta*, которая признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

Старческое
Удушье и недуги

Простите и прощайте
Без слёз
На добром русском слове
В его дубравах
Мы сходились
Послушать шёпот звёзд
И песни трав
Об их зелёных
Древних нравах
И после
Отвернувшись друг
От друга
Вздыхали тихо
И расходились
Не сказав ни слова
Потому что мы не знали
Встретимся ли снова.

Майские концерты в переделкинском лесу

Как будто трелью
зло обняв
Уносит грусть
песнь соловья
Его руладам повторец
Филармонирует
скворец
Но хоть звучит он
шедеврально
И трель его почти
хрустальна
Но отличается в манере
как гений Моцарт
от Сальери
И хоть не гений
наш скворец
Но душу трогает подлец

* * *

Прошла моя весна
Средь клёнов
Молодых и сосен
Под трепет листьев
Юных
Шёпот сна.
И вот окутала
Мою головушку
Седая осень.



БЛАГОСТНАЯ ОСЕНЬ



ХРУПКАЯ КРАСОТА



ПОСЁЛОК



УЛОЧКА



НА БЕРЕГУ ВОЛГИ



У МОСТА



ВИД НА ЗАЛИВ



ОСЕННИЙ ДЕНЬ

К 105-летию Волгоградской областной писательской организации

Елизавета ИВАННИКОВА

«Есть три эпохи у воспоминаний»

«И ПЕРВАЯ — КАК БЫ ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ»

Я взяла в название строки из стихотворения Анны Ахматовой, обозначив ими три эпохи своих воспоминаний о жизни писательской организации последней четверти XX — первой четверти XXI века, посвятив их юбилейной дате.

Часто оглядываться в прошлое — неразумно, но бывают дни, когда прошедшее возникает как необходимость, настигая нас непреодолимо и вездесуще. И не отпускает, пока не оживит все тени, чье присутствие так бережно хранят книги на полках библиотек, надеясь на будущую лучшую участь.

Перешагнув через свое столетие, Волгоградская писательская организация имеет полное право оглянуться назад, тем более что прошедшее пятилетие было насыщено событиями не только регионального, но и всероссийского масштаба. Первую четверть века наше писательское сообщество старалось крепко держаться за руки, понимая, что устоять — важнее, чем поддаться искушению свободного плавания. А еще у нас был Писательский Дом, который давал нам возможность пережить все катаклизмы времени. Внеочередной съезд Союза писателей России, прошедший 28 февраля 2025 года в Москве, не случайно назвали «съездом надежд», как не случайно

ИВАННИКОВА Елизавета Викторовна — поэт, прозаик, член Союза писателей России, кандидат филологических наук, заслуженный работник культуры РФ. Родилась в 1949 году. Живет в Волгограде. Окончила Волгоградский государственный педагогический институт, Ленинградскую академию художеств и аспирантуру Литературного института имени А. М. Горького. Возглавляет клуб творческой интеллигенции «Парнас». Автор семнадцати книг стихов и прозы. Лауреат Имперской премии Союза писателей России, Всероссийской литературной премии «Сталинград», Государственных премий Волгоградской области, премии города-героя Волгограда, премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова.

было избрание руководителем помощника президента Российской Федерации Владимира Ростиславовича Мединского, члена СП России с 2004 года. Перемены взбудоражили все писательские организации.

В пятилетие между двумя юбилеями у нас произошли такие события, как избрание нового председателя правления Волгоградского отделения Союза писателей России — Михаила Васильевича Смотров, изменения в уставе организации, перерегистрация ее членов и еще многое другое, что тревожит нас в повседневности. Есть главное — фундамент, заложенный предшествующим поколением поэтов и прозаиков, крепкая основа для будущего развития, есть свое прошлое и свой Писательский Дом.

В Москве таким домом был и остается по сей день Дом Союза писателей России на Комсомольском проспекте, 13. Тем, кто переступил порог этого Дворца литературы в семидесятых годах XX века, знакомы чувство небесного свода над головой, натертый сияющий паркет прошлых веков, величественная лестница, ведущая наверх, в неизбежность грядущего. Переживший подобное состояние никогда не покинет этот Дом, даже если у него давно протекает крыша и двери открываются со скрипом, похожим на плач.

У нас в Волгограде тоже был такой Дом, поменьше и помоложе, но обжитый тем поколением, которому он достался по широте душевной еще читающей книги власти, с паркетом, кабинетами, актовым залом и даже обширной и редкой по фондовым запасам библиотекой, где наша добрейшая душой библиотекарь Нина всегда могла напоить чаем писателя, пришедшего почитать в руках только что вышедшую книгу и подарить ее с автографом. В те времена были у Писательского Дома и вахтеры, дневные и ночные, и шофер Николай, и секретарь Татьяна у недоступной для всех нас, молодых, величины — ответственного секретаря писательской организации Валентина Васильевича Леднёва, входившего тогда в состав бюро обкома партии. Скажу откровенно, никого тогда это не пугало и не напрягало, существуя как бы параллельно по давно установленным до нас жизненным правилам. Шумела литературная молодежь, читая и обсуждая стихи и прозу на литстудии, которую вел вначале поэт Артур Корнеев, вскоре уехавший в Москву, а потом заменивший его Василий Макеев, закончивший Литературный институт уже в ранге известного в России поэта и члена Союза писателей. Было такое впечатление, что в актовом зале, где мы собирались, всегда открыты окна, и зимой, и летом, столько свежести и надежд приносила нам жизнь и молодость и оседала потом в наших первых сборниках.

Писательский Дом

Окна мою в Писательском Доме...
 В междурамье попали они —
 Накопившись в стеклянной неволе,
 Запылённые зимние дни.
 Пусть, сияя, весенние стёкла
 Божий мир отражают спеша,
 Но сегодня до нитки промокла,
 Отмывая потёки, душа.
 И теперь сквозь прозрачность былого
 Вижу то, что лишь видеть должна:
 Не лишённое воздуха Слово,
 А впитавшие свет Письмена!

Рекомендовали к изданию и писали к первым сборникам предисловия наши старшие, умудренные жизненным и военным опытом писатели: Михаил Луконин, Маргарита Агашина, Лев Колесников, Юрий Окунев, Освальд Плейбейский, Надежда Малыгина, Александр Шейнин, Иосиф Гуммер, Валентин Леднёв. За их плечами была большая литература и большая страна, изъезженная ими в составе писательских делегаций вдоль и поперек, манившая новыми встречами и впечатлениями. Добавлю, что относились они к нам по-отечески тепло и научили и нас, впоследствии, так же относиться к тем, кто приносил свои первые рукописи. Пройдя эту школу, до сих пор испытываю к ним благодарность за тот свет и надежды, с которыми входили тогда в литературу.

Маргарита Агашина, чьи песни на музыку Григория Пономаренко звучали по всей стране, была в стенах нашего Писательского Дома по-домашнему приветлива, приносила испеченные пироги, мастерски изготовленный холодец и угощала всех в небольшом, еще не обустроенном буфете, где звание «пищблока» поддерживали холодильник, два стола и дюжина стульев. Здесь в любое время могли посидеть за чаем и разговорами боевой летчик, пишущий военную прозу, Лев Колесников и другой Лев, Кривошеенко, в чьих стихах сталинградская тема отозвалась так же болезненно и памятно; подолгу задерживался замечательный прозаик, лауреат премии Волгоградского комсомола, литконсультант Иван Данилов, делились рассказами о московских друзьях когда-то учившиеся в Литературном институте Юрий Окунев и Александр Максаев. Перед входом в актовый зал стоял большой бильярдный стол, где любили «погонять шары» прозаик Владимир Богомолов и поэт Евгений Кулькин. Из довоенной гвардии запомнился особо Михаил Дорошин, первым написавший поэму о Павлике Морозове. Как бы из другого времени ступали в кабинет ответственного секретаря Валентина Леднёва Виктор Чехов, Фёдор Сухов, Александр Красильников. И, конечно, Михаил Луконин, прошедший и финскую, и Великую Отечественную войну, иногда приезжавший из Москвы на родину порыбачить с друзьями, провести мероприятие (как один из руководителей Большого Союза). Поэтому не случайно после его смерти Дом литераторов стал носить имя Михаила Луконина. Нужно сказать, что будни и праздники писательской организации были насыщены постоянными встречами с читателями и в городе, и в области, благодаря работе бюро пропаганды художественной литературы, которое являлось отделением всероссийского и давало возможность чувствовать себя причастным к большому литературному процессу, охватывающему всю страну. Евгений Кулькин долгое время возглавлял бюро пропаганды литературы. Довелось поработать в нем и мне, и Татьяне Брыксиной: мы организовывали поездки по заводам, школам, институтам, совхозам и стройкам.

Молодое поколение восьмидесятых годов переняло от своих учителей верность образному русскому языку, относилось к традиции как некоему дереву, удерживающему литературную крону и дающему возможность развиваться, по законам творческой жизни, новым побегам. Возможно, мы не выжили бы в «лихие» девяностые, если бы не пришел руководителем нашего Союза Владимир Овчинцев, не только талантливый поэт, но и отличный организатор с большим опытом работы в структурах власти, сумевший пробить бюджетное финансирование издания книг и журнала «Отчий край». При нем начал свою неумную деятельность клуб творческой интеллигенции «Парнас»,

стала выходить ежемесячная газета «Парнас», появилась телевизионная гостиная. Распахнул гостеприимные двери буфет.

После ремонта, проведенного Владимиром Овчинцевым, актовый зал благодаря белым стенам стал называться торжественно Белым залом, а когда в нем появился прекрасный бюст Пушкина, подарок наших друзей-скульпторов, еще и Пушкинским залом. Стены зала облюбовали волгоградские художники с персональными выставками картин: их за эти годы прошло более двухсот. Здесь «Парнас» проводил творческие встречи, на которых побывал весь город. Это были не только съемки телевизионных программ «Парнаса», но и презентации книг, награждение лауреатов конкурсов «Сталинградская сирень — сирень Победы», «Мой Пушкин», «Гренадеры, вперед!», проведение Дней казачьей литературы. Писательские юбилеи становились настоящим праздником для их участников.

Вчерашние молодые авторы стали признанными писателями, обрели звания и читателей. Борис Екимов, Владимир Мавродиев, Татьяна Батурина, Михаил Зайцев, Татьяна Брыксина, Василий Макеев, Петр Тарашенко, Сергей Васильев, Борис Гучков, Любовь и Евгений Лукины, Валерий Белянский, Александр Цуканов — все мы нашли здесь, в Писательском Доме, настоящую семью, и, как водится в большой семье, с радостями и печалью, ссорами и прощением, с неизменным интересом к творчеству друг друга. Более того, на наших глазах росли дети, а потом и внуки, они плясали вместе с Дедом Морозом и Снегурочкой на наших чудесных рождественских елках, где любимый кукольный театр «Колобок» Нины Голубевой показывал каждый раз новый спектакль. «Елочка, зажгись!» — кричали дети, и вспыхивала огоньками огромная елка под самый потолок. Счастливые «зайчики, пчелки, снежинки, принцессы» уходили с праздника, прижимая к груди подарки, обязательно прочитав Деду Морозу стихотворение.

«УЖЕ НЕ СВОД НАД ГОЛОВОЙ, А ГДЕ-ТО...»

Огромный звездный свод отечественной литературы уже не защищал от холодного невнимания к насущным нуждам, но солнце всходило и заходило так же, как и прежде, а значит, и сохранялся неизменным ритм жизни. Не забудем при этом, что главный смысл существования писателя на грешной земле — писать книги. Перешагнув порог XXI века, мы продолжали не только их писать, но и издавать, собираться на писательские посиделки в уютном буфете, встречаться с читателями в библиотеках, устраивать литературные вечера в Пушкинском зале, открывать в нем выставки художников. Работала литературная студия, которую вели, после Василия Макеева, Сергей Васильев, а потом Евгений Лукин. Стали выходить уже не отдельные сборники, а собрания сочинений у Сергея Синякина, Евгения Кулькина, Евгения Лукина, Николая Терехова, Ивана Маркелова. Журнал «Отчий край», которым долгие годы неизменно руководил Виталий Смирнов, охотно печатал стихи и прозу, очерки, критические статьи и был незаменимым подспорьем и для известных, и для начинающих авторов. В 2020 году журнал возглавил Александр Лепешенко, и «Отчий край» вышел на всероссийский уровень, печатая произведения ведущих мастеров слова, награждая лауреатов премией имени Виталия Смирнова. Большое значение имели Всероссийская литературная

премия «Сталинград», а затем волгоградская Государственная премия в области культуры, искусства и литературы, обладателями которой стали многие писатели, достойные этой награды.

Незаметно подкрались полувековые юбилеи тех, кто, казалось, совсем недавно относился к разряду молодых. Крепкое связующее звено сложившегося поколения удерживало стены Писательского Дома. Постепенно стали уходить из жизни наши учителя, редели внезапно и наши ряды с уходом Анатолия Данильченко, Любви Лукиной, Леонида Шевченко, Ивана Данилова, а позже и Сергея Васильева, Михаила Зайцева...

Бесконечная благодарность Татьяне Брыксиной, которая, будучи долгие годы ответственным секретарем Союза, собрала наши памятные статьи в отдельную книгу, назвав ее «Небесный ковчег». Она же организовала галерею портретов писателей, оставивших нас в земной жизни, но не расставшихся с нами на небесах и в своих книгах, — Стену Памяти как напоминание о прошлом и напутствие на будущее.

В наши ряды вливались новые имена: Анатолия Егина, Натальи Барышниковой, Игоря Кулькина, Виктории Крестьевой, Василия Стружа, Михаила Смотров, Людмилы Кузнецовой-Киреевой, Александра Лепещенко, Елены Хрипуновой. Общее число писательских имен было неустойчивым, то прибывая, то убывая, а в целом организация, насчитывая около пятидесяти человек, была одной из самых мощных и известных в России.

«МЫ СОЗНАЕМ, ЧТО НЕ МОГЛИ Б ВМЕСТИТЬ ТО ПРОШЛОЕ В ГРАНИЦЫ НАШЕЙ ЖИЗНИ...»

В XXI веке потянулись вереницей юбилеи нашего Союза писателей: они отмечались каждые пять лет — 80, 85, 90, 95, а в 2021 году грянуло и столетие! Начиная с Царицынской ассоциации пролетарских писателей, дата создания организации до рубежа веков не всегда отмечалась масштабно, но читалась и напоминала о себе в пору, когда была Сталинградским, а потом и Волгоградским отделением Союза писателей СССР... Юбилеи XXI века запомнились надолго, они проходили в самых крупных залах города при большом стечении читателей, представителей общественности, власти... Столетний юбилей писатели переживали особенно остро, учитывая все сопутствующие обстоятельства нашей жизни: потерю большей части помещения Писательского Дома, трудности с его содержанием, пандемию, редкие издания книг, закрытие Всероссийской литературной премии «Сталинград». Но ответственность перед будущим заставляет собраться с силами тех, кто столько лет обращался в своем творчестве к военной и мирной славе родного города, обживал его возрожденные дома, дарил писательские имена его улицам и библиотекам.

Именно 105-летие писательской организации дает нам возможность подводить итоги и говорить о том, что нас ожидает. И здесь мы обращаемся прежде всего к творческой молодежи. При «Парнасе» появилась творческая лаборатория Дарии Фёдоровой, которая стала успешно осуществлять постановку литературно-музыкальных композиций с участием молодых поэтов.

Литературное поле начинающих авторов возделывалось давно и давало хорошие всходы. Это относится прежде всего к литературной студии при писательской организации. Но существует много литературных объединений,

кружков и клубов не только в Волгограде, но и в районных центрах, в разных местах области, и свидетельство тому — недавно вышедший сборник «Заветные ключи».

Студенты вузов и ссузов были участниками межвузовских литературных конкурсов, по итогам которых издавались коллективные сборники «Сполохи», «Перед ликом огня», «Ступенька на Парнас», «Долина надежды», «Городское эхо». Эти конкурсы проводились на базе Волгоградского государственного университета, где почти полтора десятилетия преподавали дисциплину «литературное мастерство» писатели Евгений Кулькин и Елизавета Иванникова. Они же были неизменными руководителями городского литературного конкурса «Жемчужная строка», созданного по инициативе комитета молодежи Волгограда. В пору юности причастность к литературному творчеству всегда давала наполненность тем внутренним светом, который дарит духовное богатство. Не так давно получили писательские билеты Ксения Ващенко (Головнова), Дмитрий Кривошеин, Евгений Кравец, Павел Борознин (Борн), Максим Хмызов-Ченцов, Роза Полянская, Анна Олейникова, Ильяна Ставицкая и другие.

И сейчас талантливой молодежи немало! Важно лишь помочь ей развиваться и не отнимать мечту. И главное — дать хороших наставников, таких, какие были у нас: не ставящих свои личные цели во главу угла, а заботящихся о расширении возможностей для дальнейшего существования организации. Организации, у которой всегда было коллективное, общее стремление не потерять то, что дорого, содействовать сохранению неиссякаемой народной памяти.

Нам свойственно, оглядываясь назад, грустить о прошлом, но писатели способны оживлять прошлое, что, впрочем, они и делают в своих книгах, мнясь с настоящим, которое многим не внушает доверия.

Сто пятый юбилей писательской организации открывает иные возможности, а время диктует свои темы, свои ритмы и цели. В этот год Волгоградская областная библиотека имени Максима Горького совместно с клубом «Парнас» проводит литературный конкурс «Щит Отечества», направленный на патриотическое осмысление актуальных исторических событий через призму художественного творчества. В рамках проекта проходят творческие встречи и мастер-классы с известными волгоградскими писателями и поэтами.

Я не случайно взяла за основу своей статьи стихотворение Анны Ахматовой. И свои «три эпохи воспоминаний» заканчиваю, как и она, оптимистично: «...и даже всё к лучшему...»

*Редакция и редакционный совет журнала «Отчий край»
поздравляют с юбилеем своих дорогих авторов —
членов Волгоградской областной писательской организации.
Крепкого всем здоровья, новых книг и благодарных читателей!*

Александр ГОРОХОВ

Собор

(Продолжение. Начало в № 2 за 2026 год)

ЧАСТЬ 2

1

— Математику, товарищи ученые, не проведешь! — Благовещенский снял очки, улыбнулся и продолжил: — Три раза гонял компьютер, пересчитывал. Вводил разные исходные данные. Делал поверочные расчеты.

— Не томи, Федорович, откуда прибыли паскудники? — не выдержал Тимофеич.

Благовещенский взглянул на него с сожалением, снял очки и махнул рукой: мол, столько времени угрохал на разработку программы, на расчеты, проверку, а этот душу излить не дает...

— Тебе бы, Николай Тимофеевич, только мертвяков резать, а живому человеку, вдобавок твоему руководителю, слова не даешь сказать. — Виктор Федорович укоризненно покачал головой и закончил: — Тут они, недалеко по времени. И судя по всему даже место то же, откуда ты, Санек, прибыл. Твой институт оставался жив, когда ты к нам переместился, или уже по кирпичикам разобрали?

— Ну, как сказать, еле-еле душа в теле. Частично законсервирован, частично работает. — Санька прошибло холодным потом. — А что?

ГОРОХОВ Александр Леонидович — поэт, прозаик, член Союза писателей России, кандидат технических наук. Родился в 1948 году. Окончил Волгоградский политехнический институт. Живет в Волгограде. Работал на производственных предприятиях, в научно-исследовательских институтах. Публиковался в литературных журналах, альманахах и сборниках в России и за рубежом. Автор пятнадцати книг прозы и поэзии. Награжден медалью имени И. А. Бунина.

— Да вот что, — профессор достал платок, протер очки и продолжил: — Судя по всему из него выходит зараза. Ты, когда увольнялся, все вентили перекрыл или чего позабыл? А то, может, от этого все наши беды пошли...

Все заржали. Будто не профессора, а зеки на задворках парка, после бутылки самогонки и анекдота.

— Да ну вас, и шуточки у вас дурацкие. — Александр всерьез обиделся.

— Короче, дело было так, — продолжил уже серьезно Благовещенский. — За основной критерий в расчетах я взял время, за которое эти, как вы говорите, агрессоры способны превратить в зомби десять процентов популяции. Для начала надо было понять скорость их размножения, время жизни и много чего еще. Ваши с Тимофеичем данные были только базой для старта работы.

Владимир Дмитриевич написал программу для расчета начальной, ориентировочной схемы. Потом сделали квантово-химическую модель этой гадости. Поняли, что ее возникновение никак не было возможно естественным путем. Только чьи-то поганые ручищи могли совместить столько несовместимого, чтобы получилась эта зараза, да еще с таким генофондом.

Сделали хитро. Однако жизнь ее тоже не простая. Очень много проколов было допущено при создании системы защиты и размножения.

Пришлось разрабатывать многовекторные модели. Само собой, развитие заразы и совершенствование свойств происходило не по линейной зависимости. Ни экспоненциальные, ни другие простенькие модели поведения не подходили. И пошла морока с вероятностными моделями, полиномами и прочая, и прочая...

И Санек, и Николай Тимофеевич слушали и постепенно проникались сложностью задачи, которую решали Благовещенский и Михеев.

А профессор продолжал:

— Точек запуска было выбрано несколько. Маловероятная — 1957 год, когда в Москве проходил фестиваль молодежи и студентов. Объектов и субъектов множество, и заразу распространить легко, но очень локально. Практически одна Москва. Однако, чтобы в то время можно было сделать такую гадость, трудно представить. Практически невозможно. Не было ни достаточных знаний, ни инструментов, ни технологий. Второй, и уже реальный вариант, это Олимпиада-80. Во-первых, проходила Олимпиада в нескольких городах. Парусные регаты в Эстонии, в Таллине. Предварительные футбольные матчи — в Ленинграде, Киеве и Минске. Соревнования по стрельбе в Мытищах. А это территориально весьма существенный охват страны. Во-вторых, концы легко было спрятать. Американцы из США нарочно устроили бойкот наших Олимпийских игр, чтобы в случае обнаружения этого вируса заявить, что их там и в помине не было. На самом деле для вброса вируса возможностей у них было множество. Их биологические специалисты приехали как туристы с паспортами других стран, под видом врачей команд участников. Короче, вариантов у них было немало. И аргументы для отвода обвинений были подготовлены неплохо. А главное, в это время уровень развития их микробиологии позволял сотворить эту гадость и начинить ею насекомых.

— Пожалуй, оно так, — вздохнул Тимофеич. — Всё вы, ребята, правильно и рассчитали, и говорите. Сейчас у нас тут восемьдесят пятый. Так что про Олимпиаду-80, скорее всего, вы точно рассчитали. И возможностей

у разработчиков было на самом деле много, и учителя были хорошие. И японцы, и фашисты.

— Это точно, — вступил в разговор до того молчавший Владимир Дмитриевич Михеев. — Учителя были. Хотя многие материалы из так называемой главной базы управления по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии захватили наши, но основные данные обо всем, что делалось на этой базе, а на самом деле в секретном «Отряде 731», в виде отчетов, отправляемых генерал-лейтенантом Исии в Японию, попали американцам. Это и конструкции фарфоровых бомб, начиненных возбудителями чумы, проказы, холеры, тифа, сибирской язвы, столбняка, да и много еще чем. И работы по созданию новых вирусов.

Благовещенский кивнул и продолжил:

— Пожалуй. А вот распространение этой заразы шло настолько медленно, что видимые признаки появились только теперь. Первых носителей даже не проверяли на наличие подобных специфических вирусов. Более того, не подозревали о возможности их существования. Граждан с нестандартным поведением причисляли к диссидентам, по образу жизни они походили на психически больных, потому и помещались в психушки. У тех, кому положено, не хватило мозгов, чтобы понять, что это такое. Списывали на шизофрению, тому подобные психические отклонения. Там кололи всяким дерьмом, пичкали идиотскими таблетками и в конце концов получили еще более устойчивую заразу.

Это был большой просчет. Как обычно, недоучки, пролезшие в академики от биологии, поддакивали замшелым политикам-идеологам.

О том, что никакая у людей не шизофрения, стали догадываться года через два-три после Олимпиады, причем это были совсем не биологи. Это были аналитики из КГБ, которые, сравнив информацию, пришли к таким выводам. Практически это почти совпало со временем формирования моей лаборатории. Собственно, в беседе со мной и было высказано такое предположение. И поручено внимательно присмотреться к возможности появления и существования подобной заразы. Но сказать-то сказали, а сами не верили, что такое возможно. Да и в прыжки во времени почти никто не верил. А мне работать разрешили и помогли скорее от безысходности. От того, что ситуация в стране медленно, но верно ухудшалась и ухудшалась.

Теперь о том, где возможные источники заразы. Где ее могли разрабатывать. Сейчас существует более трех сотен таких лабораторий. В конце семидесятых, когда у них было всё почти, готово было раз в десять меньше. Но у нас, сами знаете, возможностей, чтоб даже их обследовать, увы, нет.

Благовещенский внимательно посмотрел на коллег, потом остановил взгляд на Саньке и заговорил, уже обращаясь только к нему:

— Тебе, Александр, надо, как ты говоришь, нырять. В 1975-й. Вроде бы совсем недалеко. И людей мы там знаем, и меня помнить должны. Я объясню, как связаться с начальником областного КГБ. Скажу секретное слово. Если не будут пускать, попроси дежурного передать лично ему записку. Сам бы с тобой переместился, но здесь дел полно. Мы и так в цейтноте. Надеюсь, что полковника Грекова никуда не перевели. Именно он возглавлял областное управление КГБ, когда я с ним виделся. У него есть записка от председателя КГБ с приказом помогать мне и секретное слово. Он поможет. А сейчас

пойдем, я подберу тебе одежду поприличней. Чтобы по полной соответствовал времени и не прокололся.

Профессор прошел с Александром в дальнюю комнату, примыкавшую к его кабинету, открыл огромный шифоньер и стал выбирать одежду, подходящую Саньку и по времени, и по возрасту.

— А деду твоему сколько было в то время, в которое ты отправляешься? — спросил вдруг он.

Санек прикинул:

— Ну, лет двадцать пять.

— Значит, уже в комитете будет работать. Звание, должно быть, лейтенант или старший лейтенант. А тебе сейчас сколько?

— Мне тридцать четыре.

— Понятно. — Благовещенский усмехнулся, походил по лаборатории и продолжил: — Старше деда почти на десять лет. Он тогда ничего о нас не знал. Его подключили к работе гораздо позднее. Кстати, Саша, запомни, мы тебе этого еще не говорили. Перемещение почти не влияет на возраст. За те годы, пока мы тут находимся, не постарели ни на минуту. А иногда получается, что после перемещений человек выглядит гораздо моложе. Вот со мной такое. Причина не понятна, но факт есть факт. Ты нырнешь в семьдесят пятый, но по возрасту останешься почти таким, как сейчас.

Если не удастся попасть к Грекову, попробуй связаться с ним через своего деда. Но учти, может так случиться, что отведет тебя твой дед в психушку. И будет прав. Как всё объяснить ему? Как сделать, чтобы поверил? Да еще потом помог... Одни вопросы.

Саша, а у деда твоего приметы неброские есть? Такие, чтобы только ты знал. Или что-то такое, что может знать только очень близкий человек.

Санек задумался и кивнул:

— Есть! Я знаю такое! — Его лицо просветлело, он заулыбался — и по всему стало видно, что сейчас начнет рассказывать.

— Ты сейчас пар не выпускай, — остановил его Благовещенский, — уединись и основательно подготовься к встрече. Нырять-то недалеко. Всего на два года вперед. К здешней жизни ты почти адаптировался, но, честно скажу, не очень. Потому быть надо предельно осторожным. Так что день нам на подготовку, на варианты легенд, всё прочее, а потом туда.

Александр снова кивнул.

— Вот и отлично. Ненавязчиво понаблюдай за своим институтом, вообще за ситуацией. Но не дай бог, чтобы тебя обнаружили. Всё может провалиться. Короче, день тебе на размышления, а затем жду с подробным планом действий. Основная цель — обнаружение американской лаборатории, создающей эту заразу, и ее ликвидация или обезвреживание. Учти, скорее всего, лаборатория будет в Турции или где-то рядом. На Ближнем Востоке, в Северной Африке.

— А с чего вы решили, что лаборатория американская? — спросил Санек.

— А какая еще? Не инопланетянская же, — пожал плечами Благовещенский.

Потом посмотрел на остальных, улыбнулся, превратился в бывшего зека Хриплого и закончил совещание:

— Почто, бродяги, притихли? Буром переть не будем, сделаем бубновый заход!

Никто не засмеялся. Понимали сложность задачи.

На следующее утро Александр, одетый в однотонный костюм неопределенно-темного цвета, сшитый в ателье, нейлоновые носки и водолазку синего цвета, в черных ботинках фирмы «Скороход», предстал перед Благовещенским. Тот удовлетворенно кивнул, одоббив форму, и протянул Саньку металлический портсигар с выдавленным на корпусе рисунком прыгнувшего в неизвестность оленя.

— Да я, Виктор Федорович, не курю...

— Малогабаритная установка перемещения, — строго сказал профессор и объяснил: — Заряда хватит на неделю. Затем требуется подзарядка. Двенадцать вольт. Подойдет любой автомобильный аккумулятор.

Потом он подробно рассказал, как пользоваться и что делать, чтобы не могли воспользоваться посторонние.

— Учти, Саша, — очередной раз напутствовал профессор, — только, как говорят военные, разведка. Осмотр, ориентирование по ситуации. Если удастся установить контакт с дедом, то отлично, если нет...

Благовещенский задумался, покачал головой, обнял Александра и прошептал на ухо:

— Удачи тебе! И еще раз удачи!

Потом показал ему лист бумаги с секретным словом. Попрощался и перекрестил.

Санек нырнул.

2

Солнце резануло, он зажмурился, потом открыл глаза.

Зачуханная свалка на краю запущенного городского парка пахла прелью.

Александр огляделся и пошел по раздолбанной асфальтовой дорожке, из-под обломков которой торчали корни старых деревьев. Звуки бравурной музыки из громкоговорителя призывали крикнуть ура, но Санек не внял и проследовал к центру города. Чем ближе он подходил к главной аллее, тем громче гремел оркестр и «Ура!!!» доносилось уже не из алюминиевого репродуктора, а вживую.

Санек вспомнил, что сегодня 7 ноября, а значит, в стране главный праздник — День Великой Октябрьской социалистической революции — и проходит демонстрация трудящихся.

На подступах к центральной площади уже прокричавшие трудящиеся разливали в граненые стаканы, временно позаимствованные у автоматов с газированной водой, более крепкие по градусу напитки. Чокались, выпивали, закусывали бутербродами, запивали из тех же стаканов газировкой, налитой за одну копейку в тех же автоматах. Особые гурманы наливали за три копейки газировку с грушевым сиропом. Было видно, что народ готовился к празднику и уважал его.

Чем ближе к площади подходил Санек, тем сложнее приходилось ему протискиваться сквозь толпу отдемонстрировавших. Наконец показалась площадь, и он увидел то, о чем только слышал от деда.

По площади два гражданина в темно-синих костюмах, белых рубашках и широких галстуках везли тележку, сделанную из двух велосипедов. Над ней огромными белыми буквами на фоне фанерного щита, обтянутого кумачом, высилось название организации — судя по нему, связанной с нефтью. За везущими тележку шли более солидные граждане в таких же костюмах, рубашках и галстуках — по виду руководители организации. А за ними остальные сотрудники с флагами, портретами Брежнева, Косыгина, других членов Политбюро, которых Санек так и не успел выучить. Со всех углов площади через громкоговорители оглушительно гремели революционные песни. На секунду музыка стихла, через микрофон с трибуны осипшим от постоянного славословия голосом кто-то прокричал: «Слава труженикам нефтеперерабатывающей промышленности! Ура!»

Проходившие по площади труженики этой промышленности дружно и многократно уракнули, замахали руками, флагами, а миновав площадь, свернули в сквер, через который прошел Санек, и, судя по всему, занялись тем, что он только что видел: стали разливать водку, вино, чокаться, выпивать, закусывать принесенной с собой снедью и запивать газировкой.

Саньку было удивительно это наблюдать. Его удивлял энтузиазм, неподдельная радость людей, никуда не спешивших, запросто болтавших, уминавших бутерброды с колбасой, салом, соленые огурцы, пирожки. Было понятно, что это приготовлено дома, чтобы угостить тех, с кем каждый день работают. Многие были с детьми. Сослуживцы видели их один-два раза в год, во время демонстраций, говорили: «Как быстро растут чужие дети», а родители гордились своими отпрысками. Чуть пригубляли выпивку, закусывали, а потом шли всем семейством гулять по городу.

Было во всем этом демонстрационном действии что-то объединяющее, естественное, когда-то давно придуманное, а теперь ставшее естественной потребностью жизни.

Дальше от площади людей становилось меньше, изредка встречались граждане сильно перебравшие, но таких было немного, да и они неуверенной походкой, покачиваясь, шли, должно быть, в сторону своих жилищ.

Здание областного комитета было солидным строением времен сталинского ампира и легко определялось по лепным щиту и мечу в обрамлении знамен, украшавших его фриз.

Санек перекрестился, потянул за бронзовую ручку, привинченную к тяжелой дубовой двери, и вошел. Строгость и решительность ощущалась во всем. Он почувствовал, как холодок пробежал внутри, в голову ударил жар, а по спине потекла струйка пота.

— Соберись! — сказала что-то, и Александр собрался.

Из стеклянной кабины возле пропускного пункта, расположенного посредине огромного холла, раздался спокойный, доброжелательный голос:

— Вы к кому, гражданин?

— У меня срочное дело к полковнику Грекову, — выдавил Санек.

Из кабины вышел стройный молодой офицер, внимательно осмотрел пришедшего и строго произнес:

— Гражданин, сегодня праздник. Генерал на демонстрации и сюда не скоро вернется.

Потом дежурный подумал: «А может, и вообще сегодня не вернется» — и строго отрезал:

— Генерала Грекова сегодня не будет.

— А когда будет?

— Это закрытая информация. А чего вы хотели? Представьтесь, пожалуйста, и предъявите ваши документы.

— Если вы сообщите ему, — далее Санек назвал секретное слово, — то больше у вас ко мне вопросов не будет!

Но эти слова не произвели на дежурного того эффекта, который он ожидал. Лейтенант вплотную подошел к пришельцу и повторил:

— Гражданин, предъявите документы. — Голос его перестал излучать доброжелательность и дружелюбие.

Санек нехотя полез в карман пиджака, но руки ему заломили выскочившие будто из-под земли два крепыша в штатском. Действия их были доведены до автоматизма, и через секунду он, с руками, скованными наручниками за спинкой стула, сидел посередине небольшого бетонного куба без окна, но с тяжелой стальной дверью. Проектор, направленный в глаза, слепил и будто выжигал мозг.

— Фамилия, имя, отчество, год и место рождения! — словно через громкоговоритель, гремело в ушах.

Александр не успел раскрыть пересохший рот, как услышал:

— Лейтенант, да не парься ты, оставь его нам: через пять минут будет умолять, чтобы выслушали, и спрашивать ничего не надо будет. У нас как раз время тренировки. Вот и потренируемся.

Санек съехался, попытался увидеть лейтенанта, но получил газетой по носу.

— Смотреть прямо! Отвечать четко!

— С какой целью устроил провокацию на КПП?

Он хотел ответить, что никакую провокацию не собирался устраивать, но, услышав: «Молчать! Вопросы здесь задаю я», промолчал.

— Лейтенант, ну чего ты разглядываешь его паспорт, и так понятно, что фальшивый! — услышал Санек где-то вдалеке и потерял сознание.

Запах нашатыря привел его в чувство. Он открыл глаза и увидел улыбающееся лицо лейтенанта, добрые глаза медсестры, марлевую маску на ее лице, белую шапочку, халат и стеклянный шприц. Почему-то вспомнил, что прилагательные *стеклянный, деревянный, оловянный* пишутся с двойным *н*, а еще двойное *н* пишется в страдательных причастиях прошедшего времени.

— Ну, вы нас напугали, Александр Николаевич! — снова услышал он голос лейтенанта. — Больше, пожалуйста, не теряйте сознание, а то так можно и навсегда потерять. Хорошо, что у нас тут медсестры и врачи толковые. Вот, кстати, познакомьтесь, Танюша — лучшая военфельдшер в городе.

— Ну что вы, Василий Егорович, в краску меня вгоняете, — нежно прошептал девичий голос.

— Как? — Санек сел на лавку, застеленную простыней. — Как вас зовут? Василий Егорович? Мне не послышалось? А фамилия ваша Курков?

— Курков, — кивнул лейтенант.

Санек хотел схватить деда за грудки и отвесить оплеуху, но спохватился, одновременно сообразил о безысходности своего положения, понял, что никакого генерала Грекова ему, скорее всего, не видать, и плюхнулся на лавку.

— Да что же это такое, падает и падает, эй, гражданин, прекращайте. Поимейте совесть! Ну пошутили пацаны, с кем не бывает, но вас же пальцем

не тронули. Да и не тронут. Они и сами не рады, дурни, что так... — лейтенант замолчал, подбирая слово, но не подобрал и скомандовал: — Встать, прекратить обмороки! Раз-два!

Александр лежал, закрыв глаза, и соображал, как ему на этого полковника — генерала Грекова выйти. Не нашел ничего лучше, как спросить:

— Вася, а ты генералу своему сказал то, что я просил?

Лейтенант задумался, неуверенно что-то промышал, потом выдавил из себя:

— Нет, я ему доложил про вас, а слово сказать не успел, он махнул рукой и прошел в кабинет.

Санек вскочил и заорал:

— Ты понимаешь, забывчивый, что можешь разрушить всю страну! Что из-за твоей дури может случиться непоправимое. Немедленно пошли к нему! Вот это и будут твои «раз-два!». Что же вы за бараны! Родину просрать готовы из-за собственной трусости и страха перед начальством. Давай быстро, шагом марш!

Василий заморгал глазами, было видно, что он и в самом деле струхнул и не знает, что делать. Но Санек уже тащил его за руку из медпункта.

— Показывай, куда идти! Некогда сопли жевать. Вперед!

Василий семенил, оглядывался, сомневался, надо ли показывать этому незнакомцу приемную, но через пару минут они, поднявшись по широкой лестнице и пройдя по коридору, устланному ковровой дорожкой, вошли.

Капитан, сидевший за столом, уставленным телефонами, вскочил с рабочего места, перекрыл входную дверь и неожиданным для крупной комплекции писклявым голосом сообщил, что генерал занят.

Александр безразлично на него взглянул и строго приказал:

— А ты войди и доложи, что тебе велели сообщить, — на секунду замолк, потом произнес секретное слово и добавил, глядя в глаза капитану: — Да не перепутай!

Еще через секунду капитан выскочил, а Санек вместе с Василием вошли в кабинет.

3

Генерал уже успел выйти из-за стола и шел навстречу прибывшим. На Василия мельком взглянул и скомандовал:

— Лейтенант, шагом марш из кабинета. Ждать моего распоряжения в приемной.

Василий исчез, будто просочился сквозь закрытую дверь, как это умеют делать только специально обученные и натренированные молодые выпускники специальных училищ. А генерал, широко улыбаясь, подошел к Саньку и произнес солидным баритоном, но всё же в тембре прозвучала нотка подбострастия:

— Значит, прибыли оттуда. Сам, — генерал показал на портрет, висевший над его столом, — давал распоряжение оказывать посильную помощь. Располагайтесь. — Генерал показал на кресло возле широкого стола.

Потом осторожно, чтобы не было слышно, подкрался на цыпочках к двери, резко распахнул, убедился, что ни капитан, ни Василий не подслушивают.

Сурово глянул на них, скомандовал, чтобы никого к нему не пропускали и находились неотлучно в приемной, плотно закрыл дверь и запер изнутри на ключ.

Сел напротив Александра и шепотом спросил:

— Ну как там?

Санек так же тихо ответил:

— В восемьдесят втором наш, — тут он пальцем показал на тот же портрет, — станет генсеком. А в остальном хреновато. Какая-то западная сволочь запустила очень хитрый вирус направленного влияния. Как мину замедленного действия. Время запуска — этот год. Может натворить колоссальные беды. Вплоть до разрушения страны. Наша задача — выявить объект, в котором эту заразу разрабатывают, и как минимум — уничтожить, как максимум — перепрограммировать на уничтожение противника.

Он нарочно говорил четко и отрывисто, чтобы генерал проникся ответственностью задачи.

Генерал кивнул и не менее лаконично спросил:

— Где? Хотя бы примерно.

— Вот это вопрос. По нашим данным, ориентировочно секретные биологические лаборатории НАТО в Турции, есть вероятность, что и на Ближнем Востоке. Надо немедленно собирать информацию там. Хотя могли сделать эту заразу даже тут. Внедрив агентов в одну из лабораторий какого-нибудь нашего НИИ гигиены, токсикологии и профпатологии.

Генерал хмыкнул и задумался. Недавно такой институт организовали в его городе, причем курировать поручили не его ведомству, а он занимался только контролем периметра. Однако генерал внедрил своего человека в отдел кадров, потому немало знал о деятелях этой самой патологии и токсикологии. К тому же недолюбливал директора этого НИИ, не подчинявшегося ему, которого он среди своих называл «генералом от мышиной и крысиной науки».

— Надо бы мне туда внедриться, чтобы проверять образцы вирусов, прочей гадости, а заодно поглядеть, что там за народец работает, — так же шепотом произнес пришелец. — Но чтобы ни одна бл...

Тут он помолчал несколько секунд, не произнеся матерок, потом продолжил:

— Не только не догадалась, кто я такой, но и подумать об этом не смогла.

Генерал, видать, любивший изъясняться при помощи таких выражений, довольно хмыкнул, кивнул, пожал Александру руку и твердо сказал:

— Сработаемся. Внедрим. Хоть послезавтра. У меня там свой начальник отдела кадров.

— А еще жилье нужно. Я, судя по всему, тут на несколько месяцев застряну. Налажу работу, подберу кадры. Больше никак. Там ждут. — Санек вздохнул и добавил: — Вопрос жизни и смерти страны. Больше сказать ничего не могу. Сам понимаешь, у нас не просто секретность, а даже не знаю, как и назвать. Когда результат будет, так САМОМУ должен наш главный докладывать. — Он ненавязчиво перешел на ты.

Генерал принял это как должное, перелистнул настольный календарь, записал, чтобы не забыть про внедрение. Что-то там прочитал, хмыкнул, объявил, что в полное распоряжение выделяет лейтенанта Куркова. Ткнул пальцем в календарь и добавил:

— Я его туда и планировал направить после праздников.
Александр уважительно посмотрел на генерала, сказал:
— Профессиональная интуиция.
Пожали руки и расстались.

4

Поселили Санька в ту же зачуханную квартиру, куда привели из парка в первый день после перемещения. Только отмыли и вычистили до блеска.

На следующее утро позвонили в дверь. В проеме улыбался одетый в гражданку Василий.

— Ну что, пойдёте устраиваться на работу. Начальник отдела кадров проинструктирован. На нашу удачу, им требуется лаборант. Это я. И старший научный сотрудник. Это вы.

Александр надел светлый плащ, и они отправились в полусекретный НИИ гигиены.

Внешне этот недавно построенный институт, естественно, ничем не отличался от того, в котором работал Санек. Только серый силикатный кирпич был поновее и посветлее, да на асфальте трещин почти не было.

Сквозь дверь из толстого стекла, через которую он столько лет проходил на работу, виднелся небольшой, но очень знакомый вестибюль. У Санька защемило сердце. Вспомнилось, будто было вчера, как он впервые пришел в этот НИИ по протекции деда. А на самом деле до этого «вчера» надо было жить да жить. Более шести десятков лет. В далеком будущем, до которого не доживут те, кто ходит по коридорам этого новенького института. От всего такого могла поехать крыша, но Санек уже неплохо ориентировался в пространственно-временных перемещениях и только ухмыльнулся новенькой, еще пахнувшей масляной краской салатной стене. Должно быть, за всё время существования ее больше не красили. В его время она была уже основательно облупившейся, темно-зеленой и замызганной.

Сбоку у стены, за новеньким небольшим полированным столом, на расстеленной газете с названием «Труд», мужичок в синей спецовке сдирал шкуру со здорового вяленого леща.

— Здорово, мужик, а где вахтер? — оторвал его от процесса Василий.

Тот поддел длинным узким ножом шкуру, покачивая лезвием, вдвинул его почти до хвоста и ловким движением отделил съедобную часть.

Так же ловко отодрал брюхо от основы, разломил на две части — и перед вошедшими предстали красная, блестящая от жира, почти окаменевшая икра и плавательный пузырь.

— Мужики на лесоповале сосны пилят, — не отрываясь, прохрипел чистильщик леща, — а вахтер отправился в лучший из миров.

— Помер, что ли?

— Типун тебе на язык! — рыбных дел мастер поднял голову и внимательно поглядел на пришедших. — Зачем помер? В столовку перекусить пошел. А заодно помочь поварихам выгрузить продукты.

— Понятно. А ты кто? — продолжил Василий.

— Я-то, я старший помощник младшего подметалы. — Мужчина строго хмыкнул и сверкнул золотым зубом.

— Понятно. — Василий посуровел от грубейшего неопорядка в охране секретного объекта, но сдержался, помня о поставленной задаче, и продолжил диалог: — А как нам в отдел кадров пройти?

Дворник освободил пузырь от икры, достал спичечный коробок, зажег спичку и начал поджаривать полупрозрачное рыбное плавучее приспособление, крутя его над огнем. Когда цвет достиг равномерной коричневатости, потушил спичку, помотал пузырем, запихнул его в рот и стал жевать. Освободившейся рукой махнул вправо. Туда, по коридору, мимо множества закрытых и открытых нараспашку дверей, Санек с Василием и проследовали.

Дверь с надписью «Отдел кадров» была предпоследней. После нее справа и слева от окна, в которое упирался коридор, судя по запаху хлорки и сигаретному дыму, находились два туалета.

Василий, по молодости, ретивости и незнанию реальной жизни, шипел и скрежетал зубами:

— Это же надо быть такими идиотами, — матерился он себе под нос, — чтобы сделать отдел кадров не возле входа в секретный институт, а в самом дальнем конце коридора! Любая сволочь, даже если не захочет, узнает всё про эту сраную контору. А уж если захочет! Ох, тюрьма по ним плачет! Рыдает! Да и любой обыватель, который придет устраиваться, увидит всё, что ему не положено, а потом по дури разболтает.

Санек в ответ хмыкал и согласно кивал. К кадровикам они вошли без стука и, мило улыбнувшись двум дамам, сидевшим напротив друг друга, за небольшими столами, заваленными папками с документами, проследовали в кабинет начальника.

Седой, строгий, слегка грузный мужчина за двухтумбовым столом, покрытым толстым стеклом, изучал бумагу.

— Здравия желаю, товарищ полковник! — заорал Василий, едва закрыв дверь.

Отставной полковник оторвался от чтения, поверх очков посмотрел на вошедших, помолчал и спросил:

— А вот ты, Василий, ответь, что общего между очищенным хлопком и приправой для холодца?

Васек было опешил, но, видать, вспомнил, как его учили в школе КГБ перехватывать инициативу:

— Про такие тонкости приправной кулинарии не отвечу, а вот у вас на проходной не просто бардак, а злостное нарушение правил охраны секретного объекта. Какой-то алкаш сидит на посту, вместо проверки документов чистит вяленого леща, а часовой шляется по питейным заведениям.

— Вот и я тебе об том же почти полчаса твержу, Васек, — хреновато!

— Не просто хреновато, а предательством пахнет! — продолжал Василий.

Полковник показно вздохнул, махнул рукой, покачал головой и подытожил:

— Ты, Васек, тут у меня впервые, а уже делаешь далеко на Колыму ведущие выводы. Не быть тебе, Васек, полковником. Нет, не быть. Нету у тебя чувства юмора. И мудрости со смекалкой, необходимой в нашей работе, тоже нету.

Он встал, снял очки и продолжил:

— Значит, так, тебя оформили старшим научным сотрудником, — начальник отдела кадров показал на Саньку, — тебя — лаборантом. Распишитесь в приказе.

Полковник протянул Александру лист, который до их прихода изучал.

Тот расписался, пока Василий подписывался и ворчал, что его сделали лаборантом, улыбнулся полковнику и ответил:

— Хреновато — вот это и есть общее.

Полковник хмыкнул, пожал ему руку и кивнул:

— Сразу видно, старший научный сотрудник. А Николаша, который с лещом, нарочно там, чтобы вражина, — он кивнул на Васька, — скумекал, будто у нас тут полный бардак и можно всё разузнать за бутылку пива у дворника Николаши.

— Сразу видно — профессионал! — Санек уважительно посмотрел на полковника и спросил: — Откуда я, что заканчивал, где защищался?

— Документы настоящие. Проверить невозможно: архив института сгорел, сам институт расформирован, сотрудники неизвестны по причине секретности. Спросить про тебя не у кого. Сюда прикомандирован по распоряжению министерства на полгода. Командировка и приказ в министерстве имеются и тоже подлинные. Так что вот так. В помещении лаборатории будете вдвоем вот с этим не в меру энергичным юношей. Но будь осторожен, — начальник хмыкнул в сторону Васька, — по причине чрезмерного рвения может запороть любое дело.

— Понятно, — улыбнулся Александр.

Уже лаборант Васек фыркнул, но промолчал.

Полковник кивнул и продолжил:

— Пойдемте, я вас представлю заместителю директора по научной работе.

По простенькой бетонной лестнице, похожей на обычную в подъездах жилых домов, поднялись на второй этаж. На коричневой стеклянной табличке, прикрученной шурупами к двери, желтыми буквами было написано «Приемная». Стрекотание пишущей машинки это подтверждало. Санек сообразил, что давно не слышал таких звуков. Компьютерная клавиатура звучала не так звонко и жизнеутверждающе. Вошли в приемную, и он засмотрелся на секретаршу, которая самозабвенно стучала по клавишам, после каждой строчки передергивала длинным рычагом каретку машинки, и та с визгом перемещалась к началу следующей строки. Секретарша на секунду отвлеклась от стука, считывала кусок текста с черновика, чтобы воплотить его на листе, медленно выползавшем из нутра железной механической машинки наружу.

Начальник отдела кадров показал пальцем на дверь замдиректора и спросил:

— У себя?

Секретарша, не отрываясь от работы, кивнула.

Они вошли в кабинет.

За огромным столом, облицованным дубовым шпоном, тоскливо восседал лысый ученый.

«Эх, — подумал Санек, — ему бы сюда компьютер. Раскладывал бы мужик пасьянс „Косынку“ или „Солитера“ и был бы весь день при деле. А так в муках коротает трудовые будни».

Ему вдруг стало невыносимо тоскливо. Тоскливо по его давнишней, беззаботно прошедшей юности в этом НИИ, по рассказам ветеранов-программистов, которых он еще застал, о первых персональных, как тогда их называли,

компьютерах девяностых годов двадцатого века с «Нортон командерами», наивными играми после работы в «Принца в Персии», «тетрисами», «шариками». Вспомнился дед, не этот оболтус, молоденький лейтенант Васек, а строгий, серьезный майор КГБ и по совместительству начальник отдела кадров этого НИИ. Дед, который привел его сюда после московского института, устроил на работу в этот, как тогда он считал, храм науки. Александру снова показалось, что он начинает путать будущее, прошлое, настоящее, что время того гляди перемешается и он, запутавшись, начнет говорить и делать не то, что должен, а потому может погубить дело, решить которое сюда направлен.

Голос нынешнего начальника отдела кадров вернул Александра в реальность:

— Как вы просили, Демьян Демьянович, подыскал толкового заведующего группой. Кандидата наук. Не просто было, но нашел. Именно по затребованному вами профилю. Поднял старые связи. Нашел. По согласованию с министерством откомандирован к нам на полгода. — Полковник помолчал, выждал, пока зам директора переварит услышанное, и добавил: — Пока на полгода, а там как пойдет. Прошу любить и жаловать. Кроме нашего ведомства к курированию группы подключено, сами знаете, какое компетентное ведомство. С ученым прислали лаборанта. Ну, этого я забираю для инструктажа по технике безопасности.

А вы, Александр Николаевич, после тоже ко мне возвращайтесь.

Начальник отдела кадров положил на стол заместителя директора приказ о создании группы по изучению мутации нетипичных вирусов, о назначении Александра ее руководителем и удалился.

Зам директора пожал новичку руку, честно сказал, что не специалист в вирусах, а потому не следует ожидать его помощи и советов, но палки в колеса вставлять не собирается, потому что уважает компетентное ведомство. А ежели чего группе понадобится, то будет помогать. Пожелал успехов. На том они и расстались.

5

Лабораторию Александр обустроил за несколько дней. Заместитель директора в самом деле помог с оборудованием и перевел нескольких специалистов из других лабораторий в новую группу. Через неделю начали проводить первые анализы проб. Городской морг был пристройкой к лабораторному корпусу института. Васек в два дня подружился с патологоанатомом, санитарями, и те поставляли в лабораторию образцы тканей покойников почти мгновенно.

Загрузка у завгруппой была полной. А требовалось заниматься и другими делами. Более значимыми. Но цитолога, которому мог бы доверить выполнение рутинной работы по изучению внутриклеточных изменений и обнаружению источника заразы (собственно, того, зачем прибыл сюда), не было. Мысль, где взять толкового специалиста, не покидала Саньку последние несколько дней. И сейчас он направлялся очередной раз к начальнику отдела кадров с просьбой найти цитолога.

По коридору навстречу ему легкой, но уверенной походкой шла коренастая женщина в джинсах. Александр в полумраке вначале видел только ее силуэт, но постепенно, будто фотография, силуэт проявлялся и становился более и более отчетливым. Светло-русые волосы прикрывали уши, но от быстрого движения колыхались, и в левом ухе, игриво в отблесках солнечного луча из далекого окна в торце стены, подмигивала маленькая сережка. Постепенно фигура приближалась, и оказалось, что навстречу идет не дама, а парень с лицом средневекового плута.

В отличие от халатов остальных сотрудников, его короткий белый халат был расстегнут. Из-под халата виделся коричневый свитер крупной вязки с тремя большими деревянными пуговицами. Светлые волосы, свитер, сережка создавали романтический образ. Но ироничный взгляд серо-голубых глаз уравнивал романтику с прагматизмом.

Этот научный сотрудник не был похож на остальных. Суетливых, съезжившихся непонятно от чего или от кого. Когда поравнялись, незнакомец поздоровался, протянул Саньку руку и улыбнулся:

— А я вас знаю. Вы новый завлаб. Местные девицы говорят, что весьма перспективный. Меня зовут Лев. Лев Петрович Варфоломеев, если уж официально и полностью. Я здесь тоже недавно. Распределен в эту богадельню после столичной аспирантуры.

Санек почувствовал крепкое рукопожатие, ответил тем же. В голове мелькнула фраза тренера по борьбе: «Рука, протянутая для рукопожатия, не силовой!», он улыбнулся и ответил:

— Меня зовут Александр. Направлен после защиты кандидатской. Предложили небольшую лабораторию. Я и согласился. Группа сформирована. Дел по горло, а вот толкового цитолога нет. А мне он позарез нужен. Вы случаем не специалист в этом деле?

Лев с иронией ухмыльнулся:

— Это же надо! В этой шараге появился человек, который знает, что надо делать, сформировал лабораторию, и ему нужен именно я!

— Это не шутка? — Санек внимательно посмотрел на Льва.

— Какие шутки — уже два месяца слоняюсь без дела. Да здесь, по моему, никто никому не нужен. Бардак, разгильдяйство и некомпетентность. Сверху донизу.

Александр взял Льва под руку:

— Лев, немедленно идем в отдел кадров. Будете работать у меня.

— Да хрен кто меня к вам переведет! — хмыкнул тот. — Хотя я никому не нужен и загрузить реальной работой меня никто не может, потому что идей и мозгов нету у нынешнего моего завлаба, но удавится, а не отдаст!

— Это не твоя печаль, — в свою очередь ухмыльнулся Александр, сразу перейдя на ты.

Через десять минут Лев Петрович стал научным сотрудником группы.

Был он на восемь лет старше, но Александр эту разницу не почувствовал. По крайней мере, в работе.

Саньку было интересно окунуться в жизнь семидесятых годов. Он влезал в нее аккуратно, чтобы никто не заподозрил, откуда он, но быстро схватывал и сленг, и образ жизни во времени, о котором с ностальгией рассказывал дед.

В семидесятых, в отличие от склонных к эмоциям и эпатажу шестидесятых годов, когда хрущевские лозунги и призывы утихли и бредовое деление

молодой интеллигенции на физиков и лириков сдулось, оказалось, что многие технари и медики пишут стихи. Для себя. Без особой надежды когда-либо опубликовать их.

Да, собственно, и не в публикациях было дело. Просто молодые ребята, студенты хотели испробовать свои способности и возможности во всех делах. А поэзия как раз и была одной из таких возможностей. А смогу ли я выразить свои мысли лаконично, четко, да еще и красиво, как Пушкин, Лермонтов, Маяковский или как те, кто поближе: Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина?

Получалось! Иногда и получше.

Такие парни и девушки читали свои стихи друг другу. Приходили в редакции заводских, институтских многотиражек или даже в редакции городских газет. Знакомились, часто становились там своими людьми. По заданию редакций писали статьи о делах и жизни студентов. Время от времени их стихи печатали. Почти в каждой газете была литературная страница, на которой помещали стихи и короткие рассказы своих авторов. И тогда наступал момент славы. Правда, ненадолго. На день или неделю. Но газеты со своими стихами авторы хранили примерно так же бережно, как их отцы хранили свои боевые награды.

При редакциях, если в них работали талантливые люди, создавались литературные студии, и молодые поэты и писатели много чего узнавали о стихосложении, о настоящих поэтах. Поэтах с большой буквы, а не только о тех, книжки которых печатали в издательствах, а потом их никто не покупал и не читал, потому что было не интересно. Потому, что не тревожили они ни душу, ни разум. Литкружковцам становились известны, а потом и любимы Осип Мандельштам, Марина Цветаева, Арсений Тарковский, Николай Гумилев, Анна Ахматова, другие поэты Серебряного века. Да и само словосочетание «Серебряный век». А из иностранных — Уолт Уитмен, Гийом Аполлинер, Шарль Бодлер, Эмиль Верхарн.

Литкружковцы узнавали, что существует другая форма стиха, без рифмы, с дерганным ритмом — верлибр. Да много еще чего узнавали будущие да и настоящие молодые инженеры, врачи, архитекторы, потому что было интересно. Интересно узнавать неизвестное, читать стихи, ходить в театры, на выставки картин.

Конечно, не все студенты были такими. Тянулись ко всему новому, неизвестному, как правило, бывшие школьники. Те, кому в школе полюбилась химия, поступали на химфаки институтов, кому биология — в мединституты, те, кто видел, как можно усовершенствовать любой механизм, сделать его лучше, — поступали на машиностроительные факультеты. Эти студенты мало задумывались о будущей зарплате или карьере. Ими двигал интерес к творчеству, к познанию нового, стремление сделать так, как еще никто не делал.

Существовал и другой тип студентов — постарше, как правило, они приходили в институты после армии. Там умудрялись вступить в партию, естественно коммунистическую (другой не было). Надо сказать, что это было не просто. Эти студенты четко знали, куда надо после института устраиваться на работу. Где хорошие перспективы сделать карьеру, стать начальником, быстро получить квартиру, купить машину, построить дачу. А если получится, то пробыть в Москву, в министерство. Такие студенты зорко присматрива-

лись к сокурсницам, узнавали, у кого власть имущие, а значит, и богатые родители. Старались завязать с ними знакомство и жениться. Их не особенно волновало, симпатичными или умными были эти девицы. У них был к ним четко деловой интерес. Эти парни стихов не писали и не читали. Они жили другим.

Лев Петрович к ним не относился, хотя в институт поступил, отслужив два года в армии, аж в Туркестане, в пустыне, в далеком гарнизоне ракетных войск.

Стихи Лев полюбил в ранней юности. В последнем классе школы. Чтобы понравиться девочке, в которую влюбился. Искал у Пушкина, Лермонтова такое, которое соответствовало его чувствам и поразило бы избранницу. Нашел. Выучил и при случае прочитал. Эффект превзошел ожидания. Оказалось, что, прочитав стихотворение, он добился того, чего не удавалось почти полгода. На него посмотрели не как на хулигана и балбеса, склонного к эпатажу, а как на интересного человека. Одноклассница согласилась встречаться. Лев начал постоянно читать стихи. Самые интересные заучивал наизусть. Потом читал. Со временем стал сочинять. И, как он думал, получалось.

Носил с собой блокнот, в который записывал удачно придуманные рифмы и строки. Вечерами из строк складывал стихотворения. И дело это настолько затягивало, что проводил за ним всю ночь и спохватывался под утро. Лишь тогда, когда казалось, что стихотворение завершено и больше в нем ничего исправлять и переделывать не надо.

Писал стихи Лев и в армии, и теперь. Писал, не скрывая, во время работы и после нее, самозабвенно, забывая обо всем другом.

Кроме поэтических пристрастий Лев, как за несколько дней совместной работы узнал Санек, был еще и художником. Писал маслом на холсте, картоне, досках.

Время от времени, в редкие для Александра выходные, они стали встречаться. Обычно он приходил к Варфоломееву, чтобы отвлечься и не свихнуться от работы, поглощавшей всё время, ставшей монотонной и изнурительной. А главное, что раздражало, постоянно держало в напряжении и не давало ему покоя, — это результаты всех анализов. Они были отрицательными.

Двухкомнатная квартира, в которой жил новый приятель с одноклассницей Аллой, пока еще не ставшей его женой, была в пятиэтажном панельном доме. Такие назывались хрущевскими или просто хрущевками, в отличие от сталинок — кирпичных, с трехметровыми потолками, большими коридорами и отдельными ванной и туалетом. Досталась она Льву от мачехи, которая перебралась в огромную сталинскую квартиру Варфоломеева-отца, небольшого начальника на большом заводе. Снаружи эта квартира ничем не примечательная, а вот внутри... Внутри это было нечто совершенно непохожее на обычную квартиру.

Санек, решивший под влиянием Льва попрактиковаться в стихосложении, написал про жилище приятеля верлибры:

В этом доме всегда что-нибудь происходит.
То в картинах, на стенах висящих,
появляются новые лица, дома, деревья...
Я помню: года четыре назад

на одной из картин возле дачного домика куст —
и вот уже дерево!
Весной распускаются почки.
Через полгода хозяйка бранится,
жухлые листья с пола сметая.
За октябрь ведра два наберётся.
Но интересней всего
происходят здесь разговоры.
Особенно те, что за полночь
зацепятся нитью из слов
и разматываются,
распуская в нитку
клубок вечера, ночи, жизни...

* * *

Кровать давно разостлана.
Но не могу я
под чёрным одеялом одиночества
раствориться во сне,
как кусочек луны
растворяется в гранёном домами стакане города.
Последние чаинки трамваев
прозвенели ложечкой о стакан и затихли,
растворяясь в темноте крепкой заварки ночи.
А я всё не могу
заставить себя залезть под одеяло,
стёганное ковшами созвездий из пуговиц.
Закреть глаза
и увидеть во сне другую картину,
в которой
охотники с арбалетами
в коричневом, красном,
ещё в чём-то тёплом,
но грязном
никак не сойдут с холма,
заваленного снегом,
чтобы напиться воды в проруби,
сосульки посбивать с колеса мельничного
и рассказать о самом главном,
что приключилось за день.

Конечно, не удержался Александр от описания всем известной картины Брейгеля, других украшательств и фантазий, не имевших отношения к квартире Варфоломеева, но то, что стены здесь были вплотную завешены картинами, написанными Львом, — правда. Картинами яркими, самобытными. По большей части пейзажами и натюрмортами. То летними, то осенними. По стилю и манере они напоминали скорее постимпрессионистов. Пожалуй, Мориса Вламинка. Но нет, в картинах Льва, добрых, наполненных любовью к жизни, природе, не было напряженности, характерной для Вламинка и любимого им Ван Гога. Их отличала яркая индивидуальность, что большая похвала для художника.



Рисунок Вадима ЖУКОВА

Гостей в доме обычно оказывалось много. Квартира напоминала скорее клуб поэтов и художников. Как правило, молодых, непризнанных, зачастую никудышных, но амбициозных.

Стихи читали разные. И классические рифмованные, и верлибры, тогда только входившие в моду. Как противоположность верлибрам звучали сонеты. Гости принимали всё, кроме бездарного.

Вот несколько стихотворений того времени, почему-то запомнившихся Саньку. Авторы не запомнились, а стихи остались в памяти...

Нежность

Сухо в пустыне.
Камни за день раскалились.
Метаморфозы греют на них
Кривые от старости кости.
Змея поднялась удивлённо,
Солнце закрыв капюшоном шипящим, —
Половина неба сделалась чёрной.
Блики чешуй — звёзды.
Глаза два — луны.
За кем в этот раз следить ей пристало,
Пространство сжимая
В такт колыханию тела?
Кожаный фартук из собственной кожи
Мне какая защита от зубов...
Каменный мозг
Пожалует жалу змеиных кинжалов
Лежащую или текущую алую малость,
И охладет к утру тело.
Усталые камни за день раскалились.
В улье ужасов влажных стынут
Уставшие за день железные жилы.
Ты лишь,
Любовь мне дарящая,
Ночью спасаешь меня,
Сама об этом не зная.

Девочка на шаре

Поседевшая старушка
Уперлась ногами в шар.
Ей на нём не удержаться —
Для старушки шарик мал.
Умудрённые подружки
И седой старик-силач
Говорили: «Не пристало
Равновесие ловить
В этом возрасте усталом!
Лучше чай из чашки пить.
Лучше, сидя на диване,

Вспоминать про жизни блиц,
Вспоминать, как промелькнули
Лет десятки, сотни лиц,
Как отчаянной девчонкой
Здесь по воздуху ходила
И на шаре приручённом
Парням головы кружила».

Промелькнули, ускользнули
И летят в тартарары
Шар огромный и девчонка,
Обезумев от игры.

Но старушка ухватилась
За клюки меридиан.
Как на шаре удержаться,
Если нынче шарик мал?..

Он иногда повторял строчки этих стихотворений: «В улье ужасов стынут уставшие за день железные жилы» и «Как на шаре удержаться, если нынче шарик мал». Представлял себе не шар цирковой гимнастки, нарисованный Пикассо, а земной шар и те беды, которые могут обрушить его, превратить в «улей ужасов», если не сумеет выполнить то, ради чего здесь появился.

В тот вечер они засиделись допоздна. Александр пришел обсудить планы работы на следующей неделе, но не получилось. Лев начал писать очередную картину и говорил только о ней. О том, какая она будет гениальная и как он утрет нос всем, и особенно Анри Матиссу.

Александра, у которого было четко поставленное задание, не много и не мало — защита, а может, и спасение страны и всего мира, такое отношение Льва к работе корбило. Но другого цитолога у него пока не было, и он пропускал мимо ушей хвастовство непризнанного гения, размышлял о том, когда же им удастся поймать первоисточник заразы.

О работе так и не переговорили. В надежде, что это удастся утром, он остался у Льва ночевать.

Проснулся затемно. Фонари еще светили тусклым желтоватым светом, солнце не взошло, но в комнате, на столе возле окна был виден лист белой бумаги, на листе подгнившее яблоко и штук двадцать мух на нем.

«Что им — медом намазано, что ли?» — подумал Санек и хмыкнул, вспомнив, что ничего сладкого ни в комнате, ни на столе с вечера не было. Как и этого яблока. Вдруг мухи исчезли, а вместо них на яблоке оказались коричневатые куколки, которые превращались в мелкие шевелящиеся, быстро бледневшие и уменьшавшиеся до почти невидимости личинки. Вскоре личинки исчезли в глубине яблока, а через несколько минут в комнате раздалось лишь жужжание мухи. Санек попытался ее увидеть, а когда его взгляд вернулся к столу, то яблока на нем уже не было.

«Привидится же такое! Чего только в квартире художника не придет в голову», — подумал Александр.

Утром, когда народ проснулся, он спросил:

— Лева, а куда делось яблоко, что лежало на столе в комнате?

Лев недоуменно посмотрел на завлаба, потом вспомнил:

— Да оно там с прошлой недели лежало. Почти сгнило. Даже червяки завелись. Алла выбросила, когда порядок наводили. Много чего ненужного повыбрасывали. А ты-то про это яблоко откуда знаешь?

Санек в ответ почесал затылок и задумчиво пробормотал:

— Привиделось...

А про себя подумал: «Что это у него время тут хулиганит? В другую сторону двигается. Что-то рановато. Надо бы Благовещенскому сообщить. Может, и зараза, которую ищем, именно так скрывается? Ныряет, а потом выныривает».

А может быть, в таких квартирах, у таких людей это самое время не спешило угнаться за реальной жизнью. Наоборот, оно уводило их во времена поэтических салонов начала двадцатого века, а то и Пушкина.

Увы, но их совместная работа продолжалась недолго. Две недели Лев работал. А потом пропал. Александр послал к нему домой сотрудника — узнать, что приключилось. Никто не открыл.

Дня три все были в неведении, потом Лев пришел во второй половине дня. Сказал, что начал писать поэму, а для этого уехал за город и гостил там у знакомых. Александр это ЧП перед отделом кадров замял. Велел Льву написать заявление на отпуск за свой счет. Уговорил начальника отдела кадров никаких действий не предпринимать.

Да вот только через месяц Варфоломеев начал приходить на работу не к девяти часам, а к двум. Объяснил, мило улыбнувшись, что проспал, что ночью писал картину, а потом заснул и пришел на работу сразу, как только проснулся.

Работу Лев выполнял не просто медленно, а архимедленно. То, на что обычному врачу-лаборанту нужен час, он делал за день.

Александр понял всё про него. Понял, почему не защитил диссертацию в срок, почему много говорит о ее значимости, а дела никакого нет. Он знал таких людей и раньше. Знал, что с такими веселыми, талантливыми, говорливыми хорошо дружить, от них исходит позитивный настрой в жизни, а вот дел с ними иметь нельзя ни при каких обстоятельствах. Никогда ничего такие люди не сделают не только в срок, но вообще ничего не совершат. Хотя «трудиться» будут годами. Про таких говорят: «Не успел сделать одно, как не успел сделать и другое».

Он сказал Льву, что штат лаборатории сократили. Сказал, что подыскал ему место в местном медицинском институте и там готовы принять его с той же зарплатой, а работы будет значительно меньше. И Лев, к удовольствию обоих, покинул стены НИИ. Дружба осталась, а работа больше не связывала.

В мединституте Лева работал по свободному графику. Писал стихи, печатался в местной многотиражке, устраивал выставки своих картин, вел поэтическую студию со студентами. Много чего объяснял им о поэзии, живописи. Немного преподавал. Иногда занимался какими-то медицинскими опытами. Был кем-то средним между Леонардо да Винчи местного разлива, завхозом и преподавателем практических работ одной из лабораторий провинциального вуза. А главное, все его там любили, восторгались талантами.

Выпускники института долго помнили Льва. Были эти выпускники более эрудированными, выделялись среди однокурсников, легче строили карьеру. То, что Лев делает очень мало, не замечали, вернее не хотели замечать, потому что дела его были в словах, в манере поведения, в свободе, которую он

в своих слушателей вселял. А то, что картины в большинстве недописанные, стихи недоработанные, что очень много разговоров и очень мало дела, это было не столь уж важно. Главное, этот человек оказался в их жизни и повернул их лицом в более интересную сторону. Показал, что есть не стандартные, не очевидные решения задач и сами задачи бывают такими, что их нельзя решить традиционными способами. Да и жизнь огромна, многопланова, разнообразна, и для того чтобы жить полноценно, не обязательно быть богатым. Достаточно видеть этот мир, любить его и много, много знать. А главное, чтобы был у тебя интерес к этой жизни и любовь к ней. А всего этого в гостеприимном и добром доме Льва было предостаточно. И счастлив был тот, кто с ним познакомился и подружился.

6

Осень прошелестела, ветры унесли листья. Наступила зима. Исследования проводили постоянно, а результатов не было. Зараза то ли затаилась, почуяв охоту, то ли была не здесь, не в этом краю, и Благовещенский с Михеевым ошиблись, а быть может, Александр прибыл рановато, и она еще не появилась. Но эта мысль не успокаивала. Потому завлаб и не давал своим сотрудникам расслабиться.

Перед самым новым годом в пятницу, ближе к вечеру позвонил Лева, про которого Санек почти забыл, и предложил:

— Хочешь, познакомлю с умницей и красавицей? На днях приехала из столицы на неделю. У нее в здешнем универе отец, доктор наук, преподает философию, а сама живет в Москве, работает в редакции литературного журнала. Наш человек! Увидишь — обалдеешь! Зовут Марина. Я с ней в Москве познакомился, когда учился в аспирантуре. Короче, приходи вечером к нам, познакомлю.

Александр усмехнулся, подумал: «Счастливый человек этот Лева. Ни забот у него, ни хлопот. Порхает, будто в безвоздушном пространстве. На работе полезного почти ничего не делает, да никто его и не контролирует, а сам занимается тем, что взбредет в голову. То стихи пишет, то книги читает, а зарплату получает исправно. И ни забот у него, ни ответственности. Счастливая жизнь в период развитого социализма». Потом вспомнил, чем этот социализм закончил, вздохнул, сожалея о неведении приятеля, и подумал: «Интересно было бы поглядеть, что станет с ним лет через тридцать. Каким будет лет в восемьдесят».

Прийти вечером согласился.

Но размышления о любителях богемы Александра не оставили, и он продолжал рассуждать: «Микробиом, что у Левы, что у меня, примерно одинаковый. Живет в одинаковой среде. Питание у нас по белкам, углеводам, жирам, микроэлементам близкое. Значит, этот микробиом должен примерно одинаковые вещества вбрасывать в мозг. А следовательно, и ответные действия мозга должны вроде бы быть примерно одинаковыми. По крайней мере, по вектору. А на самом деле ничего общего. Я издергался, ищу эту заразу, чтобы обезвредить, не дать ей сделать из людей зомби, послушных чужой воле. А Лева работа по хрену. Я же ему рассказал суть задач. Объяснил, что может случиться с людьми, страной, если прозеваем. Он кивал: не дурак, всё понял.

А потом пошел не делом заниматься, а писать стихи, по качеству сомнительные, мало кому нужные, разве что ему самому да нескольким девицам, перед которыми павлиний хвост распускает и хочет эпатажем да этими стишками охмурить. И плевать ему на судьбу людей, страны, мира. И как этот почти одинаковый микробиом так работает? У меня одно, у него по-другому, у Василия по-третьему».

Саньку было интересно краем глаза подглядывать за дедом — молоденьким лейтенантом. Он видел, как тому приглянулась выпускница местного мединститута врач-лаборант Ирочка, как дед, здесь много моложе его, пытается понравиться ей. Делает это неуклюже, наивно. Видел, что и Василий пришелся ей по душе. Но нескоро сообразил, что это его бабушка! Бабушка умерла рано, и он ее почти не помнил. А тут такая возможность узнать то, о чем дед никогда не рассказывал.

Когда в детстве, да и позже в юности, Саша спрашивал про маму, потом про бабушку Иру, дед обычно отворачивался или выходил в другую комнату, потом возвращался с красными глазами, полными слез, смущенно улыбаясь, из сурового, всезнающего полковника становился растерянным, беззащитным дедушкой, и у внука надолго пропадала охота заводить такие разговоры.

Александр снова вернулся к размышлениям о работе и уже вслух повторил:

— Как же это так получается, что почти одинаковый микробиом по-разному работает у разных людей? У меня одно, у Льва другое, у Василия третье. Как в него внедряется эта зараза и заставляет мутировать, превращаясь, по сути, в собственного врага? Ведь в конечном итоге человек гибнет, а значит, и колония живущих с ним бактерий — микробиом, участвующий во всех жизненно важных процессах организма, тоже погибает.

В это время дверь в лабораторию распахнулась, и на пороге показался запыхавшийся Василий. Шапка сползла на затылок. На лбу испарина. В руках огромный самовар.

«Ну, легок на помине», — подумал завлаб, улыбнулся и не удержался, съязвил:

— Ты чего это, Вася, в Тулу, что ли, собрался?

Василий водрузил блестящую латунью тушу на стол, вытер пот, отдышался и заговорил:

— Не, не в Тулу. Холодно тут, работаем сутками, чайник постоянно греть надоедает, а это техническое сооружение тепло долго держит — не двухлитровая жестянка с носом, а целых два ведра! Я его вчера заметил на рынке, который на пустыре возле церкви, с мужиком договорился и сегодня купил. Теперь будем и в тепле, и с горячим чаем постоянно.

Лабораторные ученые, особенно молоденькие лаборантки, одобрительно закивали.

«Для своей Ирочки старается, — подумал Александр, вспомнил, кто она, улыбнулся и додумал: — Моей бабушки».

Он подошел к столу, открыл крышку, заглянул внутрь потомка древнеримской аутепсы и ужаснулся:

— Василий, а ты внутрь самовара заглядывал? Тут вонючее болото, должно быть, водяные крысы сделали гнездо — перья, весь в накипи, водорослях. Не самовар, а рассадник паразиты!

— Не переживайте, гражданин начальник, всё предусмотрено, — Васек улыбался во весь рот, — отмою, продезинфицирую, прокипячу — и будет как новенький. Главное, что не дырявый!

Он погладил самовар, вздохнул и спросил Александра:

— А как вы догадались, что гнездо тут было? Я ведь и вправду дохлую летучую мышь выбросил.

— Ну-ну, — хмыкнул завлаб, — дерзай, отмывай самовар и дезинфицируй основательно.

Некогда было руководителю заниматься такой чепухой, и он вышел из лаборатории.

Внутри самовара действительно оказался слой, накопившийся лет за сорок и напрочь приставший к стенкам. Василий попытался его скосовать, но слой не поддавался. Смесь накипи, пыли, грязи, окисленной меди и еще неизвестно чего превратилась в густую массу. Всё это въелось в стенки, не хотело ни оттираться, ни вымываться, да вдобавок воняло. Упорный лаборант начал отковыривать смесь оказавшимся на столе здоровенным скальпелем, порезал вену, кровь брызнула, окрасила внутренности самовара в бурый цвет. Васек застонал, девицы кинулись помогать, забинтовали руку, дали понюхать нашатыря и усадили пить чай из обыкновенного чайника. А чтобы грязь отстала от стенок и очистилась, решили залить на выходные в самовар разбавленную кислоту. Кислоты в лаборатории не оказалось, на склад за ней идти перед выходными, а потом сдавать обратно не захотели, а потому залили в нутро самовара отходы от анализов и опытов, в которых разных органических кислот было полным-полно. В общем, всё то, что обычно сливалось в специальный контейнер, а потом утилизировалось, было залито в самовар с уверенностью, что за субботу и воскресенье самовар очистится и заблестит как новенький.

7

Вечером, после работы, купив бутылку вина и закуску, Александр пришел в гости к приятелю.

За большим столом, покрытым скатертью с пятнами от былых посиделок, расположились хозяева Лев и Алла, два мало знакомых парня и молодая красивая женщина. Саньку показалось, что он уже видел ее.

Один из парней играл на гитаре и тихим голосом пел, должно быть, недавно сочиненную песню. Другой читал красавице свои стихи. Мало того что стихи были плохие, так он, прежде чем прочитать, объяснял, о чем они. Это было почти невыносимо. Гостя вздыхала. Пили давно остывший чай с подмешанным каким-то ликером. Всё, что происходило, ей не нравилось, но уйти было неловко, и она саркастически поглядывала на хозяина, казалось, взглядом спрашивая: «Зачем ты меня пригласил? Эту чепуху слушать или будет что-то интересное?»

Лева свои картины уже показал и выжидал, когда графоманы окончательно достанут гостью, чтобы прочитать ей свои, естественно, гениальные вирши, от которых она должна прийти в восторг, влюбиться в него, а потом он отправится ее провожать, ну и так далее...

Графоманы предполагали такой же финал вечера, но в качестве героя, получавшего приз в виде москвички, представляли себя.

В это время Александр и вошел. Широко улыбаясь всем, поставил на стол две бутылки сухого вина, здоровенный кусок ветчины и высыпал кулек с шоколадными конфетами.

Алла захлопотала вокруг снеди, начала резать хлеб, ветчину, делать бутерброды, подкладывая на ветчину тонкие ломтики маринованных огурцов. Лев откупоривал бутылки и представлял столичной гостье приятеля. Называл его гениальным ученым и поэтом, который, возможно, единственный во всей стране, пишет верлибры.

Александр снова посмотрел на девушку и вспомнил: Боттичелли, «Весна»! Только не карие, а живые, светящиеся иронией темно-изумрудные глаза. Эти глаза уже не давали его взгляду не то что оторваться от этой красоты, но даже моргнуть. Так он и застыл, покуда Лев представлял их друг другу.

Да, конечно, это была «Весна» Боттичелли. Темно-каштановые, слегка выющиеся длинные волосы обволакивали лицо и делали его черты еще более мягкими и обаятельными.

Марина, так ее звали, сразу, как появился новый гость, начала исподволь приглядываться к нему, но вида не подавала. Когда же Лев заговорил про верлибры, с интересом посмотрела и, лукаво улыбнувшись, спросила бархатым голосом:

— А вы прочитаете? — и добавила: — Что-нибудь из последнего, самого гениального.

— Обязательно, — улыбнулся Санек. — Когда совсем молодой Маяковский написал первые два никудышных стихотворения и прочитал их своему дружку Бурлюку, тот заявил, что стихи гениальные, и начал представлять знакомым Маяковского как гениального поэта. Так и говорил: «Знакомьтесь, это Маяковский — гениальный поэт», а тому на ухо шептал: «Володя, не подводите меня, пишите гениальные стихи». Я, к сожалению, не Маяковский, и стихи мои далеко не гениальные, но несколько более или менее нормальных прочитаю.

К этому времени Лев налил в стаканы вино, Алла поставила посредине стола тарелку с бутербродами. Выпили за поэзию, потом за знакомство и замолчали.

Московская гостья Марина посмотрела на Александра и, как ему показалось, слегка капризно сказала:

— Ну? Читайте же.

Санек развел руками, мол, если что не так, извините, я предупреждал, произнес название «Утро» и начал читать:

Я сторож в музее собственных выдумок.
Нет рядом никого.
Горит свеча.
Воск оплавляется и тает,
и эпoletы воспоминаний засыпают,
возвысив кресло в офицерский чин.
Огарок ночи догорает.
Забрызгал воском яму неба
и перепутал быль и небыль.
Скоро,
когда небесная молочница,

прогромыхав бидоном, выбелит небо,
проснётся город.
Троллей-
БУСЫ
рассыплются и
разноцветье нового дня
по улицам станут сеять.
А старые мысли
уплывут в прошлое,
как «Тигрис»,
корабль Хейердала.

Марина отметила:

— Троллей-БУСЫ города — это неплохо.

Санек почему-то разволновался. Чтобы успокоиться, отпил вина и прочитал еще:

В зоопарк привезли волчицу.
Безответный вой
будоражит город.
Сколько тоски в глазах её,
ждущих ответное О-А-О-У...
Но глазееет толпа,
в носах ковыряя,
на волчицу влюблённую,
и только
туберкулёзная обезьяна
завистливо притихла.

Было видно, что стихи всем понравились.

— Я же говорил, что Александр делает гениальные стихи! — заявил Лев.

— По крайней мере, интересные, — согласилась красавица. — А еще?

— Чтобы не утомлять, последнее. Но не верлибр, а прямая ему противоположность — сонет, — смущенно сказал Санек и добавил: — Хотя и не совсем правильный...

Сошёл с давно исхоженной тропы,
И жизнь совсем иная в полушаге.
Ведро заиндевшее в бараке
На лавке. Деревянные столбы

Растрескались от лет и почернели.
На ржавый гвоздь подвешен рукомойник.
Обмылок рядом. За стеной подойник
Звенит под стружкой молока. Качели

Скрипят от ветра во дворе. Когда-то
Их для дитяти смастерил отец,
Но время всё состарило. Гонец
Оттуда прибыл. Говорит, что надо,

Давно уж надо собираться в путь.
А на кого я брошу рукомойник?

— А вот это уже совсем серьезно, — снисходительная улыбка, до этого не сходявшая с губ Марины, исчезла. Взгляд стал строгим, внимательным и добрым.

Она поднялась из-за стола, сказала, что уже поздно, и попросила Александра ее проводить.

Морозная ночь обожгла лица. Снег скрипел, обещал морозную погоду. Редкие снежинки сверкали в свете фонарей.

Молодые люди разговорились. Речь снова зашла о Маяковском. Потом о Бурлюке. Александр сказал, что тот писал неплохие картины. Марина сожалела, что не видела ни одной. Саньку, жившему прежде во времена развитого интернета и запросто получавшему информацию обо всем, в том числе о жизни писателей, поэтов, художников, было легко просвещать девушку. Рассказывать подробности, о которых в семидесятых мало кто знал. Не знала и она, хотя считалась знатоком литературы и живописи.

Александр рассказал, что в Уфе, в запасниках местной художественной галереи хранятся картины Давида Бурлюка, которые он написал, когда жил в Башкирии во время Первой мировой войны. В запасниках, потому что считаются произведениями мелкобуржуазными и противоречат соцреализму. Рассказал, как во время Гражданской войны село, в котором жила его семья, оказалось под белочехами. Как вместе с отступающей Белой армией добрались до Владивостока, уплыли в Японию, а потом в США. Рассказал, что Союз писателей приглашал его в СССР и он дважды приезжал. Первый раз в 1956-м, а второй — за год до смерти, в 1966-м. Был и в Уфе. А всего у нас почти триста его картин, но все в запасниках.

Она не подозревала о судьбе основателя футуризма, не знала, что он спокойно жил в Америке и умер совсем недавно. Сказала тихо, как будто себе: «Значит, и Маяковский мог бы еще жить и быть нашим современником в шестидесятых».

Слушала с интересом. Превратилась из мэтра, знатока литературы в увлеченную разговором ученицу. Спросила о Лиле Брик:

— Александр, а вы знаете, как сложилось у Лили Брик? Долго ли она прожила после смерти Маяковского?

— Да она и сейчас жива! — выпалил Санек. — Вскоре после того как Маяковский застрелился, разошлась с Осипом. Вышла замуж за крупного военного, Виталия Примакова. В тридцать шестом Примакова расстреляли как врага народа. Он тогда был заместителем командующего Ленинградским военным округом.

Марина, не поняв последнюю фразу, переспросила:

— Ее потом расстреляли? Или посадили?

— Нет, Мариночка, — Санек улыбнулся, — Сталин лично вычеркнул ее из расстрельного списка, который ему принес Ежов. Сказал: «Не будем трогать жену Маяковского». Я же говорю: она и теперь жива.

— Саша, — шепотом спросила Марина, — а вы откуда всё это знаете?

Он понял, что сболтнул лишнее, но нашелся:

— У меня есть доступ к некоторым архивам по специальности. По микробиологии. А когда устанешь до очумения от перелистывания пыльных страниц, начинаешь глядеть по сторонам, хочется поговорить о чем-то другом, кроме работы. А там, в архивах, очень знающие архивариусы. Им тоже не с кем разговаривать. Вот они и рассказывают.

— Вы говорили, что она жива, и где же живет?

— Живет в Москве, где-то на Кутузовском. И в Переделкине. С мужем. Его фамилия Катанян. Автор биографии Маяковского. А ее сестра — жена Луи Арагона, между прочим, лауреата Ленинской премии.

— Господи, вот откуда у Катаняна столько интересного о поэте!

— Оттуда! — кивнул он и засмеялся. — Вся информация рядом. Получает из первых рук.

— А что же, Лиля Брик сменила фамилию?

— Нет, что ты, она как Брик по первому мужу была, так и осталась.

Санек чуть было не сказал, что в 86 лет Лилия сломает шейку бедра и, чтобы не быть обузой, примет несколько пачек снотворного. Ее кремируют, прах развеют над полем недалеко от Звенигорода в 1978 году и поставят гранитный камень с буквами Л.Ю.Б. Когда-то Маяковский подарил ей кольцо с такой гравировкой на тыльной стороне. Если читать по кругу эти ее инициалы, то получается — ЛЮБЛЮ. Но вовремя спохватился и, мысленно обругав себя, закончил:

— Вот так-то, — вздохнул и досказал только про кольцо.

— Как жалко, что я завтра уезжаю. Как жалко. Я тебе напишу. Ты ответишь?

Александр кивнул.

Марина с обожанием глядела на него, огромные темно-изумрудные глаза были полны слез. Она хотела что-то сказать, но не смогла. Обхватила ладонями лицо Александра, стала целовать в щеки, прижалась губами к его губам и поцеловала. Страстно. Казалось, этот поцелуй будет длиться вечно, но девушка отвернулась, убежала в свой подъезд. Дверь всхлипнула, и Саше показалось, что он услышал нежное: «Прощай...»

— До свидания, Мариночка! — крикнул он. — Я буду ждать весточку и обязательно отвечу.

8

Утром в понедельник, когда народ пришел на работу, в лаборатории стояла вонь, а из самовара в противень, на котором он стоял, вываливалась забродившая, будто на дрожжах, коричневая масса.

Лаборантки смотрели на Василия, стоявшего в дверях с забинтованной рукой, и хихикали.

— Чего ржете? — обиженно возмутился он. — Я тут что, один говно, а вы все в белых тапочках? Сами же заливали в самовар эту бурду. Должны были знать, что может случиться. Вы же медики, почти химики! Сейчас вылью вонючку в унитаз, промою, и будет всем счастье.

Васек снял свитер, засучил рукава рубашки и направился к самовару.

— Стоять!!! — заорал только подошедший Александр.

До него вдруг дошло, что та самая зараза, которую они уже не один месяц ищут и подстерегают, могла образоваться именно за эти выходные, именно в этом самоваре. И создали ее не вражеские проходимцы в лабораториях по периметру страны. Образовалась она здесь, в их лаборатории, по всеобщей дури и в том числе по его недосмотру.

Все кому не лень заливали в самовар адскую смесь, не подозревая, что фактически провели посеы огромного числа разнообразных бактерий и вирусов в среде, оказавшейся для них питательной. А уже они, до того паразитировавшие на крысах, мышах, птицах, живых и дохлых, могли, напивавшись кровью из раны Васька, мутировать, стать опасными для человека. Вдобавок процесс на медных катализаторах в виде стенок самовара за два выходных в теплой среде лаборатории ускорился и пошел совершенно в непредсказуемом направлении. И сейчас колония страшной заразы того гляди расползется сначала по институту, а если вылить в унитаз, то через канализацию попадет в очистные сооружения. Там в системе биологической очистки смешается с тамошними микроорганизмами — и пошло-поехало: мутация, модификация и умножение токсичности и вредоносности заразы. И чем это закончится, понятно. Закончится заражением людей и, как он знает, гибелью страны.

— Все вон из лаборатории на санитарную обработку! Немедленно! В институте объявляю карантин!

Он позвонил начальнику отдела кадров. Четко, кратко, жестким голосом приказал тому объявить карантин в институте, перекрыть все выходы, никого не выпускать.

Помолчал секунду и уже помягче добавил:

— Товарищ полковник, кроме вас надеяться мне не на кого. Вы в этой богадельне единственный ответственный человек. Заразу, из-за которой я здесь, нашел. Если выпустим ее, хреново всей стране будет. Очень на вас надеюсь. Сейчас работнички начнут, как тараканы, расползаться, и тогда будет уже не хреновато, а катастрофа. Успокойте всех. Срочно позвоните генералу, чтобы установил оцепление по периметру института. Противогазы и всё такое прочее, как положено. Короче, объявляю ЧП. А я дезинфекцию внутри института организую.

Потом повернулся к Василию и скомандовал:

— Немедленно запускай утилизатор. И чтобы все были в противогазах. Остальные — на дезинфекцию. Перекрыть канализацию, включить местную систему водоотвода и замкнуть ее на утилизатор.

Потом взял лаборанта за плечи и, не моргая, смотря ему в глаза, тихо, отчетливо произнося каждое слово и показывая на самовар, отчеканил:

— Это и есть та зараза, из-за которой я здесь появился. Которую искал. Не уничтожим сейчас, вся страна рухнет. Шуточки, товарищ лейтенант, закончились. Соберись и выполняй!

Для Василия эти тихо сказанные слова прозвучали громче пушечного выстрела. Он кивнул и помчался выполнять.

Через полчаса институт был оцеплен по двойному периметру. Все подходы к нему перекрыты колючей проволокой. Внутри помещения Александр организовал тотальную дезинфекцию и утилизацию всего, что могло соприкасаться с самоваром. Почти мгновенно надел изолирующий противогаз, химзащиту, отобрал и начал проверку проб получившейся гадости по отработанной там, в базовой лаборатории, методике. Интуиция не подвела. В самоваре образовалось то, что искали. То, из-за чего прибыл сюда.

Одежда сотрудников была сожжена, а сами сотрудники после санобработки помещены на карантин. В актовом зале.

Три месяца карантина институт работал в две смены. Всё было перестроено. Кроме основной работы, утром, днем и вечером проводился полный

комплекс анализов у каждого, кто оказался в здании. Периодически изучали даже то, чего никогда раньше не делали, чтобы понять, происходят ли какие-то, даже самые незначительные, изменения в бактериальном и вирусном наборе сотрудников. Дезинфекция тоже три раза в сутки. Ультрафиолетовая обработка всех помещений и всё остальное, что было возможно технически и чем владели специалисты, выполнялись безоговорочно, без всяких поблажек и отступлений.

Сотрудники продолжали работать и по обычным плановым научно-исследовательским программам. Делать-то было нечего, а чтобы от скуки не сдохнуть, люди действовали с полной отдачей. Увлеченно спорили, корректировали программы и планы. Проводили расширенные заседания ученого совета. Местные остряки стали называть НИИ шарашкой, но все признавали, что так активно раньше не работали. Даже те, кто до карантина хотел увольняться, теперь начинали собирать материалы для диссертаций и об увольнении уже не помышляли.

Никто не заболел, не умер и не подвергся воздействию обнаруженных вирусов.

Через три месяца Александр констатировал, что изменений ни у кого, кто был на карантине, нет. А значит, всё было не зря. Опасность ликвидирована. Завлаб облегченно вздохнул, сообщил по телефону результаты работы и свое мнение о целесообразности отмены карантина. Приехали очень строгие специалисты в изолирующих противогазах и скафандрах химзащиты, провели забор анализов воздуха, воды, канализации, соскобы и мазки со всех доступных и недоступных поверхностей, полный анализ у каждого, кто был изолирован в институте. Через две недели пришел официальный приказ об отмене карантина. Руководство НИИ собрало общее собрание. Объявили радостное решение и предоставили всем сотрудникам двухнедельный оплачиваемый отпуск.

Александр тоже выступил на собрании. Поблагодарил всех за понимание, терпение и помощь. Когда народ разошелся, завел Василия в лабораторию, с силой тряхнул за плечи и прошипел:

— Ты, засранец, хотя бы теперь понял, что натворил? Понял, что из-за твоей дури, долбанизма, необразованности и неспособности шевелить мозгами, видеть хотя бы чуть дальше своего носа, чуть вся страна не превратилась в зомби?

— Я? — Васек удивленно смотрел на своего начальника и не понимал, чего это тот на него орет.

— Да, Вася, именно ты! Сотворил в самоваре эту мутировавшую с бешеной скоростью заразу, которую я искал. Сделал по невежеству. Потому что даже не подозревал, что может произойти. Какие биохимические процессы могут запуститься. И если бы я не поспел вовремя, вылил бы ты заразу в канализацию, а она оттуда расползлась бы сначала по городу, а потом по всей стране.

Мы ждали эту напасть от врагов, — не мог остановиться Санек, — а тут, оказывается, свои идиоты хуже врагов!

Лаборант моргал глазами, что-то в его мозгу зашевелилось, стало превращаться в мысль, наконец процесс завершился, и он сообразил, что произошло.

— Да? — только и сумел выдавить из себя.

— Да, Василий, да! Правильно народная мудрость говорит: избави Бог нас от глупых друзей, а с умными врагами мы сами разберемся.

— А что же мне теперь делать? Я увольюсь! Завербуюсь в какую-нибудь партию к геологам искать полезные ископаемые и уеду с ними на край света, чтобы испкупить...

Услышав про «полезные ископаемые», Александр ухмыльнулся — стало смешно от этого казенного сочетания слов, но он сдержался и сурово продолжил:

— Нет, Вася, ты закроешь свой рот. Никому про то, что произошло, не разболтаешь. А еще начнешь всерьез учиться. Именно вирусологии. Я договорюсь с твоим генералом, он оставит тебя здесь, при институте, и ты станешь приглядывать за ситуацией в этом ключе. Враг, он тоже не дремлет и может подбросить нам нечто подобное. Понятно?

— Александр, да я же не справлюсь.

— Справишься! Опыта кой-какого уже набрался. У других из вашего ведомства и такого нет. Да учись! Меньше трепись, больше прислушивайся к умным и опытным ученым. Понял?

Васек согласно кивнул. Но вдруг испугался:

— Так ведь генерал спросит, откуда взялась зараза, как получилось, что вы ее сразу обнаружили и локализовали.

— Вот! Молодец! Уже начинаешь соображать и анализировать события. — Завлаб удовлетворенно кивнул. — Генералу доложу, что обнаружил в образце, взятом в морге у бомжа, только доставленного. Причем в первом образце заразы не было, а во втором прямо в микроскоп увидел, а затем подтвердил анализами начало мутационного процесса и уничтожил. Таким образом, бомж был единственным обнаруженным переносчиком. Если бы оказались другие, то погибли бы и были доставлены в наш морг. Так что зараза не размножилась, была вовремя обнаружена и уничтожена. Бомж кремирован. А учитывая особую важность и опасность, я объявил карантин и утилизацию всего, что могло контактировать с бомжом. А бомжа этого, скорее всего, накачали гадостью американские агенты.

Васек вытер пот с лица, посмотрел на своего шефа и с восхищением произнес:

— Так точно. Так и было.

— Вот и договорились. А я пока здесь останусь, подучу тебя основам работы.

9

Возвращаться назад, в основную лабораторию, с докладом об успешной ликвидации опасности Александр не спешил. И вовсе не только потому, что все проблемы оказались доморощенными, созданными не заграничными лютыми врагами Родины, а раздолбайством собственных граждан. Тогда же вспомнил шуточку Благовещенского с вопросом, а не забыл ли он какой вентиль закрыть, когда увольнялся из института, и в очередной раз восхитился способности ученого просчитывать возможные и невозможные варианты. Удивился, что хоть и в шутку, но он высказал правильное предположение о причине возникновения заразы!

Хотел Александр на всякий случай перепроверить результаты анализов. Подумал: «А вдруг эта зараза настолько хитра, что замерла, замаскировалась и затаилась на время?..»

Но на самом-то деле, если уже совсем глубоко проникнуть в его сознание, ему хотелось побольше узнать о деде и бабушке Ире. О своих родителях.

Во время карантина он видел, как крепла любовь молодых людей, видел, как нежно и трогательно они относятся друг к другу. Дату рождения своей матери Санек знал. Знал, что произошло это событие примерно через год после их свадьбы, на которой теперь, когда такая возможность появилась, очень хотел побывать, тем более что свадьба эта должна произойти вот-вот.

Да и нырнуть в другие годы, значимые в их жизни, Александру тоже очень хотелось.

А потому, рассказав генералу о выполнении основной задачи, сообщил, вроде бы по секрету, что необходимо сохранить лабораторию, а лейтенанта Куркова оставить курировать ее. В вирусологии тот уже кое-что понимает, а чего не знает — подучит, пока его наставник здесь. Сказал, что генерал очень мудро поступил, сделав начальником отдела кадров НИИ своего человека, но после всех этих карантинных полковник сильно сдал и собирается увольняться. А потому Василий мог бы заменить его.

В конце разговора перешел на шепот и добавил:

— Да и вообще ситуация так складывается, что во всех странах по нашему периметру полно лабораторий, занимающихся биологическим оружием. И гадают они нам по-тихому постоянно. Правда, пока подпускают вредоносные вирусы для птицы, свиней, крупного рогатого скота, что приводит к большим материальным убыткам. Потому надо всё время быть наготове. Курировать все государственные службы, связанные с биологической опасностью. Противоядие иметь, да и свое подобное оружие не помешает. — И повторил: — А Курков, хоть и молодой, в этом деле за время работы со мной поднатерел как никто другой. Понимает, что к чему. Вот и пусть курирует направление.

Генерал подумал, согласно кивнул, и вскоре Василий принимал у начальника отдела кадров, полковника в отставке, дела.

Когда такое произошло, Александр усмехнулся: вот внучок и сделал карьеру деду — должность-то полковничья.

Окончание следует

Дмитрий МУРЗИН

«И сердце мается глаголом»

* * *

Рассказать ли тебе, друг мой лепший,
Про роман мой с родным языком?
Как я русское слово «ресепшен»
С материнским впитал молоком.

Как в одной из сибирских локаций
Пил крафтóвый берёзовый джус...
Но не взяли меня в граммар-наци...
И я этим, пожалуй, горжусь.

Надо мной транспарентное небо,
За спиною то хайп, то абьюз...
На продажу всё, всё на потребу,
Я уже ничего не боюсь.

Так мне грустно и так одиноко,
Вязнет в лексике мысли полёт...
Помню: бабушка в детстве далёком
О коворкинге тихо поёт.

МУРЗИН Дмитрий Владимирович — поэт, член Союза писателей России и Союза писателей ДНР, главный редактор журнала «Огни Кузбасса». Родился в 1971 году. Окончил Кемеровский государственный университет и Литературный институт имени А. М. Горького (семинар И. Л. Волгина). Живет в городе Кемерово. Автор девяти книг стихов. Публиковался в журналах «Наш современник», «Москва», «Октябрь», «Огни Кузбасса», «Сибирские огни», «Дети Ра», «День и ночь», «Байкал», «Балтика», «Сура» и др. Лауреат премии «Гипертекст» (2024).

* * *

Снимается наш Афоня на фоне Левиафана
То трезвый, то в шлемофоне, то, извините, пьяный.

Снимается наш Афоня, да там этих снимков — с горкой,
В Берлине и на Афоне, да в Пальма-де-блин-Мальорке.

Афоня дерзит — но в меру, Афоня наш меру знает,
Терпеть не может премьера, но Путина — уважает.

Афоня такой спокойный, Афоня такой понятный,
Откроет окно Овертона, потом закроет обратно.

Афоня будильник вертит, ему на работу рано...
Пройдут и Левиафаны, Афоня и не заметит.

* * *

Сказал, что тяжело без сигареты,
Что выйдешь из Сети на полчаса,
А сам ушёл курить на берег Леты...
А я всё жду. Я ждать уже устал.

И наблюдаю, как взрослеют дети.
Как стало странно детям без отца...
И раз в году напоминают сети:
Спеши, поздравь, порадуй мертвеца.

* * *

Накосячил наш конь с бороздой.
Накосячил со щукой Емеля.
Поманило нас небо звездой —
Вот и цель. Ну а кто мы без цели?

А куда нам без цели? Куда?
Лишь на кладбище либо к острогу...
Путеводная светит звезда,
Освещая, к примеру, дорогу,

По которой — ни славы, ни mzды,
По которой шагаем повзводно
Мы на свет путеводной звезды.
Биполярной звезды путеводной.

* * *

Сонет — любимая забава!
Сто раз давал себе зарок
Не лезть в четырнадцатистрок
За этой... Как её... За славой...

«И СЕРДЦЕ МАЕТСЯ ГЛАГОЛОМ»

Но вспышка слева, вспышка справа,
Лежишь ногами на восток,
Вокруг расплавленный песок...
В чём только держится держава...

И начинаешь собирать,
Нанизывать слова-песчинки...
По-новому, не по-старинке,

Идёт на нерест эта рать,
Метнутся бисером икринки,
Чтоб никогда не умирать.

* * *

Елене Жамбаловой

Ещё весна, но скоро лето,
И сердце мается глаголом.
Поэт, ещё не став поэтом,
Всерьёз прогуливает школу.

Идёт туда,
Где есть вода,
Кораблик из стишка в кармане
Пускает.
Долго ждёт:
Когда...
Судёнышко из виду канет...

Плывёт кораблик по реке,
Плывёт которое столетье.
И только запись в дневнике:
«Прогуливал урок бессмертья...»

* * *

Старый виски в правильном бокале,
На плече — партак с единорогом.
Ничего не знает о Байкале
Маугли, воспитанный «Тик-током».

Кубик льда в бокале виски тает,
Но не растопить хандру и скуку.
Ничего не знает об Алтае
Маугли, воспитанный «Фейсбуком»*.

* Социальная сеть *Facebook* принадлежит компании *Meta*, которая признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

Ест крошку только на кефире —
Как ему в отчизне одиноко...
Ничего не знает о Сибири
Маугли, воспитанный «Тик-током».

Наплевать, что обстреляли Счастье,
Слышал лишь, что «лайнер сбили „Буком“».
Ничего не знает о Донбассе
Маугли, воспитанный «Фейсбуком».

На себя примерил роль мессии,
Гибель нашу скорую пророчит.
Ничего не знает о России
И, что характерно, знать не хочет...

* * *

Сами мы ни бе ни ме, не местные,
Местности, которой нету края,
Вот те крест, а вот те перекрестие —
Всё здесь было раем за сараем.
Наши дети в «Ложь или бездействие»,
В «Ложь или бездействие» играют.

* * *

А как тебе, мой друг, такая весть:
Нам будущее распахнуло двери!
Вот-вот всех победит технический прогресс,
Невежество падёт, угаснут суеверья!

Вот-вот изобретут бессмертья эликсир,
Вот-вот и народится новый Пушкин!
О, этот ежедневно новый мир,
Где каждая война страшнее предыдущей...

* * *

На часах — три ночи без десяти.
Правильно было бы дрыхнуть, что твой сурок.
Но, как сказал Гераклит, дважды нельзя войти
В один информационный поток.

Выпадешь из повестки наверняка.
Потеряешься в схеме табу, запретов и прочих нелзяйств.

Вялым взглядом выхваченная строка:
«Долг американских домохозяйств».

* * *

Жена ворчит:
— Чего за-ради
Тебя, мой друг, несёт в Анадырь?
Что ты забыл там? Что посеял?

Но всё же еду я на север.
Как будто я живу на юге.
Как будто я предался неге.
Как будто я не видел вьюги.
Как будто я не видел снега.
Как будто не морозил носа.
Как будто есть ко мне вопросы.

Наверно, есть ко мне вопросы...

* * *

Я ведь русский. А мог быть — пуштун.
Или даже податься в поляки —
Муж панической пани Атаки...
Но я русский. Медведь и шатун.

Шью. Пишу.
Со стежка по стишку.
Семь глаголов — не крюк для собаки.
Я люблю наши мягкие знаки
И кириллицы рыльце в пушку!
Пусть меня понимает не всякий.

Только всяк поднимающий меч
Должен помнить, как те же поляки:
Здесь привыкли глаголами жечь.
Я люблю наши твёрдые знаки.
Беспощадную русскую речь.

* * *

Справа глухо. Слева немо.
Но фонит моя фонема.
И с чего бы ни фонила:
С плеера, сиди, винила —
Всё одно да об одном.
Дерево. Ребёнок. Дом.
Это — верно. Это — тема.
Хороша моя фонема.
Пусть невзрачная на вид.
Но — фонит, фонит, фонит...

Дмитрий ВОРОНИН

Граница

РЫЖИЙ КАНТ

Старый Кант жил на краю рабочего поселка. Он ходил в закорженевшей от грязи еще советской дубленке с чужого плеча и высоких утепленных калошах. Волосики на голове у Канта были белесые и редкие, а бородка рыжая. Кто его помнил молодым, сказывали, что он весь тогда огнем горел. А к старости уже дотлевал. Ногами по дороге шаркал, улыбался всякому: что человеку, что собаке, что курице. И глаза... Взгляд всё время куда-то вдаль направлен, будто и не при нем. Чудной старик, философствующий, одно слово — рыжий. Вместо «здрасьте» у него всякий раз при встрече:

— А если сегодня война?

— Ну и что? Воевать пойдем, не впервой.

— А если с братьями выйдет? Как брат против брата или отца, к примеру? Или вот сосед против соседа? Нельзя же, против совести такое. Я вот не хочу.

— Отвали, Кант, гонишь пургу всякую. Кто у нас тут в поселке воевать затеет?

— Так не у нас, а вообще. Вот и славяне, к примеру...

— Тыфу тебя к лешему. Каркаешь почему зря. Надоел уже, иди с курицами философию разводи, они послушают.

ВОРОНИН Дмитрий Павлович — прозаик, член Союза писателей России, педагог. Родился в 1961 году. Окончил Калининградский государственный университет. Живет в поселке Тишино Калининградской области. Публиковался в журналах «Наш современник», «Нева», «Роман-газета», «Молодая гвардия», «Москва», «Огни Кузбасса» и др. Лауреат премий имени Александра Куприна и Сергея Аксакова, изданий «День литературы» и «Литературная Россия». Один из организаторов фестиваля «Русский Гофман».

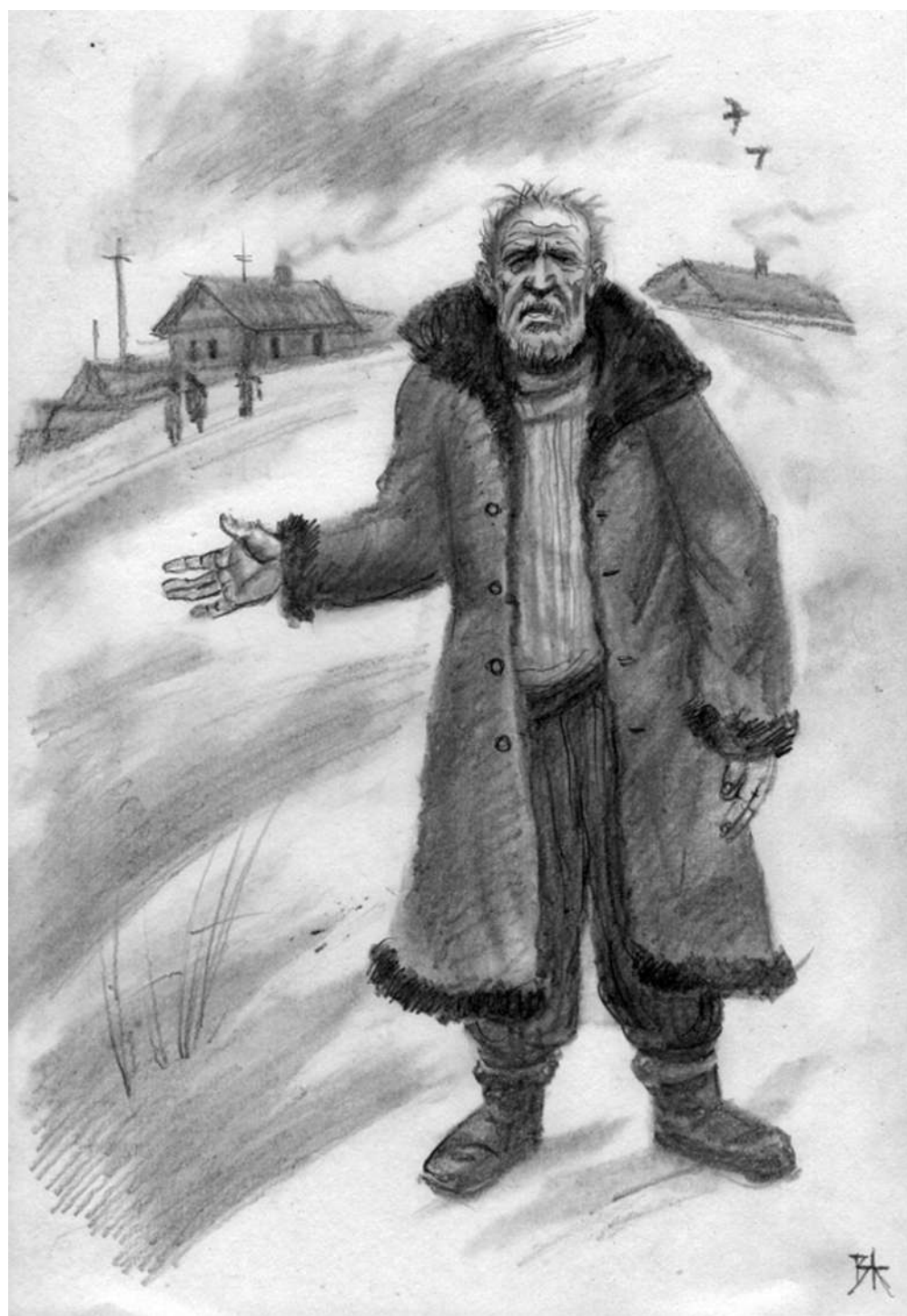


Рисунок Вадима ЖУКОВА

Вечером Кант беззубо улыбался соседям:
— Войны не вышло, пронесло. Можно будет еще одну ночь на звезды смотреть и совесть свою баюкать.
— Чтоб тебя самого пронесло с твоей дурацкой философией!
На завтра была война, а Кант ночью помер.

НЕ ГЕРОЙ

Дед Петр завсегда баньку сам протапливал и первым пар принимал. А потом, уже за столом, ждал, когда вся его большая семья перемоеется. И пока ждал, чекушечку приговаривал, закусывая домашними пельменями.

— Петр Иванович, — подсел как-то к нему правнук Пашка, — а расскажи хоть нам, как воевал-то на фронтах, как фашиста бил? Интересно же.

— А чего интересно-то? Ничего тут интересного нету. Воевал, и всё.

— Ну уж и нету? — недоверчиво покосился на прадеда внучек. — Всю войну прошел — и нету?

— Не ерой я, Пашка, не ерой, — отмахнулся дед Петр от пацана и замолчал.

Всю войну Петр шоферил. Сначала из Риги вывозил какие-то документы, потом доставлял подкрепление на передовую, назад — раненых. В блокаду полуторку по озеру туда-обратно гонял. В Ленинград всё больше муку с медикаментами, а оттуда — детишек полуобморочных да женщин-дистрофичек. Тонул пару раз да замерзал на ветру без счета, но Бог миловал. Потом до Варшавы доехал, всё со снарядами да патронами. А там и осколочное получил в легкое, ну и домой подчистую. Что тут особенного?

— Ну как же — не герой? — не отставал Пашка. — Вон у тебя и медали есть. А их же не за просто так давали.

— Давали и давали, — нахмурился ветеран. — Всем давали, на то и война. А я не ерой, всё время за баранкой.

— И чего? И не стрелял, что ли? Скажи еще, что и ни одного нацика не замочил.

— А когда стрелять, если то за баранкой, то под капотом? Руки-то заняты, да и мысли про другое: как бы доехать до места и чтоб живые все были, а машина цела. Мое-то оружие — руль, его крепко держать назначено, а с ружьем-то да пистолетом другие бегали. Я им снаряды да патроны с гранатами возил, чтоб они в атаку не пустыми ходили. Привез, сгрузил и назад, за следующей партией, а попутно раненых до госпиталя. Мне некогда в разведку было ходить. Каждому свое.

— Тю, — разочарованно выдохнул пацан и вышел из-за стола.

— Я ж говорил, что не ерой, — опрокинул в себя граненый стакан дед Петр, занюхал кусочком черного хлеба и отправился спать.

ЗВЕЗДАНУТЫЙ

*Посвящается липецкому писателю
Александру Пономарёву*

На Хасавюртовском рынке всегда многолюдно. Война войной, а витамины и федералам нужны. Две пары рук одновременно схватились за последний арбуз.

— Как делить будем? — напрягся поджарый капитан в камуфляже.

— Разыграем на спичках, — улыбнулся коренастый майор.

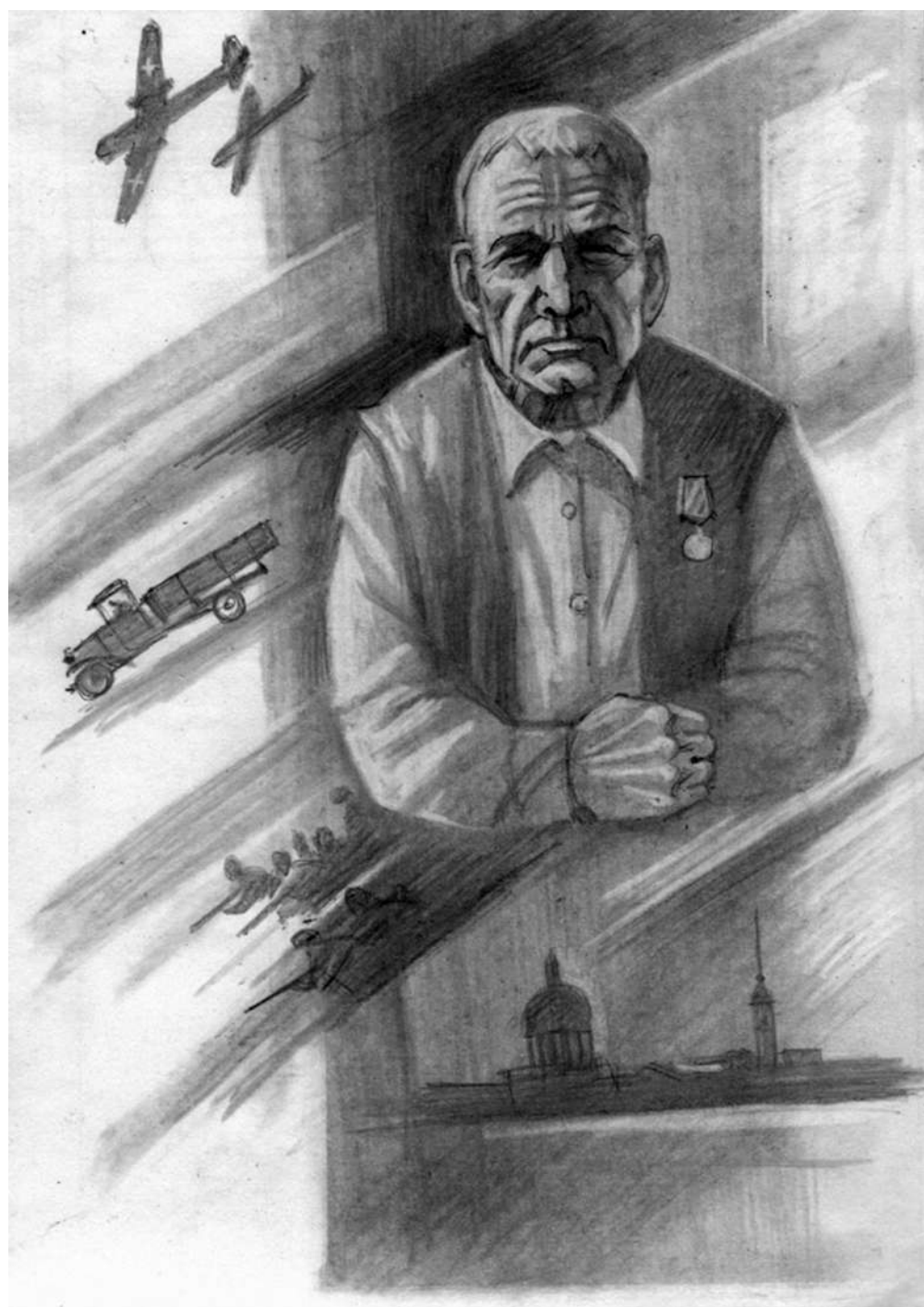


Рисунок Вадима ЖУКОВА

- Откуда?
- Из Липецка.
- А я из Магадана. Глаза у тебя странные, зрачки — будто звездочки.
- Мать говорила, звездопад был, когда рожала, вот и залетели.
- Везунчик, наверное.
- А то! — вытянул короткую спичку липчанин.

Этот разбитый дом у дороги выглядел подозрительно. Майор незаметно подполз к стене, присел на корточки, осторожно потянулся к проему окна, заглянул и тут же ощутил холод металла на переносице. «Хана!» — пронеслось в голове.

— Привет, звезданутый, — дуло автомата резко ушло в сторону. — Повезло тебе, такие глаза не забываются.

ГРАНИЦА

Медведица всю весну и добрую половину лета с любопытством наблюдала за появившимся здесь человеком, который каждый день приходил к узкой речушке, что служила границей между ее владениями и территорией двуногих.

Человеку приглянулось это место. От деревни сюда вела едва заметная тропка, пробегавшая через густой северный ельник. Сначала он наладил мосток через речку, а потом поставил заимку. И вот наступил день, когда человек перешел границу. Он прогулялся вдоль болотца, собрал лукошко морошки и, напевая: «Не кочегары мы, не плотники», вернулся на свою территорию.

Ночью медведица вступила во владения человека. Она обошла заимку, обнюхала стены, завалила край поленицы, вытащила из угла мешок с лыком и уволокла его с собой.

Через неделю человек принес из леса две корзины грибов. В ту же ночь медведица разрыла в огороде около заимки грядку моркови.

В середине августа в силки, расставленные вдоль опушки, попало сразу несколько рябчиков и один глупый заяц. Под утро косолапая разорила пасеку и разорвала мелкую собачонку, в ужасе дрожавшую под одним из ульев.

В начале осени в лесу раздался жалобный плач медвежонка, угодившего в капкан, а вслед ему отчаянный медвежий рев, перешедший через какое-то время в угрожающий рык.

Вечером человек за столом снаряжал патроны. В окно он видел, как на пороге заимки его девятилетний сын мастерил лук.

Медведица, тяжело ступая могучими лапами, шла к охотничьему дому.

ЛЁГКИЙ ВЕТЕР

Он стоял спиной к морю, облокотившись на парапет, и рассеянно рассматривал публику, праздно гуляющую по набережной. Его вьющиеся рыжеватые волосы шевелились под дуновением бриза.

Чуть в сторонке загорелая девушка печально всматривалась в набегавшие волны. Золотистая коса поблескивала в лучах притомившегося солнца. У ее ног сидел белый лабрадор и сквозь балюстраду смотрел на море. У горизонта акульным плавником темнел силуэт парусника.

— Вальяжная, однако, тут публика, — произнес мужчина и небрежно бросил в урну окурки.

— А какая она еще может быть у такого ленивого моря... — прозвучал в ответ ее бархатный голос.

Он повернулся в сторону девушки, и они улыбнулись друг другу. Собака дружелюбно подошла к незнакомцу и ткнулась носом в его руку. Ласковый ветер донес с гор пряный запах лаванды.

Закатное южное светило с лицом купидона озорно подмигнуло морю и скатилось в его объятия.

ТЮРЬМА

В аэропорту Шереметьево Санеев вызвал «Яндекс Такси» и, положив сумку на заднее сиденье, устроился впереди рядом с водителем.

— Рублевку хорошо знаешь? — обратился он к шоферу. — Покатать меня по ней сможешь?

— Знаю немного, — тронулся в путь таксист. — Да вы не волнуйтесь, навигатор подскажет, если что.

Санеев Москву посещал не часто, а уж на Рублевке и вовсе не бывал с того момента, как родители надумали перебраться в Краснодарский край. Ему тогда одиннадцать только исполнилось. А сейчас уже семьдесят два стукнуло, целая жизнь прошла. Что в памяти у Санеева осталось: деревянные дома вдоль улицы, на которой они жили, да зона, по забору обнесенная колючей проволокой, и сторожевые вышки по бокам. Вот эта зона и снилась Санееву последнее время, будто гонит он на своем «орленке» вдоль высокого забора, а он всё никак не кончается. Он и в детстве не кончался, когда пацаны устраивали велосипедные догонялки на двадцать копеек.

Такси больше часа кружило по улицам Рублевки, а четырехметровые заборы всё тянулись и тянулись в бесконечность. Только вместо сторожевых вышек тут и там мелькали камеры видеонаблюдения.

— Сплошная тюрьма, — тяжело вздохнул Санеев и повернулся к водителю. — Давай обратно в Шереметьево, я лучше в аэропорту посижу, там хоть люди кругом. А тут только сплошной забор и ни одного живого человека. Сами себя на зону отправили.

СЧАСТЬЕ

Лето. Пора сенокоса, ягод, первых грибов, теплых проливных дождей, трясогузок и жаворонков.

Я валяюсь на лежанке с закрытыми глазами и слушаю мелодию раннего утра. Мне уютно и легко. На лице ощущаю какую-то глупую мечтательную полуулыбку — наверное, счастья.

Со двора доносится петушина побудка Петра Петровича. Бабушка Маня гремит внизу посудой и ухватом, то закроет заслонкой печное устье, то откроет, выпуская оттуда поток духмяного воздуха. Завтрак готовит для большой семьи. Ходит туда-сюда по кухне, что-то нашептывая себе под нос, — то ли ругает кого, то ли приговаривает. А то вдруг тихонечко запоем, слов не уловить.

Куплет пропоет — и опять бормочет, мои уши щекочет. Скрипят время от времени сенные двери, выпуская бабушку в кладовку по муку да по яички. Недовольно взвизгивает люк подпола, и охают ступеньки, когда бабушка Маня грузно спускается за маслом и сметаной, а заодно и квашеной капусткой деду на завтрак, любит он ее больно.

Где-то за печкой шебуршится мышка, но кот Матвей и глазом не ведет. Вернулся с ночной охоты, залез на лежанку, вытянулся рядом со мной и мурчит чего-то там себе сквозь сон.

Бабушка Маня в очередной раз отодвигает заслонку, стучит ухватом, и кухня наполняется запахом свежеевыпеченного хлеба.

Меня не надо будить. Я сам спускаюсь с печи и жду свою порцию счастья. Ждет ее и кот Матвей, ласкаясь о бабушкины ноги.

— Доброе утро, ба.

— Доброе, доброе, внучок, — бабушка наливает мне большую кружку парного молока. — С полчаса всего как от коровы.

Потом отрезает здоровый ломоть горячего хлеба, и я, всё с той же блаженной полуулыбкой, выхожу во двор и жмурюсь на утреннее солнышко.

Петр Петрович важно проходит возле меня, чуть кося взглядом на хлебную краюху. Кусочек мякиша летит ему вслед.

Со стороны баньки доносятся лязгающие звуки. Это дед набивает косы, скоро на делянку. Я иду к нему босой по огородной тропке, жую теплый хлеб и запиваю его таким же теплым молоком.

— Доброе утро, дед, — сажусь на завалинку у слегка покосившейся старенькой баньки.

— Здоров, внук, — откликается дед Петя, продолжая свое важное дело.

Я сижу, ем, смотрю на ладную работу деда и втягиваю в себя крапивно-малиновый воздух, замешанный на лыковом запахе, струящемся из предбанника. Мне ужасно хорошо.

Скоро баба Маня позовет завтракать.

И вот уже на столе пышут блины и оладушки, шкварчит яичница, в котелке разваливается на кусочки вареная картошка, обильно посыпанная укропом и сдобренная сливочным маслом, разложены пучки зеленого лука, редис и свеженькие огурчики. Перед дедом глубокая тарелка квашеной капусты, на середине стола пытит самовар, а по краям стоят крынки с Зорькиным молоком.

Потом сенокос. Отец в потной рубахе, сноровисто машущий литовкой вслед деду Пете, мама в сбившейся косынке с граблями в руках, смеющаяся тетя Галя, раскидывающая траву для просушки, и озорник Пашка, подбрасывающий ужонка к ногам трусихи Ольги.

В обед пьянящий дух собранной на опушке земляники и хлебный вкус домашнего кваса, а поздним вечером игра в лото всей семьей по копеечке, печальный звук соседской гармонии деда Игната, задорный смех парней за воротами и звонкие девчачьи голоса, складно перепевающие какую-то эстрадную певичку. Перед сном кружка свежего молока и кусок теплого бабушкиного хлеба — не простыл и за день, а может, мне это просто кажется. И звёзды, звёзды, звёзды...

Сон наступает мгновенно, лишь только голова тонет в пуховой подушке. Глупая полуулыбка счастья и ночью не сходит с лица.

ЮБИЛЕЙ

Харитоныч всю жизнь в школе. Без малого пятьдесят лет от звонка до звонка. Сколько учеников выпустил, и не счесть. А перед самым юбилеем, всего-то за месяц, плюнул на всё и уволился. Не смог больше этими идиотскими реформами насыщаться, перекушался. Пенсию льготную, слава богу, еще лет двадцать назад заработал, ну и спасибо на том. Правда, деньги аховые, но огород есть, куры есть — проживет.

— Ань, не пора ли комнату для подарков освобождать, юбилей скоро? — шутил Харитоныч недели за две до знаменательной даты.

— Я тебе и две освобожу, дай только команду, — улыбалась мужу Анна. За неделю до праздника Харитоныч стал волноваться:

— Что-то из школы ничего нет, ни приглашений каких, ни звонков. Из клуба тоже молчат. А я ж у них туркружок двадцать пять лет вел. Ну и в избиркомке почти столько же бессменно. В самодеятельности вот так до сих пор состою.

— Ты еще про районное начальство забыл, — подзуживала Харитоныча супруга.

— Эти меня не трогают. У них своя жизнь, у меня своя. А вот наши, считай, что родня, столько лет бок о бок.

— Позвонят еще, не переживай, — поглаживала мужнины плечи Анна.

— Представляешь, Ань, каждый день в магазин хожу, то директора встречу, то завучей. Здравоваемся, и всё. И Петровна, завклубом, ни гу-гу, — за три дня до даты жаловался Харитоныч.

— Позовут, Саш, никуда не денутся. Сюрпризом хотят, видать, порадовать, вот и молчат до поры до времени.

Вечером перед юбилеем Харитоныч поставил на стол бутылку коньяка.

— Ты чего это? — настороженно посмотрела на него Анна. — Не рано ли? Праздник-то завтра.

— Не пригласят меня никуда. Забыли. Уволился, и тут же забыли начисто, вычеркнули из своей памяти, будто и не было меня. Вроде как и из жизни тоже исключили, — налил себе стопку Харитоныч. — Дети-то хоть приедут?

— Приедут, — тяжело вздохнув, вытерла руки о фартук супруга, подсаживаясь к столу. — И мне налей.

Дети приехали с утра и внуков с собой привезли. Суета, гвалт, поцелуи и объятия несколько взбодрили Харитоныча и вывели его из печального состояния. Вечером дом наполнился соседями и друзьями. Харитоныч улыбался, слушал здравицы, принимал подарки, но глаза оставались грустными. И вот уже совсем поздно, когда праздник подходил к концу, раздался телефонный звонок.

— Спасибо, Варенька, спасибо, моя золотая. И тебе всего самого доброго, — расплакался к концу разговора Харитоныч.

— Что такое, что случилось, папа? — обеспокоились дети, глядя на плачущего отца.

— Поздравили всё-таки. Не забыли, — вытирал ладонью счастливые слезы Харитоныч. — Варенька поздравила, Смирнова, с двойки на тройку которая. Не забыли.

ВЕРБА

Лети на свет!

Золотая

Золотая ты моя, моя бедная,
На обиду и вражду безответная.
Всюду — темень да грабёж, и в небе вороны,
А ты свет свой раздаёшь на все стороны...

Золотая ты моя, красна девица,
Светом-золотом своим щедро делишься.
На чужие беды плачешь-откликаешься,
А свои печали прячешь — не каешься.

Золотая ты моя, бестолковая,
Голубиная душа, родниковая,
Сохрани, не трать одну монетку медную —
Будет, что в нужде отдать сердцу бедному!

Мир

Мир случится в обычный день,
В беспорядочной суете...
Марш победный взорвёт эфир —
И на свете настанет мир.

ВЕРБА (АРТЮХОВИЧ Юлия Васильевна) — поэт, прозаик, член Союза писателей России, доктор философских наук, профессор, руководитель Клуба друзей журнала «Отчий край». Родилась в 1955 году. Живет в Волгограде. Автор двенадцати книг стихов и прозы. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Российский колокол», «Отчий край» и др. Награждена медалью имени В. М. Шукшина, почетной грамотой губернатора Волгоградской области (2021). Лауреат литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2020, 2023, 2024, 2025), Государственной премии Волгоградской области (2021), Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2024), международных поэтических конкурсов и фестивалей «Союзники-8», «Поэзия без границ» и др. Дипломант премии «Литературной газеты» имени Антона Дельвига «За верность Слову и Отечеству» (2022), Российской литературной премии «Писатель года» по версии журнала «Российский колокол» (2023), Международной литературной премии «ДИАС» (2024) и др.

Мир случится, когда не ждёшь:
Он прольётся, как тёплый дождь,
Смоет кровь и остудит боль,
И растопит на веках соль.
Марш победный не заглушить!
Мы смогли. Значит — будем жить!

Золотые крошки

Детская песенка

Если в сумрачные дни
Буйный ветер веет,
Руки к солнцу протяни —
Пусть оно согреет.
Если солнце не встаёт,
Прячется за тучи,
Всё равно иди вперёд —
Скоро станет лучше.

Только время не тани,
Выйдя на дорогу,
И случайные огни
Не зови в подмогу,
Не спеши под вечер в путь —
Ночью света мало:
Солнцу нужно отдохнуть,
Ведь оно устало!

Утром выйдут за порог
И увидят люди
Солнце — золотой пирог
На лазурном блюде.
Рассыпаются в руках
Золотые крошки —
Гладят солнце в облаках
Тёплые ладошки.

Как по клавишам...

Жизнь — игра, а игроки неумелые.
Но упорно, с колыбели до кладбища,
Все играют в свою жизнь чёрно-белую,
Как по клавишам, — с листа. Как по клавишам...

А успех в игре доступен не каждому:
Неудачник обречён вечно мучиться.
Он играет в жизнь краплёными картами
И по клавишам стучит — как получится.

Честный труженик усердно старается
И успеха достигает терпением:
Вверх по жизни постепенно взбирается,
Как по клавишам, — с крутыми ступенями.

Но искусство без таланта — пародия.
Лишь таланты всех волнуют и радуют,
И по клавишам летят их мелодии —
Выше неба, выше звёзд, выше радуги.

* * *

В дни, когда не до любви и не до смеха,
В сердце — полный мрак,
Будто жизнь твоя — огромная прореха,
Чёрная дыра.
В ней закончились мечты и песни спеты,
Дни проходят зря.
Будто выдала судьба тебе билеты
На последний ряд:
От чужого пирога сухие крохи,
Крайние места.
Если в школе жизни ты учился плохо,
То тебе — сюда.

Только в тёмных закоулках мирозданий
На краю земли
Никогда не принимайте оправданий:
«Карты так легли».
Оправдания смешны и несерьёзны:
Просто карты врут.
Никогда не будет рано или поздно
Изменить маршрут.
Если не тебе сияют с неба звёзды
И туман в глазах,
Никогда не будет рано или поздно
Дать по тормозам.

Лети на свет!

Пусть скажут, что ты устал,
Не хватит сил,
Что никогда не летал,
Ведь ты бескрыл.

Пусть скажут, что в мир мечты
Закрыта дверь,
Что не достичь высоты,
Но ты не верь.

Пусть в небе твоём темно
И солнца нет.
А ты лети всё равно —
Лети на свет!

Владимир ГОЛУБЕВ

Деревянный танк

(Продолжение. Начало в № 2 за 2025 год)

Глава 7. ЛЕСА

...Держаться русской пословицы:
убить да уйти — вот сущность
тактической обязанности партизана.
Мой противник этого не ведал,
и потому мне легко было с ним управиться.

*Денис Давыдов (1784—1839),
командир партизанского движения
во время Отечественной войны 1812 года,
генерал-лейтенант, поэт*

В лагерь разведчики успели как раз вовремя: он весь гудел, как потревоженный улей, — бойцы укладывали в дорогу вещи и оружие. Доложив комиссару о том, как прошла разведка (командир до сих пор так и не вернулся), и слегка перекусив, они вместе с другими красноармейцами без перекура

ГОЛУБЕВ Владимир Михайлович — прозаик, фольклорист, член Союза писателей России, кандидат юридических наук. Родился в 1965 году. Живет в деревне Каменке Серпуховского района Московской области. Окончил исторический факультет Московского педагогического университета. Служил старшим следователем следственного отдела Серпуховского УВД, следователем по особо важным делам Серпуховской горпрокуратуры. Учился на факультете правоведения Юридического института МВД РФ. Писательскую деятельность начал в 1992 году, первая публикация была в журнале «Юность» (2007). Автор книг «Сказки Малеевского леса» (2008), «Асины сказки» (2010), «Тешиловская русалка», «Зибровский водяной» (2014), «Лесовик и метелица» (2014), «Сказы Матушки Оки» (2018), «Забытый рубеж» (2019) и др. Лауреат Общественной литературной премии имени П. П. Бажова (2022), Российской литературной премии (2023), литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2024).

двинулись вглубь здешних лесов подальше от полей и дорог. Вновь бойцы на себе тащили мешки с провизией и боеприпасы, только теперь за весь отряд. Оттого шли медленно. Принявший на себя командование помощник командира Ефременко не спускал глаз с еле-еле плетущихся солдат, время от времени голосил:

— Я вам кину, ироды! Шо буде исты у лагерю!

В темноте кое-как, чертыхаясь про себя и ругаясь на чем свет стоит, добрались до искомой глухомани. Куда ни кинь, завал на завале, пройти невозможно ни конному, ни даже пешему, с первого раза не разобраться. В молодом ельнике бойцы нарубили колючих еловых лап, после извели под ноль подлесок и стали в темноте ладить шалаши для всего отряда.

Ближе к полночи наконец-то подоспел отряд командира. К счастью, у них обошлось без потерь. Впервые после перехода линии фронта спецотряд НКВД собрался в полном составе...

* * *

Вскоре в шалаш, где ночевали Петровский и Елфимов, ввалился еле переставляющий ноги Клим Мироненко и немедленно рухнул на ложе из веток:

— Братцы, я спать.

Кто-то спросил:

— Ну как повоевали?

Клим нехотя пробурчал:

— Дайте срочно закурить, а то мои все напрочь сырые, тогда расскажу. Как говорится, порядок в НКВД.

Ему протянули папиросу, и рядом засветился огонек зажигалки. Мироненко не спеша прикурил, пуская дым вверх, сбросил пепел прямо на соседа, огляделся. Но шалаш погрузился в тишину, изредка лишь кто-то кашлял, и явственно слышалось, как шипит, сгорая, бумага на папироске.

— Что за вонючие папиросы? — недовольно прокашлявшись, заурчал Клим. — Отравить меня хотите, мать вашу, шпионы-вредители?

— Так это ж «Комсомолка», бабуля дала в дорогу! А девицы, сам знаешь, стали какие серьезные, на хромой козе не подъедешь, да если еще и в платье из модного крепдешина! К себе без патефона и духов не подпустят.

Бойцы засмеялись. Клим тоже заулыбался:

— Дык второй сорт твоя девчонка. Может, еще твою «Комсомолку» «Красной Москвой» побрызгать — не жирно будет?

— Не жадничай!

— А твоя бабуля, видать, из бывших, вот и внучка красноармейца угробить хочет, коли такие папиросы дала.

— У меня есть «Путіна», они половчее. Будешь? — другой веселый голос из темноты предложил страдальцу.

— А что ж ты, Серега, молчал, давай радость пролетария. Как щас помню, на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке гулял я в обнимку со знакомой Клавой, искал, так сказать, потемнее уголок, чтобы любопытных пешеходов было поменьше и ее, значит, половчее к своему горячему сердцу прижать, и там на аллее подле фонтана плакат висел: «Курите папиросы

„Путина“!» Так еще хорошо, что не дорогие они: по рублю пачка, а не по два, как за славный «Беломорканал».

Из дальнего угла зашипели:

— Клим, не томи, сказывай, а то и так скоро все перейдем на махорку.

— Так и быть, расскажу. Значит, так, прибыли мы в деревушку и ясно видим: немцев в деревне нема, а колхозники сообщили, что эти паскуды то и дело наезжают туда, но нам не попались. Тогда мы залегли в засаду, подле лесной гравийки, ну, думаем, сейчас кого-нибудь накроем. Смотрим, едет не спеша в нашу сторону мотоцикл с двумя фрицами. Они, того, по сторонам глядят, будто высматривают кого. Ну, мы, значит, прицелились, ждем, когда они поближе окажутся. Да тут, как назло, кто-то из наших желторотых птенчиков погорячился и давай палить из самозарядной винтовки без приказа.

Рассказчик замолк на самом интересном месте.

— Дальше-то что? — нервно спросили героя вечера.

— Ушли, гады, развернулись прямо на ходу и дали чеса от нас. Так-то, юнцы необстрелянные, нельзя стрелять без команды: страшно, а всё равно терпи, хоть зубами скрипи. Но это не всё. Не прошло и часа, как на нас со всей дури навалились фашисты. Вернулось их, думаю, под сотню, ну, может, не под сотню, но пару взводов точно. Устроили по нам пальбу. Их пулемет как застрекотал, так головы от земли не оторвешь, только ветки на голову сыплются мелкой стружкой. Мы, правда, тоже не лопухи какие, принялись отстреливаться, а после отошли вглубь леса. Решили в чаще дух перевести, да и спать была охота, аж глаза слипались. Да вот только недолго я дремал под сосной. Выходит к нам один мужичок-простачок, видать, его фашисты подослали разведать, кто такие в здешнем лесу объявились. Говорит, я, мол, дров пришел нарубить, но любому дураку видно, что врет, собака, а сам всё глазенками хитрыми по сторонам зырит: что у нас за оружие да сколь нас народу в пуще-то прячется.

Клим умолк и стал ворочаться, словно укладывается спать. Кто-то спросил, запинаясь:

— И что вы с ним, ну, как сказать, сотворили?

— Согласно приказу шпиона расстреляли. Порядок в НКВД!

— Весело, однако.

— Весело не весело, а война на дворе. Мы их или они нас, вот и вся премудрость. На вас еще диверсантов-предателей тоже хватит, готовьтесь. А теперь я спать, чего и вам всем желаю.

Петровский не удержался, спросил:

— А как же милосердие к человеку, Клим? Может, он вовсе и не шпион, а вправду пришел за дровами? Этот мужик хоть признался, что работает на врагов?

— Милосердие, жалость — это глупые буржуазные предрассудки, боец Петровский. А признание нам некогда было выбивать из него, да и у нас тут газеты нет, чтобы потом об этот печатать в передовицах.

— Выходит тогда, всё можно? Нацепил форму и всех, кого в чем-то подозреваешь, пускай в расход...

— Нет, парень, так дело не пойдет. Тут-то начинается наша работенка, то есть партии большевиков, комсомола и недремлющего ока государства — НКВД. Чуть кто не туда — бац по рукам, или могут даже ствол к голове приставить, во как! Не вылазь из стойла! Заруби себе на носу: мы с тобой

у советского человека в башке вместо совести, не зря я вам изо дня в день твержу, бестолковым дуракам, мать вашу, — порядок в НКВД!

— Запутался я с вами, товарищ Мироненко.

— Так, хорошо! Перемелется — мука будет, а теперь давай-ка лучше дрыхнуть, утро вечера мудренее.

В шалаше совсем все замолкли, единственно, как назло, кто-то раскашлялся и сразу закурил. Укладываясь, бойцы без остановки ворочались и, засыпая, припоминали далекий, но такой милый дом. Жизнь продолжалась.

* * *

В ночь на 29 октября ударил крепкий мороз. Всё вокруг покрылось инеем, и под ногами хрустело от каждого шага. Оттого бойцы спали плохо, урывками, чтобы хоть как-то согреться, приходилось подниматься и сучить ногами, или хоть в пляс иди, лишь бы согреться. Командиры решили дать красноармейцам передышку и провести весь день в лагере, обустроиться и по возможности высушить одежду. Но всё равно выслали разведчиков в разные стороны — искать фашистов.

— Всё против нас: то дожди, то морозы, — забубнил Петровский. Ему этой ночью приснилась Арвиль. Во сне она напрочь позабыла своего ухажера и под гудки паровозов и дрезин уезжала на свистящем локомотиве куда-то в туманную даль со знакомого Курского вокзала, в окружении галантных военных...

— А мне всё едино, что дождь, что ветер. Что сегодня будет, то будет, — ответил Аркадий и продолжил что-то писать в тонкую тетрадь.

— Фаталист ты, Елфимов.

— Есть такое дело, только ты малопонятными словами-то не бросайся, мы тут не одни, сам понимаешь, время какое.

— Понял. Ты чего пишешь-то?

— Да письмишко домой, вдруг выдастся какая оказия переправить почту к нашим, а у меня уже готово письмецо. Родители у меня в Москве, совсем старики. Как они там?..

— А мне-то и писать некому, я ж детдомовский, позабыл?

— Да, помню. А та девушка?

— Арвиль? Так мы вот только виделись перед отправкой.

— Интересное имя у нее. Что оно означает, ты случаем не знаешь? Или какое иностранное?

— Да, с ее именем имеется целая забавная история. Понимаешь, батя у нее настоящий красный генерал, кадровый военный, в Гражданскую войну бок о бок с самим Фрунзе воевал, вот и назвал дочку, она как раз в феврале родилась — Армия Владимира Ильича Ленина. То есть — Арвиль.

— Теперь понятно, а то я уж думал: точно шведка или немка какая. У нас, знаешь, тоже в классе учились Октябрина Сидоркина и Ледав Масленников, то есть Лев Давидыч. Еще помнишь, чье это имя-отчество, или вам уже в школе про «вождя победоносной Красной армии» не рассказывали?

— Как Троцкого позабудешь... Нам о нем учитель в детском доме рассказывал, мол, соратник самого Ленина, устроитель Красной армии. Правда, потом скатился до террора против товарища Кирова.

— Всё понятно, а я застал другие времена и скажу тебе по секрету, что не зря октябрьское восстание в Петрограде было назначено на 25 октября 1917 года, — как подарок Льву Давидычу к дню рождения. Так-то, запомни, комсомолец.

— Вот так дела, не знал!

— Потихонечко ты, с тобой точно угодишь на Лубянку, только в качестве не будем говорить кого. Так вот я о чем. Правда, моему однокласснику Ледавичику пришлось имечко-то менять, родители настояли, так он стал благородным Лориксом.

— Вот так имя! А что обозначает?

— Кажется, если не путаю: «Ленин, Октябрьская революция, индустриализация, коллективизация, социализм».

— Вот так да!

— А ты, видимо (если, конечно, выживешь в этой мясорубке), станешь генеральским зятем, повезло тебе.

— Да, Арвиль — прекрасная девушка, и я был бы счастлив навсегда оказаться рядом с ней. Но кто я? Безотцовщина, как раньше у нас в селе говорили — голь перекатная. Думаю, ее семья не очень рада нашему знакомству.

Аркадий как-то загадочно ухмыльнулся:

— Эх, лапти мои, лапти строченые! Сам посуди, случаются вот такие, даже не знаю, как сказать, — непростые времена, когда сиротой оказывается на самом деле-то быть совсем неплохо, ну хотя бы не угодишь в лагерь как член семьи врага народа, и не нужно прятать свое происхождение. Нет за человеком шлейфа его близкой и дальней родни, особенно если он из дворян или попов, я уж не говорю про белых офицеров или капиталистов.

— Тогда буду считать, что мне повезло. У нас в детдоме пацаны болтали: «Фарт, если уже он пришел, его ничем не перешибешь». Оно, может, и правда так, только мне не верится, что я везунчик. Смотри, кругом война. Может, меня завтра убьют. Хорошо, если в землю закопают, а не бросят под кустом. А потом, ты видел, какая она красotka, да еще учится на переводчика с английского и немецкого языков, а я простой красноармеец... Наверное, вскорости позабудет она меня, но коль такое случится, всё равно ее частица навсегда останется во мне.

— Оттого я и не загадываю про свое будущее. Что будет, то будет, — Елфимов вдруг серьезно добавил: — Да еще могу тебе пообещать: если тебя убьют или там ранят, я не оставлю тебя под кустом, не печалься, сирота казанская.

— Я тоже даю зарок, что тебя не брошу. Слово беспризорника крепче стального затвора.

* * *

День и следующая ночь в отряде прошли спокойно, мороз немного спал, и вновь вслед за морозной дымкой потянулись туманы и тучи. А вот утром прошел дождь, и оказалось, что, несмотря на все старания солдат, шалаши мало защищают от влаги. К собачьему холоду добавилась невыносимая сырость, запросто пробирающая до костей даже через двойное нижнее белье.

Комиссар Бабукин, видя, что воинский дух в спецотряде катастрофически падает, проворно созвал общее собрание и принялся твердить о дисциплине

и организованности в подразделении, о грядущих боевых заданиях, а членов ВКП(б) и комсомольцев оставил еще для отдельного разговора.

После обеда всухомятку, что уже стала привычной, три группы бойцов вышли из лагеря в разных направлениях. Первые на двое суток ушли в сторону Старой Калужской дороги, по которой в памятном 1812 году на Москву шала разноголосая и разноплеменная армия самого императора французов Наполеона. Следом восемь бойцов отправились к Высокиничам и деревням Семкино и Макарово. А третья группа, под командованием Клима Мироненко, повторно нацелилась в сторону Троянова, чтобы отследить обозы противника и попробовать уточнить местонахождение зенитной батареи.

Петровский и Елфимов оказались в последнем отряде в качестве проводников. В сумерки они подвели группу к Троянову, а затем проследовали к деревне Семкино. Они обошли ее огородами. Вокруг оказалось тихо, лишь только в нескольких окнах крестьянских изб едва теплился огонек, а еще меж домов темнела то ли маленькая кирпичная церковь, то ли часовня. Затаившись на опушке, Клим глянул на своих бойцов:

— Кто добровольно готов сходить в деревню и выяснить обстановку?

Все хранили молчание. Недолго раздумывая, вызвался Андрей:

— Я готов, только дайте мне «дегтярева», если чего, из него лучше отстреливаться, чем из СВТ.

— Получишь пулемет, а прикрывать тебя станет еще один любитель Чехова Елфимов.

— Есть.

— Молодцы, задача вам ясна?

Петровский всадил диск в холодный ППД, почувствовав от этого невероятную уверенность в своих силах, проверил гранаты и улыбнулся, словно пацан заполучил любимые игрушки:

— Так точно.

— Двое останутся вас дожидаться здесь, остальные со мной пойдут на край деревни, к дороге, и в случае, если неожиданно нарисуются фашисты, мы их попробуем задержать, пока вы будете удирать в лес. В случае боя свидимся здесь или под селцом Трояново, где перекуривали. Всем задача ясна? Повторить не стоит? Порядок в НКВД!

Бойцы закивали и разошлись. Елфимов и Петровский поспешили в деревню, пригибаясь и прячась за кусты и деревья. Вокруг всё словно вымерло, даже вездесущих дворняг не было слышно, только где-то на ветру пронзительно скрипела то ли калитка, то ли открытая форточка. Солдаты проскочили мимо двух домов с густыми кустами сирени, где окна не светились. В третьей от края деревни избе едва-едва пробивался свет в занавешенном окошке. Андрей подкрался и заглянул вовнутрь дома.

В небольшой горнице подле печи сидела женщина и при свете лучины что-то вязала. Под потолком висела люлька, а с лежанки беленой русской печи торчали детские ножки. Она подняла голову, словно почувствовала на себе чужой взгляд, вдруг встала и осмотрелась. Андрей отступил в сторону, а когда вернулся, то хозяйка, уже прихватив ухват, подошла к печке, открыла заслонку, и тут же всё осветилось ярким светом от дров, пылающих в печи. Женщина рогачом повернула чугунок, вновь закрыла заслонку, смахнула нагар с лучины и села дальше вязать.

Петровский слегка постучал по стеклу. Женщина с испугом повернула голову, поднялась и подошла к окну.

— Кто там?

— Свои, не бойтесь.

— Щас отворю.

Хозяйка испуганно посмотрела на детей, накинула платок и какой-то старый кожух и пошла к двери. Андрей повернулся, стал глазами искать напарника. Елфимов, постоянно оглядываясь, стоял около стены оштукатуренного сарая, прячась за телегу и не выпуская пистолет-пулемет из рук.

— Будь здесь, Аркадий, если чего — помяukai.

— Ладно, иди, но недолго, а я постою на углу дома.

Петровский прошел к двери. Вскоре засов заскрипел и на пороге показалась хозяйка.

— Вы кто, беженец?

— Да нет, мы свои, советские партизаны. Немцы есть в деревне?

— Были сегодня с утра, но уехали. Зайдите, что ли, в избу, только тихо, детей не пугайте.

Они прошли в натопленный дом. Присев на лавку в прибранной горнице, Андрей с грустью припомнил родительскую обитель.

— Ну и как вы здесь живете, так сказать, при немцах?

— Ужасно: муж в армии с августа месяца, я тут совсем одна бьюсь с тремя детьми. Сегодня всех баб из нашей деревни угнали в Воронино копать картофель, оставшийся в полях, а перед этим всю скотину в деревне перерезали. А меня вот оставили дома из-за младшенького, Петеньки, вон он спит в люльке.

— А что там, в Воронине, много немцев?

— Видимо-невидимо, кто ж их считал, чай, не ягнята. Наши говорят, цельная дивизия, даже есть пушки. Сосед перевозил на подводе туши в Воронино и сказывал, что в Троянове, Тростье и Покрове весь день были немцы с собаками — партизан выискивали. Перед этим на дороге кто-то устроил пустую пальбу, вот они и обозлились, хорошо хоть пока никого в отместку не расстреляли. Молва идет, что они сильно мстят за смертоубийство своих-то, — женщина виновато вздохнула. — Ну а больше я ничего не слыхала, уж не обессудьте. Я ведь дома сижу с детьми. А может, поесть вам собрать? У меня есть картошка с пылу с жару. Что же я сразу не догадалась...

— А больше в деревне ничего не получится выведать о фашистах?

— Сами видите — дома пустые. У нас по избам сидят только дряхлые старики да дети, остальные до сих пор на работах.

— Тогда можно картошечки, да мы пойдем. Отвыкли мы от горячего.

Хозяйка поспешила к печке и вскоре вынесла свернутую кулем рогожку:

— Извиняйте, хлеба нема, как и сала. Всё проклятые германцы забрали, у них, видать, со снабжением совсем беда, почитай, каждый день нас обирают.

— Спасибо за картошку, а сухари у нас есть. Я вот вам оставляю немного.

Андрей высыпал из кармана несколько галет и сухарей.

— И вот еще для детей, — он достал из внутреннего кармана ту самую плитку шоколада — подарок девушки. — Вам он нужнее, чем мне.

— Ой, какое богатство по нынешним временам! Спасибо, у ребятни будет настоящий праздник, — всплеснула руками хозяйка.

— Ну всё, мы пошли, закрывайтесь.

- Спаси вас Бог. Вы уж там, пожалуйста, старайтесь, а то нет от них никакой нам жизни. Москву-то еще не взяли ироды проклятые?
- Стоит матушка-столица.
- Ну и хорошо, а то негоже всё время отступать, негоже.

* * *

Елфимов и Петровский, проглотив по горячей картофелине, выбрались обратно в условленное место на окраине Семкина. Вскоре собралась и вся группа разведчиков. Наскоро перекусив еще чуть теплой картошкой, все собирались в лагерь.

— Всё, возвращаемся, — скомандовал Клим, и разведчики пошли в сторону лагеря.

Петровский нежданно предложил:

— Клим Осипович, постойте, может, еще поищем фашиста, а потом дружно все навалимся на него?

Бойцы остановились и посмотрели на Андрея.

— Петровский, ты приказ слышал? Или тебя в Кремле не научили исполнять приказы? Радуйся, что все живы-здоровы, задание выполнено.

— Но мы же на настоящей войне?

— На войне-то на войне, только сегодня мы разведчики, а не диверсанты. Оставить разговорчики, все за мной. Я нарушать приказ не дам, сами знаете — порядок в НКВД.

— Пошли-пошли, сталинский герой, — зашипел Елфимов и локтем толкнул в ребра ретивого приятеля.

Вечером группа вернулась в лагерь, и Мироненко с Петровским доложили о полученной информации. Бабукин лежал в шалаше прикрытый плащ-палаткой, его знобило.

— Что ж, неплохо, — лейтенант поднес к глазам карту и посветил на нее фонариком. — Выходит, со стороны Воронина готовится главный удар в район деревень Малеево, Екатериновка, а дальше через Новики и Шатово они спокойно выходят в тыл наших войск, стоящих по Протве и Оке, путь на Серпухов свободен, и дальше катись с бубенцами прямо на Москву по Симферопольскому шоссе, как по лондонскому Пикадилли.

Бабукин умолк и стал убирать карту в планшетку. Мироненко, соглашаясь, закачал головой:

— Видимо, так и есть. Разрешите идти, товарищ лейтенант госбезопасности?

— Отдыхайте, не зря вас хвалили, не зря. На таких, как вы, основная опора в нашем отряде, сами видите, народ неподготовленный, их самих еще защищать надо. Ох, ладно, обучимся, всему свое время...

* * *

Следующий день прошел в лагере. Боеприпасы собрали в общую кучу, а после не спеша перераспределили среди бойцов. Из-за постоянной сырости всё нещадно ржавело. Папиросы давно закончились, солдаты перешли

на махорку — теперь крутили козьи ножки из заранее припасенных газет, а когда несколько человек закуривали в шалаше, начинали слезиться глаза от едкого дыма.

Вернулась вторая группа. Немцев на дорогах не обнаружила, только небольшой разъезд. От первой группы сведений не поступало, они как в воду канули.

В шалаш, где сидел Петровский, заглянул комиссар:

— Как устроились, товарищи красноармейцы?

— Нормально, товарищ лейтенант, вот только баньки и танцев в клубе с девушками не хватает, — пошутил Елфимов.

Бойцы заулыбались, и комиссар тоже приветливо растянул губы в улыбке:

— *It is enough to make a cat laugh.*

В шалаше повисла гробовая тишина.

— Так непонятно, товарищ лейтенант, говорите, я в школе немецкий язык учил: гутэн морген — гутэн так*, — ответил Аркадий и посмотрел на Петровского, словно ища защиты.

— Я тоже изучал немецкий в семилетке. Аллес гутэ**.

Бабукин снова усмехнулся и закачал головой:

— Ихь данкэ инэн***! А была, между прочим, английская пословица, дословный перевод ее следующий: «Этого достаточно, чтобы рассмешить кошку».

Петровский усмехнулся и по-дружески толкнул Елфимова:

— По-русски, стало быть, говорится: курам на смех. Так, товарищ лейтенант?

— Молодец Петровский, а вам, Елфимов, скажу так: вот разобьем проклятых фашистов, прогоним их с родной земли, из нашего милого дома, тогда и всласть попаримся, а девушки нас непременно дождутся. Ладно, шутки в сторону, собирайся, Петровский, тут надо покараулить одного непонятного типа.

Андрей поднялся и, прихватив винтовку, вышел вслед за командиром. Они прошли в центр лагеря прямо к штабному шалашу. Рядом с ним с «мошинкой» наперевес прохаживался, как у себя дома, по всей вероятности, местный партизан лет сорока в фуфайке и треухе. Тут же неподвижно стоял жалкий, давно небритый мужчина чуть постарше, в куцей шинельке старого покроя без знаков различия, явно добытой где-то с чужого плеча, да еще в мятых кирзовых сапогах. Он с испугом бросил взгляд на подошедших своими впавшими глазами из-под козырька мокрой серой кепки.

Бабукин остановился и глянул на «партизана»:

— Вот вам, товарищ, наш боец в помощь, а мы пока тут покумекаем, что нам с вашим чертовым дезертиром делать, будь он неладен.

— Так расстрелять негодяя, и дело с концом, — робко предложил мужик. — А то что мы тут мокнем из-за него?

— Погодите, товарищ, для этого командир нужен.

* Доброе утро — здравствуйте (нем.).

** Всего наилучшего (нем.).

*** Благодарю вас (нем.).

Дезертир как-то сразу поник и опустил плечи. Время от времени он оглядывался по сторонам, робея смотреть прямо в глаза своим конвоирам. А когда партизан закурил, скрутив ладную козью ножку из полупрозрачной папиросной бумаги, он едва слышимым голосом попросил:

— Гражданин-товарищ, вы тут по-барски дымите, дайте рабочему человеку хоть пару затяжек сделать перед смертью, я ведь уже цельных два дня не курил, как говорится, не причащался табачком.

— Ты что мне рабочим человеком всё глаза колешь? А я что, по-твоему, лодырь какой? Я сам в Серпухове у Коншина на фабрике начинал на побегушках, пока мастером не стал. Чо на тебя табачок казенный переводить-то? На том свете его, говорят, нема, так что привыкай без махорки обходиться.

У дезертира заходили желваки, но он промолчал и, видимо, от греха подальше отвернулся. Андрею даже почудилось, что он заплакал и оттого нарочно задирает лицо к серому небу, хороня слезы. Партизан покряхтел-покряхтел и, видя, что такое дело, всё-таки протянул страдающему дымящий окурок. Тот как ни в чем не бывало усмехнулся, перехватил его, роняя искры, поднес бычок к тонким синюшным губам и стал делать почти безостановочно короткие затяжки.

«У него губы, как у покойника», — подумал Петровский и отвернулся. А мужик, поправляя гранату на поясе, с укором спросил курилку:

— Почто ограбил-то колхозницу?

Дезертир, обжигая губы и кончики пальцев, докурил халявную закрутку и, горестно усмехнувшись, отозвался, глядя куда-то вдаль:

— Так, знамо, есть мне хотелось, цельный день маковой росинки во рту не было, да еще замерз, как цуцик. Попросил было у нее хлебушка: «Бабонька милая, дай хоть ломоть», так она сунула в руку всего-то пару картох, ну я тут и психанул, не сдержался, потому что давно больной и контуженный. А мне жиров не хватает, поверьте, товарищи, я достиг такого состояния, что всё мое нынешнее существо, телесное и душевное, полностью зависит от проклятого жира. Съем сала или молока, идти могу, а нет, так качаюсь, как былинка на ветру. Говорю ей русским языком: «Как ты, стерва деревенская, пролетарию помогаешь?» А она мне в ответ так дерзко, мол, настоящие пролетарии без петлиц по лесам не шарят, как лешие, а бьются с врагом на фронте. А я что, не бился? Меня, может, контуженного, гансы подобрали и сунули в лагерь, а я тиканул от них. А вы теперь меня подводите под расстрел, а из-за кого, из-за глупой бабехи, да еще за дюжину картошек? А я свой, я рабочий, я ведь нормировщиком трудился на шарикоподшипниковом заводе в самой Москве, да только меня после смены у проходной под белы ручки взяли да свели в военкомат, значит, как они говорили, «записываться» в дивизию народного ополчения. Я им говорю русским языком, мол, у меня бронь на заводе, а они, сволочи тыловые, наскоро сунули мне в руки мобилизационное предписание, а паспорт, паскуды, отобрали, мол, ты отказываешься от льготы и сам желаешь идти на фронт сражаться с фрицами. А я не желал, у меня не та душевная организация, я даже письмо хотел написать самому товарищу Сталину и описать всё безобразие, что творят с нашим братом, да вот не вышло. Нет житья рабочему человеку, для чего мы енту самую революцию делали?

Партизан невозможно выслушал исповедь и спросил:

— А что, эта баба тебе, наглая рожа, обязана выдать все свои запасы? У нее самой пятеро по лавкам мал мала меньше.

— Вот лучше проверьте ее. Она, небось, жена какого-нибудь кулака или подкулачника. Или хуже того — выяснится, что немцу пособляет. Помнится, в нашем цехе в обеденный час один шибко ученый лектор, такой в очках и при галстукe, распинался на политинформации, мол, сталинскими колхозами начисто уничтожено всё кулачество и остались одни трудящиеся, а до нее, стервы, у вас руки не дошли.

— Ты, парень, наговаривай, да только знай меру. Лукерья Сидоровна недавно прятала раненого красноармейца и выходила его. А муж ейный с лета в действующей армии. Это тебя надо бы хорошенько проверить, как следует, да недосуг, сам понимаешь, военное время.

Партизан посмотрел на Петровского, ухмыльнулся и рассказал:

— Дезертир додумался: связал полотенцем бедную женщину и давай шарить по дому. Хорошо ее ребятишки с испугу бросились тикать на улицу, а тут мы как раз зашли в село — выведать, где фашисты. Ну и сцапали этого героя тепленьким. Ну, повинился бы, в отряд к нам попросился, глядишь, в бою своею кровью загладил бы вину, а он, как мы из деревни только вышли, со всех ног кинулся бежать. И почитай, ушел бы с концами, если бы сам сдуру на ваш лагерь не наскочил, ну а мы-то сзади за ним следовали.

— Понятно, — ответил Петровский и еще раз кинул взгляд на пленного.

— Всё вам понятно, вот только мне, дураку набитому, объясните, всё равно одна мне дорожка-то выпала — зазря тут подыхать. Вот сколько годов мы, советские люди, собирали по копейке да по рублику денежки, чуть ли не с каждой зарплаты — то немецким рабочим, то ихним детишкам. Помнится, после трудовой смены в каптерке плакаты на кумаче рисовали, да всё поджидали, когда они своих богатеев прикончат к чертовой матери. А вышло-то шиворот-навыворот: те самые пролетарии, что, видать, наели шею на наших харчах, нас, дураков, пришли жизни-то лишать... А куда глядел наш Коминтерн*, почему со мной в окопах плечом к плечу не оказалось славного товарища Георгия Димитрова**, убегшего из Болгарии, депутата Верховного Совета СССР? А ведь я на митинги в его защиту ходил, свои ботинки, купленные на кровные, топтал, когда его в Берлине за поджог Рейхстага судили! Где они, наши братья-пролетарии?

Партизан слегка смутился, но ответил:

— Ты того, гражданин, не ругайся и не неси всякую контрреволюцию. Погодь, щас выйдет комиссар, он тебе всё растолкует, а я чего тебе скажу, я простой человек и газет-то почти не читал.

— Вот всё у нас так: чуть что непонятно или против шерсти — так сразу в расход. А мне теперь всё по одному месту...

— Ты того, не бранись, я хоть и сам рабочий, но не люблю это дело.

* Коммунистический интернационал — международная организация, объединявшая с 1919 до 1943 года коммунистические партии различных стран («союз рабочих всего мира, стремящихся к установлению Советской власти во всех странах», по В. И. Ленину).

** Болгарский революционер, государственный, политический и партийный деятель, а также деятель болгарского и международного коммунистического движения.

Вскороости подошел Бабукин, перед собой он держал тетрадный листок, исписанный убористым почерком, сзади него стояли Клим Осипович со строгим лицом и еще три бойца, равнодушно смотрящие по сторонам. Комиссар поднес листок к глазам и прочитал:

— Учитывая условия военного времени, наше нахождение в тылу противника, рвущегося к Москве, и то, что паникер, трус, дезертир хуже врага, ибо он не только подрывает наше дело, но и порочит честь Красной армии, решено расстрелять злостного дезертира без документов и знаков различия, потерявшего оружие и занимавшегося грабежом мирного населения, называющего себя Пузанковым Николаем Егоровичем, жителем Москвы. Поэтому скорая расправа с ним и восстановление воинской дисциплины является нашим священным долгом. Подпись командира и комиссара спецотряда НКВД. Всем всё понятно?

— Так точно, товарищ комиссар, ясная политграмма, — за всех ответил партизан.

Бабукин повернулся к Климу, сглотнул слюну и строго наказал:

— Мироненко, идите в овраг... ну, сами знаете, что там делать. И смотрите, чтобы не убежал! — комиссар посмотрел на дезертира и как-то виновато затараторил: — Тоже мне колобок сыскался — из армии сбежал, от немцев убежал, от партизан тоже хотел удрать. От нас не убежите! Мироненко, головой отвечаете за выполнение приказа.

— Есть головой отвечать. Сами знаете, товарищ лейтенант, порядок в НКВД!

Клим подошел к дезертиру и очень привычно веревкой крепко-накрепко связал ему за спиной руки.

— Больно, — отозвался бывший солдат Пузанков и посмотрел на бойца.

— Будешь дергаться, еще туже затянешь. Понял?

— Ага.

— Тогда пошли за мной и не дури, башку отрежу, — приказал Мироненко и достал из кармана свою «секиру».

Дезертир побледнел еще больше и, не двигаясь, словно не слыша команды, по-прежнему молча стоял в окружении пяти бойцов, сутулясь и всё ниже и ниже наклоняя голову, будто хотел ее укрыть между острых плеч.

— Ты что, лярва, ходить разучился? — не выдержав, спросил Клим и, нагнувшись, заглянул в перекошенное от ужаса бледное лицо мужчины.

Тот зашлепал губами:

— Братцы, ну не могу я, ноги того, не идут, кончайте меня прямо тут, всё, чай, отбегался, всё теперь едино, — еле-еле произнес дезертир, и с его склоненной головы на землю слетела кепка, обнажив нечесанные пряди пепельных из-за седины волос.

— Взять гада! — скомандовал Мироненко.

Два бойца подхватили под руки трясущегося Пузанкова и повели вглубь леса, тот едва успевал переставлять свои худые ноги, продолжая невнятно мычать:

— У-у-у, братцы, у-у-у...

ДЕРЕВЯННЫЙ ТАНК



Рисунок Вадима ЖУКОВА

Глава 8. КРОВЬ

Неудачи Красной армии не только не ослабили, а, наоборот, еще больше укрепили как союз рабочих и крестьян, так и дружбу народов СССР.

*Из доклада И. Сталина
на торжественном заседании Моссовета
с партийными и общественными организациями
города Москвы 6 ноября 1941 года*

Петровский, как и любой боец спецотряда, знал о существовании недалеко от лагеря так называемого ежовского рва. Так прозвали ложину, всю, словно нарочно, заваленную павшим буреломом и окруженную со всех сторон древними елями, да с еще почти непроходимыми местами мелколесьем. Там в вечном сумраке среди коряг находили свою смерть люди, невзначай наткнувшиеся на лагерь спецотряда НКВД. Еще всевозможные шпионы из местных жителей, сотрудничавшие с оккупантами и выслеживавшие партизан и части Красной армии в лесах по приказу гитлеровцев. Сами красноармейцы по возможности обходили стороной печальный «ров» и гнали от себя прочь всякие неуставные мысли.

Андрей сам не видел и не слышал, как лишают жизни предателей и изменников. Из его отрядных знакомцев никто не рассказывал об этом. Так в отряде, сформированном в основном из молодых солдат, еще не изведавших чужой крови и люто не ожесточившихся на врага, было принято. А если кто-то ненароком спрашивал о той самой канаве, ему лишь твердили успокоительную, всё поясняющую фразу: война есть война.

Оказавшись в ложине, Петровский смотрел себе под ноги и молча шагал за широкой спиной Клина, подспудно чувствуя, что ни за что не стоит глазеть по сторонам. Дезертира тем временем подвели к почти отвесному склону балки и кое-как поставили спиной к кособоку. Он молча рухнул на землю, как только его отпустили, как-то по-женски выставив вперед острые коленки, скрючившись, обхватил их руками и даже не открывал глаз, а из-под век по впалым щекам скатывались слезы. Бойцы снова поставили Пузанкова на ноги и отошли назад на десять шагов. Мужчина весь сжался, слышалось, как он отрывисто, с хрипом втягивал в легкие воздух и словно про себя причитал о чем-то.

— Петровский, ко мне! — с радостью в голосе приказал Клима.

Андрей сделал несколько шагов вперед, стараясь не глядеть на скулящего щенком дезертира. Клима похлопал его по плечу и доверительно сказал, не мигая глядя прямо в глаза:

— Давай, хлопец, примыкай к расстрельной команде, полно ломаться, как гарна дивчина. Заруби себе на носу, так записано в приказе Верховного главнокомандующего: «Трусов и дезертиров надо уничтожать», — и, оглянувшись на остальных бойцов, прикрикнул: — Все ко мне!

Переминавшиеся с ноги на ногу в стороне красноармейцы, кроме партизана, подошли к Мироненко:

— Неча тянуть, скоро обед. Товься!

Солдаты молча достали из-за спин винтовки, машинально передернули затворы и направили стволы на дезертира, который по-прежнему что-то неразборчиво ныл себе под нос. Андрей, чтобы унять дрожь и волнение, без

конца твердил про себя: «Он дезертир и предатель!» А изнутри прилетало в ответ: «Но он же человек и суда не было, даже „тройки“! Там, на передовой, наши ребята кровь проливают, а он, падла, по лесам шастает! Трус, трус, мать его...»

Клим дождался раскатов дальней канонады, долетавшей с северо-запада, и сухо скомандовал в притихшем овраге:

— Огонь!

Слева от Петровского дуплетом прогремело два выстрела, в долю секунды оглушив его, а после уйдя колокольным звоном в ухо. Он по-детски зажмурился от грохота и в эту невыносимо долгую секунду, преодолевая самого себя, надавил на спусковой крючок. Ему почудилось, что даже с закрытыми глазами он явственно видел темные круги и впалые щеки дезертира, испуганный взмах ресниц. Винтовка привычно саданула в плечо и затихла. Эхо вскоре замолкло, и ров вновь погрузился в тишину. Пахло порохом и еще чем-то едва уловимым, приторно-сладковатым.

— Убрать оружие, — тихо сказал Клим и подошел к лежащему дезертиру, раскинувшему руки, посчитал раны и, усмехнувшись, одобрительно посмотрел на стрелков.

Следом к Пузанкову, или как там его звали на самом деле, опасливо ступая, словно боясь наступить на что-то неприятное, подошел партизан и растерянно закричал, глядя на труп. Отставив в сторону винтовку, он нагнулся и двумя пальцами пощупал пульс дезертира. Отрицательно покачал головой, сделал пару шагов в сторону, достал из кармана кисет с табаком и вдруг в полной тишине сказал виноватым голосом:

— Никак не могу привыкнуть к этому духу, будто только свинью зарезали.

Никто не отозвался. Мироненко тем временем сходил по малой нужде и вернулся уже с лопатой. Посмотрев на своих бойцов, предложил по-свойски:

— Может, кто хочет прихватить шинельку или сапоги дезертира? Не стесняйтесь, ему они всё равно уже на том свете не пригодятся, а нам с вами придется еще долго по лесам маяться.

Но никто не откликнулся. Клим улыбнулся и, всучив лопату курносому бойцу, задорно произнес:

— Прикопайте страдальца, заодно согреетесь.

— Есть прикопать.

Мироненко повернулся к Андрею, и маска своего в доску парня слетела с него. Он вновь посуровел и подошел вплотную, так что Петровский почувствовал несвежее дыхание курильщика и запах нечищенных зубов. Пристально посмотрел ему в глаза, а после ехидно прошептал на ухо:

— Чистеньким хочешь остаться? За приказы прячешься, мол, это не я и хата не моя. Смотри у меня, Петровский! Я из тебя человека-то сделаю, по гроб будешь мне обязан. Порядок в НКВД!

Андрей выдохнул и, уже успокоившись, ответил:

— Есть порядок в НКВД.

Мироненко, не оборачиваясь, ушел в лагерь, а партизан сидел на пне и вполголоса напевал «Черного ворона»...

«Чокнулся, что ли?» — подумал Андрей и отвернулся.

Бойцы втроем, по очереди, наскоро закопали еще не остывшего дезертира, сгребая грунт прямо со склона лощины. Земля была черной и мягкой, недолгие октябрьские морозы почти не тронули ее. Пока Андрей дождался

своей очереди помахать лопатой, он сообразил, что является источником того самого приторного запаха. То тут, то там вдоль откоса шли чуть заметные холмики, едва-едва припорошенные листвой и черными ветками.

* * *

Вернувшись в свой шалаш, Петровский кинул в угол винтовку и повалился на подстилку, накрыв голову плащ-палаткой. В шалаше оказался только Елфимов, он подле второго входа снаряжал диски патронами для ППД.

— Ого-го, что с тобой, парень? Где был?

Откинув брезент, Андрей посмотрел на Елфимова:

— Лучше и не спрашивай.

— В «ров» ходили, ежеиков пугать? — уже тревожно спросил Аркадий и закрыл ладонями диск.

— Да, если знаешь, зачем спрашиваешь? Об этом даже тяжело вспоминать, не то что говорить.

— Стрелял?

— Пришлось.

— Клим-паршивец настоял?

— Так точно.

Аркадий отложил диск и повернулся к бойцу:

— Всех гнида лубянская хочет повязать кровью, мол, ребятки, не я такой, а жизнь такая, не я один участвовал, все перепачкались. Чужая кровушка — она ведь похлеще кандалов будет. Учти, если вдруг так карта ляжет и меня поведут в расход, ты стреляй, пожалуйста, сразу в сердце.

— Что ты несешь, Аркадий?

— Я значит «несу», а он примеряет на себя белые одежды. А кто из нас на днях тут жилы из себя вырывал, крича о милосердии, а сам?

— А что, ты прикажешь, мне было делать? Нарушить приказ? Ты же видел: меня сам комиссар вызвал.

Аркадий молчал, а потом, отвернувшись спокойно, ответил:

— Не знаю. Как жить дальше, не ведаю, будто слепой щенок. Вот живу год за годом, а как вести себя завтра, не знаю. Только родители и держат меня на этой земле, а так давно хотел через Карелию уйти в Финляндию. Там знаешь, какие леса? Там, почитай, и никакой границы-то нет. Думал, либо вольная воля, либо смерть от пули пограничника, всё лучше, чем в петлю лезть...

Андрей посмотрел в упор на еловые лапы и, подняв голову, вдруг предположил:

— А может, нам надо попробовать просто выжить?

Елфимов шлепнул себя по колену:

— О как! Скажи, для чего ты тогда не так давно рвался на фронт, а сейчас несешь что-то про жизнь? Я вот как полагаю: тот, кто идет на войну, не должен думать о жизни. Молиться Богу еще можно, а вот представлять в глупой своей башке, как всё будет после войны, по-моему, не стоит.

— Да не рвался я, ну, то есть, конечно, хотел, как все в моей роте, но уж не так чтобы очень. А ты, скажи на милость, зачем здесь?

— У меня другого выхода не было. Я ведь с конца июля оказался прикомандирован к особому отделу в поселке Барвиха, что под Москвой, где до сих

пор, насколько я знаю, проверяются все красноармейцы и красные командиры, вышедшие из окружения или сбежавшие из плена. Я помогал нашим штабистам, пороху не нюхавшим, заполнять различные документы, печатал на пишущей машинке запросы в воинские части, чтобы выяснить, служил у них такой-сякой или нет. В общем, полная канцелярщина. Кстати, записывал и допросы, вот за это и пострадал. Нашелся один бдительный лейтенант госбезопасности, мать его за ногу, и настрочил, козлиная, на меня рапорт, что я, мол, «при записи показаний изрядно сглаживаю проступки окруженцев» и так далее в том же духе. Вызвал меня к себе командир и по-свойски говорит: «Если такое дело, выбирай: пойдешь под трибунал или на фронт, кровью искупать свою вину». Вот я и здесь, получается, прямо как шалавистая девка, по залету.

— Вот те на!..

— Позволь узнать, а как же твоя просьба самому товарищу Сталину об отправке на фронт? Ты за каким хреном здесь очутился?

Петровский жаждал ладонями голову и только пробубнил:

— Каюсь, слабый я человек, слабый...

* * *

Ноябрь, шестой месяц великой войны принес вместе с собой противный дождь. Сразу стало нестерпимо зябко и мокро. Шалаши текли, несмотря на свежий лапник, что еще вчера нарезали в ельнике и старательно уложили сверху. Всю ночь грохотало в районе деревни Семкино, ясно слышались артиллерийские разрывы и частый пулеметный огонь, стрельба тяжелых орудий не стихала и днем. Бойцы спецотряда хмурились и с тревогой вслушивались в беспощадные звуки сражения, теперь такие близкие. Молодежь вопросительно смотрела на командиров, мол, наши там, а мы здесь отсиживаемся...

Петровский всё вспоминал ту самую молодую мать из Семкина, угостившую их горячей картошкой. «Как она там, — думал парень, — с малыми детьми, если рядом идет бой?» И когда принялись собирать группу, чтобы отправить ее на большак, что тянется вдоль левого берега Протвы от Серпухова за Угодский Завод, называемый Высокиническим или Боровским шоссе, сам вызвался пойти на спецзадание подрывать обозы и любую материальную часть противника. Елфимов промолчал, вот только спросил:

— Куда тебя несет, Андрей? Мы же с тобой разведчики?

— Не могу больше усидеть на месте, когда кругом идут такие бои, а мы тут прозябаем да по шалашам прячемся, как беглые.

— Ну, иди, активист, родина тебя не забудет.

— И пойду, я пришел воевать. Может, я для этого и на свет явился...

— А себя-то не жаль?

— Лучше поскорее сдохнуть героем, чем вот так невыносимо жить.

— Хотя ты прав, у каждого поколения должна быть непременно своя война: у кого империалистическая, у кого гражданская, а у нас, видать, эта...

Петровский выбрался из шалаша, прихватив винтовку, и направился к костру. Огонь шипел по-змеиному. Влажная от бесконечных дождей подмосковная земля наконец-то просыхала около костра, от сырых сучьев валил во все стороны пар и дым, разъедая бойцам глаза. Неопрятные, давно небритые и позабывшие о бане солдаты сидели тесным кружком у спасительного огня, нещадно чадя махоркой.

Андрей тоже присел, кое-как втиснувшись среди тел. Он сразу стянул сырые сапоги, размотал портянки — тяжкий сырный дух вырвался наружу. Его мокрые ноги обдул зябкий ветерок, и следом по ним заморосили капли дождя, но тут сменился ветер, и от костра повалил приятный жар, который он почувствовал всем телом. Повар недовольно бросил колючий взгляд на бойца. Он варил в котелках кашу и, отвернувшись, пошел за дровами, уложенными в поленницу.

— Извиняйте, мужики, — блаженствуя, сказал Петровский и пожал плечами.

— Чай, мы тут не на стадионе «Динамо» и не в ресторане пьем шустовский коньяк «Финьшампань». Сушись, парень, — ответил за всех пожилой солдат.

Вскоре к костру подошел комиссар в длинной шинели и накинутой сверху плащ-палатке. Он раскурил папироску от пылающей ветки, вынув ее прямо из пламени, и внимательно осмотрел солдат. Бабукин вздохнул, и было видно по его синеватым губам, как он умаялся и промерз. Он посмотрел на сержанта Чернова и тихо сказал:

— В одиннадцать выступаете, давайте готовьтесь к выходу.

— Есть готовиться.

Комиссар нашел взглядом Андрея:

— Петровский, зайди ко мне, как только просушишь свои паруса.

Андрей, как был босой, так и поднялся на ноги:

— Так точно.

— Прямо лорд английский, правда, в непотребном виде, — рассмеялся Бабукин и собрался идти к командирскому шалашу. — Какой у тебя рост?

— Метр восемьдесят три! Нас таких намеренно в военкомате отбирали для охраны Кремля.

— Похож на гвардейца подле Букингемского дворца в Лондоне, только у них из-за лохматых шапок глаз почти не видно, — он вздохнул и добавил: — Они теперь союзники наши стали. Говорят, танки и самолеты нам везут в Мурманск...

— Товарищ лейтенант, разрешите спросить.

— Спрашивай, Петровский, я знаю, ты любопытный парень.

— А что вы делали в Англии?

Комиссар улыбнулся уголками губ:

— Выполнял секретное задание, не туристом же я шлялся по Пикадилли и, кстати, не любовался Солсберийским собором! Понятно?

— Так точно. А расскажите, какая она, Англия?

— Разная она, а люди везде живут. Но некогда мне, Петровский. После войны поведаю о заморской жизни, а пока я пошел!

Бойцы зацокали языками, глядя вслед уходящему комиссару. Сержант Чернов поднялся, поправил ремень и загундосил:

— Слышали? Через два часа построение. Чтобы были все готовы. Вопросы есть?

Ему никто не ответил, и сержант быстрым шагом ушел в укрытие. Солдаты помалкивали. Андрею удалось кое-как просушиться, правда, теперь он пропах, кроме махорочного аромата, еще и дымом от костра. Приведя себя в порядок, он направился в командирский шалаш.

— Разрешите войти? Рядовой Петровский по-вашему приказанию прибыл.

— Заходи, — ответил комиссар.

В шалаше на самодельных нарах ничком спал командир, накрывшись с головой плащ-палаткой. Изредка сверху срывались крупные капли и стекали по брезенту. В углу было свалено различное оружие и стояли ящики с боеприпасами. Бабукин сидел за столом и что-то писал в школьную тетрадку. Не глядя на гостя, он дружелюбно пробурчал:

— Садись, любимчик Сталина. Подвиг, значит, хочешь совершить?

— Так точно. Устал я в лагере сидеть, хочу в дело.

— Будет тебе подвиг, вот только чуть-чуть подожди.

Он отложил в сторону тетрадку в темном коленкоровом переплете и прошел в угол, выбрал трехлинейку, а из мешка извлек небольшой черный цилиндр и подсумок с патронами.

— Оставь свою «светку»* и на-ка прими новую винтовку.

— Товарищ лейтенант госбезопасности, разрешите мне оставить СВТ, она у меня даже автоматически стреляет, а эта винтовка Мосина — ну просто прошлый век.

— Погоди-ка, комсомолец, отказываться, ты вначале выслушай до конца. Это не простая трехлинейка, на, держи-ка еще к ней наствольник.

Бабукин вложил в руку Андрею тяжелый черный цилиндр.

— А что это такое?

— Это парень и есть твое секретное задание. Надо опробовать эту штучку в деле, а после всё мне в рапорте подробно описать, как она действовала в реальном бою. Не забудь, с указанием расстояния, распиши, какие звуки слышатся во время выстрелов, что понравится, а что нет, и так далее. Уяснил, гвардеец?

— А что это такое? — переспросил парень.

— Это такой прибор для бесшумной стрельбы, его создали наши советские ученые! Учти, о его существовании ни генералитет, ни офицеры и ни один красноармеец на фронте ничего не знают. С его помощью можно потихоньку снимать часовых на посту или как снайпер можно работать, но учти, дальше двухсот метров она не бьет, да и патроны тут совсем другие, вот здесь они, в подсумке. Не перепутай, а если испортишь бесшумку, пойдешь под трибунал, как миленький, и никто за тебя не заступится. Ясно?

— Так точно.

— А еще, смотри, если вдруг так получится, что это оружие может попасть в руки врагов, например окружают вас, немедленно уничтожь его, закопай или там взорви. Понял?

— Так точно.

— Никому не болтай о глушителе, сержант Чернов всё знает, а остальным ни слова. Ты парень надежный, я в тебя верю. Иди, готовься и пристреляй винтовку, с этим наствольником не так просто угодить в десятку.

— Есть пристрелять, разрешите идти.

— Да ори ты потише, видишь, командир только заснул. Иди.

Петровский, оказавшись вновь под дождем, направился к себе в шалаш. По дороге спрятав в карман бесшумку, он заглянул в подсумок, там гремели обычные винтовочные патроны, только облитые зеленой краской, так что не перепутаешь с привычными.

* Распространенное прозвище советских винтовок СВТ-38 и СВТ-40.

* * *

Лес подле сельца Бор подходил прямо к большаку. Но в начале запланированной операции было решено приблизиться к Высокиничам с единой целью — выяснить обстановку. Подобраться к районному центру вплотную не вышло. Село оказалось забито гитлеровскими войсками, везде посты, повсюду сновали мотоциклисты и фырчащие грузовики, но больше всего машин отправлялось в сторону Угодки. По всей видимости, они подвозили солдат и различное снаряжение к фронту, а пустыми возвращались в тыл.

Выглянувшая луна подсобила солдатам, слегка осветив придорожную местность. И зачем-то еще две осенние звезды заманчиво блестели над кромкой дальнего леса, будто не ведали о том, что творится в подлунном мире. Было решено передислоцироваться в сторону Бора, не дожидаясь наступления ночи. Петровский шел последним в группе, так как в случае столкновения с противником в густом лесу его трехлинейка будет практически бесполезна. Уже совсем стемнело, когда они зашли в район села, что оказалось за шоссе, ближе к Протве, да и ориентир нашелся весьма добрый — церковь с колокольней.

Чернов поставил задачу перед бойцами:

— Видите мост? Сейчас будем его взрывать — это наша главная цель. После чего отходим обратно, ближе к Высокиничам. Там устроим засаду около дороги. Может, на кого и наткнемся. Ясно?

— Так точно.

Коренастый сержант на скорую руку расставил людей, послал взрывников к мостку через речку и отправил группы прикрытия по обе стороны. Петровский оказался в засаде на дороге со стороны Угодки. В их задачу входило при появлении фрицев во что бы то ни стало задержать противника, пока не взорвали мост.

Вдоль шоссе, идущего с востока на запад, с северной стороны тянулся глухой лес, и величественные сосны протягивали свои ветви прямо к дороге, а с юга, за Протвой, близко к реке тоже подходил зеленый массив. Андрей надел наствольник на дуло винтовки, скинул лямки вещмешка и принялся готовить место для возможного боя. Он вытоптал пожухлую траву, откинул в сторону валежник, приготовил пару запасных огневых позиций и проверил место отхода — всё как учили на тактических занятиях. Обустроив позицию, Петровский в кустах обнаружил лужицу с прозрачной снеговой водой. Он напился и ополоснул разгоряченное лицо. Вытерся рукавом и залег в щель. На дороге было тихо и пустынно — ни машин, ни пешеходов. Он лежал и, не сводя глаз с большака, почему-то размышлял о Москве, об Арвиль, но как-то отстраненно, словно в эту минуту находился на другом материке или даже на дальней планете в ледяном космосе.

Недалеко, прямо на пустынном большаке ухнул взрыв. Петровский еще сильнее стал всматриваться в ночь, и теперь только одна мысль не оставляла его: «Скоро появятся фашисты». Через несколько минут из темноты возник запыхавшийся Чернов и вполголоса объявил:

— Дело сделано, мать их ети, не зря казенный хлеб грызем.

Сержант нагнулся и спросил у Петровского:

— Ты вроде как местный. Думаешь, расслышали в Высокиничих наш подарочек ихнему фюреру?

— Да я уж и не совсем здешний, — начал отнекиваться Андрей. Он не любил вспоминать детство, тем более при посторонних. — Давным-давно па-

цаном там бывал. Думаю, фашисты услышали взрыв, тут всего-то километров пять будет.

— Тогда надо ждать гостей и готовить им на орехи. Отходить не будем, здесь останемся ждать. Ты их подпусти метров на сто и давай первый пали из своей шарманки, мать их ети. А дальше — как получится.

— Есть, товарищ сержант. Только темно очень.

— Сам вижу, яйца курицу не учат.

* * *

Часа два стояло затишье, глаза красноармейцев привыкли к темноте. На небе следом за одинокими звездами-вечерницами рассыпались горохом ночные светила и ясная луна. На душе бойцов стало как-то сразу веселей. Только лишь за полночь среди безмолвия по большаку со стороны Высокиничей донесся нарастающий гул двигателей и утробный лязг гусениц.

— Не спать, босота! — цыкнул сержант. — Танки, что ли, идут, мать их ети! Громыхает, как на ноябрьском параде на Красной площади. Вот только темень-то какая, ничего не разберешь! Петровский, не спи!

В самом деле, вскоре из-за поворота появились четыре крутолобых немецких танка с короткими стволами пушек. За ними шли две автомашины, подсвечивая дорогу голубоватым светом. Оставалось неясно, спешила ли колонна гитлеровцев проверить причину взрыва или просто продвигалась к линии фронта. Андрей напрягся, ощутив дрожание земли.

— Пропустим танки, а по машинам огонь, но по моей команде! Вот только попробуйте, сукины дети, послушаться, самолично прикончу, — приказал Чернов, грозя наганом, и кивнул Петровскому.

«Вот они, настоящие враги, а не тот безоружный дезертир, на кого жалко пулю тратить... А эти сволочи с оружием, выученные, откормленные, уже, как ни крути, всю Европу с маршем прошагали», — думал Андрей, выжидая удобного момента, чтобы открыть огонь.

Когда до грузовика оставалось метров шестьдесят, он умудрился даже рассмотреть немцев в кабине. Петровский, до крови прикусив губу, первым, как приказывали, выстрелил в водителя последней машины. Он явственно расслышал только, как лязгнул затвор винтовки, и больше ничего.

Последний автомобиль проехал еще несколько метров, теряя скорость, свернул на обочину и ушел в кювет. Машина уткнулась бампером в бугор, мотор взревел до свиста, после чего окончательно заглох. Водительская дверь резко открылась, и из кабины вывалился солдат. Петровский от волнения, чтобы успокоиться и преодолеть тряску рук, продышался. Теперь, припав к прицелу, он попробовал попасть в водителя первой машины, который стал притормаживать, видя, что случилось со вторым грузовиком. Андрей быстро взял немца на мушку, но, судя по всему, промазал. Грузовик пронесся дальше. Тогда вдогонку Петровский два раза выстрелил по спаренным задним колесам. Рядом с ним послышалась возня.

— Огонь! — скомандовал сержант ожидавшим команды бойцам.

Началась заполюшная стрельба. Сперва бухнули винтовочные выстрелы, следом залился автомат. Из-за намертво вставшей машины раздалась ответная пальба. Остановился и первый грузовик. Из кузова поодиночке стали

выпрыгивать солдаты и вести хаотичный обстрел примыкающего к большаку леса. Вскоре и танки замерли на месте. Только последний из них сумел со скрежетом развернуться в сторону нападавших. От темной громады к красноармейцам потянулись фосфоресцирующие пулеметные очереди.

Андрей сделал несколько выстрелов по колесам и бензобакам машин, когда услышал за спиной:

— Всё, немедленно отходим, а я с Петровским прикрою! — приказал сержант.

Бойцы сорвались с нагретых мест и, прихватив оружие, поспешили в чащу леса. Гитлеровцы, обрадовавшись, что нападавшие перестали их обстреливать, принялись понемногу выходить из-за укрытий. В свете луны замаячили их силуэты с темными тенями на поблескивающем от дождя асфальте.

— Давай пали во всю дурь! Что ждешь — руки дрожат? — зашептал Чернов.

— Есть такое дело.

— У меня тоже по первости ходуном ходили, хотя ты знатно водителя уложил, молодец.

Петровский наскоро выбрал солдата покрупнее и нажал на спусковой крючок. Удар бойка и тихое шипение — сработала беззвучка. Фашист согнулся и упал на дорогу лицом вниз. Гитлеровцы вновь моментально спрятались за машину, откуда с опаской стали выглядывать, видимо, пытаясь понять, откуда по ним стреляют.

— Дай-ка, паря, теперь я испробую эту шарманку.

Сержант осторожно принял «мосинку» и долго выцеливал. Как только долговязый гитлеровец стал выглядывать из-за борта машины, а потом расхрабрился и показался наполовину — аж блеснул ряд пуговиц на шинели, стрелок надавил на курок, и вновь бесшумка зашипела. Но пуля прошла мимо, и ее никто не заметил. Чернов со злостью покосился на Андрея.

— Пристреливайтесь, — прошептал Петровский.

Только после третьего выстрела осмелевший немец схватился за грудь и рухнул на дорогу, словно куль с зерном. Каска соскочила с головы и со звоном откатилась на обочину. Сержант победно посмотрел на Андрея, мол, знай наших. Петровский одобрительно кивнул. Не удержавшись, Чернов заерзал и, возвращая, радостно похлопал ладонью по винтовке.

— Вот так штуковина! Недурная машинка, а теперь отходим: танки, мать их ети, нам не одолеть, даже с твоим потайным оружием, — прошептал он.

Они отползли на четвереньках подальше от кромки шоссе, но до них еще доносились команды и брань на немецком. Петровский провозился еще пару минут, пока не упрятал бесшумку в вещмешок, и они, поднявшись, бегом покинули большак, где по-прежнему тархтели танки, и сразу поспешили в чащу за ушедшими бойцами. Правда, останавливались время от времени, прислушиваясь, нет ли за ними погони.

Андрей в группе шел последним, дрожь в его руках наконец-то прекратилась, и кровь отлила от лица, а резвая ходьба помогла прийти в нормальное состояние. Впереди мелькала спина Чернова, и ветви деревьев с ожесточением хлестали ночных путников.

Продолжение следует

Елена Орлова

«Искусства нам дарованы богами!»

Одуванчики

Погляди на эти ужасы вокруг!
На асфальте, на бетоне, на песке
гибнут жёлтые цветы от наших рук,
в одиночку, и в охапке, и в венке.
Кружит голову горячий аромат,
погляди, совсем бутоны — жить и жить...
Кто-то в гневе поднимает автомат —
нас, мучителей цветочных, положить.
Человек цветам, увы, не господин,
сколь ни явится бесстрашен и жесток.
Ляжем рядышком, а здесь — ещё один!
Стебель к стеблю два цветка, ещё цветок...

* * *

На мраморных руинах Элевсина
расцвёл прелестный крокус, и Деметра,
встав, радостная, с *Agelastos petra*,
бродила по камням над морем синим.

ОРЛОВА Елена (Матросова Елена Рудольфовна) — поэт, эссеист. Родилась в 1981 году. Окончила Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова и Высшие литературные курсы Литературного института имени А. М. Горького. Живет в городе Долгопрудном Московской области. Публиковалась в журналах «Звезда», «Нева», «День и Ночь», «Кольцо „А“», «Москва», «Дети Ра».

Когда повеял ночью ветер свежий
и тьма укрыла древние дороги,
на север обратились, в край медвежий,
глаза богини, полные тревоги.
Каким богам, опившись кикеоном,
гнусавят гимны эти мистагоги?
Цветок заветный милой Персефоны
кто помянул над капищем убогим?
Известно, там, у варваров, где стужа,
где солнце утонуло в сумрак вязкий,
богов не чтут, не олимпийцам служат
бессмысленные песенки и пляски.
О чём бы в новостях ни говорили,
искусства нам дарованы богами!
На плач Деметры бросились эриньи.
И ужас воцарился в балагане.

* * *

Я мёртвого камня, сменившего снег,
не помню такого.
Не может земля расцвести по весне
в бетонных оковах.

И пахнет весна в наш резиновый век
всё горше и горше.
Планета, с которой исчез человек,
мне нравится больше.

Сказав, что беду не хочу отвести,
ну чем я рискую?
Лишь тем, что трава не захочет расти,
по людям тоскую?

Я знаю: в канун мировых катастроф,
мечте потакая,
растёт где-то между пророческих строф
осока такая.

А мяту, чьей свежестью в будущем след
зарос человеческий,
прошу передать мой сердечный привет
в безлюдную вечность.

* * *

Как цветущие вишни, как листья осеннего клёна,
созерцать полюбила московскую архитектуру:
над барочным фасадом стальную зеркальную крышу
и кондеи в окошках палат допетровской эпохи,
колокольню Никольского храма — пустую бутылку,

что стоит, обезглавлена, словно лишённая пробки.
О, «Легенда Цветного», о, дивный ТЦ «Наутилус»!
С Триумфальным Паласом и «челюстью новоарбатской»!
В ванной треснуло зеркало, новое не покупаю —
в этом городе я разлюбила своё отраженье.

* * *

Сегодня будут Масленицу жечь.
Какая мощь в языческом обряде!
Как будто в пёстром кукольном наряде
горит живая плоть, и кровь, и желчь.
Кулёма из соломенной трухи
сгорает, становясь теплом и светом!
А мне, живой, в огне спасенья нету:
не прогорают смертные грехи.
Но всё-таки в честь праздничного дня
родную тень из мрака призываю,
шепчу слова и веки закрываю.
И умираю в ропоте огня.

* * *

Не смотри на чёрную луну
на закате: медленен и жёлт,
бледный луч таит голубизну,
он глаза усталые сожжёт.
Избеги полуночного сна,
поглядеть сквозь землю потрудись:
ты увидишь — чёрная луна
катит в темноте крошечный диск.
Черноте молитвенно внемли —
скоро в ней наметится ущерб,
над пустынным холодом земли
ярко загорится лунный серп.
Принимай в подарок, ангел мой,
тайный свет, невидимый ещё!
Грустной половинною луной
в Рождество ты будешь освещён.

* * *

На Крещение звёзды-то какие!
Ночь над чёрной прорубью тиха.
Стало ясно — муза не покинет,
не оставит душу без греха.
Мне уже подумалось, что поздно,
мне пожить мечталось по уму!
Но одна беда — остались звёзды,
их не подарила никому!

Страшно утащить с собой в могилу,
в ад или того страшнее — в рай!
Потому будь ласков, ангел милый,
поскорей подарок принимай!
Хорошо в твоём уютном доме,
всё ж на волю выйди, и тогда
с неба полетит в твои ладони,
догорит, рассыпавшись, звезда.

* * *

Похоронив цветущую мечту,
снегами завершается апрель.
Стоит берёза белая в цвету,
в цветах уснула траурная ель.
Два нежные цветка спят глаза,
на яблонево́й ветке замерев, —
один блеснёт, скатившись, как слеза,
другой бесплодно сгинет, почернев.
Один морозным ветром обожжён,
другого солнце утреннее жжёт.
Так дети — этот умер, не рождён,
а тот и двух часов не проживёт.

* * *

Под розою склоняюсь головой,
смущённая, твои целую руки!
Молчат элегий сладостные звуки,
звучит язык пророчества живой.

Меж призраков мурановской земли
тебя зову, затворник горделивый!
Ты жил, когда зерно давали нивы
и пышные розарии цвели!

Величием восторженной души
плняя, а не роскошью наряда,
цвела поэтов дивная плеяда
в столицах и в усадебной глуши.

Возрадуйся, пророк, наперечёт
сбылись тебя томившие угрозы!
Последние бессильно чахнут розы,
повсюду запах тления течёт.

Таким изображу осенний день,
такую урожаю сложу песню.
Но тем непостижимей, тем чудесней
ты оживёшь, блистательная тень!

Мураново. 10 августа 2024

* * *

Я стала понимать самоубийц.
Ко мне Аякс является Великий.
Мечом во тьму отбрасывая блики,
Стоит передо мной, **потупясь ниц.**

На сердце хорошо от этих встреч.
С ним честно говорю, не пряча взгляда,
Что мне и справедливости не надо —
Мне слишком страшно броситься на меч.

Аякс кивнёт, погладит по плечу...
Приходят Башлачёв с Борисом Рыжим.
Глаза закрою, словно их не вижу.
Ни говорить, ни слушать не хочу.

Цветаевой назойливая тень
Не даст уснуть, не выклянчив ответа,
Что я «клянусь убить в себе поэта
И женщину, но не предам детей».

Клянусь и кофе топаю варить...
В окне рассветный сумрак, звёзды, астры...
День обещает выдаться прекрасным,
И ночью было с кем поговорить.

Сонеты

* * *

Как счастлива несчастная любовь,
Когда тебя единственный — не любит!
Такой любви сочувствует любой:
Всевышний Сам, и ангелы, и люди.
Прекрасен твой зеркальный визави —
Лицо озарено печалью горней!
Когда взаимны сразу две любви,
Не выразишь, какое это горе.
Для общества ты — мелкий паразит.
Все ангелы внезапно отлетели,
И зеркало бесстрастно отразит
Агонию души в уставшем теле.
Всё это завершится худшей мукой —
Виной, опустошением и скукой.

* * *

Не предложил ни сердце мне, ни руку,
Не выделил среди иных подруг.
Зачем душой болею, что на муку
Бессовестного обрекаю вдруг?

Не ангел мной, а старый чёрт поруган!
Откуда в сердце чёрная вина,
Что я его светловолосым другом
Неотразимо так увлечена?
Немного толку в трёпе отвлечённом:
И *causa*, и *culpa* — всё одно!
Вместилище греха с душою чёрной —
Вот имя, что несчастной суждено!
Так и останусь мучиться до гроба,
И проклянут меня навеки оба.

* * *

Прелестница, какая красота
Цвела в твоём зеркальном отраженьи?
Влачили за тобой, как два хвоста,
И счастливы бывали в униженьи
И рыцарь сам, и белокурый друг.
Бросали, не жалея, жизнь на ветер!
А для меня — очерчен скорбный круг,
Где два хвоста мной, как собакой, вертят.
Мне некуда деваться — я верчусь!
Для одного измена будет ядом:
Убью, коль скоро лгать не научусь.
Другой меня убьёт единым взглядом.
Сколь горестно терплю, а всё плоха:
Блудница и вместилище греха.

* * *

Бог милостив — я возлюбила Бога!
Жизнь обрела связующую нить,
Но бросить этих двух — ещё немного
Рассудок мне велит повременить.
Любовь — Ему, а этим — что попроще.
Для Господа — нектар, для смертных — яд!
Пусть кесари, забрав своё, не ропщут,
Дурного обо мне не говорят.
Мне снилось: размышляя о высоком,
Заснеженной тропой бреду к реке,
В потёмках шелестя сухой осокой,
Бульдогов двух ведя на поводке.
У берега, где мёртвая водица,
Они, пожалуй, могут пригодиться.

* * *

Ни копыетрясца, ни его дружка!
Какой неинтересный светский раут...
Сначала от стихов болит башка,
Потом ещё и музыку играют.

«ИСКУССТВА НАМ ДАРОВАНЫ БОГАМИ!»

Мне рыцарь предложил бокал вина,
И выражает взгляд его голодный,
Что дама, в свет пришедшая одна,
Во тьму должна идти за кем угодно.
Где прежний мой неукротимый нрав?
Где бурные вскипающие силы?
Растолковать ему (хотя он прав),
Что мыслить в этом роде — некрасиво?
Но к старости со многим я смирилась.
В убожную спросившись, удалилась.

* * *

В солнцеворот, в морозный тёмный вечер —
Осознанно, отнюдь не впопыхах —
Два имени хочу увековечить,
Запечатлеть в темнеющих веках.
Чего бы я потом ни говорила,
Всё рыцарство московское — фигня,
Когда припомню Вульфа Михаила,
А вместе с ним и Гошу Воробья.
Один из них — второй, другой — не первый.
Идальго костромских я не предаю!
Мне эти двое вытрепали нервы
На зависть трём столичным господам.
Пусть от горя мучаюсь ночами,
Припомню этих двух — и полегчает.

* * *

Не Божий, а вполне животный страх
Не выдам ни гримасами, ни плачем.
Большая честь — гореть на двух кострах.
Зачем коптеть? Трещи как можно жарче:
С двух обжигов красивей кирпичи.
С двойным клеймом загадочнее лица.
Подпрыгивай, кукожься и шкварчи —
Дай Господу предлог повеселиться.
Пусть Творец, когда посмотрит вниз,
Узрит, что в половинном нашем веке
Не вытравил тлетворный гуманизм
Удвоенных стремлений в человеке.
Двукрылый ангел пляшет за спиной
Того, кто мучим карою двойною.

Владимир НЕЧАЕВ

Две грозди винограда

В ХОЛМАХ

Пусть будет, как он задумал. Потом что-то неизбежно вмешается, но есть замысел, идея, которая держит. В конце концов, это оправдание: я не был пуст, воля автора и прочее.

Ну ладно, поздняя весна. Холмы. Бурая трава. Кое-где еще лежит снег. Свет контровой. Лошади на дальнем плане. Объектив, конечно, широкоугольный, тут важны пространство, размах. Но главное — не опоздать, не забыть какой-нибудь мелочи, потом ведь изойдешь в пустой ругани.

И Буслаев сажился в рейсовый автобус, погруженный в свое, механически расплачивался с водителем и не мог справиться с беспокойством. Вечера в конце мая долгие, но солнце ждать не станет. Облако набежит, тени лягут — и пропала съемка!

Он прикидывал тяжесть кофра, расстояние от шоссе до холмов и как он достанет камеру, подберет оптику, навернет оранжевый фильтр, а потом будет искать точку, откуда будет снимать, единственную точку, которая и станет оправданием местности, оказавшейся в кадре, единственным ее смыслом.

Он подошел к дому, нажал кнопку звонка у двери. Открыл крепкий старик с коротко стриженной седой бородой, в клеенчатом переднике и нелепом вязаном колпаке на коротком ежике головы. Поздоровались. Буслаев

НЕЧАЕВ Владимир Иванович — поэт, писатель, фотограф, член Союза писателей и Союза фотохудожников России. Родился в 1957 году. Живет в Петропавловске-Камчатском. Автор восьми книг стихов и прозы. Публиковался в журналах «Наш современник», «Москва», «Октябрь», «Урал», «Дальний Восток», «Берега», «Литературная учеба», в альманахе «Камчатка». Постоянный автор газеты «День литературы». Лауреат VII Международного литературного Волошинского конкурса (2009), Государственной премии Камчатского края в области литературы (2011), финалист XXX Международного конкурса имени Андрея Платонова «Умное сердце» (2023).

объяснил, что хотел бы сделать серию фотографий на другой стороне распадка, а времени мало, солнце уходит, и можно ли переобуться, оставить свою городскую обувь здесь и переночевать, если он застрянет.

— Без проблем, — кивнул хозяин и, помедлив, спросил:

— А что, Мария тебя не узнала в последний твой приезд?

— Нет.

— Я ей сказал, кто приезжал.

— Как она, держится?

— Плохо. Не будет толку. Четвертый insult. Родственники ее не пускают, говорят, живите в городе. Я им сказал, что там умру. Мне лучше здесь.

Старику хотелось поговорить, излить душу. Старик не спешил.

— Козлят сфотографирую.

И Буслаев согласился: хорошо, ладно, сфотографирую козлят, а сам подумал, что пленка дорогая и может не хватить на холмы и на лошадей в контровом свете. Пожалел, конечно, пленку, но шел за стариком в дом, к закуту, где жались три новорожденных козленка, доставал камеру, менял оптику, вставлял на табурет, потому что нужна была высокая точка съемки, включал вспышку, хотя вспышку не любил. Но свет в мутных окнах кончался, и надо было как-то выкручиваться.

— Ну вот, — сказал Буслаев, старательно сделав три снимка. — Я пойду, солнце заходит.

Вернулся он через час, так ничего и не выходя. Он даже не открыл кофр, потому что фотографировать было нечего. В низинах лежал грязный снег. И лошадей пастись не выгнали. Буслаев просто потерялся среди бездумного ландшафта. Просветленная оптика ослепла. Не помог и оранжевый фильтр. Дух места ушел. Это сразу понимаешь, не нужно ноги топтать. И трава показала ему какой-то особенно поблекшей и невыносимо прошлогодней.

— Всё одно у меня ночуешь, — суетился старик. — Ты моих козлов запечатлей! Я их кастрировал, а посмотри, как вымахали!

«Козлы так козлы», — думал Буслаев, накручивая светосильный «портретник», и шел к козлам.

Козлы были рослы и пугливы. Они с любопытством приглядывались, а потом отбегали. Было что-то неуловимо непрочное в повороте и посадке их голов. Смотрели с легкой усмешкой. Подхватывались, когда он приближался. А он оставлял свою камеру и всё пытался заглянуть в бездонную щель козлиного зрачка, удивлялся легкому янтарному цвету глазного яблока.

Они были древние, эти животные: мы всё видели, всё знаем, всех переживем.

— Может, сходить в магазин, за водкой? — сказал он старику. — Ночью будет холодно.

— А куда же ты пойдешь? — хмурился хозяин.

— Да через дорогу.

— Нет там, и надо тебе это?

— Можно и без этого, — соглашался Буслаев, понимая, что старик зашивается, и какая тут водка, когда скоро ночь, а нужно кормить живность, и козы не доены.

Он чистил картошку, собирал ужин, слушал блеяние коз в долгих весенних сумерках. Кавказская овчарка срывалась в лай, потом затихала, гремела

цепью. И он слышал монотонную воркотню старика, когда за тяжелой крестьянской работой особенно не задумываешься о смысле и предназначении, а просто доишь, кормишь, режешь на мясо, выхаживаешь новорожденных, — привычно, как привычен поворот небесного колеса.

Сели за стол уже поздно. Хозяин горестно жаловался на одиночество. Ему бы женщину в дом, чтобы прибраться, борщ сварить, и нет ли у Буслаева знакомой в городе. Он с молодой набаловался. Еще и ребенка мог бы сделать.

А с Марией детей не нажили.

— Надо подумать, — сочувственно кивал Буслаев.

Они пили чай, когда старик встал и прильнул к окну.

— Кто-то плачет. Ты не слышишь?

Они напряженно замолчали. За дверью, в пристройке, где был закут, слышался надрывистый крик.

— Это козленок, — забеспокоился хозяин. Он вышел и позвал Буслаева: — Помоги!

Они внесли козленка в комнату, уложили на диван. Козленок хрипел, ему не хватало воздуха. Он пытался встать, падал на передние ножки и заваливался на бок. Он кричал, просил помочь суетящихся рядом людей и умолкал. Бока его тяжело ходили.

Они беспомощно смотрели на умирающего.

— Кончается, — сказал хозяин.

Козленок замолчал. И опали бока.

— Пусть здесь полежит... Отойдет... Теплый еще... Вот теперь я бы выпил. За помин души!

«Легко сказал, весело, — думал Буслаев. — И это в привычку. Божья тварь увидела свет и умерла. И привычен ужин рядом со смертью. Привычно любить женщину, от которой пахнет козами и травой. Только женщины нет. А я пленку пожалел...»

Он поднялся, стараясь не глядеть на остывающее тело, ставшее вещью.

— Поеду я, пожалуй. Доберусь как-нибудь. А за ужин спасибо.

Старик не удивился и не стал отговаривать. Дескать, решил так решил.

И Буслаев скоро собрался, подхватил кофр, пошагал с пригорка к дороге. И услышал уже в темени:

— Ты не говори им, что я старый. Я потом сам...

Буслаев видел прямоугольник света распахнутой двери и силуэт старика.

— Не скажу, — откликнулся он.

КРОВЬ НА РУКАХ

Рассказ таксиста

...Всегда любил собак. Маленький был, думал, они улыбаются. Автомобиль — нет, не уважал. И шофером, как многие мальчишки, не хотел стать. Пятьдесят четыре года живу, голова седая. Собаку не завел, а за рулем три месяца. Машину купили по настоянию жены. Она на права давно сдала. Как деньги появились, взяли подержанную «тойоту».

ДВЕ ГРОЗДИ ВІНОГРАДА



Рисунок Вадима ЖУКОВА

У меня корки на вождение двадцать лет пылились. Получил еще в советское время. В школе ДОСААФ водил «зиллок», 130-й. С тех пор за баранку не садился. Жена от машины меня оттирала: как бы не разбил, опыта, дескать, мало. Я снисходил, что называется, а потом подвинул и сам стал водить. Женщины неохотно отдают управление. Здесь нужно твердость проявить. Жена буквально вцепилась в руль.

— Чего ты? — говорю ей. — Я же мужик!

Опыт по ночам набирал, когда движение слабое. Как-то выезжал на мигающий светофор, а по главной «японец» гонит... Иной раз не понимаю, в какой стране живу... Язык стал чужим, вывески, шмотки... Что это, если не оккупация? Но я не о том, о людях я... всё те же люди. Измельчали только...

Ну, видел я иномарку, да скорость трудно определить, когда фары по глазам. Мне показалось тогда — успею. Налево стал сворачивать, а машина аккуратно мне в бок летит. Они по тормозам ударили. Зад машины задрало, пыль столбом, едва не перевернулись... Я на газ! По главной пошел... В зеркале вижу: развернулись и за мной идут. Я еще прибавил, и они прибавили. Потом узнал, сколько их в машине... Как в кино было. В каком-нибудь боевике... Погоня и всё такое... Почему не остановился? Наверное, страх был... И азарт животный — в скорости потягаться. Ночью зверь гуляет... Игра началась...

Прижали они меня к обочине. Двое из машины выбегают, лет по двадцать пять. Один плотный такой, качок, а второй повыше на голову, худой. Злые, как черти. Я ждать не стал, вырулил на дорогу. Они только в борт моей «тойоты» кулаками вдарили. Гнали, как собаки волка...

Вот тогда сильно я разогнался! Пошел в кварталы... А конец ноября, лед на дорогах, особенно на периферийных, куда я стал уходить. Меня и вынесло на целину. Там снегу по колено... Машина еще шла, а потом встала. Двигатель я заглушил, посидел немного. Ясно было, что наклевывается горячая драчка.

Навстречу им пошел...

Они сразу поняли, что мне не выбраться, радостно так вскрикивали и не больно торопились. По-моему, даже чуть подвывали, расправу предвкушая, как борзые...

Первым набежал коренастый и с размаху вкатил мне пониже левого глаза. Он думал, упаду я. В снег они хотели втоптать меня, в лед вбить, чтобы я не путался у них на дороге, быстрой езде не мешал.

И я как будто проснулся. Это после удара коренастого. Он где-то нахвтался восточных приемов, всё подпрыгивал, бил ногами. Только на гололеде крепко надо стоять. А мне падать никак нельзя было. Худой, высокий, поскромнее работал, да только злей качка оказался.

Я ловил четыре кулака как мог. И удачно ловил. Но вот не было к ним злости. И драйва, как теперь говорят, не было. Бог сына не дал, а эти в сыновья мне годились. Может, пороли их мало в детстве, сказок не читали на ночь. Головы разбивать я не хотел. Не чувствовал своей правоты...

Стали они остывать. Худой еще кинулся ко мне. Я его пятерней в лицо остановил. Верно, тогда и перемазался чужой кровью... Из той породы они были, когда норовят горлом взять, нахрапом, а если сразу не вышло, уходят.

— Знаешь, сколько стоит наша машина?! — это качок орал.

Я не знал. Хотел одного: скорее бы свалили. Я тоже орать могу... Лицо худого в крови... Всё, думаю, хватит, поиграли...

На мое «ша!» они еще огрызались по-собачьи, но уходили к своей дорожной машине. Левую щеку у меня разнесло. Ныло плечо и колено...

Хромал к своей «тойоте», когда подрулили ко мне три совсем разбитые иномарки. Встали в рядок поодаль, свет в лицо палят. Я не знал, что у них там в головах. Я был как пустая бутылка... Драться сил уже не осталось. Вытащил из багажника газовый ключ, второй номер. Стоял, смотрел на них, а они на меня. Потом одна за одной они ушли.

Позже мужик появился, рыжий и поддатый в одинаковой степени. Представился полковником пожарной службы. Скучно ему было. Где-то у него гараж и трос буксировочный. Полковник настаивал. Хотел кайф продлить.

— Как тебя занесло! — говорил полковник. Всё в глаза заглядывал.

Он думал, что в «тойоте» у меня спиртное. Тогда я решил крепкую машину поискать.

— Побудь, — говорю рыжему, — посторожи.

К домам я побежал... Джип с водителем нашел на удивление быстро. Ночью город своей жизнью живет. Надо лишь присмотреться. Я рассказал, что застрял и хорошо бы дернуть машину из снега. Подробности были ни к чему. Я его тогда другом назвал... И парень внимательно глянул на меня. В теневых структурах он крутился, может быть, бандитских. У таких людей печать на лице...

— Ладно, — сказал он, — позже...

Обратно бегу, а полковник в бардачке моей «тойоты» роется.

— «Аварийку» тебе включил, — он мне.

— Это разумно, — и на руки его смотрю.

— Залез в бардачок... — сказал полковник, так, словно сомневался, что залез, и в толк не возьмет — зачем?

— Вижу, — говорю ему.

— Стирал отпечатки пальцев... — он вздыхает.

Мы вышли на снег. В салоне тесно становилось. Полковник стыдился и каялся. Все-таки он был сильно пьян... И когда к нам подъехала машина ГАИ, я двинулся от полковника, но тот следом топал, что-то в спину бубнил. Я бодро попросил помощи. Гаишники, молодые парни, с испугом смотрели. Уехали быстро... И чего они боялись? Маленько полегчало мне тогда. Решил, что хуже не будет.

Парень тот, с джипом, не обманул, вернулся. Я неумело суетился с концом троса. Теперь я заглядывал в глаза, только что хвостом не вилял...

— Резина у тебя говно! — сказал парень.

«Тойота» стояла четырьмя колесами на дороге. Я о деньгах ему... Он рукой махнул пренебрежительно. Мы и распрощались.

Утром левую половину лица прячу, да жена рукав увидела в крови.

— На дороге, — говорю, — подрался... Не моя кровь.

А зачем женщине детали? Ей главное, что живой. Водить я научился, только к собакам остыл после этого. И когда по зеркалам ночью чужие фары — особенно сзади, не люблю.

ДВЕ ГРОЗДИ ВИНОГРАДА

I. Инна

Нужен был дождь за окном, чтобы он вспомнил. Мелкий, осенний. И серое начало дня, и субботнее безделье.

Вот так же он смотрел через запотевшее оконное стекло вокзала, а Инна шла через вокзальную площадь. Широко шагала крепкая загорелая Инна. «Вот идет женщина», — подумал он. Грива волос цвета меди падала ей на плечи, и в такт шагам волосы отбрасывало за спину.

Он сразу увидел, какая она загорелая в легком коротком платье. Инна — южанка. И город был южный. Житомир-город. И на правой ноге у Инны был бинт. Эластичный бинт стягивал ей колено. Белое на загорелом резко выделялось, и что-то интимное было в этой повязке.

Он сначала бинт вспомнил, а потом и всё остальное. И как искал в записной книжке номер забытого телефона, выуживал гнутую двушку из горсти медяков. «Оставайся там. Я приеду», — озабоченно звучало в телефонной трубке.

Инна бинта не стеснялась. Она деловито спросила, откуда он и куда. И сказала: «Эта морось в сентябре... так нехарактерно». Она чуть картавила. И всё взглядывала на его черную крымскую майку с голубым трафаретом *Wild life* и обожженные солнцем жилистые руки. Загар к нему не прилипал. Он тогда возвращался из Рыбачьего. Заехал, чтобы навестить, провести.

Несколько лет назад они познакомились на пляже в Крыму, всё в том же Рыбачьем. Их лежаки оказались рядом. Аркадий Семенович, высокий седой мужчина, представился отцом Инны.

— Папа работает врачом-кардиологом, а сюда мы на две недели — и домой в свой Житомир, здесь не пыльно, и чистое море, и дешево; мы всегда здесь отдыхаем, — без умолку говорила Инна. Аркадий Семенович больше молчал.

Когда они первый раз уплыли в море, она поведала: «Ты папе понравился». Его это ни к чему не обязывало. Беспечные, легкие дни. И отношения их с Инной были похожи на игру молодых зверей. Они и не поцеловались-то ни разу.

По утрам, часам к девяти, сходились под пляжным тентом у своих лежаков, выкладывали из сумок полотенца, фрукты, что-то от солнечных ожогов. Белокожий Аркадий Семенович на солнце не выходил, почти не купался и читал газеты. «Папа так устал в своем кардиоцентре!» — жаловалась Инна. С колодой карт в руках они подсаживались к скучающим на пляже, раскидывали в дурачка, а потом шли туда, где стояли желтые бочки с газированным белым вином, брали две большие кружки, медленно цедили холодное вино и лениво говорили ни о чем. Они могли и просто молчать, ничуть не тяготясь этим. Иногда он что-то напевал из репертуара Булата Окуджавы. Тогда все от Булата сходили с ума. Инна отбрасывала рукой свою львиную гриву волос со лба и поощрительно улыбалась. Ей только-только исполнилось девятнадцать лет. Она была порывистая и широкая в жестах. Чуть грубоватая, как бывают грубоваты молодые хохлушки.

Это и теперь в ней осталось. Появилось и новое за два прошедших года после того беспечного лета в Крыму: что-то неотвязно заставляло собирать кожу на лбу в легкую морщинку и старило ее лицо.

Инна повезла к себе, на вокзале им уже нечего было делать. Он понимал, что жизнь ее переменялась. «Вышла замуж?» — «Нет», — покачала она головой. И он больше не поднимал тему перемен.

По дороге он купил гроздь винограда и бутылку шампанского.

Инна жила в частном секторе. «Икарус» скрипел на поворотах.

И опять ему вспомнилась желтая, под цвет венгерского автобуса, винная бочка и крымское шипучее вино. И последний вечер перед отъездом Инны и Аркадия Семеновича. Какие-то заезжие московские артисты давали концерт в поселковом клубе Рыбачьего. Вечер русского романса.

На пляже они втроем договорились о встрече. И Аркадий Семенович смотрел на него с ожиданием. Словно бы наметилось у них конкретное что-то в отношениях с Инной. Стало понятно, что прелюдия подошла к концу. И другого времени для разговора не будет. И ведь он готов был к решительному жесту... взять лицо Инны в свои ладони, приблизить к своему лицу...

Пережидая полдненную жару перед концертом, он уснул и проспал и время встречи, и все русские романсы. Он никуда не пошел. И с легким сердцем спал всю ночь.

Утром на вокзале он видел упрек в глазах Аркадия Семеновича. Дескать, что ж ты, ухажер?.. И за пять минут до отхода поезда оправдания его были легки, как и всё, что было у них в том июле.

Когда он занес чемоданы в купе, Инна шутливо и весело чмокнула его в щеку.

«Разве так не бывает? — спросил он себя, глядя в мутное от дождя стекло окна. — Что-то упущенное...» Дело ведь не только в сожалении. Ему всегда не хватало отца. Отец умер рано. Не было с отцом разговоров по душам, когда говорят на равных. А с Аркадием Семеновичем у них внутреннее согласие и понимание сложилось. Что-то знал кардиохирург, чего не знал он, студент третьего курса института, и что искал в понимающем человеке. «Папа», — говорила Инна. А внутри у него отзывалось — «отец».

Они сидели на диване, смотрели семейный фотоальбом Инны. Это он потом пересел к ней. Неловко ему было разговаривать, когда Инна, улыбаясь, забросила ногу на ногу широким движением. Ноги у Инны ладные, загорелые, словно свежий хлеб из печки. И короткое платье их совсем не прикрывало.

Они были вызывающе обнажены. «Горячие ноги...» — подумал он тогда. Ему захотелось притронуться к ним рукой. И он отвернулся, увидел виноград в хрустальной вазе на столе. Несколько ягод были чуть подгнившими. И вся гроздь показалась ему увядшей.

— Папа умер год назад. Вот здесь он красивый, правда?

— Да... Что же с отцом случилось?

— Инфаркт, — Инна говорит ровно и чуть морщит лоб. — Я привыкла.

Осенний пейзаж. Черно-белая глянцевая фотокарточка. Высокий, в длинном черном пальто, Аркадий Семенович стоит среди облетевших деревьев. Они склоняются над альбомом, тесно касаясь плечами. Разглядывая фото, он, кажется, произнес тогда слово «джентльмен».

— Да, у папы была порода, — согласилась Инна.

Этим разговором в пасмурном дне всё и закончилось. Он вдруг заторопился: «У меня поезд через два часа на Москву». Инна смотрела на него, и морщинка посреди лба становилась глубже.

2. Иван

Он соврал. Не было особенной спешки. Московский поезд уходил только через сутки. А в деревне под Житомиром жила бабушка Пинчинская.

Бабушка уехала от берегов северной реки Тымлат на Украину очень давно. Ему было лет семь. Он хорошо помнит, потому что умер дед Тимофей и бабушка осталась одна. И осталось фото, где он, трехлетка, держит деда за руку.

Он воспитывался под присмотром бабушки с грудного возраста. Пинчинские привязались к нему и звали своим внуком. А родители его привыкли к Пинчинским и называли их дедом и бабой. У Пинчинских своих детей не было.

На Украине Пинчинская сошлась с Иваном. И стала Толочкиной. Иван тоже был с Дальнего Востока. Во время войны Иван оказался в плену и попал в концентрационный лагерь Бухенвальд. Ивану повезло: до самой Победы и освобождения он работал в Бухенвальде поваром. Не повезло ему в России. После немецкого плена Толочкина осудили как врага и отправили на вольное поселение валить лес в Уссурийский край.

Отбыв срок, Иван завел хозяйство и остался на Амуре. И жить стало действительно легче и, может быть, веселее, что бы там ни шептали по углам. Но в 60-х китайцы наладились переходить границу и селиться за Амуром. Они притесняли русских. Ивану пришлось вновь менять место жительства.

Об этих человеческих изгибах у них в семье узнавали из длинных и нечастых писем, которые приходили с Украины.

Он вспомнил название деревни: Дубовцы. Тогда, в Житомире, ему оставалось лишь взять билет на автобус. Не мог он вот так уехать!

В магазине, словно соблюдая некий ритуал, он купил большую гроздь винограда «дамские пальчики» и бутылку водки.

Деревня была в сорока минутах езды. Заходящее солнце скудно освещало убранные поля. Деревня оказалась маленькой. Дом Толочкиных — чистенький, беленный известью, — стоял с краю, на отшибе. Во дворе дома росли две яблони. Отсутствие забора и хозяйственных построек делало дом беззащитным. На всем лежала печать временности. И деревья казались здесь случайными, так, словно бы забрели и остались, а завтра тронутся дальше.

Толочкин встретил его молча. Медленно обтерев ладонь краем рабочего фартука, надетого на голый рыхлый торс, так же молча пожал руку. «Тася в больнице, — сказал медлительный Иван, — в Ровно. — Глаза его заблестели. — А я вот баню делаю, — добавил Толочкин, помолчав. — Тут ни у кого нет бани». И он в ответ Ивану удивился: как же дом в деревне и без бани? «Здесь все так живут, а я не могу», — говорил Иван и покрывал стену влажной рыжей глиной.

Он закончил работу и пригласил пройти в дом. И лампочку под низким беленым потолком зажигать не стал, может быть, экономил по давней лагерьной привычке. Последний свет вечера еще заглядывал в маленькие окна. Но в комнате казалось пусто и сумрачно.

Надо было достать из сумки гостинцы, приноравливаясь к грузному Ивану, помыть виноград, разлить по рюмкам водку.

— У меня желудок больной, — сказал Иван. — Маленький после лагеря. — Он не уточнил, после какого. — А водку можно. Только не слишком. — И терпеливо, почти безучастно ждал, наблюдая приготовления, как привык

ДВЕ ГРОЗДИ ВИНОГРАДА

не помнить о времени в местах заключения. А гость думал, что зря он сюда приехал и что Толочкину всё едино.

И он решил, что в больницу в Ровно не поедет. Крюк большой, и билет на поезд пропадет. «Потом, — сказал он себе, — в другой раз...» Поезд проходил ранним утром, и до станции нужно было еще идти пешком.

В глубоких сумерках они пили водку и молчали. Хозяину, наверное, вспоминался Бухенвальд, а может быть, Иван думал о строящейся бане, и как это будет хорошо, когда работа закончится. Что же лезть в душу старого человека!

Он вышел во двор. Грифельные силуэты яблонь впечатывались в нежно-розовый украинский закат. Подойдя к дереву, он тронул шершавый ствол. Спелое яблоко сорвалось с ветки и задело его плечо. Упало еще яблоко и еще. Это было как неожиданное приветствие от бабушки, которую он называл в детстве Пинчинской. И которая теперь Толочкина и где-то в Ровно...

Выросший на Севере, он не разбирался в сортах яблонь, как не знал и южных птиц, что обитали в ветвях, и названий трав, растущих у подножия дерева. До сих пор это не касалось его, как чужая жизнь, проходящая мимо.

Он поднял яблоко. Оно было маленькое и ладное. И тихо, и тонко пахло материнским, от которого только что оторвалось. Может быть, антоновка? Зайти и спросить Ивана? Но через минуту он забыл об этом. Стоял и слушал близкую ночь. И тьма обступала и казалась бархатной.

За окном было всё так же темно, когда Иван разбудил его. Он легко проснулся и быстро собрался. «Я провожу», — сказал Иван.

На востоке светлело. Свежий ветер по-осеннему гнал рваные облака. И облака длинным росчерком косо пересекали светлую полосу неба.

Они вышли за околицу. Иван махнул рукой в сторону огня, горевшего далеко над самой землей: «Станция там! Как раз выйдешь. Поезд стоит две минуты». И без лишних слов они обменялись рукопожатиями.

Тропинка под ногами лишь угадывалась. Билет лежал у него в кармане и определял близкое будущее. Билет был как последняя зацепка совести.

Всё-таки он оглянулся назад. Казалось, Толочкин сутулится и смотрит ему вслед. Но Иван уже уходил и почти терялся в синих тенях.

Лучше не ворошить старые записные книжки. Время прошло — и тот город отдалился. И страна Украина, и память о ней стали сами по себе. И от девушки-женщины с гривой медных волос теперь осталось лишь имя.

А Тася Толочкина из Ровно не вернулась, не переборола свою болезнь. Это он позже узнал, получив короткое письмо. Буквы в словах у Ивана разбредались, и держал их лишь общий смысл сообщаемого.

Защитники Сталинграда: судьбы и свидетельства

Александр ФОЛИЕВ

Он дрался с врагом, как лев

В современном кино политработники Красной армии показаны, как правило, трусливыми и страдающими от ожирения людьми. Они гонят солдат на немецкие пулеметы, а сами отсиживаются в тылу. Замечу, что это превратное мнение людей, весьма далеких от реальной истории Великой Отечественной войны.

Герой Советского Союза полковник Михаил Арсентьевич Кузнецов — политработник, который 22 июня 1941 года встретил войну в Бресте; совершил выдающийся подвиг, защищая Сталинград; участвовал в Параде Победы в 1945-м.

Он родился 10 октября 1919 года в деревне Отрада Курской губернии. Крестьянское семейство Кузнецовых, судя по всему, жило очень бедно. Поэтому в 1931 году 12-летнего Мишу родители отправили в Донецк, куда раньше поехали его старшие братья. Подростком он начал работать на строительстве металлургического завода. Позже, в Макеевке, окончил фабрично-заводскую семилетку, а в 1938 году — прокатное отделение Макеевского металлургического техникума. После окончания учебы Михаил трудился на Макеевском металлургическом заводе, был секретарем цеховой комсомольской организации. По его инициативе впервые на заводе организовали комсомольско-молодежные смены.

Из него, возможно, мог бы получиться со временем известный инженер, организатор производства или успешный партийный работник. Как принято говорить в таких случаях, у него была бы «типичная биография советской молодежи 30—40-х годов прошлого столетия». Но в жизни Михаила Кузнецова 7 октября 1939 года произошел крутой поворот.

ФОЛИЕВ Александр Сергеевич — журналист, краевед, фотограф. Родился в 1953 году. Живет в Москве. Окончил Военную артиллерийскую академию имени М. И. Калинина. Подполковник в отставке. Сейчас — корреспондент газеты «Волгоградская правда». Публиковался в местных и федеральных изданиях. Основные интересы — история Сталинградской битвы, вооружение и военная техника Красной армии времен Великой Отечественной войны, оборона Царицына в 1918—1919 годах.

Именно в этот день Макеевский районный военкомат призвал его на службу в Красную армию. Сначала он был направлен в 112-й запасной стрелковый полк Ленинградского военного округа. В этом полку молодой, политически подкованный, активный и грамотный красноармеец вскоре становится заместителем политрука роты. В составе 255-го стрелкового полка 123-й стрелковой дивизии Михаил Кузнецов участвовал в советско-финской войне. Он дошел от границы до Выборга, участвовал в боях по прорыву финских укреплений на Карельском перешейке, был участником освободительных операций в Латвии, Литве и Эстонии.

В 1940 году Михаил Кузнецов прошел ускоренный курс Минского военно-политического училища Западного особого военного округа. В Вооруженных силах Советского Союза проходила скрытая мобилизация — страна готовилась к войне и нуждалась в подготовленных военных кадрах. Поэтому не случайно молодой младший политрук Михаил Кузнецов (что соответствовало званию лейтенанта для командного состава) после учебы был направлен на должность политрука минометной роты 44-го стрелкового полка 42-й стрелковой дивизии. Полк дислоцировался в пограничном городе Бресте и в самой Брестской крепости. Им командовал майор Пётр Михайлович Гаврилов — тот самый майор Гаврилов, который стал одним из организаторов героической обороны Брестской крепости. В 1957 году ему присвоили звание Героя Советского Союза.

С первых даже не дней, а часов войны судьба была благосклонна к М. А. Кузнецову. Политрук роты оказался среди тех бойцов и командиров Красной армии, кто сумел вырваться из окруженной Брестской крепости и догнать отступавшие войска. С августа воевал на Западном фронте в должности политрука минометной роты 537-го стрелкового полка 160-й стрелковой дивизии. Позже в наградном листе о нем написали: «Участвовал в боях под Гомелем, Смоленском, Харьковом, Купянском, на Донском и Сталинградском фронтах». Рассказывали, что политрук бесстрашно участвовал в ночных рейдах в тыл врага, брал языков, свободно говорил по-немецки и виртуозно владел разными видами оружия. Он был из тех политработников, чей принцип службы — «делай, как я», а не «делай, как я сказал».



**Герой Советского Союза полковник
Михаил Арсентьевич Кузнецов***

* Фотография участника Великой Отечественной войны взята с официального сайта Министерства обороны РФ «Память народа» (pamyat-naroda.ru).

В ноябре 1941 года Михаил Арсентьевич получил назначение во вновь формируемую на Юго-Западном фронте в районе Воронежа 124-ю стрелковую дивизию (два формирования). Он стал политруком роты автоматчиков. В чем особенность такого подразделения стрелкового полка? Вооружены солдаты роты были 7,62-мм автоматами ППШ (пистолет-пулемет Шпагина образца 1941 года). Комплектовалась рота обстрелянными, опытными и самыми лучшими солдатами. Как правило, рота автоматчиков предназначалась для выполнения наиболее сложных задач в бою и чаще всего составляла резерв командира полка. Соответственно командиром роты, политруком роты и командирами взводов назначали лучших командиров в полку.

Немного забегаая вперед, заметим, что к ноябрю 1942 года Кузнецов — один из немногих, кто был в боях ранен пять раз. Ранения — это плата за смелость в боях.

Особую, знаковую роль в жизни и боевой биографии Михаила Арсентьевича сыграла Сталинградская битва. В тяжелейших боях одного из главных сражений всей Второй мировой войны, многократно рискуя здоровьем и жизнью, он совершил свои выдающиеся подвиги.

Как он воевал, видно из наградных листов. Писали их не столько кратко, сколько поистине сурово и честно, а о политруке М. Кузнецове — восторженно и вдохновенно: «...как непосредственный участник Отечественной войны проявил себя стойким, мужественным и смелым воином Красной Армии. ...В боях за высоту... т. Кузнецов дрался как лев, проявляя бесстрашие и смелость, как политрук роты умело руководил наступлением». Такое в наградных документах времен войны встретишь очень и очень редко!

Мало кто в ходе оборонительного периода великой битвы на Волге был трижды удостоен правительственных наград так же, как заместитель командира роты автоматчиков старший лейтенант М. А. Кузнецов, а именно: медали «За боевые заслуги», ордена Красной Звезды и ордена Красного Знамени. Самое большое и полное описание его подвигов было сделано в представлении к званию Героя Советского Союза:

Гвардии старший лейтенант КУЗНЕЦОВ М. А. в боях с немецко-фашистскими оккупантами проявил себя мужественным, смелым и решительным командиром, не знающим страха, презирающим смерть в борьбе с врагом.

Тов. Кузнецов — символ бесстрашия и победы, он наводит ужас на врага, где воюют автоматчики Кузнецова, там врагу не уйти, ибо Кузнецовцы бьют врага наверняка — по-гвардейски.

В бою в районе хутора Сенюткин 3 октября 1942 года Кузнецов с группой автоматчиков, выдвинувшись вперед, блокировал вражеский ДЗОТ, мешавший продвижению наших наступающих подразделений. Уничтожил весь его гарнизон и захватил станковый пулемет, из которого начал вести огонь по немцам и уничтожил до 30 фашистских солдат, двух офицеров. В это время началась стрельба со второго ДЗОТа, ряды автоматчиков поредели, был убит пулеметчик замполит тов. Бойко, и тогда Кузнецов, оставшись один, начал вести губительный огонь по противнику и, не отступив ни на шаг, удержал рубеж, покуда подошло подкрепление.

Тов. Кузнецов подполз и забросал гранатами второй ДЗОТ. Путь для движения был открыт.

При наступлении на хутор Средне-Царицынский 20.11.42 г. стало известно, что противник подтягивает артдивизион для отражения атаки наших войск. Тов. Кузнецов зашел в тыл движущейся колонне и всей группой автоматчиков в количестве 15 чел. обрушился на них массированным огнем. Противник был застигнут врасплох. Автоматчики перебили весь личный состав дивизиона в количестве 56 человек, 16 исправных пушек и 96 лошадей были взяты в качестве трофея.

Ворвавшись в хутор Средне-Царицынский, тов. Кузнецов начал очищать дома и чердаки от засевших там автоматчиков.

Им было уничтожено 16 фашистских солдат и офицеров. Всего за 5 дней наступательных боев он лично уничтожил 88 гитлеровцев и 64 взял в плен. Его ротой автоматчиков уничтожено до батальона пехоты противника и захвачены трофеи: 27 пушек, 196 лошадей, 27 ручных пулеметов, 4 миномета, 17 автоматов, 7 автомашин и склад с боеприпасами, продовольствием и амуницией.

В этих боях тов. Кузнецов героически сражался с врагом, личным примером храбрости и военной смекалки воодушевлял бойцов на героические подвиги во имя победы над врагом.

Тов. Кузнецов — ветеран полка — он воюет в нем с первого дня существования дивизии. Имеет пять ранений.

За это время он завоевал неувядаемую славу героя Великой Отечественной войны, доблестного воина Сталинской закалки, неустанного борца за счастье народа, за победу над гитлеровским фашизмом.

Он награжден правительственной наградой — орденом «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА».

Тов. Кузнецов, как бесстрашный герой Отечественной войны, как верный сын нашей Родины, беспредельно преданный делу партии Ленина — Сталина и Социалистической Родины достоин присвоения звания: «ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА».

Уточним некоторые детали. Что такое «группа из 15 автоматчиков», с которой Кузнецов зашел в тыл колонне вражеского артиллерийского дивизиона? По численности это всего лишь одно отделение автоматчиков. Их действия стали верхом военной дерзости. Кстати, рота автоматчиков полка взяла в качестве трофеев 27 артиллерийских орудий противника — полный артиллерийский полк. А сам замполит роты убил и взял в плен около 150 врагов — фактически пленил один целую пехотную роту.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 февраля 1943 года «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм» гвардии старшему лейтенанту Кузнецову Михаилу Арсентьевичу было присвоено звание Героя Советского Союза.

Иногда можно слышать, что такие подвиги больше походят на выдумки. Но все материалы взяты из архивных документов военного времени. Часто сухие строчки документов войны не идут в сравнение с фантазиями.

В марте 1943 года, ставший к этому времени командиром стрелкового батальона, М. А. Кузнецов получил тяжелое ранение и контузию. После лечения по состоянию здоровья медицинской комиссией он был признан негодным к строевой службе.

Но он не смирился с этим и всё же продолжил службу — заместителем начальника политотдела эвакуированного в Сибирь Киевского военного Краснознаменного училища связи имени М. И. Калинина.

В сентябре 1944 года Михаил Арсентьевич стал слушателем Высших всеармейских военно-политических курсов Главного политуправления РККА в Москве. Символично, что 9 мая 1945 года именно ему было доверено выступать по Всесоюзному радио с праздничным обращением к советскому народу по случаю Победы в Великой Отечественной войне.

24 июня 1945 года М. А. Кузнецов участвовал в знаменитом Параде Победы на Красной площади столицы. Мой скромный опыт исторических поисков судеб фронтовиков показывает, что лишь единицы военнослужащих Красной армии смогли пройти дорогами Великой Отечественной войны от западной границы страны до Парада Победы.

В 1946 году Михаил Арсентьевич окончил Высшие военно-политические курсы, а в 1951-м — и Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. Дальнейшую службу полковник М. А. Кузнецов проходил в качестве начальника политического отдела 89-й гаубичной артиллерийской бригады, затем в Гороховецком артиллерийском центре Московского военного округа в Горьковской области. С 1960 года и до увольнения в запас в 1974-м был начальником политического отдела Ярославского областного военного комиссариата. Первое время после увольнения жил в Ярославле, позже переехал в Москву.

Герой Советского Союза полковник М. А. Кузнецов ушел из жизни 30 октября 2005 года. В Советской армии была такая негласная традиция: политработников, которых уважали в воинских коллективах, называли комиссарами. Таким настоящим комиссаром был и Михаил Арсентьевич.

Татьяна ФЕДОСЕЕВА

Сталинград: послевоенное детство

(Продолжение. Начало в № 1 за 2026 год)

ЧАСТЬ 3. КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА — УЛИЦА БОРЬБЫ, ДОМ 9

Глава 1. О НАЗВАНИИ УЛИЦЫ

Улица Борьбы. Жители этой улицы, как правило, связывают ее название с прямым значением слова «борьба», а именно — вкладывают в него понятие борьбы за победу в Сталинградской битве. В этом понимании только доля правды, но это великая доля!

Решением властей города Сталинграда от 31 марта 1954 года одна из улиц Тракторозаводского района была названа улицей Борьбы. Этот исторический факт запечатлен и в Постановлении администрации Волгограда № 749 от 08.07.2024.

Материалы областного краеведческого музея раскрывают историю названия этой улицы. Когда-то, в далеком 1917 году, в Царицыне стала выходить революционная газета «Борьба», которая, следуя историческому развитию города и его названия, последовательно переименовывалась в «Поволжскую правду», затем — в «Сталинградскую правду», до 1961 года. В Великую

ФЕДОСЕЕВА Татьяна Алексеевна — педагог, писатель, общественный деятель, ветеран труда Волгоградской области. Родилась в 1952 году. Окончила Волгоградский педагогический институт. Живет в Волгограде. Награждена почетным знаком города-героя Волгограда «За верность Отечеству» (2006), почетным знаком «Признание» Волгоградского Совета женщин (2012). Дипломант литературной премии «Горячий снег» Волгоградского отделения Союза писателей России (2018). Лауреат литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2024). Победитель регионального конкурса «Женщина года» (2025).

Отечественную войну фашистские снаряды разбомбили здание редакции газеты. Но она продолжала выходить. Журналисты шли к бойцам, добывая материал об их подвигах, бывали и в цехах тракторного завода, выпускавшего знаменитые танки Т-34, наблюдали за подготовкой бойцов на армейских полигонах. Газета «Борьба», ставшая в годы войны «Сталинградской правдой», всегда была на передовой событий города.

То, что название улицы Борьбы связалось с борьбой за уничтожение фашистской нечисти на святой Сталинградской земле, — великая народная мудрость, соединяющая усилия в сражении за победу всего советского народа!

Глава 2. МЕСТО ЕСТЬ У КАЖДОГО

Дом по улице Борьбы показался мне невероятно большим: четыре этажа, четыре подъезда! Не дом, а дворец! Наша комната огромная — двадцатиметровая, самая большая в коммунальной квартире. Быт рабочих, в которых мужчины, главы семьи, прошли испытания войной, теперь налаживался. Хотелось верить в свое счастье и в счастье детей.

Большущий-пребольшущий балкон вдоль всей комнаты, где можно играть, вызывал восторг и у детей, и у взрослых членов семьи: каждый находил там и свое местечко, и свое занятие. Мама выращивала цветы — петунью и бархатцы, папа солил и сушил пойманную в Волге рыбу, дети, расстелив одеяла на полу, играли, а жаркими летними ночами и спали на свежем воздухе.

Теперь в комнате на полу больше никому не надо было спать! У каждого было свое спальное место. У меня — отдельная настоящая железная

кровать с панцирной сеткой, на нее укладывали ватный матрас, спинки кровати украшены металлическими шариками, которые всё время хотелось потрогать. Ну просто загляденье! И спать сладко, и покачаться на сетке можно, когда мама не видит.

Моя кроватка узкая — односпальная, стоит по одну сторону платяного шкафа, у родителей — широкая, по другую сторону. Обе обязательно застилались покрывалом с подзором, с вышивкой ришелье (мама вышивала сама и на руках, и на швейной машинке). На мою кровать укладывались две подушки — одна на другую, четыре — так же по две одна на другой — по обе стороны постели родительской. На подушки надевались красивые вышитые наволочки или вышитые покрывала для подушек, их надо было снимать перед сном — берегли.



Радости детства

Маленький брат спал в своей детской кроватке, а когда подрос, у нас появилась небывалая роскошная вещь — черный дерматиновый диван! Диван стал местом обитания брата Николая: он и спал на нем, и играл.

Постельное белье — всё белое. Стиральных машинок не было. Белье стирали вручную, пользуясь ребристой стиральной доской, но сначала его кипятили в бельевых баках.

У всех членов семьи был свой любимый уголок в комнате: у папы — большой аквариум, у мамы — цветок в кадке, который она называла розой за пышные красные цветы.

Моим любимым местом был стол, за которым я школьницей делала уроки, рядом — этажерка с книгами. У брата — коробка с игрушками, которые он разбрасывал по всей комнате, а мама время от времени собирала в эту самую коробку и убирала всё в маленькую кладовку, чтобы не мешались.

Глава 3. КНИГИ В НАШЕЙ СЕМЬЕ

Почти в каждой семье послевоенного Сталинграда были круглые деревянные, покрытые лаком столы с массивными резными ножками (наш стол стоял посередине комнатного квадрата); деревянные этажерки, состоящие из нескольких полок, скрепленных четырьмя вертикальными, тоже резными стойками.

Этажерка служила местом для красивых вещей и для книг. Полки ее накрывались кружевными или вышитыми салфетками маминой работы. Верхняя полка этажерки, как и у многих граждан Страны Советов, была украшена семью белыми слониками — символом благополучия и счастья; на остальных у нас размещались книги, количество которых увеличивалось с каждым годом. В нашей семье читали все: папа, который не выпускал книги из рук, мама — в свободное от домашнего хозяйства время и я, начавшая читать, как только отец научил, еще дошкольницей пристрастилась к этому семейному увлечению. С взрослением чтение становилось для меня главным занятием каждой свободной минуты.

В дошкольном возрасте, когда я еще не умела читать, папа читал мне сказки вслух. «Конек-Горбунок» Петра Ершова, прекрасно иллюстрированная поэма С. Михалкова «Дядя Степа — милиционер», книга «Сказки» А. С. Пушкина были нашей первой домашней библиотекой. Сказки о царе Салтане, о попе и его работнике Балде, о мертвой царевне, о золотом петушке мне так нравились, что я могла их слушать бесконечно. А когда папа только начинал чтение какой-нибудь их них вслух, я тут же подхватывала и продолжала наизусть:

Ветер на море гуляет
И кораблик подгоняет.
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.

— Танюша, наизусть всё знаешь — дальше сама.

Я продолжала наизусть, а когда уставала, сказку читал папа. И так по очереди.

Отец успел закончить перед войной всего семь классов, но в нашей мирной семейной жизни я не помню его без книги в руках. Читала много и мама, когда оставалось время от домашней работы. Мама в своей сельской Лозновской школе также закончила семь классов. На этом школьное образование для массы детей заканчивалось: государство в те годы ставило задачей «обеспечение обязательного семилетнего обучения детей». Но оба моих родителя, видя мой огромный интерес к книге, хорошую природную память, не устали повторять:

— Таня, ты у нас умненькая. Тебе надо выучиться на врача или... — начинала мама.

— На учителя! — подхватывала я весело. — Выучусь, мама, вот посмотришь.

И выучилась. Стала учителем русского языка и литературы. «Ай да Пушкин!..» Ай да папа! Оба молодцы!

Папа очень рано научил меня читать, поэтому наша этажерка со временем стала исключительно полками для художественной литературы. Потом появился и книжный шкаф. Никакие телевизоры не могли меня, школьницу, отвлечь от учения и чтения книг. В начале моего школьного обучения телевизоров еще не было, а когда появились, то единственный канал, вещание которого длилось не более часа, не мешал любимому занятию — чтению.

К моменту окончания школы я жадно читала всё, что требовалось по школьной программе и что мне полюбилось: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского. Купить или «достать», как тогда говорили, нужную или любимую книгу было нелегко. Мама «доставала»: заказанные книги ей всегда находили и оставляли для меня во всех библиотеках в районе, начиная с заводской.

Глава 4. СОСЕДИ. ЗАЩИТНИК СТАЛИНГРАДА ХРАМОВ

В квартире номер 13 на третьем этаже дома номер 9 по улице Борьбы много лет жили соседи — счастливые дружные люди, объединенные мирной послевоенной жизнью коммунальной квартиры. Три семьи. Всего в квартире — одиннадцать человек! Тесно? Не жаловались: все обитатели нашей квартиры, живя дружно, по выстроенным ими же самими правилам, этой тесноты не замечали. Сталинград отвоевали! Живи и радуйся!

Сегодня, возможно, кому-то будет непонятен оптимизм и ощущение ежедневного счастья людьми, заселявшими такие квартиры, и, может, кто-то даже придет в ужас от описания условий жизни в них. Но тогда...

Заглядывая на годы вперед, вспоминаю, что, когда мы, улучшая условия нашего быта, разъезжались по разным отдельным квартирам, расставались, то радовались новому и плакали, прощаясь с жизнью дружного коллектива коммунальной квартиры.

Наши соседи... Все одиннадцать человек, живших на семидесяти квадратных метрах, стали близкими людьми. Мы проводили большую часть жизни на общей двенадцатиметровой кухне, с тесно установленными на ней тремя столами — деревянными, двухстворчатыми, крашенными краской одного цвета, умывальником, который служил одновременно для всех и мойкой для посуды. Общая ванная-душ без ванны как таковой, с цементным полом и стенами, крашенными темно-синей краской. Туалет — полтора метра на полтора,

с чугунным унитазом и фанерной коробочкой на стенке, наполненной аккуратно нарезанной «туалетной» газетной бумагой. Несмотря на всё это, отношения между людьми, живущими в такой квартире, сложились почти родственными.

В первой комнате (у комнат квартиры были номера: первая, вторая и третья) жила семья участника Великой Отечественной войны, пожилого слепого офицера — Андрея Ивановича Храмова. Папа говорил, что он капитан и защищал наш город Сталинград, в бою получил ранение, оставившее его на всю жизнь слепым.

Хорошо помню его в торжественном кителе с блестящими наградами на груди и красивую лаковую деревянную трость, с которой он не расставался. Этой тросточкой Андрей Иванович постукивал по предметам, мимо которых проходил; мы же, квартирная ребятня, застывали на месте, прижимаясь к стене, чтобы не мешать. Но, постепенно привыкнув к слепому ветерану-капитану, который казался нам очень стареньким, стали робко брать его за руку, если он выходил из своей комнаты один, спрашивая:

— На кухню? К столу или к умывальнику?

— К столу, — улыбаясь, говорил Андрей Иванович.

И я или соседка Таня Павленко осторожно вели его к столу, который стоял в самом углу кухни, у окна. Наш сосед усаживался, а мы брали из его рук палочку и устраивали ее в уголке.

— Спасибо, родная, — обязательно благодарил старый воин, усаживаясь на табурете.

Нас охватывало чувство гордости — казалось, что мы сделали что-то очень важное и доброе. Мама поощряла:

— Молодец, это хорошее дело — помочь слепому дедушке.

Взрослея, я осознала, что во время нашего детства капитану Храмову, участнику Сталинградской битвы, не было и пятидесяти лет. Но нам он, сидящий, в темных очках, передвигающийся с трудом из-за слепоты, казался глубоким стариком — дедушкой.

Его жена Анна, которую все дети нашей квартиры, как и их внучка Света, звали Бабаней, соединив в одно слово два — «баба» и «Аня», была верным помощником и опекуном своего мужа. Тогда в нашем детском понимании слово «Бабаня» воспринималось как имя, поэтому и сегодня, мысленно кланяясь этой мужественной уважаемой женщине, до конца жизни сопровождавшей своего слепого супруга, я пишу это слово с большой буквы.

Когда супруги Храмовы вдвоем выходили из квартиры, мы, дети, испытывая робость и уважение, глядя на них, старались не мешать: высокий Андрей Иванович с палочкой в руке шел осторожно, держась за руку жены. Бабаня, несмотря на свой немолодой возраст, казалась нам очень нарядной и красивой. Говорила она не торопясь, улыбаясь, тихо подсказывая супругу, куда идти.

По утрам семья Храмовых обязательно слушала новости по радио, а по вечерам Бабаня читала мужу газеты и книги. Мы слышали всё это через дверь их маленькой комнаты.

Уважение к слепому человеку, офицеру, защищавшему Родину, наш родной Сталинград, было неукоснительным, неписаным правилом для всех обитателей коммунальной квартиры. Молодые отцы в двух остальных семьях-соседях, тоже участники войны, передавали свое почтительное отношение

к слепому командиру нам, детям, как естественное жизненное понятие. Без нравов и объяснений. Всех мужчин нашей квартиры объединила война. На всю жизнь.

Андрей Иванович иногда принимал гостей-однополчан в своей маленькой одиннадцатиметровой комнатухе. Бабаля готовила для ожидаемых гостей чай и угощение; внуку Свету, красивую полную девочку, наряжали в лучшее платье и бантики. Света жила с бабушкой и дедушкой. Ее родители разошлись, как говорила она.

В ожидании гостей в комнате Храмовых и во всей квартире наводился порядок. Волновалась все соседи — однополчане придут!

— Ждем однополчан! — гордо с утра объявила нам, детям, внучка Света.

Первый раз, когда вся квартира ждала однополчан, мне представилось, как по улице Борьбы идут строем десятки однополчан с ружьями, в военной форме. Они один за одним входят в наш подъезд, поднимаются на третий этаж в квартиру с номером 13. Во главе этой колонны — знаменосец с высоко поднятым красным знаменем. Нам было немного страшно, но мы с соседской девочкой Таней Павленко не уходили из коридора: очень хотелось увидеть боевых товарищей Андрея Ивановича. Таня, слушая мои фантазии о целой колонне однополчан с красным знаменем во главе строя, так испугалась, что дрожащим от страха голосом спросила:

— А ты их уже видела, однополчан? Они что? Все с орденами и с ружьями?

Я была так уверена в нарисованной картине появления вооруженных однополчан, что важно кивала. На кухне, как бы по делам, уселись за свои столы все взрослые жильцы коммуналки.

Но, когда в квартиру вошли всего три человека без ружей и в обычной одежде, а не в военной форме, с бумажными свертками и кулками в руках, я немного расстроилась:

— Наверное, это еще не однополчане, — шептала я девочке-соседке Тане. — Подождем, не уходи. Однополчане, наверное, опаздывают. Придут обязательно. Света сказала: «Придут товарищи-бойцы».

Товарищи-бойцы приходили проводить своего боевого командира и после этого первого посещения, но мы их уже не боялись.

Позже, в своей сегодняшней жизни, я нашла в интернет-архиве данные об А. И. Храмове.

Родился Андрей Иванович Храмов 9 августа 1909 года в Саратовской области, воинское звание — капитан, воинская часть — 62-я армия; награды: орден Красной Звезды — вручен 4 марта 1943 года, медаль «За оборону Сталинграда», которую он получил 22 декабря 1942 года. Архив содержит подробное описание подвига Андрея Ивановича, совершенного в Сталинграде, изложенное в приказе войскам 62-й армии от 1 марта 1943 года: «...В боях за освобождение завода „Красный Октябрь“ Храмов был послан политотделом взамен выбывшего замкомбата по политчасти. Храмов вышел непосредственно на поле боя. Разделил бойцов по штурмовым группам, организовал резервную группу из связных. Перед рассветом повел наступление и за 30 минут очистил 2 улицы. Уничтожил 20 дзотов и блиндажей. Взял трофеи — 11 пулеметов, 3 телефонных аппарата противника. Утром Храмов непосредственно сам повел наступление на вырубку штурмовой группы. Окружение было ликвидировано».

Глава 5. ПЕВИЦА И МОРЖ

Внучку Храмовых Свету иногда навещала ее мать, которая работала певицей. Иногда ее пение передавали по радио, и тогда Света выбегала в коридор, призывая всех соседей:

— Включите радио! Мама поет!

Мы все разом включали свои радиоприемники и слушали красивый голос ее матери-певицы. Когда пение заканчивалось, Света, бегая по коридору, начинала хлопать, мы — за ней, радуясь такому необычному событию и крича, как и Света:

— Ура! Bravo! Bravo!

Еще бы! В нашей квартире живет дочь певицы! Виданное ли дело!

А Таня Павленко, которую хвалили за пение в детском саду, а потом и в школе, слушая по радио голос мамы Светы, говорила:

— И я так смогу. Я тоже буду певицей!

Мать Светы, с первого появления в нашей квартире, поразила нас, детей, своей природной красотой: статная, темноволосая, кудрявая, всегда нарядно одетая. Она ушла от отца Светы к такому же, как и она, артисту. Мы, две девочки Тани, не сводили глаз с ее ярких, летящих, шуршащих платьев. Наши-то мамы носили рабочие синие халаты, даже по выходным...

Во время ее нечастых визитов из комнаты Храмовых всегда доносился очень громкий разговор. Было жутко, когда начинал говорить Андрей Иванович. Чаще всего он говорил одно и то же:

— Вернись к Юре, он любит тебя, он не может жить без Светочки! Ты бросаешь такого человека, и его, и дочь!

— Скоро я заберу Свету, подождите немного. Устроюсь — и заберу.

— Опомнись! Какой пример ты подаешь Светочке! — говорила, плача, Бабаня. — Ты лишаешь своего ребенка отца! Ты знаешь: он хороший отец и муж, мой сын воевал, награжден. У него есть отдельная комната, это комната и твоя, и Светочки.

— Я тоже пела в окопах! — оправдывалась невестка.

После таких слов в комнате Храмовых начинали кричать все, а Света плакала. Мы тоже ревели, нам не всё было понятно из разговора-ссоры взрослых людей. Разводы в то время были редкими и нам, детям, непонятными: мы не понимали, почему отец Светы, дядя Юра, жил в доме напротив, Света здесь, у бабушки с дедушкой, а ее мама — с чужим дядей-артистом.

Наконец настал день, когда мама Светы увезла ее навсегда. Больше мы не видели внучку Храмовых. Ее отец, дядя Юра, каждое воскресенье приходил навещать слепого отца и мать. Бабаня каждый раз усаживала сына на кухне, наливая щей, садилась рядом и молча смотрела, как ест ее единственный одинокий сынок. С некоторых пор мы тоже пристраивались за своими столами и смотрели на Светиною отца, поедая его глазами. Случилось это после одной новости, которую сообщила нам о своем сыне Бабаня.

Однажды она, гордо глядя на сына, сказала:

— А вы знаете, дети, что мой сын морж?

— Морж?! — ахнули две Танюшки разом, до конца не понимая, что это такое, но подозревая в этом слове что-то очень опасное. Я решила расспросить вечером о морже своего папу, когда он придет с работы.

— Морж? — удивился вопросу папа.

— Ну да, морж. Это кто?

— Это морское животное, которое иногда называют морским львом. Ну, чем-то похожий на кита, но поменьше.

— На кита? — опять поразила я. — Разве дядя Юра похож на кита? У нас в книжках есть рисунок моржа?

— Такого рисунка нет. Если хочешь, то я попробую нарисовать моржа.

И он нарисовал! Морж был как большая толстая шерстяная рыба, опирающаяся на две передние ноги, но с хвостом, как мне показалось. Морда же у папиного моржа была круглая, с двумя длинными толстыми зубами-клыками.

— Вот это да! — выдохнула я. — Как же дядя Юра может быть моржом? Он не шерстяной, и зубы у него изо рта не торчат.

Папа засмеялся и разъяснил мне:

— Дядя Юра, как и многие воевавшие мужчины, — очень смелый человек, не раз ранен. Привык к испытаниям, привык быть мужественным, защищать свою страну, родных, свою дочку. А тут беда: жена-артистка ушла от него и Свету оставила на его родителей.

— Беда... — прошептала я, готовая заплакать, жалея Свету.

— Вот он, чтобы отвлечься от горя, и стал «моржом», то есть увлекся зимним плаванием на Волге и закаливанием. Заметила, что он даже зимой ходит без пальто?

Я кивнула, хотя до этого разговора ничего такого не замечала. Но в следующее зимнее воскресенье, когда раздался стук во входную дверь, мы с Таней первыми вылетели в коридор, чтобы рассмотреть, во что будет одет дядя Юра — морж.

Я всегда верила тому, что говорил папа, но тут всё же надеялась, что так не бывает, чтобы зимой — и без пальто! Но когда в темный коридор вошел сын Храмовых, сомнения наши улетучились. Он был в теплой вязаной шапочке, но без пальто. Верхней зимней одеждой дяде Юре служила фланелевая рубашка в клетку с длинным рукавом. Нам всё еще не верилось, поэтому, когда он вошел в комнату родителей, повесив рубаху на вешалку в коридоре, мы бросились к ней, чтобы пощупать. Может быть, всё же она меховая?..

— Нет, не меховая! — разочарованно сказала соседка Таня.

— Значит, он настоящий герой, если не боится мороза! Поэтому наша армия и победила фашистов! Такие солдаты, как наши папы и дядя Юра, ничего не боятся! — сделала вывод я.

Семья участника Сталинградской битвы Андрея Ивановича Храмова раньше остальных из нашей коммуналки получила отдельную квартиру в Краснооктябрьском районе Сталинграда. Нам, соседям, взрослым и детям, было жалко с ними расставаться, ведь мы стали одной соседской дружной семьей.

Глава 6. СОСЕДИ ПАВЛЕНКО

Вторую, среднюю по размеру, комнату в квартире занимала семья Павленко, состоящая из матери по имени Мария, отца по имени Петр и дочери Татьяны. Младший сын Вова родится, когда мы с моей тезкой Татьяной уже вступим в юношеский возраст.

Конечно, и в этой семье родители работали на тракторном заводе, который объединял рабочих в единый огромный коллектив, живущий по одним

правилам. Однако жизнь в семье Павленко очень сильно отличалась от правил нашей семьи.

Но замечу: по каким-то тайным сплетениям человеческих судеб и в нашей семье, и в семье Павленко были дочери с именем Татьяна и обе матери носили имя Мария. Но какими разными мы все были!..

Как говорится, чужая семья — потемки. Это определение очень подходило к семейному укладу Павленко. Они жили как бы двумя разными жизнями сразу: для людей — на виду у всех, другая жизнь — тайная, закрытая для соседей и окружающих.

Напоказ были две красавицы: мама и дочка. Природа наградила обеих редкой красотой: темные, густые, слегка вьющиеся волосы, карие глаза с цепким, притягивающим взглядом. Мама Мария Павленко была стройна, с отличной фигурой, как сказали бы сейчас, хоть на подиум; дочка Татьяна с малых лет отличалась детской красотой, привлекающей взгляды прохожих.

— Смотрите, какая красивая девочка! — шептали и говорили вслух видевшие ее впервые.

А когда Таня вошла в юношеский возраст, то на нее оборачивался и стар и млад. Так хороша была ее фигурка.

А еще они пели. Пели очень красивыми голосами дома в своей комнате, в душевой, и, конечно, мама Мария пела в хоре самодеятельности завода, а дочка Таня — в школьном хоре и даже сольно. Пели так, что их хотелось слушать и слушать.

Таня Павленко была старше меня на год. Учились мы в разных школах: меня отдали в среднюю школу № 28, а Таня ходила в обычную школу — № 12. Она была старательной ученицей, к урокам готовилась добросовестно, уделяя каждому предмету очень много времени. Уроки Таня учила на кухне, так как в своей комнате ей не разрешали учить — она мешала родителям отдыхать. Таня решала задачи по математике, всё время обращаясь ко мне, проверяя: правильно ли. И хотя я была помладше, мне приходилось вникать в суть задач и решать их вместе с соседкой. Когда же дело доходило до устных предметов, то весь материал, все параграфы Татьяна читала вслух по нескольку раз, потом и пересказывала по нескольку раз. Если материал по литературе и истории ей удавалось запомнить, то с географией была беда. Ну, не понимала она сути предмета. И тогда опять обращалась ко мне. Я прочитывала нужный параграф и пересказывала содержание понятными ей словами. Танюшка говорила:

— У меня голова часто болит, поэтому и память плохая. — И тут же добавляла, зная, что я много читаю: — А «Отцов и детей» мне завтра расскажешь?

— Постараюсь — роман-то немаленький. Ты, Таня, почитай на ночь хоть немного, а основу содержания я тебе перескажу.

— Ага! На ночь! Мать не разрешает свет включать.

Как ни было трудно учиться моей соседке Тане, оценки она получала только «четыре» и «пять», благодаря усердной зубрежке. Ниже оценки ей получать было нельзя. Поэтому и просила меня помочь с уроками.

И вот тут-то начинается темная история семейной жизни Павленко.

Мать Павленко била свою дочь. Била маленькую за потерянную или сломанную игрушку, била взрослеющую школьницу за замечания, написанные в школьном дневнике, била за плохие оценки, причем плохая оценка начиналась не с двойки: уже за тройку Татьяна получала затрещины от матери.

А за двойки была так, что истошные крики девочки слышала вся квартира. Мать била свою дочь чем попало и как попало: в живот, по голове, вырывала волосы. Татьяна постоянно ходила в синяках. В школе на вопрос учителей: «Что, Танечка, случилось?» — она отвечала однообразно: «Ударилась», «Упала», «Поскользнулась на мокром и упала».

Правду Тане говорить было нельзя. За малейшую жалобу, даже на боль, которую причинял материнский кулак, она получала еще удар. Поэтому, когда мать ее била, Таня старалась молчать. И только тогда, когда уж совсем становилось невмоготу, кричала.

А что же соседи? Органов опеки в то время не существовало — пожаловаться было некуда. Старики Храмовы, сами немощные, делали вид, что ничего не происходит. Моя мама несколько раз, не выдержав таких мер воспитания детей, вбегала в комнату Павленко и вырывала плачущего ребенка из остервенелых рук родной матери. На что та, выталкивая мою маму из комнаты, кричала:

— Не лезь! Не твое дело! Меня мать била, и я буду бить!

Мой отец раз и навсегда запретил маме вмешиваться в эти семейные методы воспитания после случая, когда мать Павленко, озверев, толкнула мою маму, и та упала, ударившись о дверной косяк. После этого у нее очень долго болела голова и не проходило большое синее пятно на виске.

Не подумайте, что я забыла о том, что в семье Павленко был отец. Да, был отец и муж, красивый кудрявый спокойный мужчина. Природа, равнодушная к семейным неурядицам дяди Пети, привела его к привычке выпивать. Каждый день он возвращался с работы с бутылкой вина. Садился на кухне и молча пил. Один. Мой отец, который был ему товарищем по рыбалке, в этом деле не стал ему другом. Невольно напрашивается вопрос: а между родителями Павленко не было ссор и драк?

Ответ короткий: никогда. Что это? Чудовищные противоречия в человеческих отношениях, в отношениях к жизненным ценностям? Почему мать зверски истязала собственного, рожденного ею ребенка и избегала конфликтов с мужем?

Рассказ тихой женщины Кати из села Заплавного

Секрет открылся примерно в середине 60-х годов, когда сентябрьским теплым днем внезапно на пороге нашей квартиры появилась худенькая, тихая, бедно одетая деревенская женщина с белокурой девушкой. Из семьи Павленко дома не было никого. Моя мать предложила подождать Марию Павленко на кухне, женщина согласилась, а девушка сказала, что пойдет погуляет по городу.

Пока деревенская жительница пристраивала привезенные ею мешки с картофелем, яблоками и прочей деревенской снедью, моя мать пригласила ее на кухню:

— Катя, проходите на кухню, я чайку вам приготовлю, — мама с уважением приглашала к столу сельскую труженицу, какой сама была недавно. За чаем с печеньем мама расспросила, кто эта женщина, зачем она приехала в Сталинград, на что та просто ответила:

— Я Катя — Машина подруга, а девушка со мной — это Галя — дочка моя и Марусина, — спокойно продолжала рассказывать Катя.

— Как дочка ваша и Марусина? — вскричала от удивления мама Маша.

— А так, очень просто. Война же была, чего только в войну ни случилось, — бесхитростно продолжала деревенская гостя. — А вы что, не знали? — по-деревенски наивно спросила тихая женщина. — Живете ведь в одной квартире. Мы с Машей всё время переписываемся, она мне с полочки деньги шлет. Галя-то вон большая какая стала! Скоро будет восемнадцать! То ей платье новое надо, то туфли, то пальто. А как кто едет из нашего села Заплавного в Сталинград, я гостинцы передаю: картошечку, грибочков солёных, яичек, сколько могу, ну и всякого другого деревенского.

— Так вот откуда подарочки деревенские! — порадовалась моя мама за соседку, — правильно, что вы друг другу помогаете, — до конца ещё не понимая, что за гостя перед нею.

— Как же не помогать? В городе есть заработки, деньги, а у нас — харчи. Дочку все годы вместе поднимаем.

— Какую дочку, что-то я совсем запуталась в вашем рассказе, — продолжала не понимать мама.

— Да история-то наша простая, горестная, — и она начала свой рассказ:

— Машины родители жили дружно. Маша родилась в 1925 году, красивая девочка, родители любили дочку, как подросла — наряжать стали, мечтать, как замуж отдадут за лучшего парня в селе. А тут война началась. Маше в тот год исполнилось семнадцать лет. Заневестилась, на парней стала заглядываться. Да какие тут парни?! Ее женихи все уже на фронте.

Машин отец погиб, считай, в начале войны — в 1942 году. Вера, мать Марии, получив похоронку, закручинилась очень, да и запила. Люто запила. От горя и безысходности стала руку поднимать на дочку-красавицу. Вокруг себя никого не видела, била ее, вымещая обиду за войну, за жизнь без любимого мужа. Но, слава богу, отмучилась — померла, не дождавшись победы.

Маша сначала всё плакала, а потом стала успокаиваться, пошла работать в госпиталь. В 1942—1943 годах в нашем селе Заплавном организовано было несколько госпиталей, куда привозили раненых в Сталинградском сражении. Госпиталю помогали всем селом: девочки пошли работать санитарками, старики — кто арбузов подвезет, кто продуктов из погребков. Там-то Мария и познакомилась со своим суженым — воином раненым. Раненый-то он был раненый, да ребеночек у них с Марусей и получился как-то. Когда его здоровым выписали, тут всё село и разглядело, в какое положение попала Маша.

Она сначала не унывала: писал он ей, обещал, когда вернется с победой — распишутся. Но не расписались они — погиб наш жених, а Мария вскоре родила девочку, назвали Галиной. Сначала Маша старалась: ухаживала за дочкой, глаз с нее не сводила, песенки пела красивые. А потом вдруг ее как подменили: ходит бледная, сама не своя, дочку запустила, покормить забывала. Видно, злая природа ее матери разыграла. Пришла она в сельсовет отпрашиваться в город. Тогда так просто из села уехать было нельзя. Крестьянские руки были нужны и фронту.

— Не отпустите — руки на себя наложу, — заявила она председателю сельского Совета.

Тот, мужик умный, подумал-подумал и отправил ее к соседям решать, как быть:

— Как скажут люди — так и будет.

Соседи собрались — решать стали, что делать. Сдавать в детский дом Машину малышку — не по-нашему. Во всех семьях — дети, по двое, а то и по трое, четверо. Только мы со Степой детишек завести не успели — ушел он на фронт, да и без вести пропал. Вот собрание-то наше сельское, уличное, и решило: Машу отпустить на полгода — судьбу устроить, а ребеночка ее отдать на воспитание Кате, то есть мне, пока Маша жизнь не устроит.

Мы с Машей соседи и подруги, а подруге подругу положено выручать. Одиноко мне очень было, вот я и взяла Галочку к себе. Почти два десятка лет берегу ее, воспитываю, кормлю, одеваю-обуваю, как родную. В сельсовете через полгода, когда Маша вышла замуж за Петю, а в Заплавное решила не возвращаться, мне с согласия Маши выписали и документ, по которому Галя стала моей дочерью с фамилией Степичева. Всем угодили: у меня появилась дочка, а Маша удачно вышла замуж за красавца Петра Павленко.

— Так что? Галя не знает, чья она дочь?

— Господи, что я натворила? Разболтала святую тайну. Не знает Галя ничего этого, да и Петр ничего не знает. Что же мне теперь делать? Не погубите — не говорите ничего Маше о том, что я тут наболтала, и Пете не говорите. Простые мы, деревенские. Любим про жизнь поговорить.

Моя мама об этом никогда никому не говорила, даже папе. О тайне своего рождения вскоре Галя узнала сама. Рассказал один «добрый» человек из Заплавного. И когда Галя узнала об этом, то отправилась в Сталинград к родной матери разбираться...

Война непрощенно вмешивалась в судьбы людей даже через много лет после ее окончания, как вмешалась в семью Павленко и Кати Степичевой, потянув за собой и судьбы таких детей войны, как Галя, которой хотелось справедливости от жизни, любви своих близких. Никто не учил, как это сделать.

Галя приехала в Сталинград на улицу Борьбы втайне от матери, узнав от «доброего» человека из Заплавного о том, что она приемная дочь Кате. Ехала к родной матери Марии, которая когда-то оставила ее, кровинушку, своей верной подруге. Вот такие круговороты судьбы...

Когда же вечером Мария и Петр Павленко вернулись с работы, на кухне за их столом сидела Галя и курила папиросы «Казбек», стряхивая пепел на пол. Ее пустили в квартиру мы, две Тани, ничего плохого не подозревая. Галя назвала себя племянницей Марии Павленко — мы и пустили. Тетя Маша Павленко, к большущему удивлению моей мамы, которая вернулась после рабочей смены, спокойно завела одну Галю в комнату, попросив мужа Петра погулять с дочкой Таней.

Мы слышали через закрытую дверь ровный тон разговора матери и дочери, иногда и плач обеих, потом тихий смех. Когда всё закончилось, тетя Маша вышла из комнаты, обнимая Галю. Они обе улыбались. Галя уехала в свое родное село Заплавное, обещая Марии приезжать почаще. Они договорились, понимая, что изменить уже ничего нельзя, что Галя так и останется для Петра и Тани племянницей Маши. Так будет всем лучше.

Тетя Маша вызвала на кухню мою маму, рассказала, о чем договорилась с Галей, и взяла с моей матери слово никогда не раскрывать эту тайну ее мужу Петру и дочери Татьяне. А моя мама попросила соседку Машу взамен на исполнение этого обещания никогда больше не бить свою дочь Таню. Обе соседки сдержали свое обещание.

Родная законная дочь тети Маши Татьяна Павленко, когда мать перестала наказывать ее тумаками и побоями, почувствовала себя уверенной и красивой. Она действительно становилась, взрослея, удивительной красавицей: статная, с осиной талией, стройными ножками, густыми вьющимися волосами, блестящими от природы и радости жизни глазами. А как Татьяна пела! Ее сильный красивый голос очаровывал всех от мала до велика.

Она была так хороша, что все мальчишки смотрели на нее как завоженные, и это приводило ее в состояние постоянного счастья. Мальчишки предлагали ей дружбу, и она дружила, то есть, как тогда говорили, «ходила» с Антоном, одноклассником, потом с Васей из соседнего двора, потом с Борисом — братом Анатолия Пономарева. Борис был утонченным красавцем с внешностью аристократа начала века и конца царской империи.

Мать Татьяны, тетя Маша, провожая дочь на вечернюю прогулку, каждый раз одинаково говорила:

— Гулять — гуляй, но голову не теряй!

Ну а тайна о двух дочерях тети Маши Павленко так и осталась тайной для всех членов их семьи. Я же узнала от матери эту историю, став взрослой, а наши семейно-соседские отношения со временем прекратились, так как наши семьи разъехались, получив отдельные квартиры.

Глава 7. ЗАНЯТИЯ, УВЛЕЧЕНИЯ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ ОБИТАТЕЛЕЙ КОММУНАЛКИ

В свободное от работы время, в воскресенье — единственный выходной в неделе, женщины хлопотали по дому, а мужчины, в большинстве, увлекались рыбалкой. Рядом же матушка-Волга! Петр Павленко и мой отец были заядлыми рыбаками и пловцами, впрочем, как и многие мужчины, жившие в те годы на Волге.

Пешком до реки — минут пятнадцать — двадцать. Поэтому раненько, когда было еще темно, а дети спали, мой отец с дядей Петей отправлялись на рыбалку. Как я понимаю сегодня, рыбацья оснастка по тем временам у них была серьезная: удочки разные — для каждой породы своя, крючки к ним, поплавки, блесны, которые они изготавливали сами: что-то гнули, что-то паяли. Вязали и сети, растягивая их на общей кухне.

Волга кормила, помогала растить детей здоровыми. О законности того или иного рыболовства никто и не думал. Никто себя браконьером не считал. Да и слова «браконьер» в лексиконе не было. В магазинах-то свежей рыбки не купишь, а рыбалка... Такие были времена.

Раннее утро, необъятная, завораживающая ширь великой русской реки! Как не порыбачить? Поэтому в каждой семье ловили рыбу, сушили, вялили, засаливали на зиму. Бывало часто, когда в двери наших квартир стучали, предлагали черную икорку за 50 копеек пол-литровую баночку, за рубль — литровую. Можно было и поторговаться. И это было обычным делом.

А вечером, когда женщины отдыхали после домашних трудов, мужчинам-добытчикам после рыбалки можно было и поиграть во дворе в домино, как говорил папа, «в козла», или — «забить козла». Рыбалка, нехитрый досуг — игра в домино — объединяли людей в нелегкие времена. Шумных компаний-застой с вином в рабочей среде не водилось. Да и когда, и зачем?

Надо было трудиться и растить детей. Почти в каждой семье — их не менее двух.

Чтение, спокойные игры для детей малого возраста — это тоже общий признак пятидесятых. Зачастую дети из всех семей устраивались на полу кухни со своими игрушками, которые сразу становились общими.

Детские сады, куда я ходила, как и все дети СССР (а за свою коротенькую жизнь я «закончила», как говорил папа, два детских сада), я не любила. Всё время хотелось домой к родителям, которые тебя ждут, любят. Из всего детсадовского опыта помню только то, что я не хотела там спать днем, обязательно сложив ладошки под щечку и лежа на боку; не любила манную кашу и игру «Угадай, что ешь». Это была не игра, а какое-то наказание. Надо было с завязанными глазами отгадать, что тебе положили в рот. При этом заготовки каждый раз были одни и те же: кусочки моркови, капусты, сырой картошки, свеклы и редко — яблока. Всё было так невкусно, что хотелось выплюнуть.

Другое дело дома, с папой! Разгадывание загадок — это было по мне. Папа сызмальства загадывал мне загадки на разные темы.

— Не мотор, а гудит; не летчик, а летит; не воин, а врага одолевает. Кто это? — спрашивал папа.

— Оса! — кричала я, с нетерпением ожидая следующей загадки.

— Без тела, а живет, без языка — говорит, никто его не видит, всякий слышит, — с таинственной интонацией продолжал папа.

Я делала вид, что думаю, хотя разгадку уже знала, так как такие игры с загадками в нашей семье устраивались для всех, включая и маму. Я, как наиболее тренированная в деле разгадывания загадок, отвечала не спеша:

— Так это же эхо!

Самая любимая загадка была про погреб:

— Зимой всех теплей, а летом — холодней, — загадочным шепотом произносил отец.

— Погреб! — кричала я, вспоминая погреб изобилия в подвале на улице Демьяна Бедного.

А как было интересно читать с папой книжку «Про зверей» и одновременно играть! Сначала он читал вслух сказки «Курочка Ряба», «Козлята и волк», «Репка», «Петушок и курочка», «Лиса и журавль» и, конечно, «Колобок». Это было не просто чтение. Это была школа жизни: чтение, обсуждение характеров и поведения героев добрых русских народных сказок. И это была настоящая игра! Когда отец брал меня на руки, высоко поднимая над головой, у меня захватывал дух от счастья, он весело задавал мне простенькие, но такие важные для ребенка, которому не было еще и пяти лет, вопросы:

— Лиса какая?

— Хитрая, — отвечала я также весело.

— Волк какой?

— Злой! Он хотел съесть козлят! — кричала я.

— А козлята как кричали?

— Ме-ме-ме-ме!

— А репку кто вытащил? Мышка?

— Нет, все вместе, дружно!

Мама, в очередной раз, когда папа хотел меня подбросить, любуясь нами, говорила:

СТАЛИНГРАД: ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕТСТВО

— Ну, хватит, Леша! Поставь Танюшку на пол. Она уже большая!

Семейная атмосфера, наполненная всеобъемлющей любовью к ребенку, друг к другу, добром и счастьем, — вот что помнится мне. Так естественно, благодаря семье, родительской любви закладывались в моем сознании понятия о жизненно важном: о добре и зле, о том, что такое хорошо и что такое плохо.

Нет, не сегодняшние слепые, глухие, бездушные гаджеты! Значение этого заморского слова дает интернет: «небольшое электронное устройство, штукавина (перевод с английского), которое предназначено для облегчения и усовершенствования жизни человека».

Страшно подумать: какая-то «электронная штукавина» усовершенствует жизнь человека! Разве?! Конечно, каждому времени — свои неизбежные особенности. Но при виде в руках трехлетнего ребенка смартфона, от которого его маленькие ручонки и глазки не могут оторваться, мне становится не по себе. Как же так?! Что же будет с малышом, которому маму и папу заменили эти монстры-гаджеты?!

Человек больше не верит человеку? Отцу, матери, учителю? Всё там, в этом электронном устройстве? Или пока еще не поздно?..

Продолжение следует

Александр СМЕРНОВ

Когда приходишь в «Поиск», жизнь только начинается

Эпизод третий. Имена на старых обелисках

После сражения в Сталинграде возникло множество захоронений советских воинов. В 1950-е годы было решено укрупнить братские захоронения — перенести на Мамаев курган с целью увековечения погибших на едином мемориале и подготовки города для дальнейшей застройки.

Я нашел два источника, в которых была информация о первичных захоронениях в Сталинграде.

Рассматривая списки захоронений, перенесенных на Мамаев курган из всех районов города, я обратил внимание на описания старых обелисков, на многих из которых нанесены имена похороненных воинов. Это был мой первый источник. С этим документом я познакомился в поисковом отделе музея-заповедника «Сталинградская битва». Странно, что ранее никто не спохватился, ведь большинство этих имен отсутствуют в паспорте захоронения мемориала «Мамаев курган».

Описание перенесенных захоронений было сделано по актам конторы похоронного обслуживания и составлено в 1991 году городским комитетом культуры (исполнитель — В. А. Трушин, по воспоминаниям старожилов, участник войны).

СМЕРНОВ Александр Александрович — консультант администрации Светлоярского района Волгоградской области, член Союза журналистов России, член Совета ветеранов Красноармейского района Волгограда, специалист поиска «Судьба солдата», «Поискового движения России». Родился в 1959 году. Живет в Волгограде. Занимается архивной и поисковой работой. Автор Книг нашей Памяти по Красноармейскому, Светлоярскому и Среднеахтубинскому районам Волгоградской области.

В фондах музея-заповедника «Сталинградская битва» хранится фотоальбом братских могил и памятников героям, павшим смертью храбрых в Сталинграде в 1942—1943 годах, переданный в 1990-е годы областным военкоматом на хранение в музей. Это мой второй источник. Фотографии были сделаны в 1947 году, альбом включает больше 100 страниц, на каждой по две — четыре фотографии с кратким описанием. На фото читаются имена, нанесенные на обелиски.

Я выписал все имена из обоих источников, чтобы проверить их не только в паспорте захоронения Мамаева кургана, составленном в 2014 году и обнародованном на сайте «Память народа», но и в общей базе данных «Память народа» и ОБД «Мемориал». О полноте представления данных говорить сложно. Например, существовавшее братское захоронение на станции Бекетовка совсем не отображено в перечне перенесенных захоронений. Так же, как и захоронения из поселков Татьяна, Шпалопропитка, действительно перенесенные на Мамаев курган в 1960-е годы. Возможно, и другие. Но из описанных источников (перечня, составленного в 1991 году, и альбома фотографий 1947 года) всего было выписано 314 имен. Лишь 97 из них увековечены в паспорте захоронения Мамаева кургана. Мне открылся еще более поразительный факт: из 314 имен лишь на 169 бойцов есть информация на сайтах «Память народа» и ОБД «Мемориал». Значит, важно ввести в поисковый оборот все найденные имена погибших защитников Сталинграда. Для этого все материалы со ссылками были отправлены мной в поисковый отдел музея-заповедника «Сталинградская битва».

В этих списках меня интересовало одно захоронение — за Отрадой, но расположенное на территории Кировского сельского поселения современного Светлоярского района. Недалеко был ключевой узел нашей обороны — хутор Елхи. До сих пор в тех местах ходят-бродят поисковики всех мастей, находят атрибуты боев, а порой и останки. В списке объектов культурного наследия, составленном в 1990-х годах, есть братская могила советских воинов на территории 5-го участка Ворошиловского лесхоза. На карте времен Сталинградской битвы там указана реликтовая дубовая роща. В ней в советское время был открыт пионерский лагерь имени Павлика Морозова. Об истории этого места мне поведала сотрудник Волгоградского областного архива Ирина Ивановна Пойлова, чье детство прошло в этом лагере, к тому же там работала ее мама. Многие материалы об истории пионерлагеря имени Павлика Морозова — воспоминания, фотографии — были опубликованы в большой книге, выпущенной Ириной Ивановной. Рядом с лагерем в лесу стоял памятник, у которого проходили многие пионерские мероприятия. На нем была надпись «Неизвестный солдат». В настоящее время на месте лагеря расположена православная община «Отрада».

В Кировском поселении не было никакой информации об этом захоронении. Вернее, оно числилось в списках, но в отчетах писали: «не найдено». Осенью 2024 года мне пришла идея обратиться в православную общину, я нашел телефоны настоятеля и старосты «Отрады». Они пригласили меня к себе, чтобы показать памятник в лесу. Он оказался всего метрах в пятидесяти от общины, но мы его даже не сразу нашли — так заросло кустарниками это место. Памятник тот же, надписи нет, огражден кирпичами. Здесь же огромные дубы, которым больше ста лет, а на территории общины стоит внушительный дуб, которому, наверное, все триста. Из Светлоярского района к найденному

памятнику были организованы три волонтерских десанта. Ребята расчистили не только полянку, где стоит памятник, но и подход к нему. И самое главное — мы обратились к поисковикам из волгоградского отряда имени Степана Бекетова. Они провели поисково-разведочные мероприятия и сделали заключение, что под памятником останков нет.

Вот тут мне пришлось обратиться к указанным в начале статьи источникам, чтобы понять, почему так вышло. Ирина Ивановна Пойлова не удивилась новости, что под памятником никто не похоронен. Лагерь был расположен в районе балки Бирючьей. Согласно первому источнику (список 1991 года комитета культуры, 16-я страница) в Кировском районе из балки Бирючьей 1 марта 1955 года был перенос останков 28 воинов, имена 23 из них были указаны на обелиске. Из них только трех бойцов удалось определить в базе данных «Память народа». Это офицеры 66-й морской стрелковой бригады: старший инженер-лейтенант Гольдштейн Вадим Николаевич и младший лейтенант Кучин Вадим Александрович. В донесении о потерях указано, что они похоронены в Бекетовском лесу 4 декабря и 28 ноября 1942 года. Также был определен красноармеец Беспалов Борис Семенович, погибший 28 ноября, но указывалось, что он похоронен в Бирючьей балке.

Вот общий список погибших защитников Сталинграда, имена которых были на старых обелисках*.

Пос. Рынок, на берегу Волги в районе городской насосной станции (перезахоронение 31.12.1952). Воины 124-й и 149-й осбр, моряки-десантники ВВФ — 18 чел.

Корсынъ И. С., лейтенант; **Пуков Г.**, лейтенант; **Полозков В. А.**, кр-ц (ошиб. Плашков); **Антынорян**, кр-ц; **Гусев С. Ф.**, кр-ц; **Куликов Г. Я.**, кр-ц; **Дмитриева Е. А.**, медсестра; **Гулаков В.С.** Все — НА.

Нитутин О. Д., кр-ц (ошиб. Китутин). **Нитутин Петр Данилович**. 1918. 124 сбр, мл. политрук. Пропал без вести 29.08.1942, пос. Рынок. МК.

Райтман И. А., кр-ц (ошиб. Райтимон). **Ройтман Исаак Абрамович**. 1918. 124 сбр, сержант. Погиб 29.08.1942, пос. Рынок. Награжден: орден Красной Звезды (29.09.1942).

Скорев П. А., кр-ц (альбом — Скорес П. Н., кр-ц). **Скорев Петр Алексеевич**. 1919. 124 осбр, сержант. Погиб 17.11.1942, пос. Рынок.

Сысой С. Я., кр-ц (ошиб. Сысов). **Сысой Григорий Никифорович**. 1919. 124 сбр, лейтенант. Погиб 27.10.1942. МК.

Трофименко П. П., кр-ц. **Трофименко Павел Данилович**. 1922. 124 осбр., ст. лейтенант. Погиб 17.11.1942, пос. Рынок.

Алшамбаев Шакир, кр-ц (ошиб. Алиембеков Ш.). **Алшымбаев Шакир**, кр-ц. НА. МК.

Антонов Д. И., кр-ц (ошиб. Антонов Ф. А.). **Антонов Дмитрий Иванович**. 1904. 124 сбр, ст. сержант. Погиб 25.11.1942, пос. Рынок. МК.

Коваленко Г. Я. (в альбоме — **Коваленко Д. Я.**, кр-ц). **Коваленко Григорий Яковлевич**. 1916. 124 сбр, сержант госбезопасности. Награжден: медаль

* Список приводится в авторской редакции. Сокращения: НА — нет данных на сайте «Память народа»; БМ — братская могила; МК — увековечен в паспорте захоронения Мамаева кургана; курсивом — информация с сайта «Память народа»; сд — стрелковая дивизия; сп — стрелковый полк; сбр — стрелковая бригада; ВВФ — Волжская военная флотилия; РГК — Резерв Главного Командования.

КОГДА ПРИХОДИШЬ В «ПОИСК», ЖИЗНЬ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ

«За отвагу» (26.09.1942), орден Красной Звезды (09.12.1942). Погиб 17.11.1942, пос. Рынок.

Акоентаев К. Н. Акпентаев Бекен. 1921. 124 сбр, мл. сержант. Погиб 17.11.1942, сев. окраина пос. Рынок. Награжден: орден Красной Звезды (04.12.1942).

Пос. Рынок, на берегу Волги в районе городской насосной станции (перезахоронение 31.12.1952). Воины 124-й и 149-й осбр, 20 чел. Похоронены в январе 1943. Погибли 30.01.1943.

Поздняков Н., лейтенант; **Кучеренко С.**, сержант; **Сульма Л. И.**, кр-ц (в альбоме — **Сулома**). Все — **НА**.

Диспансер, ТЗР (школа ФЗО № 3, школа № 12). Метал. памятник 1943.

Бурак, комиссар МПВО. Погиб 27.08.1942. В Книге Памяти Волгограда — **Бурак Степан Львович**. Ст. политрук, истребит. батальон. Погиб 28.08.1942.

Пос. Спартановка, лев. берег р. Мокрая Мечетка (юго-зап. окраина поселка) (перезахоронение 25.01.1958). Воины 124-й и 149-й осбр, 282-го полка 10-й дивизии НКВД, др. части гарнизона, бойцы народного ополчения. Всего 212 чел.

Павлоградский Федор Алексеевич, майор. 1915. **Павлоградский Федор Алексеевич**. кр-ц, штаб 8 имбр РГК. Погиб 17.03.1943, пос. Рынок.

Шершнев В. Г., ст. лейтенант. 1917; **Чумак Г. П.**, ст. лейтенант; **Бабич**, лейтенант; **Шиленко**, лейтенант; **Чулак Сергей**, сержант. 1921; **Григорьев**, сержант; **Игнатенко Борис Илларионович**, капитан; **Кляктешин**, ст. лейтенант; **Юркин Николай**, лейтенант; **Ильин Константин Фомич**, кр-ц; **Сантуров Иван**, кр-ц; **Шаршин И. И.**, кр-ц; **Яршен**, кр-ц; **Мишин**, кр-ц; **Щуканов**, кр-ц; **Михин**, кр-ц; **Попов**, кр-ц; **Мишаткин**, кр-ц; **Викторенко**, кр-ц; **Зозуля**, кр-ц; **Никитенко**, кр-ц; **Гайворонский А. М.**, ст. сержант; **Галанджиев Ахир**, ст. сержант. (в альбоме — **Галанджиев Акир**), МК; **Которов Виктор**, санинструктор; **Подымичев Г. Е.**, мл. сержант; **Яхтушев А. А.**, мл. сержант; **Писоненко В.**, кр-ц; **Шкарев Иван Наумович**, капитан; **Наумов Николай**, ст. лейтенант; **Андреев А. Я.**, мл. лейтенант; **Лаврианов**, мл. лейтенант; **Маклаков К. А.**, старшина; **Шмыков И.**, кр-ц; **Устюжный**, кр-ц; **Некрасов Василий Иванович**. 1921. Все — **НА**.

Охин С. К., мл. лейтенант. 1922. **Охин Сергей Константинович**. штаб 8 имбр РГК. Умер от ран 29.03.1943, пос. Спартановка.

Чиклин В. Н., ст. сержант. **Чиклин Иван Васильевич**. 1921. 149 осбр, ст. сержант. Умер от ран 03.01.1943, пос. Спартановка. МК.

Голышкин Степан Игнатьевич, сержант. **Галышкин Степан Игнатьевич**. Пос. Спартановка. МК.

Греков Олег Федорович, лейтенант. **Греков Олег Федорович**. 112 сд, лейтенант. Погиб 15.10.1942, Сталинград.

Полигон «Стройдеталь», около завода металлоконструкций (перезахоронение 15.03.1960). 1 чел.

На зубной щетке гравировка: **Коваленко Николай Григорьевич**. 124 осбр, пос. Рынок, 1942. **НА**.

Девять захоронений в сквере заводууправления СТЗ (перезахоронение 29.03.1963). 604 чел.

На памятниках указаны: 96 сд, 226 сд, 149 осбр, 139 мбр, 99 тбр, 273 сд, нар. ополчение СТЗ.

1) **Фенников М. Ф.** 1916, ст. лейтенант; **Туйманов М. М.** 1915, лейтенант; **Иванов Г. А.**, 1919, лейтенант; **Луговенко М. П.**, сержант. Все — НА.

2) 69 бойцов, 5 имен:

Житнев П. С., подполковник, командир 99 тбр, погиб 07.09.1942. **Житнев Павел Семенович.** 1906. Похор. пл. Дзержинского. МК.

Шкурин А. Н., майор. 223 сд. **Шкурин Алексей Никифорович.** 1914. 1151 сп 343 сд, майор. Убит 28.01.1943. Похор. пл. Дзержинского. МК.

Кудашев Ф. П., капитан. 223 сд. **Кудашев Федор Петрович.** 343 сд. Погиб 01.02.1943, капитан. Похор. пл. Дзержинского.

Антонов, ст. лейтенант. 223 сд. **Антонов Андрей Григорьевич.** 1915. 343 сд, ст. лейтенант. Погиб 27.01.1943. Похор. Сталинград.

Мельников С. Я. (в альбоме — **Менщиков**), ст. лейтенант. 223 сд. **Мельников Семен Яковлевич.** 1922. 1151 сп 343 сд, капитан. Погиб 01.02.1943. Похор. СТЗ, пл. Дзержинского, БМ. Награжден: медаль «За отвагу» (16.02.1943), орден Красной Звезды (02.01.1943).

3) **Вычугов Николай**, инженер-капитан, командир тбр. **Вычугов Николай Леонтьевич.** Погиб 25.09.1942. Ополченец. МК; **Гульман Л.**, командир взвода; **Симонов** (в альбоме — **Самонов А. И.**), командир роты; **Пименов**, командир взвода. Все — НА.

4) **Приходько Дмитрий Васильевич**, 1-й секретарь райкома ВКП(б), комиссар истреб. б-на. Род. 01.09.1908. Погиб 04.06.1943. НА.

Верхний пос. СТЗ, с южной стороны СШ № 27 (перезахоронение 04.05.1963). Воины 226 сд, 149 осбр, 99 тбр, 139 мсбр.

Лавров В. Г., капитан; **Леснов Н. В.**, мл. лейтенант; **Астахов И. Ф.**, кр-ц; **Бучинов Г. Е.**, кр-ц; **Банецкий Н. К.**, кр-ц; **Верба**, кр-ц; **Вразевский**, кр-ц; **Глушко Н. Н.**, кр-ц; **Зимаков**, кр-ц; **Картушев А. М.**, кр-ц; **Климочкин И. Я.**, кр-ц; **Колбин К. А.**, кр-ц; **Лавриненко И. Л.**, кр-ц; **Матвеев М. Я.**, кр-ц; **Медведев П. О.**, кр-ц; **Пожиньцов И. Н.**, кр-ц; **Смирнов А. Л.**, кр-ц; **Шуев А. П.**, кр-ц; **Хузовощев**, кр-ц; **Яновой Н. М.**, кр-ц; **Яненко Н. А.**, кр-ц. Все — НА.

Путько В. С., лейтенант. **Путько Владимир Семенович.** 1923, 971 сп 273 сд, лейтенант. Погиб 31.01.1943, СТЗ.

Гуров С. И., мл. лейтенант. **Гуров.** 969 сп 273 сд, мл. лейтенант. Погиб 31.01.1943, СТЗ.

Куракин И. П., мл. лейтенант. **Куракин Иван Павлович.** 969 сп 273 сд, мл. лейтенант. Погиб 31.01.1943, СТЗ, сев.-зап.

Лысов Д. Я., мл. лейтенант. **Лысов Данил Яковлевич.** 1909, 971 сп 273 сд, мл. лейтенант. Погиб 31.01.1943, СТЗ.

Рябов И. И., мл. лейтенант. **Рябов Григорий Яковлевич.** 1922. 971 сп 273 сд, мл. лейтенант. Погиб 31.01.1943, СТЗ.

Чекменев М. Я., лейтенант. **Чекменев Максим Яковлевич.** 1906, 971 сп 273 сд. Погиб 31.01.1943, СТЗ.

Данилов А. Н., ст. сержант. **Данилов Александр Николаевич.** 1914. 971 сп 273 сд, ст. сержант. Погиб 01.02.1943, СТЗ, сев.-зап.

Муравьев Г. Ф., ст. сержант. **Муравьев Георгий Федорович.** 1906. 971 сп 273 сд, ст. сержант. Погиб 02.1943, СТЗ, сев.-зап.

Климочкин, сержант. **Климочкин Иван Михайлович.** 1914. 971 сп 273 сд, кр-ц. Умер от ран 01.02.1943, СТЗ, сев.-зап.

Селезнев И. Д., сержант. **Селезнев Иван Давидович.** 1923. 971 сп 273 сд, мл. сержант. Погиб 02.1943, СТЗ, сев.-зап.

Горбик В.И., кр-ц. **Горбик Иван Иванович.** 1916. 284 сд. Погиб 24.01.1943, Мамаев курган (ошиб. Гобрик). МК.

КОГДА ПРИХОДИШЬ В «ПОИСК», ЖИЗНЬ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ

Гольштейн В. Ш., кр-ц. **Гольштейн Борис Шлеймович**. 1922. 971 сп 273 сд, кр-ц. Погиб 31.01.1943, СТЗ.

Трушин А. И., кр-ц. **Грушин Алексей Иванович**. 1923. 971 сп 273 сд, кр-ц. Погиб 31.01.1943, СТЗ.

Королев М. М., кр-ц. **Королев Михаил Матвеевич**. 1904. 273 сд, кр-ц. Погиб 31.01.1943, ок. СТЗ. МК.

Павленко Н. П., кр-ц. **Павленко Николай Петрович**. 1919. 971 сп 273 сд, кр-ц. Погиб 31.01.1943. Похор. СТЗ, сев.-зап. МК.

Рожков, кр-ц. **Рожков**. 1902. 273 сд, кр-ц. Погиб 31.01.1943. МК.

Суров П.С., кр-ц. **Суров Иван С.** 1922. 971 сп 273 сд, кр-ц. Погиб 31.01.1943. Похор. СТЗ, сев.-вост.

Чичеткин Н.С., кр-ц. **Чечеткин Николай Степанович**. 1924. 971 сп 273 сд, кр-ц. Погиб 31.01.1943. Похор. СТЗ, сев.-вост.

Тришин, кр-ц. **Тришин**. 1923. 971 сп 273 сд, кр-ц. Погиб 31.01.1943. Похор. СТЗ.

Братская могила на берегу Волги. Нижний пос. Баррикады. Бойцы, бывшие работники завода «Баррикады»:

Байбаков Г. М.; Нечепуренко К. С.; Бузин Т. В.; Федин И. И.; Клементьев А. Я.; Золотухин В. П. Все — НА.

Яшкин А. Г. Яшкин Александр Григорьевич. 77 азо, кр-ц. МК.

Мухортов И. И. Мухортов Егор Григорьевич. 37 гсд, гв. лейтенант. Погиб 16.10.1942, в районе СТЗ. МК.

Лукьянов Н. В. Лукьянов Николай Владимирович. Ополченец. Погиб. МК.

Лемешкин Н. С. Лемешкин Николай Семенович. Погиб 02.12.1942. МК.

Территория завода «Красный Октябрь», чугунолитейный цех (перезахоронение 22.09.1951). 2 чел.

Утин Николай Александрович. 1923, комсомольский билет, записная и командирская книжки. **Утин Николай Александрович**. 1923, Татарская АССР. [38 гсд], гв. кр-ц. Пропал без вести. Погиб в декабре 1942, завод «Красный Октябрь». МК.

Старовойтов Иван Семенович, 1923, красноармейская книжка. Варианты: 1. **Старовойтов Иван Семенович**. 1923. [38 гсд], гв. кр-ц. Пропал без вести. Погиб в сентябре 1942, завод «Красный Октябрь». 2. **Старовойтов И. С.** 1922, Орловская обл. 193 сд, кр-ц. Погиб 07.10.1942, Сталинград.

Территория завода «Красный Октябрь», у самотаски (перезахоронение 26.12.1952). Воины 39-й гв. сд. 4 чел., награжденные орденами:

Новиков А. Д. 1923, награжден: орден Красной Звезды; **Рудзаев В. И.** 1923, награжден: орден Красной Звезды; **Еремеев Д. И.** 1904, награжден: орден Красной Звезды; **Кожушко** — все НА.

Братская могила на берегу Волги, у конца каменной лестницы, Краснооктябрьский р-н (похоронены 05.02.1943).

Марченко Ф. А., капитан. **Марченков Федор Антонович**. 1903. 61 сп 45 сд, капитан. Погиб 28.12.1942, в районе завода «Красный Октябрь». МК.

Бречко П. Д., ст. лейтенант. **Бречка Иван Денисович**. 1919. 61 сп 45 сд, ст. лейтенант. Погиб 27.01.1943, в районе завода «Красный Октябрь». Награжден: орден Красной Звезды (23.11.1942).

Савельев В. Г., ст. лейтенант. **Савельев Василий Павлович**. 1902. 61 сп 45 сд, ст. лейтенант. Погиб 27.01.1943, в районе завода «Красный Октябрь».

Мороз П. Н., мл. лейтенант. **Мороз Павел Никитович**. 1917. 61 сп 45 сд, мл. лейтенант. Погиб 01.02.1943, в районе завода «Красный Октябрь». Награжден: медаль «За отвагу» (31.01.1943). МК.

Кукин П. П., лейтенант. *НА. Возможно, Кузин Иван Михайлович*, мл. лейтенант. Погиб 01.02.1943. МК.

Берег Волги у взвоза конного парка треста «Сталинградметаллургстрой» (перезахоронение 30.12.1952). 42 чел. Воины Богунского и Двинского полков 45 сд.

Цалганов Г. В., капитан. 1909; **Сутчан А. Я.**, лейтенант. 1923; **Ульянов Ю. А.**, военврач 3 р. 1920.

Пинчук П. С. Пинчук Гавриил Спиридонович. 1913. 45 сд, ст. лейтенант, командир батальона. Погиб 28.10.1942, пос. Красный Октябрь.

Воронин Г. И. Воронин Григорий Иванович. 1918. 45 сд, ст. сержант. Погиб 30.12.1942, пос. Красный Октябрь.

Нитреба П. Т. Нитреба Александр Трофимович. 1909. 10 сп 45 сд, ст. лейтенант. Погиб 27.01.1943, в районе завода «Красный Октябрь».

Кирпичников (в альбоме — **Карнижников А. А.**). **Кирпичников Алтер Абрамович**. 1902. 45 сд, ст. политрук. Погиб 28.10.1942, пос. Красный Октябрь.

Анисимова Г. М. (в альбоме **Онисимова**). **Анисимова Елена Михайловна**. 1923. 45 сд, старшина, санитар. Погибла 29.12.1942, пос. Красный Октябрь.

Багрянцев Г. И. (в альбоме — **Багрянцов**). **Багрянцев Георгий Ильич**. 1923. 45 сд, кр-ц. Погиб 28.12.1942, пос. Красный Октябрь.

Железнов Л. М. Железнов Александр Михайлович. 1919. 10 сп 45 сд, лейтенант. Погиб 17.01.1943, пос. Красный Октябрь.

Беляев С. Д. Беляев Иван Сергеевич. 1922. 45 сд, лейтенант. Погиб 28.11.1942, пос. Красный Октябрь.

Скрымский А. К. (в альбоме **Скрынский**). **Скрымский Архип Кириллович**. 1911. 45 сд, ст. лейтенант. Погиб 30.12.1942, пос. Красный Октябрь.

Иванов Л. А. Варианты: 1. **Иванов Анатолий Яковлевич**. 1923. 45 сд, кр-ц. Погиб 01.11.1943, пос. Красный Октябрь. 2. **Иванов Алексей Иванович**. 1910. 45 сд, кр-ц. Погиб 20.11.1942, пос. Красный Октябрь.

Орлов А. Г. Орлов Александр Георгиевич. 1911. 45 сд, кр-ц, телефонист. Погиб 19.01.1943, пос. Красный Октябрь.

Симбирцев В. И. (в альбоме — **Сибирцев**). **Сибирцев Виктор Николаевич**. 1910. 10 сп 45 сд, кр-ц. Погиб 27.01.1943, пос. Красный Октябрь.

Роганин С. В. Роганин Семен Акимович. 1912. 45 сд, политрук. Погиб 30.10.1942, пос. Красный Октябрь.

Верхний поселок Баррикады, в саду около киноплощадки (перезахоронение 03.10.1956).

Сасов И. П., сержант милиции 9-го отделения. Погиб 19.10.1942. *НА.*

Территория завода «Красный Октябрь» (перезахоронение 12.10.1956). 4 чел.

Кожин Александр Федорович, боец народного ополчения, рабочий листопркатного цеха. Погиб при налете. *НА.*

Краснооктябрьский р-н, берег Волги, у каменной лестницы (отд. ЖКО завода «Красный Октябрь»)

Базистый В. В., ст. лейтенант. Погиб в янв. 1943. *НА.*

Территория около завода «Красный Октябрь» (перезахоронение 03.12.1960). 3 чел.

Варивода. Гомельская обл., Добрушский р-н, Старо-Закружский с/с. Мать — Варивода Федосья Борисовна, сестры: Татьяна Иосифовна, Мария и брат Василий. **Варивода Константин Иосифович.** 1922. Кр-ц. Пропал без вести 1941.

Территория школы № 72 (перезахоронение 22.05.1963). 1 чел.

Дибров Евсей Леонтьевич, ст. сержант. Род. 1902, Краснодарский кр., Ивановский р-н, станица Старо-Нижнестеблиевская. Призван: Ивановский РВК. Диброва Мария Дмитриевна.

Берег Волги, в районе 3-й группы нефтебазы (перезахоронение 17.12.1952). Воины 1047 сп 284 сд. Погибли в период боев 21.09.1942 — 02.02.1943. 118 чел.

Беньяш (в альбоме — **Бельяш Г. В.**, капитан). **Беньяш Георгий Владимирович.** 1919. 1047 сп 284 сд, ст. лейтенант. Погиб 21.10.1942, Сталинград. МК.

Ракитянский В. И., капитан. **Ракитянский Василий Иванович.** 1913. 1047 сп 284 сд, капитан. Погиб 31.01.1943, Сталинград. Награжден: медаль «За боевые заслуги» (06.08.1942); медаль «За отвагу» (25.01.1943).

Перков Я. А., капитан. **Перков Яков Андреевич.** 1901. 1047 сп 284 сд, капитан. Погиб 03.12.1942, Сталинград.

Литвиненко А. С., ст. лейтенант. **Литвиненко Александр Степанович.** 1913. 1047 сп 284 сд, ст. лейтенант. Погиб 18.11.1942, Сталинград.

Сальников К. Ф., ст. лейтенант. **Сальников Константин Федорович.** 1905. 1047 сп 284 сд, ст. лейтенант. Погиб 27.11.1942, Сталинград. Награжден: орден Красной Звезды (04.12.1942). МК.

Калентьев А. Т., снайпер. **Калентьев Александр Тимофеевич.** 1922. 1047 сп 284 сд, кр-ц. Погиб 17.11.1942, Сталинград. Награжден: орден Красной Звезды (28.10.1942). МК.

Свинцова К. Е., санинструктор. **Свинцова Клавдия Ефимовна.** 1923. 1047 сп 284 сд, старшина. Погибла 31.01.1943, Сталинград. Награждена: медаль «За отвагу» (24.11.1942). НА. МК.

Журавлев П. Д., ст. сержант. **Журавлев Павел Дмитриевич.** 1905. 284 сд, ст. сержант. Погиб 03.12.1942, Сталинград. МК.

Лебедев В. В., ст. сержант. **Лебедев Василий Васильевич.** 1912. 1047 сп 284 сд, ст. сержант. Погиб 01.11.1942, Сталинград. МК.

Борисов, ст. лейтенант. **Борисов Андрей Дмитриевич.** 1913. 1047 сп 284 сд, ст. лейтенант. Погиб 31.01.1943, Сталинград. Награжден: орден Красной Звезды (11.01.1943).

У полотно пригородной железной дороги. 1943, метал. памятник:

Будников Василий Михайлович, погиб 04.04.1943 при разминировании. НА. МК.

Ул. Комсомольская, 10 (перезахоронение 28.09.1955). 3 чел.

Литвиненко Иван Федорович, кр-ц. Род. 1910, Харьковская обл., Лозовский р-н, Новониколаевский с/с. Призван: Лозовский РВК. **Литвиненко Иван Федорович.** 1910. 42 гсп 13 гсд, гв. кр-ц. Погиб 17.09.1942, Сталинград.

Ул. 3-я Набережная, 65а (перезахоронение 07.10.1955). 1 чел.

Худойберинов. НА.

Пл. Обороны (ныне пл. Ленина), (перезахоронение 01.08.1957). Найден медальон. 1 чел.

Моляренко Михаил Иванович. Род. 1911, г. Харьков, Холодная Гора, призван: Золочевский РВК. *Маляренко Михаил Иванович. 1911. 42 гсп 13 гсд, гв. кр-ц. Погиб 22.09.1942. Похор. Сталинград.*

В районе школы № 40 (перезахоронение 18.04.1960). Найдены комс. билет и медальон. 6 чел.

Итулевич Лев Константинович, кр-ц. *Погиб в августе 1942.*

Территория автоколонны № 3 (перезахоронение 07.10.1960). Найден медальон. 1 чел.

Черопко Михаил Яковлевич, кр-ц. Род. 1921, Могилевская обл., Осиповичский р-н, д. Замощье. Отец Черопко Яков Григорьевич. НА.

Территория механического института, ул. Советская (перезахоронение 08.05.1961). Найдена красноармейская книжка. 2 чел.

Ярбазаров Назим. Род. 1921, Самаркандская обл. Призван: Пастергамзкий РВК. Отец Расулов Ярбузар. НА.

На углу ул. Кубанской и Ладожской, около школы-интерната № 1 МПС (перезахоронение 27.05.1961). Найдены каска, инд. пакет и 2 кружки. На одной кружке надпись: «Кадочиллов Василий А. В память фронту, от Ани — Васе». 2 чел.

Кадочиллов Василий А. НА.

Ул. Калинина, на берегу р. Царицы (Касимовский овраг) (перезахоронение 21.04.1952). 5 чел.

Здесенко И. А., лейтенант. Похор. 15.09.1942. 93 оздн. *Здесенко Иван Тимофеевич. 13.07.1912. 93 озад, лейтенант. Погиб 16.09.1942, Сталинград, возле Астраханского моста.*

Ольховиков А. ст. лейтенант (в паспорте **Ольховиков Н. З.**). Похор. 15.09.1942. 93 оздн. *Ольховиков Геннадий Александрович. 1918. 93 озад, ст. лейтенант. Погиб 16.09.1942, Сталинград, возле Астраханского моста.*

Геращенко Н. Н., сержант. Похор. 15.09.1942. 93 оздн. *Геращенко Николай Никитович. 1918. 93 озад, сержант. Погиб 16.09.1942, Сталинград, возле Астраханского моста.*

Рубцова Люся, кр-ц. Похор. 15.09.1942. 93 оздн. *Рубцова Людмила Георгиевна. 1922. 93 озад, кр-ц, телефонистка. Погибла 16.09.1942, Сталинград, возле Астраханского моста.*

Копрова Зина, кр-ц. Похор. 15.9.1942. 93 оздн. *Капрова Зинаида Дмитриевна. 1919. 93 озад, кр-ц, телефонистка. Погибла 16.09.1942, Сталинград, возле Астраханского моста.*

Территория школы № 54, пос. Ворошилова (перезахоронение 31.12.1956). Установлен танк, надпись: «Похоронен экипаж танка 26-й гв. тбр, погибший 25.10.1942 (фамилии отсутствуют), 8 чел.». На деревянном обелиске:

Арчаков Дмитрий Петрович. 28.09.1909. 416 иптап, старшина. Погиб 08.09.1942. НА.

В районе Кулыгина моста, на правом берегу р. Царицы, напротив кондитерской фабрики (перезахоронение 02.10.1957). 1 чел.

КОГДА ПРИХОДИШЬ В «ПОИСК», ЖИЗНЬ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ

Курятенко Федор Михайлович. Квитанция: адрес, ст. Данильск, Одесская жд, ул. Шевченко, 9. Призван: 21.10.1940, Железнодорожный РВК г. Львова. Вещи: бинокль, портсигар с турецким табаком, список л/с. Газета «Сталинское знамя» ЮВФ. **Курятенко Федор Михайлович.** 1922. 753 иап 288 иад, звание неизв. Погиб 1942, Сталинград. МК.

Перекресток ул. Интернациональной и Промышленной (перезахоронение 07.08.1958). Медальон. 4 чел.

Потапов Антон Емельянович. 1907, Коми-Пермяцкий АО, д. Линова. Призван: Брянский РВК. НА.

Около кондитерской фабрики (перезахоронение 15.12.1958). 1 чел. Красноармейская книжка.

Орлов Иван Михайлович, кр-ц. Род. Чувашская АССР, Чебоксарский р-н, с. Карачурики. НА.

Братская могила, ул. Радомская (перезахоронение 15.04.1961). 76 чел. Известны:

Горюшин Леонид Николаевич. Погиб 1943. НА.

Выскворцов Илья Захарович. 1901, умер от ран 07.10.1942. Член ВКП(б). НА.

Купоросная балка (перезахоронение 18.04.1961). 5 чел. Медальон.

Рузметов Саиб. Род. 1916, Казахская ССР, Чимкентская обл., Чимкентский р-н, Кзынд-Жерский с/с. Призван: Ленинский РВК г. Ташкент. Семья: г. Ташкент, Ленинский р-н, Рузметова Хачича. НА.

Пос. Верхняя Ельшанка, ул. Тбилисская, 133 (перезахоронение 21.04.1961). 1 чел. Медальон.

Белов Александр Васильевич. 1913. Призван: Калачевский РВК Сталинградской обл. *Зам. политрука.*

Территория сельхозинститута (перезахоронение 03.05.1962). 1 чел. Медальон.

Попков Петр Михайлович. 1904, Калининская обл., Старицкий р-н, Городковский с/с, д. Попово. Призван: Старицкий РВК. МК.

Ул. Вирская, 136 (перезахоронение 24.08.1963). 2 чел. Медальон.

Попов Никита Федорович. 1910, Чувашская АССР. Политрук роты 804 сп 229 сд. **Попов Никита Федорович.** 1910. 804 сп 229 сд, мл. политрук. *Пропал без вести 20.08.1942 (дата неточная).*

Братская могила на территории сквера им. Саши Филиппова, ул. Академическая (перезахоронение 01.12.1964). 252 чел. Имена на памятнике (юж. и вост. стороны обелиска):

Гагалов А. Н.; Глушков Я. П.; Гуворов А. П.; Догба А. Ф.; Ермаков А. Я.; Ибраев И. П.; Криворотьков А.; Макаренко В. А.; Неколсов А. М.; Руденко П. А.; Стрельцов П. А.; Хадосеев М. Н.; Хорношаров К.; Шариков М. И. — все НА.

Филиппов Д. Ф. Филиппов Дмитрий Филиппович. 128 сп 29 сд, лейтенант. Погиб 27.01.1943. Похор. Сталинград, вост. окраина пригорода. МК.

Шатских Я. Ф. Шатских Анна Алексеевна. 128 сп 29 сд, санинструктор. Погибла 27.01.1943. Похор. Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская. МК.

Шарков Я. Ф. Шарков Яков Федорович. 128 сп 29 сд, кр-ц. Погиб 27.01.1943. Похор. Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская. МК.

- Зендель Х. Л. Зендель Хайя Лейбович.** 128 сп 29 сд, мл. лейтенант. Погиб 29.01.1943. Похор. Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская. МК.
- Макаров И. И. Макаров Иван Иванович.** 128 сп 29 сд, старшина. Погиб 28.01.1943. Похор. Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская. МК.
- Волкодаев И. И. Волкодав Иван Федорович.** 128 сп 29 сд, кр-ц. Погиб 27.01.1943. Похор. Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская. МК.
- Курвомдаев Д. П. Курвамбаев Бейжерен.** 128 сп 29 сд, кр-ц. Погиб 28.01.1943. Похор. Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская. МК.
- Бенмелиев А. Бейшелиев Абудрахман.** 128 сп 29 сд, кр-ц. Погиб 28.01.1943. Похор. Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская. МК.
- Попов С. И. Попов Сергей Иванович.** 128 сп 29 сд, сержант. Погиб 28.01.1943. Похор. Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская. МК.
- Лихонек А. А. Лихонек Александр Архипович.** 128 сп 29 сд, ст. лейтенант. Погиб 28.01.1943. Похор. Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская.
- Зашев М. А. Загиев Михаил Афанасьевич.** 29 сд, мл. лейтенант. Погиб 29.01.1943. Похор. Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская. МК.
- Майшаев А. Искалиев Абуталий.** 29 сд, кр-ц. Погиб 28.01.1943. Похор. Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская.
- Ибрагимов Ш. Ибрагимов Шигаф.** 29 сд, кр-ц. Погиб 29.01.1943. Похор. Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская. МК.
- Шамирден Х. Шамирдей Харти.** 29 сд, кр-ц. Погиб 29.01.1943. Похор. Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская.
- Маслин Г. Т. Маслин Григорий Тимофеевич.** 128 сп 29 сд, лейтенант. Погиб 30.01.1943. Похор. Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская. МК.
- Сокруто Г. Ф. Сокрута Кузьма Федорович.** 128 сп 29 сд, ст. сержант. Погиб 30.01.1943. Похор. Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская. МК.
- Егоров Е. М. Егоров Владимир Никифорович.** 128 сп 29 сд, кр-ц. Погиб 31.01.1943. Похор. Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская. МК.
- Курломаев А. Курмакаев Акиет.** 128 сп 29 сд, кр-ц. Погиб 31.01.1943. Похор. Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская. МК.
- Ромаев Г. Г. Рамаев Гаяз Гаспарович.** 128 сп 29 сд, кр-ц. Погиб 26.01.1943. Похор. Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская. МК.
- Косенко В. С. Косенко Василий Степанович.** 128 сп 29 сд, кр-ц. Погиб 26.01.1943. Похор. Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская. МК (2х).
- Никерин И. Н. Никитин Иван Николаевич.** 128 сп 29 сд, кр-ц. Погиб 26.01.1943. Похор. Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская. МК.
- Баев Т. Ф. Баев Тихон Филиппович.** 128 сп 29 сд, кр-ц. Погиб 26.01.1943. Похор. Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская. МК.
- Саполовский Я. И. Саденевский Яков Максимович.** 128 сп 29 сд, кр-ц. Погиб 26.01.1943. Похор. Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская. МК.
- Коробка Я. М. Коробка Яков Моисеевич.** 128 сп 29 сд, кр-ц. Погиб 27.01.1943. Похор. Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская. Награжден: медаль «За боевые заслуги» (29.10.1942). МК.
- Горшко Г. И.** (в альбоме Горшков В. И.). **Горошко Георгий Иович.** 128 сп 29 сд, ст. лейтенант. Погиб 26.01.1943, Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская. МК.
- Долшенко А. Т.** (в альбоме Домиенко А. Т.). **Долженко Александр Тимофеевич.** 12.02.1924. 128 сп 29 сд, ст. лейтенант. Погиб 26.01.1943, Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская. МК.
- Руденко С. М.** (в альбоме Руденко В. М.). **Руденко Сергей Михайлович.** 128 сп 29 сд, кр-ц. Погиб 26.01.1943. Похор. Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская. МК.

КОГДА ПРИХОДИШЬ В «ПОИСК», ЖИЗНЬ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ

Сапроненко Н. А. (в альбоме **Сапроненко И. А.**). **Сапроненко Николай А.** 128 сп 29 сд, кр-ц. Погиб 26.01.1943. Похор. Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская. МК.

Жемчужный Е. В. Жемчужный Евгений Викторович. 1912. 92 сбр, ст. политрук. Погиб 21.09.1942. МК.

Пенько Н. П. (в альбоме **Пенько П. А.**). **Пепко Никита Петрович.** 128 сп 29 сд, кр-ц. Погиб 26.01.1943. Похор. Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская.

Бигун Л. Н. (в альбоме **Бегун А. П.**). **Бигун Леонид Наумович.** 128 сп 29 сд, кр-ц. Погиб 26.01.1943. Похор. Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская. МК.

Щербаченко П. М. Щербаченко Петр Михайлович. 128 сп 29 сд, лейтенант. Погиб 26.01.1943. Похор. Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская. МК.

Медведев А. И. Медведев Алексей Ильич. 128 сп 29 сд, кр-ц. Погиб 26.01.1943. Похор. Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская. МК.

Конков Е. Н. Каинков Евгений Александрович. 128 сп 29 сд, кр-ц. Погиб 26.01.1943. Похор. Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская.

Королев Ф. П. Королев Федор Петрович. 128 сп 29 сд, лейтенант. Погиб 28.01.1943. Похор. Сталинград, ул. Рабоче-Крестьянская. МК.

Кировский р-н. Балка Бирючья (перезахоронение 01.03.1955). 28 чел. На памятнике 23 имени:

Гольштейн, ст. лейтенант. **Гольдштейн Вадим Николаевич** (ошиб. В. М.). 1918. 66 мсбр, ст. инженер-лейтенант. Погиб 04.12.1942, в Бекетовском лесу. МК.

Кучин Н. А. Кучин Николай Александрович. 1923. 66 мсбр, мл. лейтенант. Погиб 28.11.1942, в Бекетовском лесу.

Беспалов Б. С. Беспалов Борис Семенович. 1923. Кр-ц. Погиб 28.11.1942, Сталинград, Бирючья балка.

Железин С. (возм., **Железный Степан Иванович.** 1924. Кр-ц. Погиб 28.11.1942); **Кожен М. А.; Братан М. Д.; Политко М. В.; Мордвинович И. Ф.; Чутуевиц И. П.** (возможно, **Чугуевиц Илларион Петрович.** 1901. Сержант); **Ватров В. И.; Авизов Т.; Бенчуков Р. А.; Галиулин Н. К.; Иманжанов Ш.** (возм., **Иманжинов Шукур.** 1919. Пропал без вести 11.1942); **Голубцов Н. К.; Лясин М. С.; Федоров И. И.; Бандаренко А. Л.; Гусейнов; Тимушкин К. Ф.; Тюкин Д.; Лещенко Л. И.; Кудриков Н.** — все NA.

Ул. Радищева, 5 (перезахоронение 24.06.1958). 1 чел. Надпись на памятнике: **Висков Василий.** NA.

Пос. СталГРЭС (перезахоронение 27.09.1961). 1 чел. Надпись на памятнике:

Букач И. М., ст. бат. комиссар. Погиб 1942. **Букач Иван Михайлович.** 1908. 13 тк, подполковник (ст. бат. комиссар), зам. нач. штаба корпуса. Умер от ран 29.11.1942, ППГ-751, пос. Татьяна. Похор. 01.12.1942, парк у СталГРЭС. Награжден: 2 ордена Красного Знамени (02.12.1942, 02.02.1943), орден Красной Звезды (29.12.1942). МК.

Миронюк И. Т., майор. **Миронюк Иван Терентьевич.** 01.1912. 65 гап 36 гсд, гв. майор. Умер от ран 10.01.1943, выс. 11,6. Похор. Бекетовка, кладбище. Награжден: орден Отечественной войны 1-й ст. (04.01.1943). МК.

Братская могила в сквере у исполкома, ул. Добролюбова (перезахоронение 29.02.1964). 1508 чел. На памятнике были имена:

Забашта, полковник; **Бретшер Л. Г.** (или **Третшер А. Г.**), майор, МК; **Збродько**, майор (в альбоме **Зорочко**), МК; **Коваленко [В. В.]**, капитан, МК; **Доросе-**

ев А. М., капитан, МК; Шуян, лейтенант; Крылов А. С., лейтенант, МК; Маке-ев А. К., лейтенант, МК; Яковлев И. Н., лейтенант, МК (возможно, Яковлев Иван Иванович. 1918. 97 сбр, мл. лейтенант. Погиб 26.11.1942); Супличенко, мл. лейтенант, МК (возможно, Супличенко Иван Алексеевич. [9 бао], мл. сержант. Погиб 03.01.1943); Белый И. И., мл. лейтенант, МК; Большев И. М., кр-ц, МК; Старыхин, кр-ц, МК; Поломский (в паспорте — Полотский), кр-ц, МК; Шлягин А. Я., кр-ц, МК; Фисенко Петр Иванович, кр-ц, МК; Фурсов П. И. (в паспорте Фурсов И. П.), кр-ц, МК; Шампут Н. И. (в паспорте — Шампур Н. М.), мл. лейтенант, МК; Пономарев В. В., мл. лейтенант; Бакаев М. И., мл. лейтенант; Баранов Алексей, лейтенант; Захаров Владимир, санинструктор, МК; Чуканов Н. Н. Род. 1919, погиб 09.01.1943, МК; Борзов, лейтенант (возможно, Борцов Андрей Иванович. 1908. 1334 сп 422 сд, сержант. Погиб 08.12.1942, Бекетовка, сев. 5 км) — все НА.

Ларин И. Н., подполковник. Ларин Иван Николаевич. 157 сд, подполковник. Погиб 29.09.1942.

Стрелец Николай Григорьевич, капитан. Погиб 31.01.1943. Герой Советского Союза. Стрелец Николай Григорьевич. 1919. 47 опулбат 36 гсд, гв. капитан. Погиб 31.01.1943, Сталинград, пл. Павших Борцов. МК.

Васкевич У. А., майор (в альбоме Васкевич И. А.). Васькевич Ульян Антонович. 1895. 38 мсбр, майор. Погиб 11.12.1942, Старая Отрада. Похор. у церкви, фасадная сторона. Награжден: орден Красной Звезды (19.09.1942). МК.

Галыга Ю. Е., капитан. Галыга Юрий Евсеевич. 1906. 680 сп 169 сд, капитан. Пропал без вести 02.1943. МК.

Мусорин М. А., капитан. Мусорин Михаил Андреевич. 25.10.1922. 214 ап 38 сд, капитан. Погиб 10.01.1943, юго-вост. Варваровка. Похор. Старая Отрада, в районе церкви. Награжден: орден Александра Невского (14.11.1942), медаль «За оборону Сталинграда».

Камбулов, ст. лейтенант. Камбулов Георгий Андреевич. 1909. 157 сд, ст. лейтенант. Погиб 05.09.1942, Бекетовка, в районе церкви.

Пчельников, лейтенант. Пчельников Дмитрий Иванович/Ильич. 1906. 118 УР, лейтенант. Погиб 17.01.1943, Старая Отрада.

Чванин, лейтенант. Чванин Петр Николаевич (ошиб. Т. Н.). 1902. 1326 сп 422 сд, лейтенант. Погиб 25.10.1942. Похор. пос. Купоросный, юж. сторона. Награжден: орден Красного Знамени (11.11.1942). МК.

Баландин И. Н., мл. лейтенант. Баландин Иван Иванович. 1905. 1326 сп 422 сд, мл. лейтенант. Погиб 21.09.1942. Похор. БМ балка Купоросная.

Мустафин И. Н., мл. лейтенант. Мустафин Фарс Шамильевич. 1920. 1392 сп 422 сд, мл. лейтенант. Погиб 24.09.1942. Похор. БМ балка Купоросная. МК.

Ермолин, кр-ц. Ермолин Федор Васильевич. 1912. 92 сбр, кр-ц. Погиб 09.10.1942, Сталинград. МК.

Мусин, кр-ц. Мусин Сергей Дмитриевич. 1918. 65 ошр 64А, кр-ц. Погиб 12.12.1942, Отрада. МК.

Колесников, кр-ц. Колесников Василий Иванович. 1911. 633 сп 157 сд, мл. лейтенант. Погиб 29.09.1942, Бекетовка. МК.

Алешин, кр-ц. Алешин Михаил Андреевич. 1920. 96 сбр, кр-ц. Погиб 16.11.1942, балка Купоросная, БМ. МК.

Беликов Иван, мл. лейтенант. Беликов Иван Семенович. 1907. 422 сд, кр-ц. Погиб 27.10.1942, балка Купоросная. МК.

Гуков Василий, старшина. Гуков Василий Александрович. 1916. 36 гсд, гв. сержант. Погиб 06.10.1942. МК.

Рогозин Владимир Анатольевич, лейтенант. Рогозин Владимир Анатольевич. 1923. 4 гмп, гв. лейтенант. Погиб 25.11.1942, Бекетовка. МК.

КОГДА ПРИХОДИШЬ В «ПОИСК», ЖИЗНЬ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ

Красюков Александр Иванович, сержант. Погиб 08.12.1942. **Красюков Александр Иванович**. 1914. Сержант. Погиб 08.12.1942.

Лопаткина Мария Александровна, санинструктор. 1923. МК. **Лопаткина Мария Александровна**. 1926. 64А, кр-ц, санинструктор. Умерла от ран 10.12.1942, пос. Красноармейск. Похор. Кировский р-н, ул. Добролюбова, братская могила.

Красноармейский р-н. Набережная Волги (перезахоронение 06.09.1962). 1 чел.

Шамшуrow Дмитрий Афанасьевич. Погиб 1943. **Шамшурин Дмитрий Афанасьевич** (ошиб. Шамшуrow). 1888. 204 сд, подполковник, зам. начальника по полит. части санотдела 64А. Умер 08.03.1943, пос. Красноармейск. МК.

Обратившись к другим источникам, я нашел новые имена. Они были на старом обелиске у стены шпалопропиточного завода (перезахоронение 1964). На братской могиле стоял памятник высотой пять метров. На нем была табличка: «Здесь похоронены бойцы и командиры Советской Армии, павшие в боях за оборону Сталинграда в 1941—1943 гг. Лейтенант Копакин П., сержанты Андреев М., Попов И., рядов. Мельничук и неизвестные». Информации о них также не было на сайте «Память народа», и они не увековечены в паспорте захоронения Мамаева кургана.

Изучая эти списки, задаешься вопросом: что первичнее — имена на обелисках или имена в актах похоронного бюро? С одной стороны, кажется, что на памятниках, поставленных вскоре после захоронений, имена должны быть точными. С другой стороны, эти фамилии должны были наносить, сверяя их с актами захоронений. В итоге их важно согласовать с донесениями о потерях полков и дивизий, сражавшихся в Сталинграде, отдавая этим документам приоритет.

Известно много фактов, когда в Сталинград, позднее в Волгоград, приезжали люди со всех концов Советского Союза, ходили по городу, искали имена своих родных, погибших в Сталинградской битве и похороненных в братских могилах, потом на Мамаевом кургане. Имена со старых обелисков исчезли не по злой воле. Может, кто-то и смог тогда найти своих родных. А те, кого мы нашли сейчас, будут в скором времени увековечены на Мамаевом кургане.

Ничего больнее нет, когда память о человеке уходит, а мы могли это исправить, но ничего не сделали.

А мой поиск продолжается...

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):



УЧРЕДИТЕЛЬ:
Государственное бюджетное учреждение культуры
«Волгоградская областная универсальная
научная библиотека им. М. Горького»

ИЗДАТЕЛЬ: ГБУК ВОУНБ им. М. Горького
400066, Волгоград, ул. Мира, 15

Формат 70х108/16. Усл. печ. л. 22,4

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
400066, Волгоград, ул. Мира, 15
ТЕЛЕФОН: 33-20-19

Электронная почта: otchiykray@mail.ru
Редакционный сайт: <https://otchiykray.ru/>
ВКонтакте: https://vk.com/otchiykray_vlg

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Отчий край» обязательна.

Рукописи принимаются по электронной почте.
Редакция знакомится с текстами авторов, не вступая в переписку.
Рукописи не рецензируются.
За достоверность фактов несут ответственность авторы статей.
Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.